

IX
1997

П. И. ЛЯЩЕНКО

381
ПРОВЕРЕНО
2000 г.

ОЧЕРКИ
АГРАРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ
РОССИИ

Том I

29827. Раб. агр. права.
6453
РАЗЛОЖЕНИЕ НАТУРАЛЬНОГО
СТРОЯ И УСЛОВИЯ ОБРАЗОВА-
НИЯ СЕЛЬСКО - ХОЗЯЙСТВЕН-
НОГО РЫНКА

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ



РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“

ЛЕНИНГРАД :: 1925



ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие к III изданию.	Стр. 5
ВВЕДЕНИЕ. I. Задачи исторического и систематического изучения экономики сельского хозяйства (7).—II. Торговый капитал, как предшественник капитала производственного и характер процесса первоначального накопления (12).—III. Разрушение натурального земледельческого хозяйства и образование сельскохозяйственного рынка (23).—IV. Развитие капиталистических отношений в частном владельческом хозяйстве (31).—V. Влияние развития капиталистических отношений на крестьянское земледельческое хозяйство. Системы сельскохозяйственных организаций (45).—VI. Эволюция капиталистических и некапиталистических хозяйств под влиянием конкуренции на рынке (61).	7
ГЛАВА I. Первоначальная дифференциация земледельческого населения в древней Руси. Характер древнего крестьянства.—Обезземеление земледельческого населения.—Древний крестьянин, как докапиталистический фермер.—Развитие барщины, как формы помещичьего предпринимательства.—«Первоначальное накопление» рент.	72
ГЛАВА II. Торговый капитал и земледельческое хозяйство в древней Руси. Превращение накопленного рента в торговый капитал.—Организация и значение торгового класса.—Возникновение сельскохозяйственного рынка и торговли сельскохозяйственными продуктами.—Государство, как представитель землевладельческих и торговых интересов	82
ГЛАВА III. Возникновение производственного капитала и торгово-промышленная политика XVIII века. Развитие городской жизни в Петровскую эпоху и влияние ее на сельское хозяйство.—Возвышение хлебных цен.—Борьба землевладельческих и торговых интересов.—Правительственная торгово-промышленная политика и регулирование внешней и внутренней торговли	96
ГЛАВА IV. Начало предпринимательства в сельском хозяйстве в XIX веке. Опыты интенсификации культуры и вложения капитала в земледельческое производство.—Победа экстенсивных зерновых систем.—Попытки новой организации хозяйства.—Подражание западно-европейским образцам (фермерство индустриализация) и выработка самостоятельных форм (оброк, барщина и соединенные их формы).—Крушение земледельческого предпринимательства и его причины	109
ГЛАВА V. Итоги крепостного земледельческого хозяйства. Размеры помещичьего производства накануне освобождения крестьян.—Недостаточность рынка и помещичье перепроизводство.—Падение и неустойчивость цен.—Условия преобладания на рынке помещичьего производства.—Крепостной труд, как орудие сношений с рынком.	119
ГЛАВА VI. Условия и последствия ликвидации крепостного права Условия освобождения крестьян.—Уменьшение наделов.—Увеличение денежных повинностей и развитие денежного хозяйства.—Расширение крестьянских запасов.—Увеличение сбыта крестьянского хлеба на рынке и его условия.—Переустройства в экономической географии	131
ГЛАВА VII. Сельско-хозяйственный рынок и железные дороги. План и цели первоначального железнодорожного строительства.—Земледельческий характер железнодорожного движения.—Значение железных дорог для развития сельскохозяйственного рынка.—Новые перемещения в экономической географии.—Демократизация и децентрализация рынка	145

ГЛАВА VIII. Тарифная политика и сельскохозяйственная конкуренция окраин с центром. Расширение железнодорожной сети на восток и интенсификация ее.—Дифференциальные тарифы.—Конкуренция на внутреннем рынке центра и востока.—Развитие товарно-торгового земледелия.—Значение сельскохозяйственного рынка для народного хозяйства.	158
ГЛАВА IX. Опыт статистического изучения сельскохозяйственного рынка.	
I. Материалы торговой статистики.—Статика и динамика рынка.	170
II. Урожай и запасы.—Зависимость запасов от размеров урожая.—Истощение запасов в стране.—Цикл ежегодных колебаний запасов.—Характер колебания запасов для различных хлебов.	183
III. Поступление хлебов на рынок.—Абсолютный рост поступлений в зависимости от железных дорог.—Относительный, в сравнении с урожаем, рост поступлений.—Ускорение и перераспределение поступлений.—Развитие целей торгового сбыта в разных районах.—Значение скорости реализации урожая.	191
IV. Географическое распределение движения хлебных грузов.—Характер внутреннего и вывозного сообщения.—Рост внутреннего рынка и конкуренция на нем отдельных районов.—Окраины и центр на внутреннем рынке.	200
V. Хлебные цены.—Значение близости внутреннего и внешнего рынка.—Соотношение местных и рыночных цен.—Изменения цен в зависимости от урожаев.—Избыточное предложение и понижающее значение его.—Соотношение весенних и осенних цен; портовых и внутренних.—Размеры портового остатка.—Общие выводы относительно положения сельскохозяйственного рынка.	215
ГЛАВА X. Крестьянское хозяйство и хлебный рынок. Земские данные о соотношении крестьянского производства и потребления.—Покупки и продажи хлеба в крестьянских хозяйствах.—Размеры внутреннего рынка и его элементы.—Характер изменений в народном потреблении.—Увеличение вывозного потребления.—Отсутствие увеличения местного потребления.	237
Приложения. Таблица I. Годовой ход запасов хлебов на главных рынках за 1900—1906 гг.	
Таблица II. Перевозки хлебных грузов по железным дорогам за 1890—1904 гг.	
Таблица III. Перевозки хлебных грузов по водным путям за 1890—1904 гг.	
Таблица IV. Соотношение урожаев хлебов, железнодорожных и водных перевозок в 63 губерниях за 1890—1904 гг.	
Таблица V. Годовой ход поступлений хлебов к 24 главным рынкам Европейской России за 1897—1904 гг.	
Таблица VI. Отправления и прибытия хлебных грузов по губерниям, в среднем, за 1898—1902 гг.	
Таблица VII. Вывоз хлебов по европейской границе и в торговле с Финляндией за 1901—1905 гг.	
Таблица VIII. Чистый сбор хлебов на частновладельческих и крестьянских землях за 1901—1905 гг.	
Диаграмма I. Годовой ход запасов хлебов на главных рынках.	
Диаграмма II. Годовой ход подвозов хлебов к 24 главным рынкам.	
Указатель литературы по экономической истории русского сельского хозяйства в крепостной период.	

ПРЕДИСЛОВИЕ К 3-му ИЗДАНИЮ.

Первое издание «Очерков аграрной эволюции России», вышедшее в 1908 году, давно разошлось и стало редкостью на книжном рынке. Между тем, в связи с продолжающимся интересом к историческим судьбам развития нашего народного хозяйства, а также в связи с бедностью нашей историко-экономической литературы, на эту книгу существовал значительный спрос, в особенности за последние годы, когда она приобрела значение учебного руководства по экономической истории России во многих высших школах. Благодаря этому, издательство «Прибой» в 1923 г. выпустило «Очерки» вторым изданием, к сожалению, по техническим условиям, без ведома автора и без возможности просмотра и исправления им этого издания. В настоящем 3-м издании, просмотренном автором, произведены некоторые исправления и небольшие добавления. Менять общий ход изложения и основные выводы автор не считал возможным, так как, несмотря на возражения некоторой части критиков, он остался убежденным в правильности своих основных воззрений на ход аграрной эволюции России. Пополнение фактическим и статистическим материалом, относящимся к новейшему времени, было бы, конечно, очень желательно, но это повело бы к полной переработке некоторых частей, что не входило в планы автора, так как это он предполагает сделать в подготовляющейся к печати общей истории народного хозяйства России.

Проф. П. И. Лященко.

СП6Гу

ВВЕДЕНИЕ.

- I. Задачи исторического и систематического изучения экономики сельского хозяйства. —
- II. Торговый капитал, как предшественник капитала производительного, и характер процесса первоначального накопления. —
- III. Разрушение натурального земледельческого хозяйства и образование сельско-хозяйственного рынка. —
- IV. Развитие капиталистических отношений в частновладельческом хозяйстве. —
- V. Влияние развития капиталистических отношений на крестьянское земледельческое хозяйство. Системы сельско-хозяйственных организаций. —
- VI. Эволюция капиталистических и некапиталистических стран под влиянием конкуренции на рынке.

I.

Задачи исторического и систематического изучения экономики сельского хозяйства.

При изучении сельского хозяйства, как отрасли хозяйственной деятельности, приходится встречаться с полной почти необоснованностью и неразработанностью теории его экономики. Нельзя сказать, чтобы экономические явления сельского хозяйства не привлекали внимания исследователей. Наоборот, в последнее время в особенности, не только у нас в России, но и в Зап. Европе, интерес и внимание экономической литературы к вопросам экономики сельского хозяйства нисколько не меньший, чем к вопросам экономики обрабатывающей промышленности. И между тем в разработку экономической теории сельского хозяйства внесено все же очень мало нового, если не считать старых и, хотя в сущности недоказанных, но встречающихся во всех учебниках трюизмов, что в сельском хозяйстве из «факторов производства» — природа имеет гораздо большее значение, чем в промышленности, так как земледельческий производитель больше от нее зависит; что сельское хозяйство применяет гораздо больше живого труда, чем промышленность; что в сельском хозяйстве преобладает оборотный капитал, а не постоянный, как в промышленности; что в сельском хозяйстве мелкое производство отличается по некоторым специфическим особенностям этой отрасли хозяйственной деятельности гораздо большей устойчивостью перед крупным, сравнительно с промышленностью и т. п.

Но, какие отсюда следуют выводы для самой теории экономики сельского хозяйства и теории его эволюции, в отличие от общей экономической теории, большею частью не указывается.

Теории эволюции сельского хозяйства до сих пор не создано или имеющиеся попытки в этом направлении мало обоснованы. Еще менее разработан вопрос о формах сельско-хозяйственного производства и их систематизации. Эта глава теоретической экономики, столь блестяще разработанная в применении к промышленности в новейших трудах Шмоллера, Бюхера, Зомбарта и др., совершенно отсутствует в экономической теории сельского хозяйства. Систематизация форм сельско-хозяйственного производства не идет далее деления его на крупное, помещичье и мелкое, крестьянское. Таким образом, необходимо признать, что или в основу систематизации экономических явлений кладется посторонний и преходящий сословный при-

знак, или что понятию «крестьянского» и «не-крестьянского» хозяйства придается какой-то чуждый им и не вполне определенный экономический смысл.

Между тем ясно, что в изучении какой бы то ни было категории явлений их систематика должна предшествовать и теоретическому и историческому изучению; иначе и тому и другому придется оперировать над объектом с несколькими неопределенными, преходящими и расплывчатыми границами. Только систематизация может внести определенное и основывающееся на экономических признаках разграничение подлежащих изучению явлений; при правильно проведенной систематизации станет невозможным введение каких-либо посторонних, не-экономических, напр. сословных, признаков для определения экономических понятий.

Причиной такой неразработанности экономической теории, экономической истории, наконец экономической систематики форм сельско-хозяйственного производства, по совершенно верному замечанию Зомбарта, является то обстоятельство, что весь вопрос о сельско-хозяйственном производстве, весь так называемый «аграрный вопрос или совершенно включается в общее течение хозяйственного процесса, или трактуется в качестве вполне самостоятельного явления». Поэтому и получается или «мертвящая всеобщность» живых и носящих свои особенности явлений, или они выделяются, как единичные, лишая теорию ее типичности. Между тем, в области сельско-хозяйственного производства есть, без сомнения, и феномены, представляющиеся особыми его образованиями, и явления, не отличающиеся от типических форм хозяйственного процесса в целом.

Известно, что в общей теории экономического развития крупнейшего теоретика новейшей политической экономии сельское хозяйство именно целиком включалось в общий процесс хозяйственного развития, и его теорию в этом отношении задела именно «мертвящая всеобщность». Как известно, основной идеей доктрины Маркса о теории развития современного капиталистического строя является учение о концентрации средств производства посредством вытеснения мелкой промышленности крупной, посредством экспроприации мелких производителей крупным капиталом. В то время, как на верхах современного капиталистического общества происходит накопление (accumulation) и концентрация (concentration) капиталов¹, в то время, как здесь средства производства обобществляются все более в крупные производственные единицы, — на низах капиталистического общества происходит экспроприация мелких производителей, обращение их в бесправных и бесхозяйственных слуг капитала — пролетариев², пока такая концентрация средств производства не приведет современный буржуазный строй силою логической необходимости дальнейшего обобществления к новому социальному порядку и пока «экспроприрующие не будут экспропрированы»³.

Хотя, давая свою схему исторического хода развития современного капиталистического общества, Маркс говорит большею частью об обрабаты-

¹ «Капитал» I, 548.

² «Накопление богатства на одном полюсе производит в то же время на другом — т.-е. на стороне класса, производящего свой собственный продукт в виде капитала — накопление нищеты, тягостей труда, рабства, невежества, огрубения и нравственного унижения». I, 565.

³ «Вместе с постепенно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые похищают и монополизируют все выгоды процесса превращения, возрастает бедность, гнет, порабощение, унижение, эксплуатация; но увеличивается также и сопротивление рабочего класса, который постоянно возрастает... и объединяется механизмом капиталистического способа производства. Монополия капитала становится помехой для того способа производства, который развился вместе с нею и под ее влиянием. Сосредоточение средств производства и обобществление труда достигают такой степени, что они не могут далее выносить свою капиталистическую оболочку. Она разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприирующих экспроприируют». Капитал, I, 667.

вающей промышленности, но и тенденция развития современного сельского хозяйства представляется ему вполне соответствующей этой схеме: вытеснение мелкого самостоятельного производителя крупным, экспроприация мелкого крестьянства и обращение его в «свободного» пролетария, разорение мелкого хозяйства крупным капиталистическим. Нужно даже заметить, что это положение о тождестве исторической тенденции развития сельскохозяйственной промышленности с обрабатывающей нигде специально не развивается, как не требующее доказательства. Если ярким доказательствам подчинения мелкой промышленности капиталу отводятся сотни страниц, то вопрос о тенденции развития сельского хозяйства почти обходится, считаясь решенным в общей теории развития капиталистического общества. Действительно, приводимые в наиболее важном для этого вопроса отделе «о накоплении» факты земледельческого быта того времени—«очистка» имений, экспроприация сельского населения, разрушение общинного землевладения—служат скорее лишь иллюстрацией «идиллических способов первоначального накопления», являющихся необходимым материалом для развития промышленного капитализма и создающих «необходимый прилив свободных пролетариев к промышленности». Если даже экспроприацией сельского населения действительно «было завоевано поле для капиталистического земледелия»¹, то насколько успешно и в каких именно формах на этом поле стала развиваться капиталистическая земледельческая промышленность—представляется невыясненным. По крайней мере ответ на поставленный самим же автором вопрос: «откуда же взялись капиталисты, так как экспроприация крестьян создает непосредственно только крупных землевладельцев»—лишь в общих чертах намечает тип первого капиталиста в земледелии, «капиталистического фермера», совершенно не затрагивая вопроса о конкретных формах разрушения докапиталистического сельского хозяйства, о процессе и причинах, о формах и последствиях замены его капиталистическим сельским хозяйством.

Как по самой постановке проблемы у Маркса, так и по характеру того фактического материала, которым он пользовался, и невозможно было представить такую же яркую картину развития земледельческого капитализма, как для промышленного; зато тем более легко было нарисовать его по аналогии с промышленным капитализмом. В его время промышленный капитализм развился уже достаточно сильно, язывы, причиняемые им современному обществу, были настолько обнажены, сопротивление угнетенных против угнетателей было уже настолько подготовлено, что выяснить сущность и тенденцию капиталистической промышленности представлялось менее трудным. В земледелии же для капитала было только «расчищено поле», но и в этом отношении экспроприация земледельческого населения была более характерна, как фактор капиталистического развития промышленности, как первоисточник и способ создания рабочих масс, чем для самого земледелия. Сама по себе она не решала главного вопроса ни о большей успешности приложения крупного капитала в земледелии пред мелким, ни о силе сопротивляемости мелкого земледельческого производства крупному, ни о каких-либо особенностях земледельческого производства.

Позднейшие статистические сельскохозяйственные обследования и в особенности данные хозяйственных повторных переписей, в конце прошлого столетия произведенных в Германии и других странах, выдвинули в теории экономического развития сельского хозяйства ряд новых вопросов и фактов, несколько противоречащих, на первый взгляд, той полной общности процесса развития сельского хозяйства, как предполагал Маркс. И, как реакция, в той же самой школе среди его учеников и последователей начинается движение в сторону полного обособления явлений сельскохозяйственного

¹ L. c. I, 641.

экономического развития от общего процесса развития. Данные современного сельского хозяйства,—говорит Бернштейн,—«противоречат всему, что до сих пор принимала социалистическая теория; концентрация сельскохозяйственной промышленности идет совсем не в том смысле, как полагал Маркс»¹. Теоретик «пересмотра» Э. Давид признает, что лишь авторитет Маркса и произведенного им анализа производства мешал до сих пор искать причины неправильности прогноза Маркса относительно сельского хозяйства «в специфических особенностях самого сельскохозяйственного производства»². Даже Каутский, хотя и с оговорками, но все же весьма определенно приходит к заключению, что «сельское хозяйство развивается не по тому шаблону, как индустрия; оно следует своим собственным законам»³. Итак, на протяжении всего лишь трех десятилетий в одной и той же экономической школе теория единства экономической эволюции сельского хозяйства и промышленности сменилась теорией о более или менее полной особенности законов эволюции сельского хозяйства.

Впрочем, нужно сказать, что Каутский, остающийся верным прежней догме, несмотря на приведенное мнение, ставит вопрос на иную—и совершенно верную—почву: в выяснении эволюции сельского хозяйства,—говорит он,—важнейшим вопросом является не то, имеет ли в нем преимущество крупное или мелкое хозяйство, происходит ли концентрация производства, а то, «овладевает ли капитал сельским хозяйством и каким образом ему это удастся, совершает ли он в нем переворот, приводит ли к тому, что прежние формы производства и собственности оказываются отжившими, и вызывает ли он необходимость новых». Другими словами—из чистой теории, из догмы вопрос переносится на историческую почву, и хотя обсуждению старого вопроса о преимуществах мелкого или крупного сельского хозяйства, о концентрации производства уделяется все еще значительное место, однако, в общем «аграрный вопрос» все же трактуется уже как исторический вопрос о разрушении докапиталистического натурального строя, о развитии капиталистических отношений в сельском хозяйстве, о капитализации сельскохозяйственного производства, т.-е. именно так, как он должен быть поставлен, исходя из общей концепции Маркса, не исключаяющей в таком случае и вопроса об «исторических особенностях» в развитии сельского хозяйства.

Но для ясности изучения современных форм сельскохозяйственного производства нельзя ограничиться одним лишь историческим изучением происхождения современных форм сельскохозяйственного производства из разрушения предшествовавших им форм докапиталистического производства и натурального хозяйства. Параллельно с этим должна быть построена, как сказано, и систематика современных форм организации сельскохозяйственного производства. Для правильности построения этой системы необходимо, чтобы в основу ее был положен известный принцип исторического развития. Для современного хозяйственного капиталистического строя этим принципом является степень развития капиталистических отношений, степень капитализации сельского хозяйства.

Этот принцип, т.-е. развитие капитализма в сельском хозяйстве, в новейшей экономической литературе действительно и кладется в основу изучения сущности современного сельскохозяйственного развития. Однако, при анализе с помощью этого принципа современных сельскохозяйственных форм, ему придается большею частью слишком абсолютное значение. Предполагается, что лишь те хозяйственные и, в частности, сельскохозяйственные организации могут быть приобщены к капиталистическим, в которых производство организовано капиталистически. Вместе с тем и система-

¹ E. Bernstein. Die Voraussetzungen d. Socialismus, Stut. 1899, 61—65.

² E. David. Socialismus und Landwirtschaft, Berl. 1903.

³ Kautsky. Die Agrarfrage. Stut. 1899, 5.

тика современных форм сельско-хозяйственных организаций исчерпывается делением их на капиталистические и некапиталистические производства, при чем среди последних главное место занимает «крестьянское» производство.

Между тем, для характеристики положения какой-либо хозяйственной организации в общей системе важна не только степень капитализации производства, а еще более—степень развития капиталистических отношений во всем хозяйственном строе во всей его совокупности, т.-е. не только в производстве, но и, напр., в обмене. Для сельского хозяйства это представляется тем более важным, что процесс капитализации производства идет вообще очень медленно, гораздо медленнее, чем в промышленности, и пережитки старых, некапиталистических форм в сельско-хозяйственном строе гораздо более устойчивы и гораздо более распространены. Тогда как, наоборот, процесс втягивания сельского хозяйства в сферу капиталистических отношений вообще и подчинения им начинает происходить много ранее капитализации сельско-хозяйственного производства. Поэтому и систематика современных форм организации сельско-хозяйственного производства должна быть гораздо более сложной, чем простое и единственно употребляющееся до сих пор деление их на капиталистические и некапиталистические, «крестьянские». Если даже и употреблять этот последний термин в обозначение известной, весьма многочисленной и действительно в некоторых случаях довольно однородной группы сельско-хозяйственных организаций, то, во всяком случае, при этом невозможно ограничиться только таким сословным признаком, а необходимо должна быть указана и степень затронутости этой хозяйственной формы капиталистическими отношениями или, наоборот, свободы от них; должно быть, по крайней мере, указано, в каком именно смысле это крестьянское хозяйство может квалифицироваться как некапиталистическое и к каким именно некапиталистическим организациям в общей системе хозяйственных форм оно может быть приравнено.

Но не только для систематического, но и для исторического изучения, медленность развития капиталистических отношений, постепенность развития капиталистических принципов в сельском хозяйстве имеет важное значение. Развитие капиталистических отношений, господство капитала и капиталистических принципов вообще никогда не начинается с подчинения им непосредственно и сразу сферы производства: производительному капиталу в общей экономической эволюции всегда предшествует торговый капитал, капиталистическому производству—капиталистически организованный обмен. Поэтому, чтобы проследить образование современных форм сельского хозяйства, недостаточно взять в рассмотрение только процесс развития капиталистического производства—это будет уже завершением развития капитализма—но необходимо рассмотреть зарождение в сельском хозяйстве более ранних феноменов капитализма. Ими будут прежде всего: экспроприация сельского населения, разрушение натурального сельско-хозяйственного строя, возникновение сельско-хозяйственного рынка и образование на развалинах натурального сельско-хозяйственного строя системы торгового капитала. Только после расцвета капиталистических отношений в области сельско-хозяйственного обмена начинается и капитализация сельско-хозяйственного производства. На известной стадии развития чисто капиталистические отношения и явления в сфере сельско-хозяйственного обмена могут уживаться с некапиталистическим производством. А это, конечно, придает гораздо большую сложность системе современных форм организации сельско-хозяйственного производства, чем простое обычное деление их на капиталистические и некапиталистические, частновладельческо-предпринимательские и крестьянские.

Рассмотрению всех этих вопросов и посвящены нижеследующие главы. Необходимость выделить и более значительно подчеркнуть некоторые явления и стороны сельско-хозяйственного развития заставляет предпослать небольшое общего характера, введение. Делая попытку систематизации современных форм

организации сельско-хозяйственного производства, автор не задавался целью вводить в нее какие-либо новые термины, считая вполне возможным воспользоваться терминологией систем обрабатывающей промышленности, хотя бы некоторые из этих терминов в применении к сельскому хозяйству и могли звучать несколько, на первый раз, странно.

Главная же часть книги посвящена рассмотрению всех намеченных вопросов в применении к России и к ее сельско-хозяйственному развитию. Как на развалинах русского натурального земледельческого хозяйства возникла и проходила для земледельческого хозяйства «эпоха раннего капитализма»? Как произошло в недрах натурального строя самое зарождение капитала, капиталистических принципов, инстинктов накопления? Какими путями и способами эти принципы и инстинкты проникли и разрушили старый хозяйственный уклад и строй? Насколько, наконец, новые принципы развились, утвердились и какое влияние, в конце концов, они оказали на общее сельско-хозяйственное развитие?

На все эти вопросы наша экономическая и, в частности, сельско-хозяйственная история, несмотря на свою неразработанность, дает все же некоторые характерные ответы, и, может быть, будет не лишне посмотреть на эти первые шаги капиталистических отношений в сельском хозяйстве, которыми всегда бывают разрушение натурального сельско-хозяйственного строя и возникновение капиталистического сельско-хозяйственного рынка.

II.

Торговый капитал, как предшественник капитала производительного, и характер процесса первоначального накопления.

По одному из новейших определений, капитализмом называется такое хозяйство, при котором специфической формой его является капиталистическое предприятие, т.-е. «такая форма хозяйства, цель которой состоит в том, чтобы, при помощи известной суммы договорных условий относительно оплачиваемых деньгами действий и ответных действий, реализовать вещественное имущество, т.-е. воспроизводить его собственнику с приростом. Имущество, которое используется таким образом, называется капиталом»¹.

Таким образом, по этому определению главным признаком капиталистической формы хозяйства является известная цель капиталистического предпринимателя, которая выражается в том, что он стремится не просто к получению тех или иных конкретных материальных благ, а к отвлеченной цели—получению прибыли, в чем бы она ни заключалась. Хотя этот признак—производство в целях получения прибыли—свойственен не только капиталистическому хозяйству (рабовладельческое хозяйство древности, современных колоний), но капиталистическое хозяйство представляется наиболее совершенным и законченным типом хозяйства для получения прибыли. Этим признаком, с другой стороны, капиталистическое хозяйство отличается от целого ряда других хозяйственных форм, целью производства которых является не получение прибыли, а удовлетворение собственных потребностей. «Эти два принципа разделяют, в сущности, два мира, и, смотря по тому, который из них господствует над производством, это различие целей производства имеет решающее значение для всего строя хозяйственной жизни»².

Понятно, что лишь в смысле схемы в теории можно говорить о строгом разграничении этих целей и этих форм хозяйства, так как в истори-

¹ Зомбарт. Современный капитализм, кн. II, отд. I, 206.

Ibid., стр. 65.

ческом развитии народного хозяйства они не только могут неоднократно сменять друг друга, но и существуют часто совместно, частью сливаясь, частью видоизменяясь под взаимным влиянием. Если и можно сказать, что на первобытных ступенях развития хозяйственного быта преобладает производство для удовлетворения собственных потребностей, в более же развитых—принцип получения прибыли, то, с другой стороны, и в древнем хозяйстве встречаются такие организации, в которых в самом широком смысле господствовал принцип обогащения и получения прибыли, и в более развитых формах хозяйства могут встречаться (в особенности в некоторых отраслях, каким именно и представляется сельское хозяйство) предприятия, основанные в целях удовлетворения потребностей. Да, наконец, и самая совершенная и развитая форма—социалистическое хозяйство—по этой классификации относится к категории хозяйственных организаций, основанных на удовлетворении собственных потребностей.

Таким образом, в ряду форм хозяйственных организаций, основанных в целях получения прибыли, капиталистическая форма хозяйства является лишь одной из исторических стадий, правда, наиболее полно развившей и наиболее последовательно проводящей господствующий принцип добывания прибыли. Обладая этой целью, отвлеченною и безграничною, капиталистическое предприятие может развивать непомерную энергию для достижения ее, захватывая самые разнообразные отрасли и виды народного труда—будут ли то собственно производительные предприятия, т.-е. основанные для производства вещественных благ, будут ли это предприятия для предложения услуг, для доставления кредита, для транспорта и т. п. Но, как бы ни были разнообразны и разнородны эти формы и проявления капиталистического предприятия, одна, общая им всем, цель—получение прибыли—достигается одними и теми же способами и средствами. Эти средства заключаются в том, чтобы суммой свободных договорных соглашений, относительно оцениваемых на деньги действий и ответных действий на них, поставить технического работника, исполнителя известных действий и услуг, в известные отношения к той материальной силе, которая движет капиталистическим предприятием, к капиталу, в конкретной и реальной форме представляемому в виде собственника этого капитала, в виде главы капиталистического предприятия. Каковы бы ни были разновидности и функции такого капиталистического предприятия, его внешняя форма, его оболочка всегда и везде представляется теоретически одинаковою, покоясь на известных, фиксированных для данной исторической стадии хозяйственного строя принципах и отношениях материальных производительных сил, т.-е. на отношениях труда и капитала в конкретной форме их носителей—наемного капиталистического работника и капиталистического предпринимателя. Это, достигающее полной законченности в капиталистическом предприятии, разделение материальных производительных сил и их известное соотношение в производстве, ведущее к такому же соотношению их носителей—социальных масс, участвующих в производстве классов, требует, конечно, и целого ряда условий: экономических, социальных, моральных и материальных, которые в совокупности и создают формы быта, лежащие в основании современного капиталистического буржуазного общества. Эти условия—полная юридическая свобода («свобода, равенство, братство»), «священное» право собственности, известный уровень материальных производительных сил. Чем развитее и законченнее форма капиталистического хозяйства, тем более окрепшими, тем более широкими должны быть эти предварительные условия развития капитализма. С другой стороны, чем лучше подготовлена и чем более удобрана социальная почва для развития капиталистического предприятия, чем пышнее его расцвет, тем теснее связь между двумя противоположными производительными силами, между двумя противоположными социальными массами—классом рабочих и классом работодателей—связь, выражающаяся все в боль-

шем экономическом подчинении одной производительной силы и одной социальной массы другой.

В этом отношении, как в различных видах капиталистического предприятия, так и в историческом развитии капитализма, эта связь, это подчинение производителя материальной силе капитала и капиталисту выражается в различных по силе формах. В настоящее время господство и регулирующая роль капитала и капиталиста сказываются в наиболее полной степени в производственном капиталистическом предприятии, где владельцу капитала принадлежит руководство производственным процессом во всех его стадиях, тогда как в торговом капиталистическом предприятии владельцу капитала принадлежит господство над продуктом лишь в сфере его обращения уже после того, как он выйдет законченным из производства. В историческом же развитии капитализма торговому капиталистическому предприятию и торговому капиталу принадлежит роль первоначальной стадии развития. «Не только торговля, но и торговый капитал старше капиталистического способа производства и исторически является в действительности самым старинным свободным видом существования капитала»¹.

Необходимость тех условий, о которых мы упомянули выше, для существования и развития капиталистического предприятия вообще, а в особенности развитых его форм, объясняет также и то, почему торговый капитал является первой исторической формой капитала, задолго до того времени, когда появляется производственный капитал и когда само производство подчиняется капиталу. Так как торговый капитал подчиняет себе продукт лишь в сфере обращения его, не воздействуя на самое производство, так как цель его—содействовать лишь обмену товаров, то для его существования вовсе не необходимы те условия, которые требуются для производственного капиталистического предприятия. Ни отсутствие свободного труда, ни низкий уровень техники и развития производительных сил, ни отсутствие частной собственности на землю и орудия производства не представляются теми препятствиями для развития торгового капитала, какими они являются для производственного капитализма: торговый капитал возникает и завладевает сферой обращения и при рабском и при крепостном труде так же, как и при свободном; и при общинном и нераздельном владении землей, как и при частной земельной собственности; и при господстве крупного так же, как и мелкого хозяйства.

Единственно, что необходимо для торгового капитала—это возможность товарного и денежного обращения, независимо от того, представляет ли производство во всем своем размере товарное производство, т.-е. производство предметов, самих по себе предназначенных на продажу, или товарный характер получают только те продукты, которые представляют избыток сверх собственного потребления самостоятельного и независимого хозяйства, и только тогда, когда они оказываются излишними для собственного хозяйства. Даже более того, нельзя признать, что «торговля требует изготовления излишнего продукта, предназначенного вступить в обмен, для того, чтобы увеличить предмет потребления и богатства производителей»². При некоторых условиях—и тем более, чем полнее и совершеннее торговый капитал овладел сферой обращения и чем менее капиталистически организовано само производство—вполне возможен, а часто становится и необходимым, сбыт таких продуктов и в таких размерах, которые не представляют излишка, остающегося сверх удовлетворения всех хозяйственных потребностей производителя, а, наоборот, являются крайне необходимыми для самого хозяйства предметами. Не заботясь об успешности и продуктивности производства, а лишь о воспроизведении прибыли в процессе обращения, торговый капитал

¹ Маркс, Капитал, III, 259.

² Ibid. III, 260.

не только не смотрит на правильность хозяйственного потребления и воспроизведения благ, но, наоборот, стремится втянуть в сферу обращения возможно большее количество продуктов, хотя бы это вредно отзывалось на производительной деятельности и на условиях существования производителей. Массовые покупки—массовые продажи являются по необходимости условием существования торгового капитала в его стремлении к получению прибыли. Понятно также поэтому, что, чем менее развито само производство, чем менее закончен процесс его обобществления, тем могущественнее и влиятельнее роль торгового капитала, как самостоятельного посредника в обмене, тем сильнее его стремление и способность высасывания продуктов из рук производителя, тем быстрее идет сосредоточение в руках торговцев крупных состояний в форме торгового капитала,—пока изменение самых условий производства не представит возможности превращения торгового капитала в высшую его форму, в капитал производительный¹.

Как же возникает эта первоначальная историческая форма капитала? Какова роль торгового капитала в общем ходе экономического развития и в отдельных отраслях народного хозяйства?

Несмотря на то, что крупная роль торгового капитала выдвигается в действительности уже самыми ранними историческими эпохами, однако в общей исторической схеме экономического развития преобладание и господство торгового капитала является далеко не на первых стадиях экономической жизни. С другой стороны—в особенности для некоторых отраслей хозяйственной жизни—его значительная роль сохраняется и тогда, когда общее экономическое развитие далеко опередило те условия, которые вызывали необходимость самостоятельного существования торгового капитала, как особой экономической категории, и его обособления от производительного капитала.

Известно, что первоначальной стадией хозяйственного развития является та форма хозяйства, которая обозначается большей частью именем «натурального» хозяйства и которая существует в более или менее чистом виде лишь на первобытных ступенях экономического развития, в модифицированном же виде долгое время является присущей значительно более развитым экономическим эпохам в качестве частных и местных явлений. Характерной чертой этого «натурального» хозяйства является не натуральное обращение внутри его, как первоначально было установлено первым исследователем, принявшим такое подразделение², но его замкнутый, самодовлеющий характер³. Типичной же исторической формой такого хозяйства, помимо первобытных доисторических родовых и общинных хозяйств, является так называемое ойкосное хозяйство древности или поместное хозяйство средневековья.

Природа ойкосного хозяйства достаточно ясно и подробно выяснена творцом этой исторической схемы Родбертусом, равно как в дальнейшей разработке этого вопроса и другими авторами, принимающими в целом или

¹ «Чем менее развито производство, тем, следовательно, больше будет сосредотачиваться денежное состояние в руках купцов или тем оно больше будет являться в специфической форме купеческого состояния... Самостоятельное и преобладающее развитие капитала в виде купеческого капитала равнозначуще с неподчинением производства капиталу, следовательно с таким развитием капитала, которое основывается на общественной форме производства, ему чуждой и от него независимой. Следовательно, самостоятельное развитие купеческого капитала находится в обратном отношении к общему экономическому развитию общества». Маркс, Капитал, III, 260—61.

² Hildebrandt, Nationalökonomie d. Gegenwart und Zukunft. 1848.

³ Именно в том смысле совпадают понятия замкнутого домашнего хозяйства Бюхера (Die Entstehung d. Volkswirtschaft, 1 Aufl., Tüb. 1904, 110), индивидуального хозяйства Зомбарта (Современный капитализм. Т. I, стр. 70), а частью деревенского хозяйства Шмоллера (Jahrbuch f. Gesetzgebung etc., 1890—93).

с некоторыми видоизменениями его схему¹. Понятно, что она является именно только схемой или, как выражается популяризатор родбертусовской теории ойкосного хозяйства, «не историей, а лишь теорией хозяйства». Действительно, вполне замкнутого и самодовлеющего хозяйства не встречается даже на первых ступенях исторической жизни Греции и Рима: обмен продуктами должен был существовать между обособившимися уже тогда *familia urbana* и *familia rustica*², между отдельными общинами. Обмен этот был не только широко распространен, но и вполне организован, происходил на определенных крупных рынках не только в натуральной, но и в денежной и даже в кредитной форме³. При довольно значительном развитии крупных рабовладельческих предприятий, хозяйство такой *familiae* всегда имело значительные избытки продуктов и, входя в живой обмен с другими хозяйственными единицами, могло задаваться и часто задавалось в своем производстве продуктов не целями личного их потребления, но целями обмена, целями получения прибыли и ее накопления. Конечно, этим самым несколько не подрывается научная правильность родбертусо-бюхеровской теории, как исторической схемы. При сложности социальной жизни каждый исторический момент ее заключает в себе и элементы, уже отжившие, пережитки даже глубокой древности, так же как в зачаточной стадии и элементы лишь назревающего будущего.

Поэтому форма замкнутого хозяйства, далеко не являясь исключительной и единственной даже в древние периоды истории, представляется характерной и для гораздо более поздних веков, когда, несмотря на крупнейшие перемены в народном хозяйстве, несмотря на все большее обобществление его, отдельные хозяйственные единицы все еще могут оставаться обособленными, самоудовлетворяющимися, производящими свои продукты лишь в целях собственного потребления внутри себя, а не в целях обмена и не ради получения прибыли, т.-е. лишенными капиталистических буржуазных инстинктов накопления. Разложение этих хозяйственных единиц новыми стремлениями, новым духом — стремлением к получению прибыли и ее накоплению, выработка соответственной новой организации начинается, как известно, с возникновением городов и рынков, с обособлением особых промышленных классов городского населения, с развитием обмена между группами разнородных хозяйств, прежде всего между ремесленными городскими хозяйствами и земледельческими хозяйствами деревни. Этот процесс, развивавшийся в течение всего европейского средневековья, и преобразовал к новейшему времени хозяйственный строй Европы из замкнутости и обособленности отдельных самоудовлетворяющихся хозяйственных единиц в обобществленные формы современного капиталистического, получающего прибыль и накапливающего хозяйство. В этом процессе образование и влияние торгового капитала, как первой формы и средства накопления, имело если и не решающую, то все же весьма видную роль: его зарождение ведет к крупнейшим изменениям в сфере обращения и обмена продуктов; его накопление и стремление к подчинению себе не только области обмена, но и самого производства ведет к крупнейшим изменениям в организации производства. Даже тогда, когда развившееся в чистые капиталистические формы производство эмансипируется от влияния торгового капитала, воздействие его в общем строе хозяйства чувствуется еще долго и сильно.

Если торговый капитал старше, чем производительный капитал, то сама торговля вообще гораздо старше, чем торговый капитал. Первый шаг, который сделало натуральное хозяйство для разрушения своей замкнутости, был

¹ Ср. Rodbertus, *Jahrbücher f. Nationalökonomie*, 1865, IV; Bücher l. c. Philip. powitsch, *Grundriss d. politischen Oekonomie*. IV Aufl. Tüb. 1901 и др.

² Гревс. *Очерки из истории римского землевладения*. Спб. 1899, 497—515

³ Bücher, *l. c.*, S. 119—121.

простой обмен продуктами *in natura* самими производителями, без внешнего посредничества. Но даже и тогда, когда денежный обмен уже сменил этот малоподвижный способ обмена, весь процесс его еще долгое время остается непосредственно в руках у производителей. На бесчисленных рынках и городах средневековья сходились прежде всего сами производители, сначала просто обменивавшие, затем продававшие и покупавшие, но без посредников, свои произведения. Каждый производитель является вместе с тем в известные периоды и торговцем, но торговцем не профессионалом, покупающим товары для дальнейшей перепродажи, а продающим лишь продукты собственного производства. Наконец, даже и при возникновении некоторых черт профессионализма, т. е. при развитии торговли двусторонней, основывающейся на покупке товаров с целью их перепродажи, эта торговля первоначально также находится не в руках обособленного класса, а в руках отдельных лиц, по тем или другим причинам временно отдающимся этому занятию¹.

Но и с того времени, когда торговля переходит в руки особого класса профессионалистов, еще далеко до возникновения торгового капитала и капиталистической торговли. Первоначальные профессиональные представители торговли ни по объему их оборотов, ни по социальному положению своему, совершенно не являются в виде купцов-капиталистов. По объему их оборота, «это были ремесленные единицы... Специфически ремесленный характер торговца старого покроя обнаруживается прежде всего в своеобразности той цели, которую он себе ставил. В глубине души и он руководится ни чем иным, как стремлением к барышу, но не в смысле современного предпринимателя; он не желает ничего другого, как того, чтобы трудом своих рук обеспечить себе сносное содержание, соответствующее его состоянию, не больше и не меньше того; при этом вся его деятельность находится под влиянием мысли о пропитании»².

Профессиональная средневековая торговля долгое время носит на себе отпечаток чисто ремесленного характера, т. е. представляется лишенной инстинктов накопления. Только с разложением ремесленной организации хозяйства и обгоняя его, торговый капитал начинает постепенно проникать в разные сферы хозяйственной жизни, приготавливая почву для капитала производительного и являясь для него одним из факторов «первоначального накопления». Само первоначальное накопление, выросшее в форме торгового капитала, зародилось, однако, не в недрах средневековой ремесленной торговли или ремесленной промышленности.

Как можно считать в настоящее время установленным, те денежные богатства, которые были накоплены к началу капиталистического периода и послужили к образованию промышленного капитала, едва ли могли быть, за исключением единичных случаев, накоплены от прибылей до-капиталистической торговли или до-капиталистической ремесленной промышленности; доходы и сбережения той и другой были, повидимому, слишком ничтожными для этого, и накопление капитала в этой сфере могло быть делом лишь исключительно благоприятных и единичных условий: «решительный момент образования капитала надо искать вне сферы нормальных хозяйственных отношений промышленного характера»³.

Однако, с другой стороны, история первоначального накопления не происходила, повидимому, исключительно так, как предполагает Маркс, говоря, что история первоначального накопления записана в летописях человечества

¹ «Охотно занимаются ею богатые люди: помещики, высшие чиновники и тому подобные лица... В средние века в Европе... все значительные торговые операции производились совсем не купцами. Теми категориями, которые рассматриваются как торговцы... были все, кто владел имуществом». Зомбарт. Современный капитализм I, 172, 199.

² Ibid, стр. 182.

³ Ibid, стр. 230 и след.

«кровью и железом» и что в ней наиболее выдающимися событиями были перевороты, в особенности же те моменты, когда огромные массы людей внезапно и насильственно отторгались от средств их существования и выбрасывались на рабочий рынок, как свободные и незакрепленные пролетарии»¹.

Повидимому, в истории первоначального накопления естественные экономические факторы, способствующие образованию и концентрации капитала, играли не меньшую роль, чем «кровь и железо», и само накопление происходило более медленно. С одной стороны, выделение из земледельческого населения и сосредоточение в городах промышленного пролетариата, образовавшегося медленным путем отхода населения из деревень в города, должно было предшествовать накоплению состояний. С другой — «бегство в города» — из деревень захватило не только «экспроприруемое» сельское население, но и самих помещиков и земельных собственников, т. е. людей богатых: если первые шли в города ради куска хлеба, последние искали в них способов накопления и увеличения состояний, тем более, что самые города возникали часто на их собственных поместьях.

Источником этого накопления для поземельной знати явилось накопление поземельных рент. Образование на землях крупных владельцев пунктов обмена, рынков и городов, рост населения в них, интенсивный спрос на землю явились впервые причиной образования нового дохода — поземельной ренты. Заинтересованная сама в увеличении этих рент² и в развитии городской жизни и промыслов, в погоню за нахождением способов ее увеличения и направляется в города бывшая аристократия. В руки ее, а также в руки вновь образовавшейся городской знати и начинает стекаться этот новый вид дохода. Иногда эта рента принадлежала владельческим фамилиям до некоторой степени по праву — именно, если новый город возникал на земле их прежнего поместья; иногда они, как стоящие во главе городских управлений, пользовались и простым захватом городских или окрестных земель; иногда получали целые городские области в дар от императора; наконец, гораздо реже городская община основывалась на землях прежних крестьянских общин. Но во всяком случае, даже и в последнем, в конце концов земельные ренты переходили большей частью в руки немногих именитых родов, данниками которых являлось ремесленное безземельное население, зачаток будущего городского пролетариата³.

Накопление этих земельных рент повидимому в значительной мере и положило начало первоначальному накоплению капитала, дальнейшее увеличение и умножение которого зависело уже от предприимчивости и изобретательности его владельцев. Ему открывался широкий путь торговых оборотов, промышленности, спекуляции; бывшая земельная знать становится

¹ Маркс. Капитал, I, 648.

² А насколько быстр был их рост, можно напр., видеть из следующих цифр. В Германии, в Мозеле, если цену на землю во времена Каролингов считать за 100, то в XII в. она возвысилась до 1034, в XIII в. — до 1671 и в конце XIV ст. — до 3085. Lamprecht. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. L. 1885, III. В Пруссии в середине XVII в. за гуф земли платили 81 тал., а в середине XVIII в. 700—900 таллеров. Meitzen. Der Boden und die landw. Verhältnisse d. Preuss. Staats. Berl. 1868, III. То же в Саксонии см. Böhm. Entwicklung d. Landwirtschaft auf d. Kgl. Sächs. Domänen S. 47—57. Еще более, конечно, быстр и выгоден для земельных собственников был рост земельных цен в тех местностях, где впоследствии образовались крупные города; напр., в Париже 1 кв. метр земли стоил в XV в. 2 сант. в XVII в. 4 фр. 50 сант., а в XVIII в. 28 фр. Avenel. La fortune privée à travers sept siècles. Pr. 95, цит. по Philippowitsch.

³ «Те суммы, из которых развился современный капитализм, есть не что иное, как накопление земельных рент... Превращенные в деньги, земельные ренты служат базисом современного капитализма, по крайней мере они дали ему первоначальный фонд для приобретения денег на деньги другими путями. Города с большими сельскими земельными рентами имели преимущество перед теми, фонд которых состоял исключительно из собственно городской земельной ренты». Зомбарт. Современный капитализм, стр. 305.

во главе торговых и коммерческих предприятий, вступает в ряды будущей буржуазии¹. Самые общественные условия производства в городе были гораздо более благоприятны, чем в деревне; даже для лиц низших ремесленных классов, несмотря на их материальную необеспеченность, не меньшую, чем в деревне, условия городской жизни имели громадные преимущества: «городской воздух делал людей свободными», он делал их также и равными. В погоне за наживой и накоплением бывшая земельная знать, становящаяся во главе торговых и промышленных городских предприятий, сливается с недавними крепостными, вольноотпущенниками, ремесленниками, хотя, конечно, по своему положению и по размерам капитала она занимает среди них выдающееся и главенствующее место.

Таково было первое, вначале почти незаметное появление в мир капитала. Оно, как видно, сразу нивелировало многие сословные отличия, разрушило сословные предрассудки, сравняв сословия в один ряд капиталистов, различающихся лишь по размерам своих капиталов. Понятно, если вообще для всякого капитала первоначальный путь шел преимущественно через форму торгового капитала, то крупный капитал мог скорее, как только создались надлежащие условия, перейти в высшие формы производительного капитала. Но для этого нужны были именно соответствующие производительные условия, прежде всего—разрушение ремесленной организации производства, с которой и начинается продолжительная, многовековая борьба капитала. И если в смысле скорости накопления прибыли особенно благоприятными формами для первоначального приложения торгового капитала являлись такие отрасли, как оптовая вывозная торговля, устройство банкирских домов, в которых особым успехом и особыми преимуществами должны были пользоваться наиболее крупные состояния, то в отношении экономической роли и экономических последствий особенное значение получает другая сторона стремлений крупного торгового капитала. Это—стремление подчинить себе процесс производства, т.-е. перейти в высшую экономическую форму, в производительный капитал.

Такое стремление естественно обуславливалось прежде всего тем, что современная ремесленная организация производства стояла в резкой оппозиции и противоречии интересам, стремлениям и инстинктам накопления новой торговой буржуазии и не давала достаточно большого материала для вечно движущегося торгового капитала². Раз возникнув, торговый капитал разрушает эти старые формы производства и создает новые: эти новые формы, сменившие старые феодальные, скоро вылились в чистые капиталистические, т.-е. капитал завладел не только сферой обмена продуктов, но и их производством в так или иначе организованном капиталистическом предприятии³.

Переход от старых феодальных способов производства к новым совершается разнообразными путями и в различных формах. Или сам производитель «становится купцом и капиталистом в противоположность земледельческому натуральному хозяйству и ремеслу, связанному цеховыми отноше-

¹ Об этом подробно см. Зомбарт. Современный капитализм, кн. II, гл. 12.

² Зомбарт, I, с. 290 и след.

³ Конечно, такой ход экономического развития был обусловлен не самим торговым капиталом, а условиями производства. «Торговля всюду оказывает более или менее разлагающее влияние на ту организацию производства, которую она застаёт и которая, во всех ее разнообразных видах, направлена преимущественно на потребительские стоимости. Куда приведет такой процесс разложения, т.-е. какой новый способ производства заменит прежний, это уже будет зависеть не от торговли, а от характера самого прежнего способа производства. В античном мире влияние торговли и развитие торгового капитала имело своим последствием рабовладельческое хозяйство. Напротив того, в новом мире оно обращается в производство капиталистическое. Отсюда следует, что сами эти результаты зависят совсем от иных условий, а не от развития торгового капитала». Маркс. Капитал, I, стр. 265.

ниями средневековой городской промышленности»¹. Этот путь в общем исключительный, более редкий, доступный лишь крупному капиталу, особой предприимчивости, при особо благоприятных внешних условиях.

Более медленным является другой обычный путь разрушения торговым капиталом старых форм производства и насаждения новых. Купец овладевает производством непосредственно, но более медленно и постепенно, заставляя работать на себя самостоятельного мелкого производителя и постепенно подчиняя его все большему контролю, все большему влиянию материальной силы капитала. Эта постепенность подчинения и развития зависимости производителя от капитала, вначале именно от торгового капитала, проявляется, главным образом, в следующих формах².

1. Капиталист в образе купца завладевает исключительно лишь сферой обмена продуктов, не проявляя никакого влияния на само производство их и на техническое рабочее, на производительное хозяйство. Такое влияние купеческого капитала может проявляться как при существовании замкнутого хозяйства, производящего продукты лишь с целью собственного потребления, так и при существовании хозяйства, работающего на продажу. В первом случае, капиталист до некоторой степени лишь случайно завладевает обменом продуктов, так как производительное хозяйство сбывает на рынках только излишки своих произведений и обходится большею частью без услуг посредника-купца. Понятно, поэтому, что для крупных производительных хозяйств, вроде средневековых поместий, раньше, чем для мелкого, возникает необходимость прибегать к посредничеству торговца. Первоначально крупное хозяйство стремится установить и в этом отношении собственную организацию, в виде особых лиц—*negotiator'ов* и *mercator'ов*—принадлежащих к тому же хозяйству. Но как только замкнутое хозяйство в какой-либо своей отрасли начинает работать на рынок, это равносильно тому, что «у него, как у дерева, засыхает верхушка»: работа на продажу становится уже целью производства. Роль купца становится уже более влиятельной, хотя это влияние вначале и не распространяется на производство³.

2. Купец-капиталист начинает уже влиять на производство, благодаря тому, что, изучив требования рынка, зная его потребности, он становится в качестве руководителя все более отдаляющегося от рынка ремесленника. Последний начинает работать уже не только «по заказу» (*Lohnwerk*), но и специально для продажи (*Preiswerk*), и купец становится для производителя его главным работодателем. Этим путем торговый капитал находит верный способ для внедрения в процесс производства и для подчинения его под свое влияние.

3. Другой, менее заметный, но не менее верный способ — подчинение производства путем кредита на организацию хозяйства, на покупку орудий производства и пр. По виду при такой ссуде капитала самостоятельный производитель сохраняет всю свою независимость, но в действительности необходимость известной гарантии ссуды дает в руки владельца капитала могучее средство, если не влиять на производство непосредственно, то держать в полной зависимости все хозяйство производителя. Этот последний оказывается в действительности работающим для доставления прибыли владельцу капитала, как простой технический рабочий, совершенно теряя всю свою независимость в качестве самостоятельного хозяина-производителя.

Эта потеря самостоятельности скоро овещается не только фактически, но и формально: если владелец денежного капитала не только берет на себя сбыт продуктов, но и их производство, если он не только в скрытой

¹ Маркс. Капитал, I, 267.

² Ср. Зомбарт, I. c. 1. стр. 213, Маркс, I. c. стр. 269, Bücher. Die Entstehung etc., 194 и след., а также статью «Gewerbe» в Handw. d. Staatswissenschaften.

³ «Вторая стадия домашнего производства» (*Hausfleiss*) по Бюхеру, см. его статью «Gewerbe», Handw. d. Staatswiss.

форме ссуды, но открыто, с определенной производительной целью, доставляет производителю средства производства, сырые материалы и жизненные средства—возникает развитая форма господства капитала уже в форме производительного капитала, при чем опять-таки по степени и интенсивности влияния капитала, по способу контроля над производством, по способу организации процесса труда возникает или

1) «система производства на скупщика» (Verlagssystem Бюхера), система домашней промышленности (Hausindustrie) по старой терминологии, т.-е. такая форма производства, в которой «предприниматель занимает постоянную работу более или менее большое число рабочих, но эта работа ведется не в помещении предпринимателя, а на дому у работников. Скупщик-предприниматель ссужает рабочих сырьем и уплачивает стоимость полученных продуктов раньше, чем они достигнут потребителя... Производство ведется за счет предпринимателя; он соединяет элементы производства, соразмеряет их и регулирует их деятельность; он же заботится и о сбыте»¹.

Однако, и здесь зависимость рабочего от предпринимателя-скупщика может выливаться в формы, различные по степени. Именно, производитель сначала обладает, в качестве самостоятельного хозяина, не только орудиями производства, но и сырым материалом, который он или сам получает и производит в своем хозяйстве, или покупает на рынке. В этом случае, конечно, простор хозяйственной инициативы самостоятельного производителя является значительно большим и влияние на производство скупщика сравнительно меньшим, чем при других, более развитых, формах этой системы производства. Скупщику-предпринимателю приходится как-бы довольствоваться уже имеющимся материалом, лишь постепенно видоизменяя в его целях соответствия рыночным требованиям. Переход в эту форму производства часто непосредственно из натурального хозяйства представляется очень легким, в особенности в тех отраслях промышленности (преимущественно сельской) и в тех случаях, когда уже само натуральное хозяйство естественно создает избытки продуктов сверх количеств, необходимых для собственного потребления. Однако, эта же форма, в свою очередь, легко переходит и в высшие степени зависимости производителя от скупщика: сначала выдача скупщиком сырого материала для работы, а затем и орудий производства ведет к установлению полной зависимости рабочего от предпринимателя, к полному лишению первым своей хозяйственной самостоятельности; тень ее сохраняется лишь в том, что работа ведется в жилище рабочего. Социальные и экономические основы капиталистического предприятия выливаются здесь в уже почти вполне развитой форме; впереди остается лишь простой технический процесс, вызываемый условиями большей производительности труда при концентрации процесса производства в одном месте и при введении в производство сложных машин. Этот процесс ведет к

2) мануфактуре и фабрике, как к такой форме предприятия, в котором регулирующая производство роль капитала достигает полной законченности, в котором отделение производителя от средств и орудий производства и утрата им самостоятельности, проявившиеся в других формах в несколько смягченном виде, здесь обнаруживаются вполне открыто.

Во всей совокупности предприятия — как «система производства на скупщика», так и фабричное производство—представляются предприятиями капиталистическими. Но в первой капиталистически организован лишь сбыт, производство же только в высших формах развития получает зачаточные признаки капиталистической организации; во втором же—капиталистическая организация захватывает не только сбыт, но также и процесс производства. Вместе с тем самый процесс производства централизуется, фабрика становится формой объединения производительного технического труда, тогда как

¹ Handwörterbuch d. Staatswiss... art. «Gewerbe».

в системе производства на скупщика процесс производства представляется раз'единенным, децентрализованным, и объединение продукта происходит лишь в сфере обращения.

Созданием фабрики и фабричного производства в сущности заканчивается историческое развитие капиталистического хозяйства. Дальнейший процесс, в смысле углубления капиталистических отношений—концентрация капитала, победа крупной промышленности над мелкой, социальное объединение класса капиталистов и рабочих—представляется уже столько же наивысшими формами развития капиталистических отношений, сколько зачаточными стадиями и постулатами возникновения более развитых форм будущего экономического строя.

Мы остановились на этих общеизвестных фактах с подробностью, несколько большею, чем, быть может, следовало бы, в виду того, что капитализацию, т.-е. процесс подчинения той или другой отрасли хозяйства капиталу, часто принимают, в особенности по отношению к сельскому хозяйству, лишь как подчинение капиталу самого производительного процесса. Между тем, победоносное шествие капитала в современной промышленности является весьма медленным, и вначале влияние его совершенно незаметно для самостоятельного и независимого производителя. В то же время капитал не создает вначале тех законченных и прогрессивных производительных форм, какие являются характерными для более развитых форм капитализации, а довольствуется извлечением прибыли лишь косвенным путем, через подчинение себе сферы обмена. Лишь к концу своего исторического развития капитал достигает созидательной роли; первые же шаги его должны были носить разрушительный характер. Он возник на развалинах прежних сословно-феодалных отношений, на развалинах ремесленной организации, на поле, отвоеванном после долгой борьбы от домашней промышленности. Борьба с каждым из прежних наслоений была неодинакова. Прежде всего и легче всего исчезли и разрушены были сословные рамки и неравенства; уже одно появление, в качестве стимула производства, стремления к прибыли, еще более — первоначальное накопление капитала непосредственно связано с разрушением сословных начал—город равняет земельную знать с городскими плебеями. Более упорной и продолжительной была борьба с ремесленной организацией производства, растянувшаяся на несколько веков и закончившаяся полной победой капитала лишь в середине прошлого столетия. Борьба же централистических стремлений капитала с децентрализованной организацией производства, какою представляется система производства на скупщика, является особенно затруднительной, для многих отраслей труда—и прежде всего для сельского хозяйства—до сих пор не вполне решенной. Некоторые экономические, технические и социальные особенности той или другой из отраслей хозяйственной деятельности могут или способствовать скорейшему наступлению господства капитала и капиталистически организованного предприятия, или, наоборот, задерживать его и давать место развитию и преобладанию других организаций. В зависимости от этого и скорость развития капиталистических отношений в различных отраслях народного хозяйства, напр. в промышленности и земледелии, не одинакова.

Все изложенные теоретические предпосылки, хотя и относятся к общей теории экономического развития, однако создавались их авторами на основании данных развития, главным образом, обрабатывающей промышленности, которая лишь в самых первоначальных стадиях своих совпадает по субъекту производства с сел'ско-хозяйственной промышленностью; дальнейшая же судьба этих двух главных отраслей труда и промысла во многом совершенно отлична.

Поскольку же развитие сельского хозяйства вместимо в рамки общей теории? Каким путем идет процесс капитализации этой хозяйственной отрасли? Какие особенности, вытекающие из экономических и социальных

различий в организации, выводят исторический путь развития сельского хозяйства из рамок общей схемы экономического развития?

Чтобы ответить на эти вопросы, посмотрим, на какой почве возникло и как развивалось рядом и в связи с общим ходом экономического развития европейское сельское хозяйство.

III.

Разрушение натурального земледельческого хозяйства и образование сельско-хозяйственного рынка.

Европейское сельское хозяйство не находится в непосредственной преемственной связи с сельским хозяйством античной культуры. Те латифундии, которые «погубили Италию» и хозяйство которых было основано на применении в широких размерах рабского труда, имея целью эксплуатацию этого труда ради получения прибыли, совершенно исчезли в первые века древне-европейской культуры. Основанная на коммунистических началах, первоначальная организация европейского землевладения устанавливала равное и, главным образом, мелкое владение общинной землей. При трудности разработки пашни из под лесов, размеры владения обуславливались лишь тем количеством, которое необходимо было для поддержания существования владельца гуды. Теми коммерческими целями, которые преобладали в римских крупных *familia*, хозяйство мелкого общинника не могло задаваться. Поэтому хозяйство каждого соучастника во владении общинной землей было основано на исключительных целях личного удовлетворения потребностей, было совершенно незнакомо с инстинктами накопления. Именно благодаря этому отсутствию стремления к наплению, при родовом занятии территории и господстве воззрения о принадлежности всей земли всему роду, в лице его верховного главы, во владении землей господствует принцип равенства всех членов известной государственной организации и одинаковых прав каждого на участки общинной земли.

Таким образом, владение землей не давало каких-либо социальных и политических преимуществ и прав; наоборот, само право владения и пользования землей являлось лишь результатом прав политических, т. е. принадлежности к данной государственной или родовой организации. Вместе с тем это владение и не давало никаких экономических выгод, кроме возможности снискивать себе пропитание на участке общинной земли.

По экономическому своему строю, по своим хозяйственным функциям такое хозяйство земледельца-общинника, как ни велико было в народной жизни преобладание земледельческой культуры, должно было всегда представлять довольно сложный комплекс различных отраслей производства. Удовлетворяя все свои потребности внутри себя, оно должно было все же заниматься хотя-бы простейшей переработкой продуктов и в общем представляло собою один из чистейших типов натурального самоудовлетворяющегося хозяйства.

С пробуждением индивидуалистических стремлений, с одной стороны— среди самой общины, с другой—с образованием среди свободного и мелкого крестьянства крупных привилегированных поместий, изменяются и аграрные отношения, и экономические основы земледельческого хозяйства и быта. Сначала неизвестное германской эпохе и зародившееся на романской почве крупное землевладение, в течение нескольких веков постепенно, но совершенно преобразует аграрно-экономические отношения европейского населения.

Возникновение крупных поместий и расширение земледельческой культуры усиливает стремление к земле, но уже на иных основаниях и в иных целях, чем раньше. Крупное землевладение может и не обуславливаться принадлежностью к общине и являться не результатом родовых прав на землю.

а результатом каких-либо посторонних и даже случайных причин. Но, во всяком случае, это сосредоточение в руках известного класса крупных земельных владений, образовавших отдельный и совершенно независимый от общины вид владения, стало служить не только средством для достижения общественной и политической власти, но и целью получения экономических выгод. На месте мелкого, свободного несословного земледельческого быта или рядом с ним возникает все более сильная организация крупного, основанного на несвободном труде и на сословных привилегиях земледельческого хозяйства. Это средневековое крупное поместное хозяйство лишь в редких случаях (напр., при непосредственном приобретении прежних римских латифундий) стояло в непосредственной связи с римским землевладением. Но хотя возникло оно большей частью самостоятельно, однако по своей хозяйственной организации имеет много общего с римским крупным хозяйством.

Если раньше для свободного мелкого хлебопашца-общинника наиболее подходящей была самая упрощенная хозяйственная организация, сводившаяся к полному самоудовлетворению, к независимости от товарного обмена и обращения, к полной свободе прилагаемого в хозяйстве труда, то с такой организацией хозяйства не могло долго ужиться крупное поместье.

Самая величина такого хозяйственного предприятия, которое представляло собою средневековое крупное землевладение, требовала сложного строения, сложной организации производства. Оно ее и выработало в виде законченной формы «поместья», т. е. особой группировки вокруг главного хозяйственного центра целой сети соподчиненных и большей частью обладающих в общей организации особыми функциями отдельных хозяйственных единиц. Вместо свободного труда самостоятельного производителя, в них стал все в больших размерах прилагаться несвободный—в различных формах и степенях этой несвободы—труд, регулируемый одной общей волей, исходящей из центра хозяйства.

В социальном отношении поместное хозяйство, как основанное на сословном начале и на дифференцировке сословных отношений, совершенно порвало связь с сущностью прежнего свободного мелкого крестьянского хозяйства. Но по своему месту в схеме исторических форм хозяйственных организаций оно мало отличается от деревенского хозяйства крестьянина-общинника. Несмотря на то, что потребности и стремления его значительно расширены; несмотря на то, что вместе с тем должна была усложниться и его организация до полной дифференцировки отдельных, входящих в его состав хозяйственных единиц,—оно остается тем же натуральным хозяйством, лишь более сложным, «расширенным», с разделением хозяйственных единиц, но с господством того же принципа: производство ради удовлетворения собственных потребностей. Связанность всего народного хозяйства с землей, остающейся попрежнему необходимым полем для приложения труда, служит причиной того, что вокруг земли и владения ею группируются все хозяйственные функции этого крупного поместья. Как мелкий земельный свободный собственник, совладелец в общинной марке, так и крупный помещик с массой прикрепленных к земле крестьян вырабатывают, получают и потребляют все необходимые жизненные продукты в своем хозяйстве: «хозяйство не знает ни цен, ни рабочей платы, ни аренды, ни прибыли на капитал; в нем нет ни предпринимателя, ни рабочего... В руки господина стекаются все избытки его поместья, но они представляются исключительно потребительными благами, не могущими ни долго сохраняться, ни быть капитализированными»¹. «Ни мелкие свободные землевладельцы, ни тем более крепостные оброчные крестьяне того времени не производят излишков для обмена и обеспечения других классов населения благами, произво-

¹ Bücher, l. c., s. 127.

димыми в сельском хозяйстве. Значительная часть населения расходует свою хозяйственную силу на то, чтобы каждый сам по себе мог удовлетворить свои несложные, сами по себе весьма скромные потребности».

Но, конечно, как ни были несложны потребности таких хозяйств-поместий или хозяйств мелких крестьян, необходимо было довольно значительное разнообразие производства, чтобы замкнутый характер их мог сохраниться. Как ойкосное хозяйство древности, так и поместное и деревенское хозяйство никогда не являются «чисто-земледельческим» хозяйством: они включают всю дальнейшую переработку продуктов, необходимых для приготовления пищи и одежды; включают в себе и ремесло со всеми его сложными отраслями, необходимыми для удовлетворения всех разнообразных нужд хозяйства, и т. п. Только такая организация создавала действительную ненужность рынка и независимость от него не только крестьянского, но и помещичьего хозяйства.

Требовались, впрочем, и другие условия поддержания этой независимости. Так как разделение труда внутри хозяйства было очень невелико, то необходима была взамен этого, по крайней мере, многочисленность семейного состава крестьянской семьи или состава поместья. Поэтому то первоначальной формой хозяйственной единицы и является большею частью крупная семья, часто разрастающаяся до размеров целой отдельной общины. Эта последняя в своей хозяйственной деятельности представляет обширную сложную замкнутую хозяйственную единицу, совмещающую разносторонние хозяйственные функции. Еще более многочисленным производительным и хозяйственным составом должно было отличаться поместье, с его разносторонней хозяйственной деятельностью. Другой особенностью такого замкнутого хозяйства являлась необходимость производства в больших размерах, чем это требовалось для непосредственного потребления: для обеспечения жизни и продовольствия семьи и хозяйства в годы неурожайные требовались громадные запасы всевозможных продуктов, которые оставались за отсутствием сбыта в хозяйствах в урожайные годы. Часто внешние причины—преходящие-ли в виде народных бедствий и войн, постоянные-ли, в виде обременительных податей, подрывали и разоряли хозяйство, лишая его такой материальной обеспеченности, но все же экономическая основа возможности его существования лежала именно в этой натуральной обеспеченности, и без нее хозяйство не могло бы существовать.

Если описанное хозяйство не было собственно земледельческим, требуя приложения значительного количества труда в других отраслях, то и в чисто-земледельческой части хозяйства соотношение отдельных отраслей его представляло значительные особенности. В каждом хозяйстве оно должно было быть весьма разнообразным, и равновесие между отдельными отраслями, например, между скотоводством, зерновым и луговым хозяйством вызывалось здесь не рациональным их соотношением, но внутренней экономической необходимостью: не будучи чистым земледельцем, сельский хозяин того времени не был и исключительным «хлеборобом». Зерновое хозяйство занимало сравнительно очень небольшую роль среди отраслей хозяйства, так как оно могло удовлетворять только одной потребности в хлебе, тогда как животноводство доставляло гораздо более разнообразных продуктов, могущих подвергаться гораздо более разнообразной переработке и удовлетворять гораздо более разнообразным потребностям. Это, конечно, в наибольшей степени относится к крупным помещичьим хозяйствам, которые сосредоточивали в своих пределах целый ряд отдельных отраслей труда и массу лиц, работавших не с денежной оплатой труда, а с платой натурой самыми разнообразными предметами: землей, одеждой, пищей, жилищем. Если даже работы исполнялись изредка наемными рабочими или крестьянской барщиной—оплата их происходила все же натурой и требовала от помещичьего хозяйства разнообразного и крупного по своим размерам производства.

Таковы были, в самых кратких чертах, основы натурального земледельческого хозяйства, поскольку можно было тогда говорить о «земледельческом» хозяйстве. Однако, такая натуральная организация хозяйства в чистом виде, основанная на исключительном удовлетворении собственных потребностей, совершенно чистая от стремления к прибыли и от инстинктов накопления, если и существовала в действительности, то лишь при невысокой степени общественного и экономического развития. С другой стороны, с более или менее крупными изменениями, эта система может являться характерной и для гораздо более позднего времени, в особенности в некоторых отдельных отраслях хозяйственной жизни. Разложение деревенского натурального хозяйства, зачатки и необходимость его преобразования и изменения лежали частью в нем самом, частью во внешних его условиях.

Так, прежде всего, чем более просты и несложны были хозяйственные функции и потребности, тем дольше хозяйство могло оставаться свободным от торгового обмена и от рынка, удовлетворяя собственным производством все свои нужды, хотя бы общие условия жизни вокруг этого хозяйства настолько изменились, что обмен стал явлением всеобщим и для большинства хозяйств необходимым. Именно вследствие этой простоты потребностей мелкое хозяйство может сохранить значительную степень своей замкнутости и самодовлеющий характер даже в эпоху гораздо более позднюю, в эпоху не только широкого менового хозяйства, но и в современную эпоху развитых капиталистических отношений производства и рынка, тогда как в крупном хозяйстве натуральный строй подлежит гораздо более скорому разложению.

Но наиболее видную роль в разложении натуральных основ хозяйства должна была сыграть та междухозяйственная дифференциация, которая должна была произойти вследствие неравномерности в ходе развития производительных сил в разных хозяйствах, т. е., главным образом, в развитии крупного и мелкого хозяйства. Первое всегда должно было иметь громадные преимущества перед мелким, так как обладало и большей возможностью разделения труда и большей его производительностью, большей устойчивостью при всевозможных хозяйственных бедствиях и неурядицах, большей независимостью от внешних неблагоприятных условий. Наоборот, мелкое хозяйство, все силы которого посвящались изысканию непосредственного пропитания членов семьи, гораздо чаще могло попадать в такие неблагоприятные условия, из которых выйти собственными силами, сохранив свою хозяйственную самостоятельность, не представлялось возможным. Отсюда и возникают уже в недрах натурального хозяйства те формы зависимости более мелких хозяйств от крупных, которые выливаются сначала в виде натурального или денежного оброка за пользование теми или другими угодьями, в которых могло нуждаться хозяйство, и вообще за ту или другую материальную помощь крупного хозяйства мелкому, а затем в виде барщинно-крепостной системы, как более полной зависимости мелкого производителя от крупного помещика.

Собственно, возникновение такого нового юридического института, каким являлось крепостное право, могло бы и не повлиять на дальнейшую дифференциацию натурального хозяйства. Как до развития крепостного права, так и при нем и крупное хозяйство помещика, и хозяйство самого крепостного крестьянина сохраняли свой натуральный замкнутый характер. Следовательно, с этой стороны возникновение крепостного права не внесло в хозяйство по внешности ничего нового. Но зато оно должно было глубоко изменить, так сказать, психологию крупного земледельческого хозяйства. Образование в крупных хозяйствах массы оброчного или барщинного, а затем просто дарового крепостного труда сначала создало в хозяйстве более или менее избыточные количества потребительных ценностей, а затем стало побуждать к созданию новых ценностей, уже не в целях потребления,

а в целях накопления их и получения прибыли. Но как только этот принцип стал получать преобладание в хозяйстве, все натуральные основы его должны бы распастись, так как они стояли в полном противоречии с работой ради получения прибыли.

Потребительное замкнутое хозяйство не могло значительно расширять ни своего производства, ни даже накопления ценностей, а следовательно, не могло и стремиться к осуществлению в расширяющихся размерах нового принципа. Для удовлетворения этой новой хозяйственной цели—производства ради сбыта и получения прибыли—требовалось, с одной стороны, возникновение потребительного рынка, с другой—соответствующая организация правильного обмена.

Еще значительно раньше возникновения этого обмена первые шаги широкого развития производительных сил крупного крепостного земледельческого хозяйства, усложнение и дифференциация его хозяйственных функций—должны были привести крупное хозяйство к отделению в нем самом некоторых функций в особые категории отраслей труда, более или менее независимых от земледелия. В хозяйстве обособились отдельные группы лиц, занятых в этих новых, посторонних земледелию, отраслях производства и образовавших, еще до возникновения междухозяйственного обмена, зачатки внешнего рынка. После возникновения обмена он стал все более обособляться и расти. Сначала само крупное земледельческое хозяйство создает внутри себя сложную промышленную деятельность, отделяя земледельческие операции от промышленных, производительные от торговых. Окончательное выделение из прежнего сложного и законченного по своим функциям натурального хозяйства отдельных специальных отраслей промышленности и торговли является завершением того процесса, который прошло в стремлении к развитию своих производительных сил крупное хозяйство. В конечном результате такого развития получается то, что благодаря стремлению дифференцирующегося и обособляющегося населения к освобождению от зависимости от регулирующей воли единого хозяйства—первоначально в виде перехода к денежному оброку, а затем к окончательному экономическому и юридическому освобождению—возникает отдельная от крепостного земледельческого «поместья» городская жизнь и промышленность. Крупному хозяйству остается лишь использовать этот порожденный им самим потребительный рынок в своих целях и выгодах, в целях развития своих производительных сил, расширения и усиления процесса получения прибыли и ее накопления.

Самое возникновение рынков и рыночного обмена, как орудий и средства накопления, было обусловлено наличием свободных, сверх личного потребления, остатков произведенных в хозяйстве продуктов. Количество этих продуктов находилось в прямой зависимости от величины хозяйства, от количества крепостного труда, затрачиваемого в нем; поэтому крупные поместья хозяйства стали прежде мелких и особенно настоятельно нуждаться в сбыте и обмене. Самое оборудование рынков при тогдашних условиях торгового оборота, при тогдашнем состоянии дорог требовало к тому же затраты больших средств и большого количества труда, почему было под силу только крупным хозяйствам. Поэтому то первоначально рынки и возникают большей частью на землях крупных владельцев, монастырей, королей и т. п.¹ Крупным земледельческим хозяйством порожден и в его интересах возник

¹ Насколько велика была концентрация земельной собственности в руках поместного дворянства и духовенства, показывают, например, такие цифры. В Германии, в цветущее время поместного хозяйства, 9—18 тыс. моргенов земли во владении у отдельных лиц духовенства было весьма обычным, но очень распространены были и владения в 30—70 тысяч моргенов, у светских же князей владения были еще крупнее. Монастыри сосредоточивали в своих руках целые тысячи прежних гуф; напр., монастырь Бонифация владел 16,000 гуф, монастырь бенедиктинцев имел и вел хозяйство в 6,700 имений; Ст.-Галленский монастырь—

первоначальный обмен, возник товарный характер земледельческого производства, возникли идея и инстинкт накопления в земледелии.

Но возникши исключительно на почве служения интересам крупного земледельческого хозяйства, эти новые идеи и новые отношения производства и обмена быстро приобретают гораздо более широкое общественное и экономическое значение. Возникновение денежных отношений и обмена влечет отторжение от самого трудового земледельческого населения целого класса лиц, которых к новой деятельности побуждает не стремление к получению прибыли, а снискание простого пропитания, которого они не могут найти в земледелии благодаря разрушению их прежнего натурального хозяйства. Дифференцировка и разложение старого земледельческого быта захватывает не только крупное земледельческое хозяйство, но и мелкое крестьянское, для которого старое выражение, что «крестьянин независим от рынка», все более отходит в область предания. Подчиняясь новой возникшей потребности—нужде в покупных денежных средствах, не имея возможности удовлетворить ее в рамках прежнего своего разрушающего натурального хозяйства, мелкий производитель принужден покидать свое земледельческое хозяйство и искать новых форм приложения своего труда в новых открывшихся отраслях народного хозяйства—торговле и промышленности. Натуральные основы производства все более падают, и принципы товарного производства получают все большее значение в народном хозяйстве.

Таким образом, как первоначальное накопление капитала в виде рент, так и обращение его в действительную движущую экономическую силу, в виде товарно-торгового, а затем денежно-торгового капитала, шло из недр земледельческого хозяйства, в интересах крупного владения и хозяйства, за счет разложения натуральных основ как крупного, так и мелкого крестьянского хозяйства. Но, возникши в недрах сельского хозяйства, разрушивши его натуральные основы, капитал долгое время еще не оказывает положительного влияния на самое земледельческое хозяйство и не принимает здесь руководящей производительной роли. Отсюда он тотчас же начинает отличаться в городскую промышленность и торговлю, так как социальные и экономические условия городской жизни имеют громадные преимущества перед деревенской. Свободный торговый оборот встречался в деревне с неподвижными условиями сословно-крепостнического строя, тогда как в городе он имел дело уже с гораздо более свободным, в сословном отношении, бытом. Поэтому идея накопления, зародившаяся в деревне, скоро переносится и получает расцвет в городе. Борьба с ремесленной организацией, несмотря на всю устойчивость последней, представлялась прежде всего борьбой на почве техники, тогда как земледельческая промышленность, тесно связанная с такими сословными институтами, как та или другая форма землевладения, та или другая степень обязательности крепостного труда, для своей капитализации требовала не только изменения технико-экономических условий, но и освобождения от сословных пут.

Изменение экономической жизни вокруг деревни и возникновение городской промышленности еще более крупное разрушительное влияние оказало на чисто промышленные стороны деревенского хозяйства. В деревне при господстве натурального строя всегда должны были существовать группы лиц, промысел которых был не чисто земледельческий, а носил ремесленный характер и состоял в удовлетворении несложных неземледельческих потребностей крестьянского хозяйства в обмен за натуральную оплату этих услуг земледельческими продуктами. Некоторая техническая обработка сырых про-

4.000 имений. Хозяйство таких латифундий должно было вестись в широких размерах, с товарным характером производства; оно и стало прежде всего приводить к необходимости образования специальных мест обмена—рынков. См. Buchenberger, *Agrarwesen und Agrarpolitik*, Leipzig, 1892, I, S. 409, а также Lamprecht, «*Agrargeschichte*» in *Handw. d. Staatswiss.*, I.

дуктов совершалась, конечно, и в каждом земледельческом хозяйстве. Но ни деревенский ремесленник, ни чистый земледелец деревни не могли достичь хоть какого-нибудь технического совершенства в своем производстве и вследствие отсутствия знаний, и за неимением средств, и за невозможностью технического прогресса.

Естественно, поэтому, что быстрый рост и усовершенствование рядом с деревней городской промышленности, усвоившей совершенно иные приемы производства, с относительно высоким разделением труда, с концентрацией рабочих сил, с высокой производительностью труда, достигшей дешевизны своих товаров—должно было оказать глубокое влияние и на сельскую промышленность во всех ее видах: и на свободное ремесло живущих в деревне ремесленников, и на побочные занятия в целях сбыта самого земледельца, и на изготовление предметов его личного и домашнего потребления и т. п. Все эти отрасли промышленного деревенского труда, подвергшись нашествию в той или другой форме городской промышленности, должны были скоро уступить место этой более совершенной организации производства.

Прежде всего исчезают из деревни самостоятельные, работавшие по найму ремесленники. Их производство из деревенского обихода начинает вытесняться услугами более крупных промышленных предприятий, поставляющих все необходимые в сельской жизни и производстве предметы; деревня становится все в большую денежную связь и зависимость от города и его промышленности. Если прежде мельнику за переолм зерна, тележнику за сооружение повозки, кузнецу за починку плуга или сапожнику за изготовление обуви вся деревня платила разнообразными предметами первой необходимости собственного производства, то теперь все это перерабатывается и выделяется в городе, откуда достать можно только за деньги¹.

Развитие городского ремесла и городской промышленности убило таким образом деревенское ремесло. Но еще более глубокое и важное по своим последствиям влияние развития городской промышленности оказало на другую сторону деревенской промышленной деятельности, именно на так называемое «домашнее производство», т.-е. на промышленную переработку получаемых в хозяйстве сырых продуктов скотоводства, земледелия, лесных промыслов и т. п. для собственного потребления. Нарождающаяся промышленность в постоянном стремлении к расширению, в поисках за новыми рынками сбыта не могли оставить, чтобы такой громадный потребительный рынок, каким представлялось для промышленности сельское население, оставался, благодаря развитию домашних промыслов, самоудовлетворяющимся. Городской промышленности, капиталу необходимо было победить, или так или иначе подчинить себе деревенскую домашнюю промышленность. Но если деревенское ремесло было прямо убито городской капиталистической промышленностью, то деревенская домашняя промышленность оказалась более живучей и под воздействием капитала породила в жизнь новую систему организации промышленности.

Деревенская жизнь вообще сравнительно трудно поддавалась разлагающему влиянию городской промышленности и капитала, тем более, что первоначально и в техническом, и в экономическом отношении у городской промышленности было не очень много преимуществ. Поэтому, капиталу пришлось выискивать себе другой способ подчинения и эксплуатации крестьянской домашней промышленности. Возрастающая потребность в деньгах всегда заставляла крестьянское земледельческое хозяйство смотреть на свои домашние промыслы не только как на натуральный способ удовлетворения личных потребностей, но и как на подсобный источник покрытия денежной нужды. Сбыт крестьянских домашних изделий с возникновением денежных отношений в деревне должен был принять еще более широкие размеры. По-

¹ Зомбарт. Современный капитализм, т. I, гл. 26.

нятно, что направление производства обуславливалось большею частью собственными потребностями крестьянского хозяйства, так как на рынок сбывались только избытки. О соответствии производства условиям и потребностям рынка не могло быть речи, так как крестьянин не мог знать и изучить этот рынок. Этой последней стороной и воспользовался нарождающийся городской капитал, чтобы эксплуатировать крестьянские домашние промыслы в свою пользу.

В деревне является «благодетель» крестьянского хозяйства, дающий ему подсобный источник для поддержания земледелия и увеличения его скудных денежных доходов; это—скупщик крестьянских изделий. Вначале лишь скупая имеющийся материал, он впоследствии, благодаря своему знанию рынка, превращается в настоящего организатора производства, расширяя его количественно и направляя качественно в соответственную сторону. Общие условия благоприятствовали вначале такой постановке производства. Часто высокое умение и вкус крестьян в разных изделиях, готовый под руками сырой материал, свободное в течение всей зимы от полевых работ время и поэтому дешевая расценка собственного труда—все это благоприятствовало вначале успеху такого начинающего капиталиста, предпринимателя-скупщика. Неимение крупного предпринимательского капитала являлось для него препятствием иной, более рациональной, постановки производства; к тому же в городах ему приходилось выносить сначала неравную борьбу с хорошо организованной и могущественной цеховой промышленностью¹.

Поэтому-то деятельность в деревне, в виде скупщика-предпринимателя представляется одним из главных этапов в развитии будущего промышленного капитализма, многих будущих отраслей мануфактуры. Первоначально этот капитализм является здесь в виде только торгового капитализма и надолго мирится с этой ролью, владея лишь областью сбыта продуктов и мало касаясь или даже совсем не касаясь собственно области производства. Но скоро капиталисту-скупщику, торговому капиталу, пришлось уступить и здесь место самостоятельному капиталистическому предпринимателю, производительному капиталу, захватившему под свой контроль и в свое ведение не только область сбыта, но и область производства и произведшему в ней крупный переворот в смысле поднятия и улучшения техники, а следовательно, и в удешевлении продукта. Дальнейшая централизация рабочих на мануфактуре и фабриках даже при более высокой оплате фабрично-заводского труда оказалась еще более выгодной и производительной, чем пользование дешевой, но малопроизводительной и рассеянной силой крестьян. Поэтому, чем быстрее развивалось машинное фабричное производство, тем быстрее падало производство на скупщика, тем быстрее вытеснялись из деревни вместе со скупщиком подсобные земледельческие промыслы.

Но этим одним не ограничилось влияние перенесения в город и быстрого расцвета там обрабатывающей промышленности. Оно коснулось не только деревенских промышленных занятий, которые большею частью являются побочным и добавочным заработком сверх обеспечения от земледельческого труда. Денежные отношения, завязавшиеся между деревней и городом, вследствие постоянного притягивания последним из деревни всех промышленных занятий, придали новый характер и чисто земледельческим занятиям сельского населения. Возрастающая нужда в деньгах для покрытия неземледельческих расходов заставляла стремиться к извлечению возможно большего дохода из земледельческих занятий. Отсюда вытекала необходимость не только рационализации самого технического процесса земледелия, но и иного отношения к собственному земледельческому труду. После падения деревенской домашней промышленности он стал единственным источником покрытия всех денежных и натуральных расходов хозяйства.

¹ Bücher, l. c., IV. 200—215.

Земледельческое производство само должно было получить характер товарного производства. Сумма производимых на продажу земледельческих продуктов должна была определяться денежной нуждой хозяйства. Лишь остаток сверх этого шел на внутреннее потребление самого хозяйства вместо обратного отношения, господствовавшего при натуральном строе. Земледельческое хозяйство, даже в отношении производства земледельческих продуктов, стало ставить себе целью не самоудовлетворение, которого теперь уже нельзя было достигнуть, но получение денежного дохода. Товарный характер всех производимых в хозяйстве продуктов стал исключительно господствующим.

В этом отношении как мелкое некапиталистическое крестьянское хозяйство, так и крупное предпринимательское оказались в совершенно одинаковых условиях: оба они должны работать для рынка, подчиняясь общим законам рыночного обмена. Но тем самым, конечно, они встали на рынке в положение непримиримых конкурентов. Если при натуральном строе интересы мелкого крестьянского и крупного помещичьего хозяйства не только не сталкивались, но были вполне солидарны, то теперь они стали противоположными. Влияние рынка на положение того и другого было различно, привело к различным следствиям и к различным в них самих переменам.

IV.

Развитие капиталистических отношений в частновладельческом хозяйстве.

Первоначальные зачатки и признаки веяния новых начал в сельском хозяйстве, в смысле служения его рынку, можно заметить в европейском хозяйстве еще задолго до эпохи капитализма, до окончательного разрушения натурально-потребительного строя и феодальных земельных отношений. Но это служение рынку вначале еще не приводит к перестройке и изменениям в самих производственных отношениях, в организации земледельческого производства.

Как и в обрабатывающей промышленности, простейшей и первоначальной формой зависимости земледельческого хозяйства от капитала было подчинение торговому капиталу, подчинение капиталу процесса обмена земледельческими продуктами. Эта форма является исторически уже достаточно обособленной, чтобы ее можно было выделить в качестве наиболее ранней из других существующих форм зависимости сельского хозяйства от капитала. Зависимость хозяйства от торгового капитала, как сказано выше, может существовать и ранее возникновения того освободительного движения, результаты которого — освобождение труда, индивидуализирование земельной собственности и пр. — явились необходимыми постулатами для возникновения производительного капитализма в земледельческом хозяйстве. Однако, как первобытный непосредственный обмен земледельческими продуктами самими производителями в городах, часто имевший место при сохранении общим строем сельско-хозяйственной жизни натурального характера, так и эта первоначальная докапиталистическая торговля земледельческими продуктами занимала едва ли видное место по своим размерам и по своему значению в общем народном хозяйстве. В противоположность распространенному мнению можно полагать¹, что докапиталистическая торговля земледельческими продуктами была очень невелика: годовые обороты хлебной торговли в XVI—XVII веках таких рынков, как Гамбург и Штеттин, в эпоху их процветания, были равны размерам одного-двух современных кораблей.

Так же ничтожны были обороты торговли другими сельско-хозяйственными продуктами, так же незначительно было число профессиональных торговцев.

Но не только по размерам своих оборотов, но и по влиянию на сельско-хозяйственное производство, в особенности вначале, докапиталистическая торговля не имела особенного значения. Оно могло стать выдающимся лишь тогда, когда изменились самые условия производства, внутренние отношения хозяйства, когда пробуждение нового предпринимательского духа, стремления к наживе и к получению прибыли, становится всеобщим, захватывая и земледельческое хозяйство, начинающее работать специально на продажу вместо прежнего удовлетворения личным потребностям. Только тогда, когда торговый капитал сбрасывает с себя прежнюю пассивную роль и начинает использовать эти новые стремления, пробудившиеся в земледельческом хозяйстве, становятся возможными широкие и действительно заслуживающие внимания торговые обороты сельско-хозяйственными продуктами. С разрушением натурального хозяйства, обыкновенно во всех странах обнаруживается непомерный и быстрый рост, главным образом, хлеботорговых оборотов и хлебного экспорта. Развитие торговли обыкновенно даже идет впереди полного разрушения натурального хозяйства: высасывающая сила торгового капитала настолько велика, что он находит себе материал даже при сохранении еще, хотя бы отчасти, натуральных основ земледельческого хозяйства. Он мирится и остается совершенно равнодушным к форме организации производства, лишь бы она не представлялась настолько замкнутой и самодовлеющей, что совершенно лишала возможности существования обмена и сбыта.

Таким образом, появление в сфере сельско-хозяйственных отношений торгового капитала, хотя представляется в высшей степени важным фактором для дальнейшего их развития, однако, еще не революционизирует самого сельско-хозяйственного производства. Но, несмотря на это, потребительное натуральное хозяйство, раз начавши работать на продажу, само собой разлагается и пропадает «как дерево, у которого засыхает верхушка» (Бюхер). На месте его постепенно возникают более сложные капиталистические отношения.

Несвободный труд, низкая производительность его, нераздельное или совместное пользование землей, ряд фактических и формальных ограничений в нем, приводящих к крайнему стеснению хозяйственной инициативы—все это становится при новых условиях производства и обмена, при стремлении к получению прибыли, невозможными путями. Наступление общей экономической и политической эмансипационной эпохи становится потребностью нового товарно-капиталистического строя. Дороговизна и нерациональность употребления дорогого крепостного труда и невозможность прогресса земледельческой техники являлись противоречием возникновению производительного капитала в земледелии. Когда эти препятствия исчезли—дорога производительному капиталу для завоевания и подчинения себе земледельческой промышленности была расчищена.

В европейском сельском хозяйстве уже с XVIII столетия и, в особенности, в течение XIX века начинается особенно усиленное внедрение новых капиталистических стремлений и новых отношений в земледельческое производство. Образование близкого и широкого внутреннего рынка вследствие роста городов и промышленной жизни пробудило в сельском производителе до сих пор дремавшие инстинкты накопления и стремления к получению прибыли через продажу своих продуктов, а вместе с тем стало побуждать и к техническому усовершенствованию производства, к приложению в нем капитала.

Накануне этого пробуждения промышленной жизни, сельско-хозяйственная техника, не имея побудительного стимула для своего развития, стояла на очень низкой ступени. Для большинства западно-европейских стран пре-

обладающим являлось экстенсивное зерновое хозяйство, главным образом, в форме наиболее распространенного трехполья. Но и при господстве (вследствие тех или других местных естественных и экономических условий) других систем, собственно зерновое хозяйство везде должно было иметь значительное распространение. С разрушением натурального строя и с возникновением обмена оно поставляло главный массовый продукт, идущий в обмен и на продажу в город, так как потребление мясных и молочных продуктов было и вообще сравнительно слабо, да и по условиям транспорта хозяйства, основанные на получении их, должны были ограничиваться небольшим, ближайшим к городу районом. Поэтому экстенсивные зерновые системы при развитии городской и промышленной жизни еще долгое время могут сохранять свое преобладание, благодаря именно своей экстенсивности, возможности обходиться без вложения в предприятие капитала, служа в то же время рынку. Но вообще условия этого рынка и городского спроса, с одной стороны, и накопление капитала, с другой—уже скоро создают возможность и даже необходимость перехода к более интенсивным формам, к приложению капитала в земледельческом хозяйстве.

Зерновому, главным образом трехпольному, хозяйству приходилось поэтому везде выносить на себе всю тяжесть переходной эпохи, всю тяжесть разорения старых форм и насаждение новых. Новые условия менового хозяйства и денежного обращения, лишение деревни побочных промыслов, возрастающая потребность в покупных и платежных средствах заставляли особенно усиленно развивать чисто земледельческую сторону хозяйства, заставляли стремиться к выработке возможно большего количества нового товара—зерна—в целях возможно большей продажи его. Трехполье для большинства западно-европейских стран (за исключением тех местностей, где оно по естественным условиям вовсе не применялось) является, таким образом, характерной эпохой резкого кризиса и перелома сначала технических условий производства, а затем и всего связанного с ними экономического положения и общественного строя.

Эти технические прогрессивные перемены в производстве и его направлении выразились в возможности получения иных и более доходных продуктов, чем те, которые доставлялись прежними экстенсивными зерновыми системами, т. е., главным образом, мясных, молочных и др. т. п. продуктов. Изменение производства в этом направлении и возникшее отсюда стремление к приложению капитала стали возможны лишь при соответствующем изменении в спросе, а, следовательно, и в ценах на известные роды земледельческих продуктов. Действительно, к этому времени рост промышленной и городской жизни везде влечет за собой быстрое повышение цен всех земледельческих продуктов—хлеба, мяса, шерсти и пр.; оно начинает отмечаться с начала XVIII столетия и продолжается до первых годов XIX столетия, пока западно-европейское хозяйство не встретило конкурентов в лице России, Соед. Штатов и Аргентины¹.

Такое повышение цен, результат внешнего сельскому хозяйству фактора, развития промышленности, дало сильнейший толчок развитию производительных сил и в самой земледелии. Оно побуждало к интенсификации производства, к вложению в землю капитала, с целями производительного

¹ Это повышение в конце XVIII в. и в начале XIX в. особенно резко и заметно сказалось в Англии, благодаря, с одной стороны, высоте ее промышленного развития, с другой—свободе таможенной политики. Так, цена квартера пшеницы равнялась в среднем за 25-летние периоды: 1700—24 г.г.—37 шилл., 1725—49 г.г.—35 шилл., 1750—74 г.г.—43 шилл., 1755—99 г.г.—48 шилл., 1880—24 г.г.—78 шилл., 1825—49 г.г.—58 шилл. G. Broomhall, *Review of the World's Grain Trade*, Lond. 1904. В Берлине тонна пшеницы стоила в 1700—25 г.г. 85 мар., 1750—800 г.г. уже 125 мар., Handw. d. Staatsw., Conrad, art. «Getreidepreise». То же и другие продукты, см., напр., *ibid.* Garlach, «Fleischpreise» и др. Prof. Béla Földes. *Die Getreidepreise im XIX Jahrhundert*. Conrad's Jahrb. III, XXIX.

его употребления и получения на него прибыли. То, что было выгодным и даже единственно возможным при низких ценах на сельскохозяйственные продукты, то становится убыточным и нерациональным при их повышении; и наоборот, системы хозяйства, казавшиеся разорительными прежде по своим большим затратам, становятся теперь наиболее выгодными¹.

Появление в сфере сельскохозяйственной промышленности производительного капитала оказывает решающее влияние на разложение всего дальнейшего земельного строя, чего не могло произвести появление торгового капитала. Выдвинутые вновь народившейся буржуазией и в сельском хозяйстве так же, как и в других отраслях промышленной жизни, принципы получения прибыли должны были найти себе больший простор в земельных отношениях и не могли мириться с существовавшей в них замкнутостью и сословностью. Когда эти земельные отношения освободились от прежних сословно-феодалных пут, к земле и сельскохозяйственному производству получил доступ каждый обладающий достаточными средствами для этого. А так как для возникновения крупно-капиталистической организации сельскохозяйственного производства в то время еще не везде достаточно созрели общие экономические условия, то первые шаги производительного капитала в земледелии обыкновенно связаны с раздроблением земельной собственности, с заменой прежних экстенсивных, основанных на принудительном труде крупных хозяйств более мелкими, свободными, но более интенсивными хозяйствами. Они знаменуют, таким образом, появление в сельском хозяйстве мелкой буржуазии.

При совершенной тождественности и повторяемости этого явления во всех странах, в аграрной эволюции каждой из них можно заметить и весьма существенные особенности, в зависимости от результатов общего экономического, промышленного и общественного развития их. В одних—ход предшествовавшего экономического и промышленного развития обусловил возможность широкого накопления капитала, ищущего себе производительного приложения, и в то же время создал обширный городской и промышленный рынок для сбыта сельскохозяйственных продуктов. Такие условия являлись наиболее выгодной почвой для возникновения и расцвета сельскохозяйственного капитализма. Но и в этом случае, в зависимости от того, удержал ли прежний привилегированный землевладельческий класс за собой право землевладения, или лишился его вследствие каких-либо причин, и земля перешла в руки других сословий—аграрная эволюция в разных странах могла получать различное направление, и организация капиталистического сельскохозяйственного хозяйства получила различный вид. В других странах предшествовавшее промышленное развитие было слабо, широкого накопления производительного капитала не произошло; в то же время дифференциация сельского трудового населения и разрушение его натурального быта не пошло далеко; наконец, земельные отношения могли долгое время сохранить свой сословный характер, в результате чего аграрная эволюция и судьба капитализма в земледелии получало здесь новый, отличный от первых стран, вид, как в отношении форм землепользования, так и в отношении организации производства.

¹ Известно, как влияет на выгодность систем хозяйства высота цен на продукты. Рошер, напр., делает по этому поводу такой приблизительный расчет чистого дохода хозяйств при различных системах и разных ценах:

Цена.	Чистый доход составляет при системах:		
	Экстенсивной	3-хпольной	Средне-интенсивной
1	+ 200	±0	— 1.000
2	+ 500	+ 600	+ 0
4	+1.150	+1.900	+ 3.000
8	+2.525	+5.500	+10.500

Следовательно, при общем характере тенденции и процесса капитализации сельскохозяйственного хозяйства для отдельных стран, в зависимости от степени их общего экономического развития и, главным образом, развития промышленного капитализма, намечаются некоторые особенности в их аграрной эволюции.

Первой страной, вступившей со своей промышленностью и сельским хозяйством в эру современного капиталистического развития, была, как известно, Англия. К началу XVIII столетия в ее аграрном строе еще не закончились те перемены, которые создали основу будущего типа английских земельных отношений. Значительная часть земли находилась еще в общинном землевладении, была отягощена различными сервитутами, чересполосицей и сложными отношениями между помещиком и крестьянским хозяйством. Большая часть помещичьей земли на условиях выплаты натуральной или отработочной аренды обрабатывалась безземельным или малоземельным крестьянином, докапиталистическим фермером. Этот аграрный строй весьма крупными скачками разрушается в течение XVIII века. Разрушительной силой и причиной создания определенного типа землевладения и сельско-хозяйственного предпринимательства явились не внутренние условия самого сельского хозяйства, а требования и результаты общего промышленного и частью политического развития. Благодаря сильному развитию промышленного капитализма, накоплению капитала в городах, развитию внутреннего рынка, создался интерес и для промышленного ведения сельского хозяйства, а вместе с тем создалась необходимость образования особого класса сельских предпринимателей, сельской буржуазии. Однако, с другой стороны, сами крупные земельные собственники, сильные политически, не разорвали своей связи с землей и не лишились своего права землевладения; наоборот, они в сильнейшей степени концентрировали в своих руках земельную собственность, удержав всецело сословный характер владения ею ¹.

Это, однако, совершенно не изменило положения дела и не предотвратило образования в сельском хозяйстве постороннего землевладения предпринимательства, сельской буржуазии. Именно, крупные землевладельцы, выгнавшие прежних своих докапиталистических фермеров и начавшие насаждать собственное экстенсивное скотоводственное хозяйство, вскоре снова возвратились к прежней системе мелкого фермерства, хотя уже в иной форме. Стремление к наживе, раз оно стало возможным, вследствие расширения спроса и повышения цен, раз оно проникло в сельско-хозяйственное производство, начинает требовать прежде всего реформирования устарелой техники, введения новых способов производства, новых видов землепользования. Старые крестьянские земледельцы, докапиталистические фермеры, сменяются новым предпринимателем, капиталистическим фермером, который первым условием вложения в землю капитала ставит «неприкосновенность земельной собственности», т. е. уничтожение всех остатков совместного землепользования. «Огораживание» является поэтому в Англии выразителем целого ряда коренных аграрных реформ, создавших возможность применения новых рациональных капиталистических способов земледелия. Этот переход, конечно, сопровождался громадным потрясением основ хозяйства бедных капиталом земельных собственников и предпринимателей, закончившись полным разорением их в пользу более крупных и богатых капиталом ².

¹ Этой концентрации земельной собственности отчасти способствует то обстоятельство, что юридически вся земля в Англии считается принадлежностью короны. Процесс этот, как известно, делает успехи и до настоящего времени. Крупным земельным собственникам в результате оказывается принадлежащей 56% всей площади. George Brodrick, *English Land and English Landlords*, Lond., 81. См. также A. Arvild Freeland, *Lond.* 80. Cp. Nassе, *Schriften d. V. f. S.-P.*, XXVII.

² Об этом см. известное описание Маркса, *Капитал*, I, 24, а также Oskenskowsky, *Englands wirtschaftliche Entwicklung*, Jena. 1879.

Таким образом, в Англии крупное докапиталистическое феодальное земледельческое хозяйство более или менее непосредственно переходит в высший тип капиталистической организации земледельческого хозяйства — в тип капиталистической аренды. Причиной именно такого хода аграрной эволюции является, во-первых, политическая сила поместного класса, не упустившего из своих рук права на землю; во-вторых, высокое развитие промышленного капитализма, сосредоточение капитала в руках постороннего землевладельцу класса и стремление его к захвату не только обрабатывающей промышленности, но также и области сельско-хозяйственного производства. Наконец, отчасти этому способствовали также и благоприятные технические и естественные условия ведения фермерского хозяйства, именно постоянство климата, равномерность урожаев и т. п. Все эти обстоятельства и создали из Англии типичную страну фермерского капиталистического хозяйства, непосредственно развившегося из старого докапиталистического строя.

Отличие континентального аграрного развития от английского заключалось в том, что тогда как в Англии промышленный капитализм получил уже значительное развитие к тому времени, когда стал развиваться капитализм в сельском хозяйстве, и для ведения капиталистического сельского предприятия образовался уже особый класс капиталистических предпринимателей-фермеров, — в более отсталых в промышленном развитии странах континента накопление капитала в промышленности не достигло еще такого избытка и такой величины, чтобы предпринимательский капитал стал искать себе приложения в сельском хозяйстве. Здесь сами землевладельцы должны были организовать и вести свое хозяйство в условиях нового порядка вещей. Между тем самая смена земельных отношений происходила здесь гораздо более резко и быстро, так что иногда общественные и революционные движения быстро смывали здесь то, что в Англии сменялось веками. Во Франции революция приводит к раздроблению прежней феодальной собственности на мелкую крестьянскую. Известно, что революция сразу выбросила на рынок $\frac{1}{10}$ всех земельных богатств Франции, как истинная представительница буржуазных тенденций, не национализировав эти земли, а распродав их мелким и средним земельным собственникам. Таким образом, падение политической власти крупного землевладельческого класса без достаточного еще развития промышленного капитализма и при невозможности капиталистического ведения сельского хозяйства приводит Францию к господству мелкой, частью крестьянской, частью средней «буржуазной», собственности. Нечто подобное имеется в Италии; к таким же результатам, хотя более медленным путем, приводит развитие Дании, Голландии и южной Германии ¹.

Наоборот, в северно-немецких государствах, где, как в Англии, поместный класс сохранил свои политические права, а, следовательно, и владение землей, но где, в противоположность Англии и как везде на континенте, промышленный капитализм не достиг достаточного развития для завоевания сельского хозяйства, там при сохранении крупного землевладения сохранилось также и самостоятельное ведение помещиками своего земледельческого предприятия. Конечно, новые условия предпринимательского хозяйства на началах капи-

¹ До революции всех земельных собственников насчитывалось во Франции лишь 4 милл., после революции уже $6\frac{1}{2}$ милл. A. Foville. Le morcellement. Paris, 1885, p. 86—96. Block. Statistique de la France. 1875, II. Кроме дворянских земель в фонд земельного рынка обыкновенно одними из первых поступают также церковные и монастырские земли, существование которых при новом строе, конечно, прежде всего является анахронизмом; так было и во Франции, где революция отняла церковных земель на $1\frac{1}{2}$ миллиарда франков. A. Foville, l. c. 54. То же самое было и в Италии, где было распродано такой земли на 900 миллионов лир. Eheberg. Italienisches Agrarwesen, Schr. d. Ver. f. Soc.-Pol., 23. Sachs, L'Italie, ses finances et son développement. Paris. 85. Относительно Германии см. Conrad, Agrarstatistische Untersuchungen, VI, Grossgrundbesitz. Meitzen. Der Boden und die landw. Verhältnisse d. Preuss. Staats., I. Buchenberger. Der Verwaltungsrecht d. Landwirtschaft Tb. 1887 A. Foville. Le morcellement, 52.

талистических отношений требовали и от землевладельцев-предпринимателей обладания капиталом, которым они не всегда обладали и который должен был приливать к сельскому хозяйству иными путями, чем в Англии. Повышение цен на сельскохозяйственные продукты и здесь служило толчком для интенсификации и рационализации хозяйства, ко вложению в него капиталов, вместе с тем, конечно, и к изменениям в самом направлении производства, т. е. к переходу от зерновых систем к скотоводственным и промышленным¹. Вместе с рационализацией земледелия, с введением травосеяния, с уничтожением выгонного содержания скота, с распространением улучшенных способов обработки и удобрения искусственными туками, должны были, с одной стороны, уничтожиться и остатки старых сложных земельных порядков; с другой стороны—все это требовало и громадных денежных средств для ведения хозяйства.

Освободительная эпоха приносит европейскому помещицкому земле-владению и то, и другое, т. е. и освобождение от прежней связанности земельных отношений, а также и некоторый прилив капиталов в виде тех выкупных платежей, которые всюду должны были платить помещикам освобожденные крестьяне. С XVIII в. и до середины XIX ст. совершается во всех европейских странах это освободительное движение, проходящее при всем его разнообразии с одним преобладающим мотивом и с одним и тем же последствием. Заинтересованный поместный класс везде встречал вначале реформу более или менее враждебно и отрицательно, смотря на нее, как на лишение своих сословных привилегий. В действительности же всюду сопровождавшие реформу выкупные платежи², уплачиваемые помещикам, должны были принести им громадную выгоду. Вместе с изменившимися внешними условиями они должны были создать для крупного помещицкого хозяйства более благоприятную почву дальнейшего развития в смысле организации своего хозяйства на крупно-предпринимательских, чисто коммерческих началах. Освобождение крестьян везде приносило и избавление помещикам от экономически невыгодного крепостного труда, от пут натуральных отношений; создавало новый рабочий рынок для исполнения сельских работ и новый потребительный рынок, благодаря увеличению городского населения.

Таким образом, крупному землевладельческому классу в таких странах, как Германия, представлялась возможность к переходу от старого крепостного хозяйства к новым формам, при сохранении земельной собственности и самостоятельного земледельческого предпринимательства. И действительно, тогда как в Англии обработка земли самими собственниками достигает не более 19¹/₁₀ всей площади, в Германии, наоборот, лишь 19⁰/₁₀ площади сдается в арендное пользование. Поэтому другим, противоположным английскому, типом развития крупного капиталистического хозяйства является самостоятельное землевладельческое хозяйство, когда землевладелец-собственник является и предпринимателем. Этот тип земледельческого хозяйства, более всего распространенный на континенте, по тем производственным отношениям, которые лежат в основе его—применению капитала и наемного труда—должен быть так же, как капиталистическое арендное хозяйство, отнесен к капиталистически организованным предприятиям, несмотря на то, что совмещает в одном лице и землевладельца, и предпринимателя. Степень

¹ Еще в начале XIX ст. в Германии пар занимал 33¹/₃⁰/₁₀ пашни, т. е. господствующей являлась трехпольная система; в 1887 году его насчитывалось лишь 8,89⁰/₁₀, а в 1893 г. 5,91⁰/₁₀. Statistik d. Deutschen Reiches, B. 5. N. F.

² Из немецких государств в Бадене, напр., «выкуп десятины» крестьянам обошелся до 70 милл. мар.; выкупных платежей помещикам Пруссии поступило до 250 милл. мар. Другие государства насчитывают также весьма крупные цифры выкупных платежей. Лишь во Франции эпоха революции уничтожила все помещицкие права на крестьянские повинности, как остаток феодализма. См. Meitzen. Der Boden und d. landw. Verhältn. d. Preuss. Staats, I 437. Buchenberger. Der Verwaltungsrecht d. Landwirtschaft. Tb. 1887. A. Foville. Le morcellement, 52.

капитализации такого хозяйства должна определяться только степенью развития в нем производственных капиталистических отношений, сменяющих остатки прежних полусвободных форм организации хозяйства в виде отработочных, натуральных и т. п. аренд. И поскольку развиваются в этом хозяйстве капиталистические отношения, поскольку требуется все больший прилив капитала к нему, постольку и в европейском землевладении и сельском хозяйстве все более ясно отмечается фактически тот же процесс, что и в английском, именно «отделение права землевладения от обработки земли»¹. Однако, этот процесс капитализации происходит здесь в гораздо более сложных формах и по своим экономическим последствиям является иным, чем в Англии.

Для организации земледелия на капиталистических началах предпринимателю-землевладельцу требовались большие денежные средства. Отчасти они, как сказано, были получены помещичьим классом в большинстве европейских стран при освобождении крестьян. Но эти суммы были вообще невелики, сравнительно с потребностью в капиталах, и были скоро исчерпаны, а для развития производительности и интенсификации земледелия при капиталистическом производстве требовался все больший прилив капитала к земледелию, все большее вложение денежных средств в сельскохозяйственное производство. Для европейского землевладельца-хозяина все грознее стал вставать вопрос о недостатке этого капитала и о необходимости или изыскивать способы привлечения его в земледелие путем кредита, или ликвидировать свое хозяйство.

Этот последний исход был, понятно, неблагоприятным для желавшего вести свое сельскохозяйственное хозяйство помещика. Но, казалось, не существует особенных трудностей для достижения первого исхода при постоянном стремлении капитала изыскивать себе всевозможные способы производительного приложения. Правда, в таком случае отличие организации хозяйства от английского фермерского хозяйства было бы только формальным: при привлечении к сельскохозяйственному предприятию капитала извне землевладелец фактически работал бы на чужой капитал, его предприятие зависело бы от условий кредита этого капитала, сам он получал бы только ренту и фактически не был бы самостоятельным предпринимателем. Таким образом, можно было думать, что начавшийся быстрый рост задолженности европейского частного землевладения даст ему возможность поставить свое хозяйство на почву чисто-капиталистического предприятия. Действительно, так и решался вопрос с точки зрения старых представлений и теорий о роли капитала и кредита в сельско-хозяйственном производстве: при взгляде на ипотеку, как на вид производительного употребления капитала в земледелии, задолженность землевладения должна служить признаком роста производительного капитализма в сельскохозяйственном производстве и лишь скрытой, измененной формой того же «отделения владения землей от ее обработки», какое в прямой форме проявляется в английском фермерстве².

Но уже Родбертусом было доказано, что ипотечная задолженность не связана с употреблением полученного капитала на производительные цели и ипотечный кредит не есть производительный кредит³. Чаще всего он связан с наследственными разделами или идет на совершенно посторонние и непроизводительные цели. Таким образом, вопрос об экономической сущности ипотеки и о причинах постоянного прилива к земле капитала через эту форму кредита остается открытым.

¹ Kautsky. Die Agrarfrage. Sttg. 1899, S. 91.

² Wolovsky. De l'organisation du crédit foncier. Paris, 1848, «Земледельческий кредит—поземельный кредит». См. также А. Смит. О богатстве народов, кн. II, гл. IV. Милль. Основания, кн. I, гл. IV.

³ Rodbertus. Zur Erklärung und Abhülfe d. heutigen Creditnoth d. Grundbesitzes. 1881.

С другой стороны, в европейском землевладении и в землевладельческом классе с XVIII века начинает усиленно обнаруживаться и другое явление, отчасти так же, как результат недостатка капитала у землевладельцев и как способ ликвидации хозяйства, отчасти как средство получения необходимого для производства капитала (при частичных продажах земли). Это—постоянно усиливающийся процесс мобилизации земли, т.-е. простого обращения ее на товарном рынке и купли-продажи ее, как всякого товара. По своим социальным и экономическим последствиям и по влиянию не только на все сельское хозяйство, но и на все народное хозяйство этот процесс мобилизации имел, конечно, громадное значение. Поэтому он вызвал оживленную литературу, на протяжении более чем столетия так или иначе решавшую этот вопрос ¹. Однако, вся она занята скорее рассмотрением экономических, социальных, политических и других последствий мобилизации земельной собственности, ее стеснений и свободы, концентрации и раздробления землевладения, преимуществ мелкого или крупного землевладения, значения крестьянства и поместного владельческого класса и т. п. Вопрос же о том, какова экономическая сущность явления мобилизации, постоянной купли-продажи земли, остается почти незатронутым, или разрешение его ограничивается большею частью простым указанием, что при мобилизации «земля представляется свободному обороту, обращается в предмет обмена, становится текучим товаром и подвергается действию движущей силы менового оборота, денег» ².

При мобилизации, как и при ипотеке, можно было бы предполагать, что раз продажа земли обусловливается недостатком капитала у прежнего землевладельца, продавца ее, и обладанием достаточного для организации капиталистического производства капитала у покупателя, то этот процесс «движения земли к капиталу» должен бы останавливаться тогда, когда земля попала в руки капиталиста, и когда явилась возможность капиталистической организации производства. Между тем, те же цифры показывают, что мобилизационный процесс не останавливается и не уменьшается, а, наоборот, земля все быстрее переходит из рук в руки, оставаясь в одних руках все меньшее, ничтожное число лет ³.

Очевидно, мобилизация земли не связана с капитализацией земледельческого производства и не представляет из себя «движения земли к капиталу», по крайней мере к капиталу производительному. Если здесь и есть какое-либо «движение земли к капиталу», то во всяком случае мы имеем здесь дело не с феноменами производительного капитала, а капитала денежно-торгового: ни в ипотечной задолженности, ни в процессе мобилизации не происходит развития капиталистических отношений в производстве, а происходит подчинение земледелия лишь денежному капиталу.

Торговый капитал при разрушении натурального хозяйства, как мы видели, превращает в товары прежде всего продукты прежнего личного натурального потребления. Это становится для него возможным, как только хозяйство теряет свой замкнутый и обособленный сословный характер и вступает в обмен с другими хозяйствами. Но этим влияние денежного ка-

¹ Сводка немецкой литературы вопроса о мобилизации, см. напр., у Соболева «Мобилизация земельной собственности и новое течение аграрной политики в Германии». М. 1898. Подробный перечень литературы можно пополнить такими историческими трудами как Niebur. Für Dismembrationsfrage, in Archiv d. Polit. Oekonom. N. F. II, 3. Lette. Die Vertheilung d. Grundbesitzes im Zusammenhang d. Geschichte d. Völkstände, 1858. Eisner. Politik und Landwirtschaft. 1835. Eberle. Grundeigenthum und Bauernschaft, 1896. Oppenheimer. Grossgrundeigenthum und sociale Frage, 1898. Hertz. Die agrarischen Fragen. 1899.

² Kosegarten. Betrachtungen üb. d. Verausserlichkeit und Theilbarkeit d. Landbesitzes, 52, цит. по Соболеву.

³ Об этом более подробно см. Ерошевский. К вопросу о поземельном кредите. Одесса, 1881, стр. 77.

питала не ограничивается: обратив в товар сначала продукты земли, он превращает в товар и самую землю. В дальнейшем он может превратиться и в более развитую форму, в капитал производительный; но, как сказано, ни через ипотеку, ни через мобилизацию этого большею частью не получается.

В чем же выражается сущность этого влияния денежного капитала на земледельческие отношения и чем объясняется эта возможность постоянного прилива денежного капитала к земледельческому хозяйству, если здесь нет производительных целей.

В той форме организации хозяйства, когда землевладелец является в одно и то же время и предпринимателем, ведущим свое хозяйство капиталистически, он, следовательно, имеет право на получение как прибыли на капитал, так и ренты. Сосредоточив в своих руках оба эти вида дохода, он может оба их капитализировать на общих основаниях денежно-капиталистического оборота, т.-е. продавши за известную капитальную сумму свое право на ренту и свое право на прибыль. При частной собственности на землю и при свободе мобилизации земли, приравняваемой обыкновенному товару, это представляется вполне возможным. В этом случае, следовательно, в продаже земли соединяется капитализация двух разных по существу доходов: процента на капитал и ренты. Возможность первого обуславливается вообще доходностью приложения производительного капитала в земледелии, как во всякой отрасли промышленности; в этом отношении земледелие не отличается от всякой другой из отраслей хозяйства. Возможность же капитализировать ренту зависит от исключительных свойств, связанных с характером землевладения и с особыми экономическими свойствами самой земли.

Вложенный в земледельческое хозяйство производительный капитал, как производительный капитал во всяком другом производстве, возвращается в произведенных продуктах и в их стоимости или целиком, или по частям. Поэтому, для реализации вложенного в земледельческое предприятие капитала нет необходимости вынимать его из предприятия или передавать предприятие в руки другого капиталиста; возвращение его совершается самим собою в процессе производства. Скорость возвращения этого капитала будет весьма различна, в зависимости от вида и продолжительности периода обращения капитала. В сельском хозяйстве, благодаря техническим и естественным особенностям, капитал возвращается вообще медленнее, чем в промышленности. Этими свойствами производительного земледельческого капитала обуславливается возможность сельско-хозяйственного кредита на общих основаниях производительного кредита; как таковой, т.-е. пока он остается производительным кредитом, а не поземельным, он не требует специального обеспечения в виде ипотеки.

Иное дело с тем денежным капиталом, который приливает к земледелию не в качестве производительного капитала, а ради реализации ренты в продаже земли или в ее ипотечной задолженности. Чем обеспечивается сохранность и возможность возврата этого вида капитала, поглощаемого землевладением и земледелием?

Доходность и обеспеченность ипотечного капитала обуславливаются рентной доходностью. Владение землей, помимо тех преимуществ, которые оно доставляет благодаря определенному социальному строю, имеет еще ту главную цель, которая у владельца овеществляется в получении ренты. Так как эта последняя имеет свойство постоянно возвышаться, то обычно все стремления землевладельческих классов и направлены на то, чтобы тем или другим способом удержать за собою хотя бы одно право владения землею, т.-е. право на получение ренты, хотя бы путем отказа от участия собственно в сельско-хозяйственном предприятии и хотя бы при максимальной задолженности. Возможность капитализировать эту ренту заклю-

чается в особых экономических свойствах земли, сводящихся в конце концов к взгляду на ценность земли не как на капитальную ценность, а лишь как на доходную или производную ценность¹.

Определения ценности и цены земли посредством капитализации ренты из обычного процента, при постоянном свойстве ренты расти, процента же — понижаться, и возможность для собственника каждого участка реализовать его все по возвышающейся стоимости, делает особенно неразрывной и живучей ту связь, которую обнаруживает земля, как известная экономическая категория с чисто исторической и сословной категорией — с поземельной собственностью. Если невозможно представить капиталиста, обладателя каких-либо машин, извлекающего из них прибыль каким-либо иным путем, а не употреблением их в производстве, если тем более невозможно, чтобы этот капитал в машинах увеличивался без какого-либо употребления их в производстве, — то поземельный собственник может, сам совершенно не участвуя в производстве и даже вовсе не эксплуатируя свою землю, получать от нее доход и увеличивать ее производную ценность. Поэтому, если для подчинения себе производительного процесса в промышленности капиталу необходимо разорвать лишь одну экономическую связь между самостоятельным производителем и принадлежащими ему орудиями производства, то в земледельческом хозяйстве на его пути стоит еще некоторая историческая категория в виде особого права земельной собственности.

Разорвать эту связь, превратить поземельного собственника в чистого земледельческого предпринимателя, вполне отделить экономическое явление — сельско-хозяйственное предприятие от исторического — той или другой формы землевладения, представляется для капитала более трудным. С точки зрения стремления капитала к достижению высшей для него цели — капитализации производительного земледельческого процесса — поземельная собственность должна являться для него безусловным препятствием, так как некоторая часть капитала при частной земельной собственности должна направляться не в капиталистически-организованное производство, а употребляться на капитализацию ренты, т. е. на покупку самого права ведения капиталистического хозяйства. В этом случае, следовательно, капитал, употребляемый на покупку земли, т. е. на капитализацию ренты, не представляется капиталом производительным. Затраты капитала на покупку этого «права» на землю в общем народном хозяйстве должны быть чрезвычайно велики. И в то же время, будучи совершенно непроизводительными, они являются громадной обузой для развития капиталистической организации производства, так как отвлекают капитал от производительного приложения. И следовательно, если в английском сельском хозяйстве подчиненным капиталу является только сельско-хозяйственное производство, сама же земля почти изъята из денежного оборота, то в континентальном хозяйстве не только производство организовано капиталистически, но и сама земля, как овеществление права на ренту, должна, сделавшись товаром, подчиниться всем законам товарно-денежного обращения. Возможность получать постоянно возвышающийся рентный доход и возможность, благодаря свободе мобилизации, его во всякое время капитализировать, имеют те последствия, что при этих условиях денежный капитал может и не стремиться перейти в высшие производительные формы, а ограничиваться лишь получением прибыли в процессе обращения земли, как товара.

Возможность получения прибыли из процесса обращения земли (в виде продажи или в виде залога) обуславливается не условиями производительных функций земли и капитала, а лишь свойствами последней давать

¹ Rodbertus. Zur Erklärung und Abhilfe d. heutigen Creditnoth d. Grundbesitzes. См. также L. Stein. Die drei Fragen d. Grundbesitzes. Buchenberger. Grundzüge d. Agrarpolitik.

ренту. Капитал в виде ипотеки, даваемый заимодавцем, или капитал, уплачиваемый за землю при продаже, представляет собою капитализированную ренту. Его возврат и уплата процентов обеспечивается всей или частью этой ренты; именно эта рента закладывается или продается, как капитальная ценность, хотя такой она и не представляет. Но раз эта ценность является лишь производной, а продается, как капитальная, раз получаемый чрез земельный кредит капитал представляет лишь капитализированную ренту, т. е. независимый от обращения капитала в производстве доход, то, переменив свою денежную оболочку на реальную и превратившись в землю, этот капитал возродиться в производстве в сущности не может. Его доходность обеспечена, хотя и в другой форме, не в прежней форме процента, но в форме ренты; но возродиться сам в процессе производства он не может, так как не участвует в производстве. Рента не воспроизводится и не погашается в производстве; она не входит в стоимость производственных продуктов и потому капитал, превратившийся в землю, может всегда получать в виде этой ренты вечный доход, но никогда не быть воспроизведенным ею вновь, как капитал производительный.

Если продана вся рента, т. е. если под обеспечение ренты взять максимальный по существующему уровню процента капитал, то новый владелец этой ренты, фактический землевладелец, не получает никаких доходов, превышающих размеры прежних его получений с капитала. Но зато он стал собственником-землевладельцем. А при современных условиях это право собственности дает ему и другое, еще более важное для него право — право получения ренты. Имея это признаваемое за ним «право», он, вследствие монопольного характера землевладения получает и возможность осуществления этого права: Реализовав свой капитал в землю, получая с нее доход, равный прежнему проценту, ex-капиталист не довольствуется своим положением: ему необходимо, как настоящему землевладельцу получать ренту не только формально, но и материально, т. е. получать доход, превышающий процент на затраченный при покупке земли капитал. Если земля остается еще на время в руках прежнего землевладельца, то дело в сущности не меняется: землевладелец, фактически работающий ради доставления прибыли капиталисту, также не может не стремиться воспользоваться прерогативами своего землевладельческого положения — получать ренту.

Постоянный рост цен земледельческих продуктов и спроса на землю предоставляет им обоим эту возможность. Как землевладелец, заложивший всю свою ренту и оставивший за собой лишь формальное право владения, так и капиталист, превратившийся в землевладельца и получающий ренту, равную прежнему доходу с капитала, с течением времени снова начинают получать действительную, абсолютную ренту. Но, как только возникла она, так снова появляется и возможность капитализировать эту ренту, заложив и продав ее: действительность показывает, что задолженность землевладения всегда составляет приблизительно постоянную часть стоимости земли и растет вместе с ценою этой земли¹.

Таким образом, явления мобилизации землевладения и его задолженности помимо их юридических форм, социальных и политических последствий, представляют лишь частный случай процесса подчинения сельско-хо-

¹ См., напр., старые данные, приводимые Rodbertus'ом в Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth, S. 31, на основании официальной статистики: в Познани, в каждое из трех десятилетий 1837—57 гг., общая ценность имений определялась в 6,9 милл. тал., 10,1 милл. тал. и 13,7 милл. тал., задолженность же возросла за это время с 5,5 милл. тал. до 8,8 милл. тал. и 11, 1 милл. тал., т. е. шла параллельно с ростом ценности имений и почти поглощала ее. Подобное же соотношение получает для более продолжительного и для более нового периода Steinbrück для одного из округов Германии: с 1820—41 гг. до 1880—95 гг. ипотечная задолженность увеличилась с 2,7 милл. мар. до 7,8 милл. мар., причем отношение ее к покупной цене имений увеличилось с 24,3% до 31,1%. Steinbrück. Die Entwicklung d. Preise d. städt. und ländlichen Immobilienbesitzes. Halle, 1896.

зайственных отношений капиталу, притом не производительному капиталу, а денежно-торговому, т. е. капитализацию не производительного процесса земледелия, а лишь сферы обращения его ценностей. В противоположность влиянию производительного капитала и совершенно тождественно с подчинением торговым капиталом сферы обмена, в этих случаях ссудный капитал, фактически подчиняя себе земледельческое хозяйство, не нуждается ни в капитализации производства, ни в наличности тех развитых условий, которых требует производительный капитал. Поэтому, он не влияет положительно на это производство, не способствует его капиталистическому прогрессу. Наоборот, для землевладельца увеличение ипотеки часто обозначает разрушение его хозяйства, благодаря необходимости работать ради доходов этого чужого ссудного капитала, в ущерб здоровым условиям производства¹. Независимая от капитализации производства и от развития производительных сил задолженность землевладения, поэтому, обыкновенно предшествует установлению капиталистических отношений. При крепостном строе она распространена не менее, чем при возникновении капиталистических отношений.

Как мобилизация земледелия, т. е. переход продаж или другим способом права на ренту от одного владельца к другому, так и задолженность его, т. е. залог права на ренту, есть лишь простое превращение в денежный капитал земли, но не самой по себе (так как она не представляет капитальной стоимости), а лишь права получения дохода от владения ею, права, обусловленного именно монопольностью этого владения. Для выяснения экономической сущности процесса мобилизации важен именно только этот способ перехода владения путем продажи ренты, так как этот вид мобилизации, который происходит вследствие перехода земельной собственности безвозмездно, целиком или раздробляясь, как наследство от одного владельца другому, при всей важности его социальных последствий, не имеет здесь значения. Если при таком наследственном переходе земельной собственности совершается в то же время денежный выдел и уплата одним из совладельцев другому денежной суммы, то очевидно, что и в этом случае происходит лишь простая капитализация и продажа ренты, как доходной ценности, т. е. обращение права на ренту, олицетворяемого землевладением, в товар и подчинение его денежному капиталу.

Итак, и в процессе мобилизации земли, в ее ипотечной задолженности происходит лишь простая продажа ренты; а так как рента всегда возрастает и, превращенная в капитал, вновь возрождается, то мобилизация земли и ее задолженность являются в то же время для современного земледельческого класса средствами получения капитала. Как первоначальное накопление капитала создалось, главным образом, путем накопления земельных рент, так и теперь сходный процесс совершается в современном землевладении. Разница между ними заключается лишь в том, что там землевладелец являлся в то же время и земледельцем-предпринимателем, тогда как теперь землевладение отделено от земледельческого предприятия. Поэтому первоначальное накопление не только происходило в земледельческом классе, но и накопленные капиталы должны были оставаться некоторое время связанными с земле-

¹ «Землевладелец напрягает все свои силы, чтобы раздобыть необходимые средства, хотя бы путем постепенного подтачивания самого хозяйства... Сокращает размер покупаемых для хозяйства кормовых и удобрительных средств, приобретает меньшее количество рогатого и продуктивного скота, употребляет меньшее количество рабочих рук и т. п. даже в ущерб требованиям рационального хозяйства. В то же время хозяин начинает продавать большее, чем следует по плану хозяйства, количество хлеба, скота и т. п. Таким образом, он ослабляет свой производительный капитал». Goltz, Vorlesungen üb. Agrarwesen und Agrarpolitik. Jena, 99. По анкете прусского правительства 1886—89 гг., в числе причин принудительных продаж имений отсутствие достаточного капитала составляет до 42%, лишь 10—12% падают на долю семейных обстоятельств и 56% — на нецелесообразные нормы наследственного права.

дельческим хозяйством, пока землевладелец не порывал с ним связи и не переносил свои капиталы в промышленность. Между тем, в настоящее время, благодаря свободе мобилизации земли и возможности капитализации ренты, землевладельцы могут тратить на те или другие цели свою ренту раньше, чем они ее получают, капитализируя ее посредством кредита. Другой вопрос, на какие именно цели тратится эта капитализированная рента; она может быть вложена в то же земледельческое предприятие и, ставши производительным капиталом, подчинить себе процесс земледельческого производства; может быть вложена землевладельцем, в качестве грюндера и в промышленное предприятие.

Но, как доказано в последнее время, начиная с Родбертуса, статистическими данными, капиталы, получаемые чрез ипотеку земледельческим классом, лишь в редких случаях идут на производительные цели земледельческого хозяйства. Поэтому, как в современном процессе мобилизации земли, так и в ее задолженности нет прилива и проникновения производительного капитала в земледельческое хозяйство, а имеется лишь подчинение его денежному капиталу. Этот денежный капитал может (и на высшей ступени своего развития всегда действительно стремится) превратиться в производительный капитал, т. е. завладеть производительным процессом земледельческого хозяйства. Но прежде всего, обратив в товар землю, как овеществление ренты, как вечный источник возрастающего дохода, он, как всякий торговый капитал, стремится лишь к получению прибыли в процессе ее обращения. Как денежный торговый капитал в процессе товарного обращения Д.—Т.—Д. временно меняет свою материальную оболочку, становясь товаром, а обладатель его не капиталистом, а собственником потребительной ценности, так и здесь капитал временно превращается в землю, а капиталист—в землевладельца, обладающего потребительной ценностью — землей. Но как в том, так и в другом случае, заботы капиталиста—не заботы производителя, не заботы о получении прибавочной стоимости в процессе производства и о подчинении его себе в этих целях, а лишь забота торговца—получения прибыли на свой капитал. Возможность получения этой прибыли заключается в возможности снова реализовать ренту с некоторым избытком, благодаря тому, что эта рента всегда возвышается.

Это обстоятельство является причиной весьма важного различия в аграрной эволюции континента от Англии. В Англии доступ производительного капитала к земледелию представляется вполне свободным, благодаря чему производительный процесс основан вообще на капиталистических началах и переходных полукапиталистических форм от прежнего натурального хозяйства к современной капиталистической организации почти не наблюдается. Отмеченные особенности и условия континентального землевладения и земледелия, затруднительность доступа к нему производительного капитала ведут к тому, что в нем переходные капиталистические и полукапиталистические формы получают гораздо более значительное распространение и оказываются гораздо более живучими. Существование натуральных, испольных, отработочных аренд является естественным следствием большей затруднительности доступа производительного капитала к земледельческому хозяйству и недостатка его у самого землевладельца. Наоборот, чисто капиталистические организации земледельческого производства являются менее частыми, так как даже прилив капитала через ипотеку может не вести к капитализации производства и может уживаться с теми же некапиталистическими формами натуральных и отработочных аренд. Поэтому для европейского частновладельческого сельского хозяйства чаще свойственен не непосредственный переход от натурального капиталистического хозяйства к капиталистически организованному предприятию, как в Англии. В некоторых случаях, в нем чаще и гораздо более широко распространенными являются различные полукапиталистические формы организации хозяйства и эксплуатации труда, в

виде исполных и отработочных аренд, освобождающихся от необходимости вложения в сельскохозяйственное хозяйство капитала и дающих в то же время возможность получать, а в случае надобности капитализировать, этот рентный доход.

V.

Влияние развития капиталистических отношений на крестьянское сельскохозяйственное хозяйство. — Системы сельско-хозяйственных организаций.

До сих пор мы говорили лишь о частновладельческом, преимущественно крупном и во всяком случае предпринимательском сельском хозяйстве, ведущемся в целях получения прибыли. Проникновение капитала и капиталистических отношений в такое хозяйство, как мы видели, вначале происходит в виде подчинения капиталу сферы обмена производимых этим хозяйством продуктов. В более же развитых формах это совершается путем капитализации производительного процесса, причем самое сельскохозяйственное производство отделяется от владения землей. Эта же последняя, превратившись в процессе мобилизации в простой товар, подчиняет земельную собственность денежному капиталу, капитализирующему источник дохода, лежащий вне производства, т. е. ренту.

Условия развития крестьянского хозяйства, принимая под ним, как указано выше, такой вид хозяйства, который в принципе отрицает развитие капиталистических начал — стремление к получению прибыли, как главный фактор хозяйственной деятельности, наемный труд, капиталистическую ренту — должны быть, конечно, совершенно иными. Однако, и крестьянское хозяйство не осталось совершенно свободным от капиталистических влияний и лишь прошли они несколько иным путем и вылились в иные формы, чем для частновладельческого хозяйства.

Общий перелом экономической жизни первой половины XIX века застал крестьянское хозяйство в техническом отношении, также как и помещичье, большею частью при первобытных и низких по производительности условиях трехпольной системы хозяйства. Но правовая эмансипация крестьянства принесла крестьянскому хозяйству освобождение от исторических пережитков крепостничества и феодализма далеко не так полно и скоро, как помещичьему. Остатки общинного землевладения и землепользования сохранились в крестьянском хозяйстве гораздо более крепко, собственность индивидуализировалась гораздо более медленно, мобилизация земельной собственности часто юридически совсем не признавалась или по крайней мере стеснялась, а вместе с тем затруднялась и замедлялась рационализация и техническое усовершенствование производства. Между тем, вытеснение фабричной промышленностью побочных деревенских занятий вносило в деревню все возрастающую нужду в деньгах. Эта нужда на первых шагах могла быть удовлетворена только пространственным расширением хозяйства, количественным увеличением вырабатываемого продукта; а при господстве трехполья это увеличение естественно должно было направиться на возможно большее расширение зерновой культуры. Введение в севооборот каких-либо новых, в иное время созревающих растений было невозможно еще и благодаря существованию принудительного севооборота, так как при общинном землевладении и при трехпольном севообороте все пожнивное поле поступало в общее пользование в виде выгона.

Таким образом, было трудно, почти невозможно перейти к рациональным, улучшенным системам хозяйства, с другой стороны, сама утретированная зерновая трехпольная система ставила крестьянское хозяйство в критическое положение. Для увеличения валовой доходности хозяйства необходимо было повышение урожайности истощенных полей; для этого необходимо было

лучшее удобрение, увеличение численности скота—следовательно, расширение кормовой площади на счет зерновой, а это грозило, хотя бы на первых шагах, сокращением валового сбора, если бы даже и было возможно по условиям общинного землевладения. Простое же расширение площади зерновых хлебов, к которому проще всего было прибегнуть, влекло за собой сокращение удобрения и полное истощение и без того уже выпаханной земли.

Поэтому-то стадия зернового трехпольного хозяйства, через которую проходили почти все страны, является особенно критической и особенно характерной не только для частновладельческого хозяйства, но не менее того и для некоторых моментов в поступательном ходе развития земледельческой техники и экономики деревни. Если трудовому сельскому населению представлялась возможность окончательного освобождения от исторических пережитков крепостного состояния, натурального хозяйства, общинного землепользования и перехода к свободному развитию своих производительных сил, то технические и общественные условия сельской промышленности быстро развивались и быстро менялись. Экономический рационализм и стремление к получению денежного дохода, заставившее освободить крестьян от крепостного труда, побудили в свою очередь и к рациональному техническому преобразованию крестьянского хозяйства, выразившемуся в изменении всей системы полеводства и хозяйства ¹. «Как только была достигнута полная частная собственность на землю, исчезла и необходимость засевать площадь, не предназначенную для прокормления скота только зерновыми хлебами. Крестьянин мог возделывать и другие хлеба, которых требовал рынок, приобретший теперь решающее значение для земледельческой культуры. При трехпольной системе он этих новых растений или совсем не мог производить, или культивировал их лишь в огороде; таковы, напр., растения, предназначенные в пищу, как картофель, стручковые растения, или же для технических целей, напр., масличные—рапс, мак; волокнистые—лен, конопля; красильные—морена, вайда; пряные—хмель, тмин и др.; торговые,—как напр., мак» ².

Эти новые растения, частью вследствие своих специфических свойств и способности улучшения почвы (как, напр., бобовые), частью вследствие необходимости улучшенной обработки, усиленного удобрения и пр., привели в свою очередь к улучшению скотоводства, в громадной мере повысили урожайность истощенных крестьянских полей и, таким образом, настолько повысили технический уровень крестьянского хозяйства, что то малоземелье, от которого раньше страдала деревня, уничтожилось.

Но реорганизация хозяйства не могла остановиться на таком изменении собственно технических условий производства и пошла гораздо далее вглубь крестьянского хозяйства, повлияв на изменение всей его общественно-экономической структуры. Путь к этому был уже открыт изменившимися условиями землевладения и индивидуализацией его. Новое хозяйство требовало новых оснований свободного землевладения взамен прежних принудительных общинных; новая техника рационального земледелия вела к упадку одних старых отраслей труда и к возникновению ряда других, новых. Все это требовало новых людей, связанных лишь экономическим интересом,

¹ Этот переворот в земледелии европейских стран, происходивший везде с большим единообразием и сходством, почти везде также ставится в заслуги и связывается с теми или другими именами великих агрономов и ученых, «преобразователей отечественного земледелия», напр., Артура Юнга в Англии, Шубарта и Тэера в Германии. См. А. Юнг. *A zix monthes tour through the North of England*. Lond. 1771. Th а е r. *Grundzätze d. rationellen Landwirtschaft*. Berl. 1810—12, и его же *Einleitung zur Kenntnis d. englischen Landwirtschaft*. 1 Auf. 1798 I. C. Sch u b a r t. *Oekonomisch-Kameralistische Schriften*. Leipz. 1784—85. Но именно это единообразие представляет прекрасное доказательство, что общая для всех стран рационализация земледелия была лишь простым следствием назревших экономических требований эпохи.

² Kautsky, *Die Agrarfrage*, 34.

вместо прежней принудительной семейно-общинной кооперации, новых денежных отношений, приложения к земле капитала, а не одного личного труда.

Вместе с изменением техники сельского хозяйства, вызванным общим ростом народного производства, изменяется и вся внутренняя структура деревни, ведущая к дифференцировке народных сил в направлении торжества рационализма и индивидуализма. «Нужды современного сельского хозяйства: его потребность в точном установлении права собственности, его потребность в наилучшем использовании земли, т. е. в рациональной постановке хозяйства, его стремление преобразовать и рабочие отношения соответственно своим непосредственным целям—все это имеет своим следствием тот факт, что большая часть как бы связанного с землей сельского населения, органически сросшегося в прежнее время с сельским хозяйством, отрывается от земли, мобилизуется, превращается как бы в своего рода летучий песок. Известного рода процесс развития, подкрепляемый еще и другими обстоятельствами: уничтожением промышленных побочных заработков, возникновением среди сельского населения индивидуалистического духа—этими обоими следствиями распространения и усиления промышленного капитализма»¹.

Таким образом, развитие производительных сил и необходимость технического прогресса крестьянского хозяйства привели и крестьянское землевладение, как и помещичье, к дифференциации, полному расслоению и к уничтожению в нем прежних сословных начал. Там, где подобные перемены в крестьянском землевладении были возможны и шли свободно, там и технический прогресс крестьянского хозяйства шел более быстро, не стесняясь сословными пережитками. Вместе с тем все крестьянское хозяйство становилось на совершенно иную почву и принимало совершенно иную организацию: прежние натуральные основы ведения хозяйства ради удовлетворения собственных потребностей сменяются работой ради удовлетворения других хозяйств посредством обмена в той или другой форме. Крестьянское хозяйство начинает, также как и предпринимательское, служить рынку, приобретает торговый характер; условия его существования попадают в тесную зависимость и подчинение внешним ему факторам рынка и рыночного обращения.

Иногда уже одно то обстоятельство, что крестьянское хозяйство начинает производить не потребительные блага, как прежде, но товарные ценности, позволяет трактовать такое крестьянское хозяйство, как капиталистическое хозяйство². Однако, от возникновения такого товарного характера производимых продуктов, от подчинения рынку далеко еще до изменения самого производства в духе капиталистических отношений. Правда, развитие производства товарных ценностей в крестьянском хозяйстве является для него причиной и необходимостью перехода от прежнего натурального строя к иным организациям производства. Этот переход часто составляет первый шаг, из которого при благоприятных условиях может развиваться чисто капиталистическая организация производства. Однако, пока в таком хозяйстве не развились еще вполне законченно все феномены капиталистической организации производства—главным образом приложение капитала и наемного труда,—т. е. пока хозяйственное предприятие сохраняет свой «крестьянский» характер, оно по месту своему в системе хозяйственных организаций должно быть отделено от тех форм, которые могут быть названы капиталистическими. Этот вопрос представляется тем более важным, что такой тип крестьянского земледельческого хозяйства является особенно распространенным и в некоторых условиях численно преобладающим.

¹ Зомбарт. Современный капитализм. II, 145.

² Маркс. Капитал, III, 665.

Хотя сбыт полученных продуктов и товарный характер их присущ как капиталистическому, так и работающему на рынок крестьянскому хозяйству, хотя натуральное потребление уже почти изгнано из такого крестьянского хозяйства, но все-же в этом последнем нет тех экономических категорий, которые присущи капиталистическому хозяйству, если только не смешивать одно понятие с другим. В понятие крестьянского хозяйства, даже при максимальных его размерах, как указано выше, входит лишь использование собственных рабочих сил для доставления этим силам средств необходимого существования. Категории прибыли, категории капитала, а вместе с ними и ренты, должны быть исключены. Этими капиталистическими понятиями невозможно измерить крестьянское хозяйство. Говорить ¹, что крестьянин представляет собой лишь «мелкого капиталиста», который «выплачивает самому себе заработную плату» или получает, как землевладелец, ренту, представляется не только весьма далекой абстракцией, не только несоответствием с тою классификацией, которая должна быть принята для крестьянских хозяйств, но заключает и внутреннее противоречие, так как если капитал, рента, заработная плата не представляются какими-то фетишами, а лишь выражением отношения социальных масс между собою, то, конечно, и крестьянин не может совмещать в себе представителей двух противоположных социальных масс—рабочего и капиталиста.

В формах земледельческого хозяйства понятие такого самостоятельного крестьянского хозяйства должно быть выделено в совершенно особый вид. Доход крестьянского хозяйства состоит не из ренты, прибыли на капитал и заработной платы. Этот доход ни по существу своему, ни по размерам не дает ему возможности накопления, в виде ли капитализации ренты или в виде увеличения вложения в производство капитала. Он приносит ему лишь материальную обеспеченность удовлетворения обычных жизненных потребностей, дает ему, говоря в общей форме, лишь обеспечение «пропитания». Конечно, это обеспечение достигается уже совершенно в иной форме сравнительно с натуральным хозяйством. Потребление в значительной своей части происходит не в форме натурального потребления; производство создает не одни лишь предметы собственного потребления, но, главным образом, меновые ценности, т. е. такие предметы, которые по целям самого производства предназначаются к обмену и для удовлетворения потребностей других хозяйственных единиц. Но во всей этой организации хозяйства все же отсутствуют элементы капиталистического и предпринимательского духа, а преследуется лишь достижение возможности обеспечения существования.

Этот признак — материальное обеспечение в удовлетворении личных жизненных потребностей, в пропитании—и может быть принят, по аналогии с другими промышленными формами организации хозяйства, как характерный для систематизации форм крестьянского земледельческого самостоятельного хозяйства.

Если бы мы пожелали найти для этой формы земледельческой промышленности соответствующее место в общей классификации форм промышленности, то необходимо признать, что подобное самостоятельное мелкое крестьянское хозяйство, не превратившееся еще в капиталистическую организацию на основах, о которых мы говорили выше, не низведенное, с другой

¹ Как, напр., это делает Маркс, трактующий крестьянское хозяйство, как мелкое капиталистическое, и признающий в нем существование дифференциальной ренты. Крестьянин «выплачивает сам себе ренту и заработную плату», поскольку он является «предпринимателем и землевладельцем». «Даже в том случае, если такая форма общественного состояния встречается там, где еще совершенно не получила развития рыночная цена, дифференциальная рента все же есть: она проявляется в таком случае в прибавочном продукте. Только попадает она в карманы тех крестьян, труд которых реализуется при более благоприятных естественных условиях». Капитал, III, стр. 665. Против подобной конструкции см. замечания Булгакова: «Капитализм и земледелие» т. I, стр. 141 и след.

стороны, на степень хозяйства, лишь формально сохраняющего свою самостоятельность, о чем мы скажем ниже,—это крестьянское хозяйство по существу своей организации должно найти себе место, совершенно тождественное с ремесленной организацией промышленности¹. Самостоятельный крестьянин-земледелец, пока он именно сохраняет, с одной стороны, свое крестьянство, т. е. работает без постоянного и регулярного применения наемного труда, а лишь ради использования собственных рабочих сил семьи; с другой стороны, пока он остается самостоятельным², т. е. не превращается фактически или формально в наемного рабочего,—до тех пор такой крестьянин представляет собой лишь хлебопашца-ремесленника³, и его земледелие—ремесло.

Действительно, одним из важнейших признаков как такого земледельческого хозяйства, так и хозяйства ремесленного, является их самостоятельность. Это не та лишь формальная независимость, которая присуща, напр., производителю в домашней промышленности, но и фактическая независимость, выражающаяся в том, что такому земледельцу, как и ремесленнику, предоставлена возможность реализовать свой труд, где и как он хочет, не только быть хозяином в своем производстве, но и быть автономным руководителем процесса производства во всем его целом, не превращаясь в простой исполнительный орган третьего лица, действительного организатора производства, капиталистического предпринимателя⁴. Все эти признаки присущи и хлебопашцу-ремесленнику, крестьянину, пока он не подпадет под влияние капиталиста-предпринимателя и фактически не теряет своей свободы в производстве.

Но одной свободы производства еще недостаточно для сохранения ремесленнику его самостоятельности: ему необходимо также право свободно реализовать свои продукты, не подчиняясь капиталу в процессе обращения. Поэтому способы и виды организации сбыта ремесленных хозяйств являются также не менее важными для характеристики ремесленной промышленности, чем организация самого производства. При некоторых различиях, установившихся по этому вопросу у разных упомянутых выше авторов, можно заметить один основной признак условий сбыта продуктов ремесленного производства: работает ли ремесленник «по заказу» или «на продажу», сбывает ли свои продукты в разнос по домам, на ярмарках или посредникам—его рынком является, главным образом, даже почти исключительно, местный рынок. Сбыт на больших рынках, участие в оборотах международной торговли или совершенно исключены для ремесленной организации, или во всяком случае менее характерны для ремесла, чем его участие в местной торговле⁵.

И в этом отношении хозяйство хлебопашествующего ремесленника-крестьянина совершенно сходно с хозяйством ремесленника-промышленника. Действительно, чем в более чистом виде представляется рассматриваемый тип крестьянского хозяйства, чем более оно захвачено индивидуалистическими стремлениями, чем более становится чистой профессией, чем более, наконец, интенсивными формами обладает его производство, тем более оно зависит от рынка. Но пока такое хозяйство, с одной стороны, сохраняет свою

¹ См. Bücher, Die Entstehung etc. 175—249, а также ст. Gewerbe in Handw. d. Staatswiss. Arnold, Das Aufkommen d. Handwerkstandes im Mittelalter. Bas. 61. Schmoller, Die Gesch. Entwicklung d. Unternehmung, Jahrbuch, XV, 1049.

² На это сходство указывает, напр. Маркс: «Право собственности на землю на столько же необходимо для полного развития этого способа ведения хозяйства, как право собственности на рабочие инструменты для свободного развития ремесла». Маркс, Капитал, III, 667.

³ Зомбарт, Современный капитализм. I, 214.

⁴ Об этом см. Зомбарт, I, V, а также Bücher, Schmoller и др.

⁵ Зомбарт, I, с. I, 17.

самостоятельность, пока, с другой стороны, оно не превращается в капиталистическое предприятие,—эта зависимость не идет далее зависимости от местного рынка.

Наиболее типичными формами подобных крестьянских хозяйств являются те пригородные мелкие крестьянские хозяйства, которые снабжают город своими растительными, молочными и т. п. продуктами. Известна и та высокая интенсивность, которая наблюдается в этих хозяйствах, и то громадное значение, которое они имеют и, наконец, та организация производства и сбыта, которая им присуща. Нося чисто ремесленный характер по организации своего производства, т. е. сравнительно мало эксплуатируя наемный труд и задаваясь целью не получения прибыли, а «снискания пропитания», эти хозяйства и в сбыте своих продуктов применяют все те способы, которые присущи ремеслу. Разнос продуктов по домам, сбыт на продажу на местных базарах непосредственно потребителю, вообще сбыт определенным лицам, являются наиболее распространенными формами сбыта продуктов таких хозяйств.

Поэтому, чем более развита городская жизнь, чем более быстро идет рост городского населения, тем более успешно развиваются, тем более становятся интенсивными подобные «ремесленные» земельные хозяйства. Понятно, что развитие капиталистических отношений вообще, а также и капиталистической организации обмена и сбыта, очень быстро расшатывает подобные хозяйства, с одной стороны, открывая им отдаленные рынки сбыта, перспективу новых стремлений к получению прибыли и превращая их таким образом в капиталистические предприятия; с другой — низводя менее счастливых из таких ремесленников-хлебопашцев на степень наемных рабочих, если и сохраняющих связь с землей, то или лишь формальную, или не преследующую производительных целей, а основывающуюся на простом домоводстве и обитании своего «карликового» участка. Но как в обрабатывающей промышленности, так и здесь тяготение к местному рынку и опора на местные условия вообще придают такому хозяйству значительную долю устойчивости. Технически организация такого хозяйства выражается большей частью в так называемой «вольной» или «спекулятивной» системе, которая, однако, может быть и при капиталистической организации хозяйства¹.

Гранью, отделяющей такое ремесленное крестьянское хозяйство от капиталистического, является не высота интенсивности и не меновой характер произведенных продуктов, а именно отсутствие капиталистических стремлений, т. е. отсутствие стремления к эксплуатации наемного труда в целях получения прибавочной стоимости. Как промышленный ремесленник, так и земледельческий в основу своей производительной деятельности кладут не получение прибыли, а лишь получение «соответственного своему званию достатка; его ремесленная работа должна доставить ему материальный базис существования, доставить ему пропитание»².

Из такого отношения к своему труду вытекает и та форма организации ремесленного производства, которая присуща также и земледельческому ремеслу—форма, покоящаяся, главным образом, и прежде всего на привлечении к труду членов семейной организации. Лишь впоследствии, при господстве более развитых и переходных форм ремесла в его хозяйственной организации, начинают участвовать посторонние лица в качестве помощников или сотрудников. Но становясь на эту почву, как промышленный ремесленник, так и ремесленник-хлебопашец уже приближаются к переходным формам организации хозяйства, производство которых основано уже на иных прин-

¹ См. Dünkelberger. Die landw. Betriebslehre in ihren naturgeschichtl., volkswirtschaftl. und kulturtechn. Grundlagen. 1890. Goltz, Handbuch d. gesamten Landwirtschaft, I, 1890. Vandervelde. L'exode rural et le retour aux champs. Paris. 1903.

² Зомбарт, I. с. 90.

циях. Известно, что современная классификация мелких хозяйств основана именно на признаке размеров хозяйств по достаточности их только лишь для пропитания крестьянской семьи и для использования с этой целью всех рабочих сил семьи. Но, конечно, и среди мелких хозяйств могут встречаться все же такие, которые ведутся с большим или меньшим применением наемного труда в целях его эксплуатации, получения прибавочной стоимости и прибыли¹. Очевидно, что лишь в тех крестьянских хозяйствах, которые эксплуатируют регулярно и постоянно наемную рабочую силу в целях получения прибыли, можно видеть зачатки капиталистического хозяйства, тогда как более мелкие, работающие лишь ради пропитания своих членов, в экономическом отношении являются эквивалентом ремесленных хозяйств в промышленности.

В такие формы выливается организация крестьянского самостоятельного хозяйства, если условия общественной и экономической жизни способствуют его индивидуализации, освобождению от сословно-принудительных форм, техническому прогрессу и вступлению в обмен с другими хозяйствами; одним словом, если имеются подобные же условия, которые способствовали возникновению ремесленной организации промышленности. Однако, эти крестьянские хозяйства, как таковые, не могут быть причислены даже к переходным формам капиталистического хозяйства за отсутствием в них капиталистических элементов.

Правда, возникновение капиталистических форм здесь вполне возможно. В одном случае сельский производитель сохраняет свою самостоятельность, но «крестьянское» хозяйство в упомянутом смысле перестает существовать, как только в нем возникают капиталистические феномены; оно превращается в рассмотренные выше формы капиталистических хозяйств, хотя бы и меньших размеров. Крестьянин превратился в обычного капиталистического предпринимателя, эксплуатирующего чужой наемный труд в целях получения прибавочной стоимости. И такие переходы в действительности весьма обычны. Препятствием для них является лишь то, что являлось и для ремесленника препятствием превращения его в капиталистического предпринимателя: по самому принципу и целям ремесленного хозяйства, накопление капиталов в нем может встречаться только в редких и более счастливых случаях, и крестьянин, так же, как и ремесленник, в среднем, не может возвыситься и разбогатеть до предпринимателя.

Зато довольно распространенной может быть и другая форма разложения такого самостоятельного крестьянского хозяйства и возникновения на месте его новых капиталистических отношений, форма обратная предыдущей и сопряженная с потерей самостоятельности хлебопашца-ремесленника. Эта потеря самостоятельности происходит сначала особенно легко в сфере обмена, а затем и в сфере производства. Подпадая в зависимость от капитала, прежний самостоятельный хозяин становится фактически домашним рабочим, работающим под управлением торговца-капиталиста и ради доставления ему прибыли. Но вообще, если внутренние условия такого ремесленно-земледельческого хозяйства не благоприятствуют превращению этого хлебопашца-ремесленника в капиталистического предпринимателя, то эти же условия предохраняют его от потери самостоятельности и от превращения в земледельческого батрака.

Близость потребительного рынка, непосредственная с ним связанность доставляют возможность чисто ремесленной организации крестьянского хозяйства сохраняться при благоприятных условиях долгое время и успешно бороться с подчинением капиталу. Поэтому-то, чем благоприятнее эти условия,

¹ Ra u. Lehrbuch d. Politischen Oekonomie, I, 8 Aufl. 1868. Roscher, System d. Volkswirtschaft, I, 16 Aufl. 1882. Ra u. Ueber d. Minimum eines Bauerngutes, in Archiv Politischen Oekonomie. В X

чем более развиты индивидуалистические начала землевладения и хозяйства, чем более по размерам потребительный городской рынок и чем ближе к нему находятся земледельческие мелкие хозяйства, чем более интенсивен общий уровень земледелия, одним словом — чем выше общее экономическое развитие страны, тем более успешно идет конкуренция хозяйств ремесленного типа с другими формами организации земледельческой промышленности. Такого рода ремесленное земледельческое хозяйство, опираясь на местный рынок, технически быстро прогрессируя, развивая культуру особенно тех растений, которые требуют приложения большого количества труда, вводя некоторую техническую переработку получаемых растительных и животных продуктов, создавая, наконец, соответствующие общественные формы для достижения такого технического прогресса и удешевления производства (в виде самых разнообразных товариществ и т. п.), обнаруживает замечательную устойчивость своего положения и благосостояния. Идеалом для него является, конечно, переход в высшую форму — в хозяйство на капиталистических началах, в хозяйство, допускающее накопление. Таким образом, такое крестьянское хозяйство является хотя и самостоятельной и в высшей степени устойчивой формой, но все же переходной ступенью в развитии мелких хозяйственных организаций от натурального потребительного хозяйства в высшую степень капиталистического хозяйства¹.

Совершенно иным представляется ход разложения первоначального натурального крестьянского хозяйства в том случае, когда общественные формы и экономические условия не благоприятствуют дифференцировке хозяйственных отношений и индивидуализации землевладения, когда технический прогресс земледелия благодаря этому задерживается и когда земледелие не может стать «ремеслом» для своего хозяина. Хотя в других отраслях промышленной жизни капиталистические отношения могут являться уже господствующими, хотя денежные отношения проникли уже и в сельское хозяйство, однако общие условия могут еще долго препятствовать установлению в самом сельско-хозяйственном производстве чистых капиталистических отношений. В таком случае подчинение мелкого сельского производителя капиталу происходит в других формах, чем описанные выше.

При возникновении и развитии в народном хозяйстве денежных отношений, деревня при всей своей изолированности должна всегда испытывать возрастающую нужду в деньгах, как для исполнения целого ряда денежных повинностей, так и для собственных потребностей. Фабрично-заводская промышленность, легко и скоро вытесняя из деревни прежние домашние промыслы, удовлетворявшие многочисленные хозяйственные нужды, еще более увеличивает нужду в деньгах. Но если подобные условия при возможности индивидуализации землевладения вели к техническому прогрессу, то отсутствие прочно установившегося права собственности на землю, общинное землевладение со всеми его последствиями, в виде принудительного севооборота, чересполосицы, дробления земли и невозможности земельных улучше-

¹ В таких высокопромышленных странах, как напр. Бельгия, Голландия, Англия и Франция, этот тип хозяйства должен особенно процветать в виду описанных выше условий. См. напр., описание высокоинтенсивных культур ремесленного характера у Vanderwelde. *L'exode rural et le retour aux champs*. Paris. 1903. «Мелкие земледельцы-собственники (посадочные огородники) долгое время производили ранние овощи для парижского рынка и имели самостоятельные сношения с городом. Наиболее предприимчивые из них появлялись со своими тележками в столице, сделав переход в 150 лье». Boudrillart, *Les populations agricoles de la France*, цит. по Vanderwelde. См. также Buchenberger, *Agrarwesen und Agrarpolitik*, S. 171. Там же и характерные указания, как ремесленная организация такого хозяйства постепенно подчиняется торговому капиталу и превращается или в работающее на скупщика-капиталиста, или в совершенно капиталистические хозяйства, «фабрики овощей, фруктов, молочных продуктов, занимая на небольшом пространстве большое число рабочих». См. также интересные данные о подобной же организации у Püdor, *Die genossenschaftliche Organisation d. Hühnerzucht und d. Eierhandels in Dänemark*. Conrad's Jahrbücher, 28, IV.

ний, является в высшей степени серьезным препятствием для поднятия техники сельского хозяйства. А так как сословные основы общинного землевладения предполагают всегда принудительную связанность крестьянина с землей и необходимость добывания средств существования единственно из своего земледельческого промысла, то возникает трудная для хозяйства задача: удовлетворение возрастающих денежных потребностей при существующих отсталых и веками установленных технических условиях и формах производства. А так как наиболее распространенной в этом случае формой является трехпольное зерновое хозяйство, то с ним именно и сопряжена тяжелая борьба крестьянского хозяйства за добывание себе денежных средств.

При господстве зернового производства земледельческое хозяйство уже не может опираться на местный рынок, так как его массовый продукт—зерно—требует большого потребительного и, следовательно, внешнего рынка. Но при том же зерновом хозяйстве, благодаря его сравнительной экстенсивности, также отсутствует и возможность увеличить интенсивность эксплуатации собственного труда. Хозяйство, поэтому, должно работать массовый продукт в целях массового его сбыта, стремясь возможно более увеличить его количество. Натуральные отношения потребительного хозяйства оказываются разрушенными, а для удовлетворения новых денежных потребностей, для перехода к новым, денежным, формам хозяйства путь открывается лишь один: увеличение количества получаемого и продаваемого продукта. При низком уровне техники и трудности ее улучшения это сводится в свою очередь к одному—к увеличению размеров эксплуатируемой площади. Но в этом нуждаются и к этому стремятся все. Между тем исторические пережитки, в виде общинного землевладения и сословных ограничений, затрудняют свободную мобилизацию земли, переход ее к более сильным в экономическом отношении слоям и отход от деревни более слабых элементов. У деревни обнаруживается непреодолимая «власть земли», погоня за землей, обуславливаемая, однако, не какими-либо психологическими причинами и свойствами народного духа, а лишь простой экономической необходимостью—добывания из нее денежных средств. При технической отсталости земледелия и при общем стремлении к земле обнаруживается недостаток ее, население начинает страдать от малоземелья. Крайне невыгодные условия этого состязания в погоне за землей создают ненормально вздутые цены на землю, создают «голодные» арендные цены, заставляя самостоятельного крестьянина-производителя в расценке своих продуктов настолько понижать свой заработок, что он становится много ниже обычной заработной платы, определяемой по уровню обычных потребностей. Выработать возможно большее количество продукта, чтобы возможно больше продать, хотя бы в ущерб собственному питанию и существованию, становится экономической необходимостью.

Таким образом, массовое предложение массового продукта является характерным и единственно возможным исходом из подобного положения крестьянского хозяйства. А так как продавцом является вся деревня, так как все производители стремятся продать во что бы то ни стало, то конкуренция на этой почве доводит условия сбыта до крайне ненормального положения, до крайности понижая цены. И чем ниже они падают, тем большее количество становится необходимым сбывать на рынок, тем большее обременение долгами и всякими уплатами ложится на хозяйство.

Здесь и начинается подчинение и эксплуатация крестьянского хозяйства капиталом, прежде всего в форме подчинения его торговому капиталу. Производство земледельческих продуктов все еще остается в руках у самостоятельного производителя, крестьянина, но судьба и расценка этих продуктов на рынке всецело попадает во власть капитала. Капитал предоставляет крестьянскому хлебу самые усовершенствованные пути и способы

сбыта в виде целой армии скупщиков, кредита, железных дорог, быстро опустошающих крестьянские закрома и уносящих крестьянский хлеб в города и порты. Но он же проникает в деревню и глубже в виде хотя и менее подвижной, но не менее значительной и важной армии местных эксплуататоров, кулаков, сдатчиков земли и т. п.

Вся деревенская жизнь становится в зависимость от этих многочисленных представителей денежного капитала. По внешности в деревне произошло мало перемен: земледelec все еще сохраняет свое «крестьянство», обрабатывая собственный участок и получая весь продукт своего труда полностью. В действительности же из этого продукта для реализации его в денежной форме он должен отдавать громадную долю своему посреднику в этой реализации. Его доля в продукте по размерам своим начинает сводиться действительно к *Existenz - minimum*, т. - е. приравниваться лишь заработной плате. Притом, в отношении к развитию производительных сил деревни, как ни глубоко подобное проникновение капитала в деревенскую жизнь, оно не может вести к главному: не создает, в особенности вначале, условий капитализации земледельческого крестьянского производства, не ведет к улучшению его техники, к поднятию производительных сил земли и населения. Наоборот, проникая в виде торгового капитала лишь в сферу обмена продуктами крестьянского хозяйства с рынком — оно ведет лишь к пауперизации населения, разоряя его, препятствуя образованию производительного капитала, нивелируя все хозяйства до типа того минимума развития производительных сил и того минимума потребностей, который обращает крестьянское «самостоятельное» хозяйство в простое «домоводство» обычного батрака.

Таким образом, фактически такое крестьянское хозяйство по положению производителя уже потеряло всякую самостоятельность, превратившись в наемного слугу капитала, но формально оно все еще сохраняет свое независимое положение. При такой внешней самостоятельности явное господство капитала над продуктом, явные капиталистические отношения начинаются лишь тогда, когда продукт поступает на рынок. В самом производстве эти капиталистические отношения существуют лишь в скрытых формах и во внешней организации производства не проявляются. В хозяйстве нет типичной формы капиталистической организации производства — его централизации. Наоборот, как мелкое крестьянское хозяйство, оно должно оставаться децентрализованным и декапитализованным. Лишь выходя из рук хозяина и поступая в сбыт, продукт, подчиняясь капиталу, сосредоточивается, централизуется в руках капиталиста-торговца. Следовательно, в противоположность, с одной стороны, ремесленному типу мелких крестьянских хозяйств, в которых независимым от капитала является как производство, так и сбыт, ведущийся самим производителем самостоятельно; в противоположность, с другой стороны, капиталистическому хозяйству, где как производство, так и сбыт подчинены капиталу, подобное крестьянское хозяйство, фактически уже потерявшее свою независимость и эксплуатируемое капиталом, представляет из себя децентрализованное и декапитализованное производство при централизованных и капиталистических способах обмена и сбыта.

С какой же исторической формой систем промышленности имеет сходство и может быть сравнима эта историческая форма организации сельского хозяйства?

Одна система промышленности, по месту наивысшего развития также тесно связанная с деревней, имеет сюда ближайшее отношение. Это — «система производства на скупщика» по классификации К. Бюхера, в особенности в применении ее к крестьянским домашним промыслам ¹.

¹ K. Bücher, Die Entstehung d. Volkswirtschaft, 4 Aufl. S. 194 и сл.

Мы видели, что сбыт продуктов деревенской домашней промышленности коснулся прежде всего лишь продуктов, являвшихся избытком сверх необходимых для собственного потребления. Меновой оборот ими происходил сначала самостоятельно в виде подвозов на местные рынки сбыта, но скоро уже—частью вследствие больших удобств, частью из-за необходимости специального знания рыночных условий и все большего их усложнения—перешел в руки специального посредника, купца. Являясь сначала лишь простым посредником в сбыте избытков производства, независимого ни от него самого, ни вообще от рынка, скупщик скоро, однако, начинает приобретать влияние и на самое производство. Системой кредита, выдачею материала, указаниями на требования рынка и т. п. он заставляет его подчиняться требованиям и условиям рынка. Сбыт, продажа становятся ближайшей целью хозяйства, которое из потребительного, сбывающего лишь избытки, превращается в специально торговое, производящее товары.

Исторический ход образования соответственных форм в сельском хозяйстве представляется в общем таким же и имеет те же причины; очень близка и экономическая структура такого хозяйства к промышленной системе производства на скупщика.

Правда, в системе производства на скупщика одним из главных признаков является работа из материала, выдаваемого предпринимателем-скупщиком, а часто принадлежность предпринимателю даже и инструментов и других орудий производства. Эти условия, конечно, отсутствуют в земледельческом крестьянском хозяйстве. Однако, и в промышленной системе на скупщика такая полная зависимость производителя от предпринимателя свойственна лишь наиболее развитой форме ее; вначале же развития рабочих в процессе производства сохраняет полную независимость, работая из своего материала и своим инструментом, и лишь в процессе сбыта подпадает в полную зависимость от скупщика¹. Это последнее обстоятельство именно характерно и для мелкого самостоятельного производителя-крестьянина в сельском хозяйстве.

Действительно, причиной появления системы на скупщика в ходе промышленного развития является, с одной стороны, пространственная рассеянность самостоятельных рабочих сил, с другой—отсутствие достаточного капитала, чтобы объединить эти силы в самом процессе производства, как это делает фабрика. Объединение этих разрозненных производительных сил совершается здесь на почве сбыта, т.-е. является лишь коммерческим, а не производительным объединением. Совершенно те же причины вызывают и ту организацию сельского хозяйства, которую мы назвали системой производства на скупщика. Таким образом, как в промышленной системе на скупщика, так и в земледельческом хозяйстве мелкого крестьянина—в противоположность крупному производству—капитал захватывает и организует не производительный процесс, а сбыт; поэтому господствующим и преобладающим здесь является не основной капитал, как в крупном производстве, а оборотный капитал скупщика, т.-е. торговый капитал.

Такая зависимость производства мелкого самостоятельного земледельческого производителя-крестьянина от торгового капитала скупщика получает громадное влияние на его технику, экономическое положение и способность к дальнейшему развитию. Как скупщик предметов домашней крестьянской промышленности, так и скупщик земледельческих продуктов крестьянского производства совершенно не заинтересованы в уровне техники, в производительности труда, в высоте его расценки и т. п. Ему важна лишь разница между покупной и продажной ценой, процент на оборотный капитал. Возможно большая масса покупаемого продукта и быстрота оборота

¹ B ü c h e r, Die Entstehung d. Volkswirtschaft, S. 200, а также его статью в Handw. b. Staatswiss. «Gewerbe».

капитала обеспечивают ему этот успех. Поэтому скупщик всегда стремится выжать из такого «самостоятельного» производителя возможно большее количество продукта по возможно низкой цене, совершенно не считаясь с тем, не является ли этот продукт крайне необходимым для собственного хозяйства, для нужд потребления и производства, покрывает ли его цена издержки производства хотя бы по самой низкой оплате труда. Возможно полное отчуждение всего излишнего, а часто и необходимого продукта, является, таким образом, одной стороной деятельности скупщика.

Другой стороной деятельности скупщика является искание внешних рынков сбыта. Массовое предложение, не соответствующее росту производительных сил страны, должно вести к переполнению рынка и крайнему падению цен. Народное производство попадает таким образом в тяжелую экономическую зависимость от рынка и от торгового капитала, сказывающуюся на нем гораздо более губительно, чем капитализация производительного процесса. Формально самостоятельный производитель превратился в наемного рабочего, но положение его оказывается гораздо хуже наемного рабочего, так как стремление получить возможно больше валового дохода и возможно большее количество отчуждаемых продуктов ведет к чрезвычайному понижению его *standard of life*, а вместе с тем и заработной платы.

Во всяком случае, в отношении возможности сохранения экономической самостоятельности производителя такое земледельческое хозяйство гораздо менее устойчиво и жизнеспособно, чем хозяйство ремесленного типа. Еще менее и реже, чем это последнее, оно допускает возможность накопления, но гораздо чаще и легче оно совершенно разлагается, теряя свою самостоятельность.

Итак, попытаемся свести в систему отмеченные нами исторические и современные формы земледельческих хозяйств, т.е. формы организаций земледельческого производительного процесса.

Не говоря уже о первобытном родовом или семейном хозяйстве, где не имело особой производительной организации и где социальные организации являлись в то же время и хозяйственными организациями (хозяйство родовое и семейное), мы можем оставить в стороне и тот первоначальный вид самостоятельной организации хозяйства, который представляет из себя древнее оikosное и поместное хозяйство, как представитель крупной хозяйственной организации в системе «натурального» строя. В настоящее время для крупных хозяйственных организаций натуральный их строй является совершенно изжитым и невозможным; но очень мало признаков и черт натурального строя и натурального способа удовлетворения потребностей сохранило и прежнее «деревенское», общинное крестьянское земледельческое хозяйство.

Признак размеров хозяйства вообще было бы неправильно класть в основу классификации форм хозяйственных организаций¹. Однако, современное крупное капиталистическое земледельческое хозяйство образовалось, главным образом, из старых крупных натуральных хозяйственных организаций, поместий; между тем мелкое крестьянское хозяйство развилось, главным образом, из древнего «деревенского» хозяйства, и в настоящее время, как мы видели, находится на самых разнообразных стадиях своего развития. Поэтому в систематизации современных форм организации производительных земледельческих хозяйств приходится принимать во внимание и величину хозяйств, приурочивая к ней рассмотрение этих двух типов хозяйства, в виду разницы и в историческом их происхождении.

¹ Об этом см. Зомбарт. Современный капитализм, ч. I, гл. 1—2.

Как старое крупное поместное хозяйство, так и более мелкое крестьянское к настоящему времени эволюционировали в смысле изменения своего основного хозяйственного принципа—хозяйство ради удовлетворения потребностей—на более или менее полно проведенный принцип: хозяйство ради получения прибыли. При происшедшей в то же время перемене в технических и общественных условиях самого производства—приложении в производстве наемного труда и капитала, создании меновых ценностей—степень этого изменения хозяйственного строя может быть также характеризована степенью развития в земледельческом хозяйстве капиталистических отношений, т.е. степенью и формой зависимости его организации от капитала, производительного или торгового.

Принимая, следовательно, с одной стороны, этот последний признак, с другой—отмеченную историческую разницу в происхождении современных крупных поместных хозяйств и мелких крестьянских, мы можем следующим образом систематизировать формы организаций земледельческих хозяйств в их историческом развитии.

1) Старое крупное натуральное хозяйство, в виде сложного полужемледельческого поместного хозяйства, с широким применением крепостного труда, с сложностью земельных и хозяйственных отношений к зависимым от него мелким хозяйствам барщинно-крепостных крестьян, но при сохранении в то же время полного с ними хозяйственного единства. Эта хозяйственная организация, при развитии денежного хозяйства, при эмансипации земледельческого населения и при уничтожении общинно-феодалных порядков в землевладении, распадается и переходит непосредственно в крупную капиталистическую организацию. В зависимости от условий предшествовавшего общего экономического развития, главным образом, от степени развития промышленного капитализма и накопления капитала, а также от условий эмансипации населения, получается возможность двух видов этой хозяйственной земледельческой организации: фермерско-капиталистическое арендное хозяйство и самостоятельное капиталистическое хозяйство землевладельца-собственника. По техническим и экономическим условиям производства—приложению капитала и наемного труда—оба эти вида должны быть одинаково причислены к капиталистической форме организации производительного хозяйства. Но по своему отношению к историческим судьбам крупного хозяйства они имеют существенное различие, отражающееся, конечно, и на их внутренних экономических отношениях.

а) Именно, возможность приложения капитала в земледелии помимо землевладельца при арендной системе сразу капитализирует производительный процесс в земледелии, подчиняя его производительному капиталу. С этим капитализация земледельческого производства заканчивается, так как производительный капитал является высшей формой капитала, и дальнейшее развитие может идти лишь в сторону его накопления, концентрации и т. п., а не в сторону какого-либо перехода в высшую форму. Земледельческое капиталистическое хозяйство является вполне отделенным от землевладения. Поэтому представляется возможность сохранения этого последнего в руках какого угодно общественного класса, хотя бы с окончательным наследственным закреплением его в руках небольшого числа лиц, потомков прежних феодальных владельцев. Мобилизация землевладения, а также и задолженность его, при нормальных условиях представляется излишней, так как экономический процесс—капитализация земледельческого производства—является законченным и отделенным от исторической формы землевладения: роль последнего сводится к получению ренты, но так как эта рента получается не сама по себе, не благодаря существованию частного землевладения, а благодаря условиям капиталистического производства, то она остается неизбежной при всякой форме землевладения—лишь бы сохранялось капитали-

стическое производство, а сам капитал мирится с ней и остается к ней равнодушным¹.

б) В том случае, если «*der Ritter wird Landwirth*», т.-е. если первоначальное крупное натуральное хозяйство, переходя к капиталистическим формам, сохраняет во главе своей организации самого владельца, капитализация производительного процесса может встретить в существующей форме землевладения препятствие. Именно, сам землевладелец может не обладать достаточным капиталом или достаточными способностями для капиталистического предпринимательства. И конечно, такие противоречия между формой землевладения и формой хозяйства встречаются нередко.

Конечно, раз капитализация земледельческого производства началась и раз она имеет экономические преимущества перед некапиталистическим хозяйством, то удержание землевладения в руках не-капиталиста не может предотвратить капитализации производства. Но если в первом случае, т.-е. при отделении права владения землею от ее обработки, развитие капиталистических отношений происходит в форме непосредственного подчинения земледельческого хозяйства производительному капиталу, то в этом случае требуется гораздо более сложный и более долгий процесс. Сначала сама земля начинает отходить от некапиталистического хозяина-землевладельца в руки землевладельца-капиталиста. Прежде, чем капитал проникнет в сельское хозяйство и станет производительным капиталом, земельные отношения попадают под влияние сначала только денежного капитала. Его роль ограничивается лишь капитализацией ренты в процессе обращения земель на товарно-денежном рынке, не влияя на капитализацию самого производительного процесса. Первоначальный владелец участка, уступая право на ведение хозяйства на своей земле, удерживает однако за собой право на получение ренты, капитализируя ее путем превращения земли в простой товар, продавая или закладывая ее.

Таким образом, в этом втором виде развития капиталистических отношений в земледелии, капитализации земледельческого производства, подчинению земледелия производительному капиталу предшествует капитализация ренты, т.-е. подчинение земледелия денежному капиталу. На этом часто может дело и оканчиваться, так как и в этом случае денежно-торговый капитал, как и всегда, не заинтересован в капиталистических формах организации производства. Постоянное возвышение ренты дает ему возможность или получать постоянно повышающийся доход, или снова капитализировать его в большей сумме. Капитализации производства, как высшей формы капиталистической организации хозяйства, в этом случае, следовательно, является препятствие, вследствие сохранения хозяйственных функций у класса лиц, не обладающих достаточным к тому капиталом.

Именно это задерживающее капитализацию производства влияние, которое оказывает стремление землевладельческих классов сохранить за собою не только право на землю, но и ведение хозяйства, является причиной широкого распространения в этом случае переходных полукapиталистических форм. Сюда относятся многочисленные формы отработочных, испольных и т. п. аренд, являющиеся пережитками и остатками прежних крепостных отношений. Представляясь при современных развитых капиталистических отношениях вообще анахронизмом, они могут, однако, сохраняться долгое время, если у землевладельца-хозяина не имеется достаточного капитала для соответствующей организации производства. Вообще, поэтому, они распространены гораздо меньше там, где имеются более благоприятные условия для капитализации земледельческого производства, т.-е. где владение

¹ Поскольку, конечно, эта рента остается дифференциальной рентой. Об этом ср. Маркс: Капитал, III, и Маслов: Условия развития сельского хозяйства в России. Спб., 1903 г.

землей отделяется от ее обработки и эта последняя переходит к капиталистическому фермеру. В этих полукапиталистических хозяйствах производство, следовательно, организовано в большей своей части некапиталистически, хотя всему вообще хозяйству приходится жить в капиталистических условиях и обстановке. Такой предприниматель, напр., получает свой прибавочный продукт при некапиталистической организации труда, фактически ближе граничащей с прежними крепостными формами. Реализация же этого прибавочного продукта в денежную форму происходит в условиях общего капиталистического обращения, и зависимость такого хозяйства от денежного капитала и от денежного капиталистического оборота очень велика.

Поэтому чем более быстро вообще развиваются капиталистические отношения вокруг такого хозяйства, тем скорее и оно само по организации своего производства переходит в чисто капиталистические формы землевладельческого или арендного хозяйства.

2) Более сложными должны быть формы организации производства в крестьянском, т. е. вообще мелком хозяйстве, не применяющем капитала и наемного труда. Разлагающееся древнее крестьянское натуральное хозяйство дает различные формы по степени зависимости организации производства от капитала, начиная с форм, совершенно исключаящих всякую роль капитала и кончая зачатками чисто капиталистических отношений. По этому признаку среди современных форм крестьянских хозяйств необходимо выделить:

а) «Земледельческие хозяйства ремесленного типа», как происходящие непосредственно из разложения натурального хозяйства при возникновении обмена и при разрушении прежних земельных отношений. Эта форма хозяйства среди других современных форм должна быть признана по ее экономической структуре наименее развитой, так как в ней нет даже в зачаточном виде феноменов капиталистических отношений: заработной платы, капитала и прибыли на капитал, ренты. Существовая исключительно лишь в мелком хозяйстве крестьянского типа, подобное «ремесленное» хозяйство не дает возможности возникновения этих явлений—ренты, капитала, прибыли, заработной платы. Само крестьянское хозяйство, как таковое, исключает применение в производстве наемного труда и капитала, исключает стремление к получению прибыли, заменяя их собственным трудом, собственными орудиями производства, ради обеспечения себе существования. Конечно, это обеспечение существования происходит здесь, как и в ремесленной организации промышленности, не путем натурального потребления, а путем обмена своих продуктов. Сам этот обмен совершается уже также не в натуральной форме, но в денежной. Однако, в условиях подобного земледельческого хозяйства ремесленного типа он может происходить без специальных посредников-торговцев, благодаря близости потребительного рынка. Вместе с тем зависимость от местного, всегда сравнительно ограниченного рынка, обуславливает и характер производства этих хозяйств. Они должны вырабатывать не массовый продукт, а продукт местного потребления, большею частью требующий интенсивного приложения труда для его выработки или переработки; сообразно с этим вырабатываются и особые трудо-интенсивные системы земледелия.

Проникновение капиталистических отношений в такое хозяйство совершается благодаря этому с трудом, так как оно может обходиться как без услуг и посредничества торгового, так и без приложения производительного капитала. Однако, сохранение этой независимости возможно лишь при особо благоприятных условиях, так как, с одной стороны, торговый капитал стремится все более подчинить себе сбыт продуктов крестьянского хозяйства, чтобы извлекать из него прибыль. С другой стороны, внутри самого хозяйства пробуждение капиталистического духа создает стремление к новой организации на началах применения капитала и наемного труда, обращая та-

ким образом это хозяйство в капиталистическое предприятие. Наконец, кроме подобного образования новых прогрессивных капиталистических форм, вместе с подчинением капиталу возможно и полное разложение такого хозяйства и утрата им самостоятельного положения. Во всяком случае, в возникающих отсюда формах хозяйства зависимость от капитала уже гораздо более сильна, чем в этом «ремесленном» хозяйстве. По роду и характеру этой зависимости можно далее отличать:

б) «Земледельческое производство на скупщика», присущее большей частью также мелкому крестьянскому хозяйству и при некоторых условиях получающее здесь весьма широкое распространение. При этом, сохраняя свою формальную независимость, фактически хозяйство представляется всецело подчиненным торговому капиталу. Скупщик эксплуатирует «независимый» труд крестьянина, как простого наемного рабочего, уделяющего в виде прибавочной стоимости часть своей рабочей платы для доставления капиталу прибыли. Сохраняя свои орудия и средства производства, до земли включительно, свою самостоятельность в производстве, такой сельский производитель должен чувствовать тем большую свою зависимость от торгового капитала, что, по условиям организации производства, он должен производить массовой продукт для обширного внешнего рынка.

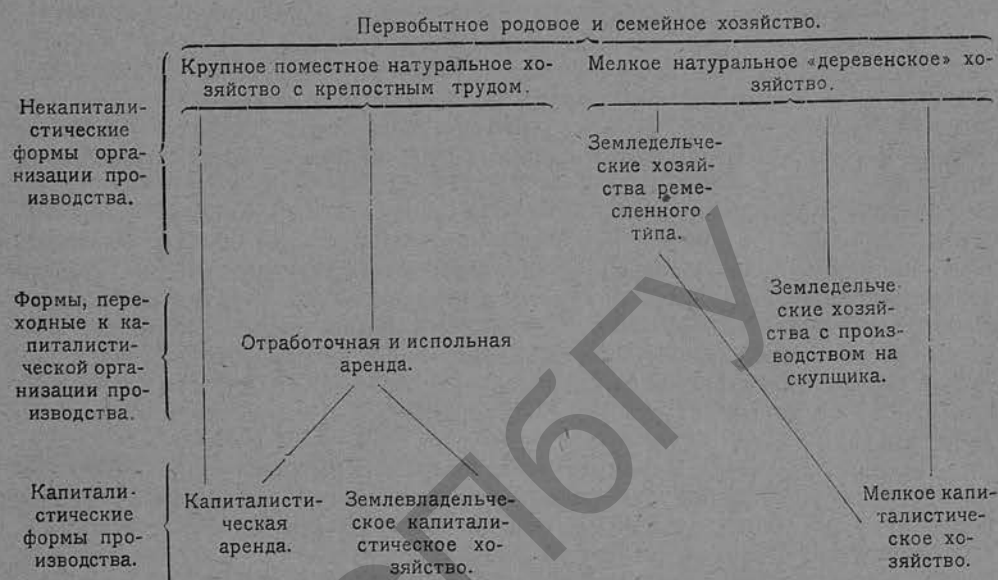
Поэтому и организация сбыта должна изменить свой характер, требовать специальных знаний рынка и пользуясь для этого всеми усовершенствованными средствами капиталистически организованного обмена. В виду этого, такие земледельческие хозяйства получают всегда характер почти исключительно зерновых и работающих, главным образом, на экспортный рынок. Положение самостоятельного производителя становится тем хуже и тем тяжелее, чем более продуктов должно отчуждаться из хозяйства ради покрытия денежных потребностей. Уровень его потребностей неуклонно стремится к понижению и вообще не только не превышает экономического благосостояния наемного рабочего, но часто стоит даже ниже его. Это фактическое низведение самостоятельного производителя на стень рабочего обнаруживается тем более ясно, что ему часто приходится искать дополнительного заработка в соседних предпринимательских и капиталистически поставленных хозяйствах.

в) Другим противоположным исходом разложения крестьянского земледельческого хозяйства является потеря им характера именно «крестьянского» хозяйства в указанном выше смысле, т. е. развитие в нем капиталистических начал и капиталистического духа: приложение капитала, наемного труда, образование прибыли, заработной платы и ренты, работы не ради «снискания пропитания», а ради получения прибыли. Приобретая эти новые признаки, хозяйство может по внешности сохранять и признаки прежнего «крестьянского» хозяйства, оставаясь, напр., таким же мелким по размерам или сохраняя свой сословный характер по формам землевладения. Это последнее обстоятельство не уничтожает однако необходимости признавать в нем чисто капиталистическую организацию хозяйства, если только указанные капиталистические отношения приобрели в нем достаточное развитие. Другими словами, при современных экономических условиях и крестьянское хозяйство может эволюционировать в чисто капиталистическое.

Таким образом, сводя вместе отмеченные формы организации земледельческих хозяйств, можем получить такую схему развития современных форм из старого натурального строя.

Понятно, что схема указывает лишь на главные виды переходов и взаимной связи между некапиталистическими, промежуточными и капиталистическими формами производства. С другой стороны, связь между формами крупного и мелкого хозяйства не ограничивается лишь единством исторического их происхождения из дифференциации и разрушения первобытного индивидуального родового или семейного хозяйства. Эта связь и в современных

условиях выражается или, напр., в тождественности экономической организации мелкого и крупного капиталистического хозяйства и в возможности переходов их из одного в другое путем концентрации или раздробления, или же в той экономической зависимости существования, которая фактически всегда обнаруживается, напр., между мелкими полусамостоятельными хозяйствами с производством на скупщика и крупными полукапиталистическими хозяйствами с отработочной и исполной арендой. Эта взаимная связанность этих разнотипных хозяйств и обуславливает характер дальнейших происходящих в них внутренних перемен.



VI.

Эволюция капиталистических и некапиталистических хозяйств под влиянием их конкуренций на рынке.

Систематизация и различение описанных форм организации земледельческого производства представляются особенно важными при изучении общей эволюции сельского хозяйства. Для определения характера этой эволюции необходимо предварительное установление известных типов хозяйственных организаций, так как и современное положение их, и характер их развития могут быть различными, иногда даже прямо противоположными для каждого вида и типа этих хозяйств.

Все главные экономические вопросы, характеризующие эволюцию земледельческого хозяйства—вопрос о концентрации или раздроблении землевладения, о крупном и мелком производстве, о развитии или падении капиталистических отношений и т. п.—разрешаются неодинаково для каждого типа земледельческих хозяйств. Для каждого из отмеченных типов земледельческих хозяйств существует и особая наиболее приспособленная форма организации производства, как в отношении размеров его, так и в отношении техники, внутреннего строя и т. п. Капиталистические отношения, если они и имеются в каждом из этих хозяйств, могут развиваться в различных для разных хозяйств направлениях. Поэтому, общую эволюцию форм организации сельско-хозяйственного производства нельзя выразить одной прямой линией. Такие прямые переходы, как концентрация земельной соб-

ственности вместо ее раздробления, развитие крупного производства на месте мелкого могут осложняться другими явлениями, хотя и приводящими в итоге действительно к развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве, но без концентрации земельной собственности или, наоборот, даже с распространением более мелкого хозяйства вместо крупного.

Действительно, например, крупное поместное хозяйство с натуральным строем или хотя бы с переходной организацией производства—отработочной и испольной арендой—может в известных условиях при переходе к капитализму раздробляться на более мелкие хозяйства с капиталистической организацией производства или даже на крестьянские хозяйства с характером «производства на скупщика». Такие случаи действительно и имелись в истории многих стран, хотя бы, напр., Соед. Штатов и России. Крупные рабовладельческие плантации в Америке или скотоводственные латифундии с крепостным трудом на юге России, при переходе к денежному хозяйству, вольнонаемному труду и интенсивным системам, стали дробиться на более мелкие фермы или переходить в руки более мелких сельских предпринимателей.

Такой переход, конечно, не опровергает ни концентрации землевладения, ни говорит за нее: в нем виден лишь один общий признак—завоевание капиталом области сельско-хозяйственного производства, хотя бы это завоевание сопровождалось и уменьшением размеров хозяйства. Средние цифры размеров землевладения и их изменения во времени сами по себе не могут дать возможности делать какие-либо заключения о тенденциях хозяйства к концентрации или к раздроблению и, в особенности, возводить эти явления в доказательство или отрицание развития капитализма в сельском хозяйстве.

Кроме того, самое развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве и способы подчинения его капиталу могут быть различны еще и потому, происходит ли такое подчинение капиталу всего хозяйства во всем его целом, или лишь одного процесса сбыта продуктов; другими словами, побеждается ли старый натуральный строй денежно-торговым или производительным капиталом. По историческому положению и по взаимным отношениям из намеченных типов хозяйственных организаций особенно характерными для настоящего времени представляются: земледельческое производство ремесленного типа, как отрицающее всякие капиталистические отношения; земледельческое производство на скупщика, с некапиталистической организацией производства, но подчиненное капиталу в процессе сбыта; наконец, земледельческое хозяйство с чисто-капиталистической организацией, как производства, так и сбыта.

Поскольку рассматривать эти три формы организации производства по наличности или степени развития в них капиталистических начал и отношений, они являются противоположными по своему положению. Однако у них есть одно общее, что нивелирует их в современном строе и на современном рынке: это товарный характер производимых ими продуктов, подчинение их рынку и условиям рыночного обмена. На рынке встречаются продукты как капиталистического, так и некапиталистического производства. Несмотря на всю разницу своего экономического содержания, оба эти продукта одинаково нивелируются рынком посредством цены. Уравнение в одной общей цене продуктов двух разных экономических категорий должно оказывать громадное влияние на характер дальнейших изменений, которые должны произойти в организации производства как той, так и другой категории хозяйств.

В крестьянском хозяйстве, как имеющем ремесленную организацию производства, так и работающем «на скупщика», отсутствуют элементы капиталистического характера. У крестьянина нет, как и в промышленной работе на скупщика, капитала, в истинном смысле этого понятия, так как он

заменяется здесь простыми орудиями производства, которые должны быть во всяком, даже чисто натуральном хозяйстве. Здесь нет, следовательно, и экономических последствий применения в производстве капитала, т.е. нет прибавочной стоимости и капиталистического стремления получить ее эксплуатацией наемной рабочей силы. В хозяйстве нет также и ренты, как особого вида дохода крестьянина-землевладельца, так как, являясь лишь функцией капиталистического производства, она должна отсутствовать там, где отсутствует капитал.

Таким образом, за отсутствием капиталистических элементов, доход, получаемый крестьянином от своего хозяйства, представляет лишь простой эквивалент заработной платы, притом эквивалент далеко не полный, могущий, благодаря ряду общественных и экономических условий, спускаться ниже обычного уровня потребностей, определяющего эту заработную плату. Поэтому для крестьянского хозяйства получается возможность — часто столько же и необходимость — продавать свои продукты ниже их стоимости и, во всяком случае, ниже цены производства в капиталистическом хозяйстве. Притом, хотя повышение обычного уровня хозяйственных и личных потребностей, как определителя уровня заработной платы и, следовательно, дохода крестьянского хозяйства, должно было бы идти вместе с повышением уровня благосостояния и культуры сельского крестьянского населения, но такое поднятие культуры и благосостояния возможно лишь при рационализации и интенсификации хозяйства, т.е. прежде всего при приложении в хозяйстве большого количества как труда, так и капитала.

То положение крестьянского хозяйства, в котором господствует лишь «производство на скупщика», т.е. производство, основанное не на рациональных началах приложения труда и капитала ради получения прибыли, а на стремлении возможно большей реализации произведенного продукта — обыкновенно не ведет к поднятию уровня обычных потребностей. Наоборот, торговый капитал стремится отнять от производителя не только избытки, но даже самые необходимые предметы собственного потребления. Таким образом, такое крестьянское хозяйство попадает в заколдованный, губящий его круг: разлагаясь и погибая, оно ищет спасения у представителя торгового капитала — скупщика, сбывая ему все свои излишки и даже то, чего нельзя отчуждать без ущерба всему хозяйственному строю и без понижения личных потребностей. А тем самым торговому капиталу дается новый повод и новая возможность понижения в расценке крестьянского труда и его продуктов. В результате, цены на крестьянские продукты — и, конечно, прежде всего на массовый продукт крестьянского производства — хлеб — являются на рынке всегда не только понижающим моментом, но устанавливаются вообще ниже средних цен, возможных при правильной капиталистической организации производства.

И вот, с произведенным и отчужденным при таких условиях продуктом крестьянского труда встречается продукт капиталистического производства, цена которого должна покрыть все издержки производства и процент на капитал, и заработную плату, а кроме того и ренту. Понятно, что рыночная цена, устанавливающаяся под влиянием дешевого предложения крестьянского хлеба, во всяком случае не может быть благоприятной для капиталистического предпринимательского хозяйства. И чем более по количеству производимого продукта крестьянское хозяйство преобладает над частновладельческим капиталистическим, чем более принуждено оно прибегать к избыточному отчуждению, тем тяжелее сказывается для предпринимательского хозяйства понижающее влияние крестьянского продукта на рыночные цены. Искключительное служение крестьянского производства рынку, полное подчинение его торговому капиталу сказывается, таким образом, невозможностью прогресса и улучшения не только в самом крестьянском хозяйстве, но задерживает развитие и частного предпринимательского хозяйства.

Капиталистическому хозяйству, в виду этой конкуренции, остается искать себе выход в переходе к иным формам производства, к получению таких продуктов, на цены которых крестьянское хозяйство не может оказывать понижающего давления. Эта возможность открывается для капиталистического хозяйства в обладании капиталом, в переходе к более капиталоемким формам, главным образом, к крупным промышленным формам хозяйства. Этих форм не может достигнуть мелкое крестьянское хозяйство, как за неимением достаточных денежных средств, так и вследствие особых неблагоприятных для этого условий мелкого землевладения.

Крупное капиталистическое хозяйство должно прибегать уже к выработке не массового зернового продукта, так как этот дорогой капиталистический продукт будет побиваться дешевизной крестьянского зерна, но к индустриализации земледельческого хозяйства, т.-е. к дальнейшей переработке сырых продуктов. Соединение земледельческого хозяйства с сахарными, винокурными и т. п. заводами, так наз. промышленная заводско-техническая система хозяйства, является для крупного капиталистического хозяйства не только целью стремлений, но и экономически необходимым выходом.

Зерновое хозяйство в этом случае остается большею частью лишь постольку, поскольку оно вызывается агрономическими требованиями организации хозяйства и полеводства, или лишь по той причине, что получаемое в этих хозяйствах однородное и более высокого качества зерно, благодаря этим своим качествам, превосходит разнородный и сборный продукт крестьянского производства, негодный для некоторых производительных и торговых целей. Точно также и скотоводственные формы хозяйства остаются связанными с такими крупными капиталистическими организациями большею частью лишь постольку, поскольку это вызывается необходимостью скормливания некоторых продуктов или отбросов производства. Экстенсивные же скотоводственные формы (напр., шерстное овцеводство), как связанные исключительно с крупным землевладением и с экстенсивным хозяйством, тотчас исчезают, как только это крупное землевладение становится в то же время крупным капиталистическим хозяйством.

Крестьянское хозяйство при таких условиях, если не получает чисто ремесленного характера, должно остановиться на добывании исключительно сырых продуктов земледельческого производства, притом рассчитанных, главным образом, на массовый сбыт. Даже в тех случаях, когда общие экономические и естественные условия дают возможность возникновения более интенсивных форм и развития торгово-промышленных культур, они не всегда влекут за собой изменения в самом экономическом положении крестьянского хозяйства в смысле его индустриализации, т.-е. дальнейшей переработки получаемых продуктов. Возникновение таких культур, как, напр., сахарной свекловицы, вполне доступно и крестьянскому хозяйству. Но оно влечет за собой перемену собственно лишь в организации полеводства, а не хозяйства, так как в таком случае крестьянское хозяйство большею частью является лишь простым поставщиком свеклы на свекло-сахарные заводы. Другими словами, и в этом случае мы имеем лишь простое подчинение мелкого хозяйства более крупному в форме подчинения обыкновенному скупщику со всеми экономическими последствиями этого подчинения.

Подобную же роль поставщика своих продуктов скупщику получает часто крестьянское хозяйство и при преобладании скотоводственных форм, когда, напр., оно поставяет чисто коммерческому предприятию, не связанному с сельским хозяйством, маслодельне или сыроварне, свои молочные продукты¹. Но большею частью скотоводственные хозяйства являются

¹ В Париже «вблизи вокзалов промышленники устроили депо, откуда их приказчики выезжают, чтобы забирать молоко у сельских хозяев. Положение деревенских жителей, занимающихся производством молока, неудовлетворительно. Земледелец должен довольство-

вполне подчиненными зерновым, а скотоводство развито лишь постольку, поскольку оно представляется необходимым для чисто зернового хозяйства. Еще более недоступна для крестьянского хозяйства индустриализация при зерновых системах хозяйства, так как промышленная переработка зерновых продуктов возможна лишь в крупных капиталистических хозяйствах.

Таким образом, обыкновенно мелкое крестьянское хозяйство по своим производительным функциям и тенденциям резко отграничивается от крупного частновладельческого: и при зерновой системе хозяйства, и при скотоводственной, и даже при развитии культуры промышленных растений, на долю крестьянского хозяйства остается лишь собственно органический¹ процесс сельского-хозяйственного производства.

Конечно, и крестьянское хозяйство не лишено возможности индустриализации своего производства. То же развитие общей промышленной жизни и увеличение спроса на переработанные сельскохозяйственные продукты создает возможность также и индустриализации мелкого крестьянского хозяйства, хотя в другой форме. За недостатком капитала и за невозможностью развивать капиталоемкие формы мелкое хозяйство прибегает к развитию трудо-интенсивных форм и получает ремесленную организацию хозяйства, опирающуюся уже не на крупный внешний рынок, а на местный.

В то же время в предпринимательском хозяйстве, чем оно крупнее, чем более стремится приобрести индустриальный характер, тем более должно изменяться и самое отношение к сельскохозяйственному производству. На первый план выступает получение дохода не от чисто-земледельческого хозяйства, а от индустриальной переработки сельскохозяйственных продуктов, т.е. получение известного процента на затраченный в этом производстве промышленный капитал. Понятно, что эта индустриализация крупного земледелия, являясь лишь частью общего развития индустрии и высшей степенью развития капиталистических отношений, может достигать наиболее значительного развития, главным образом, в странах высокоразвитой индустрии и вообще промышленного капитализма, ибо она требует также и обширного капиталистического рынка для сбыта своих продуктов. С помощью капиталистической организации обмена и сбыта такое индустриализованное земледелие действительно приобретает широкий рынок, выходя большую часть из границ не только местного рынка, но и народного, и выступая на мировой рынок.

Таким образом, в современных формах организации сельскохозяйственного производства и выделяются наметченные выше три главных типа хозяйств: крупное капиталистическое, индустриализирующееся и подчиняющееся производственному капиталу; мелкое крестьянское хозяйство ремесленного типа с высокими трудо-интенсивными формами; мелкое, преимущественно крестьянское, хозяйство с производством массовых, главным образом, зерновых, продуктов, стоящее в зависимости от торгового капитала. Во взаимодействии хозяйственных интересов, в конкуренции этих трех типов производства и выливается судьба современного сельскохозяйственного хозяйства в зависимости от того, насколько общие экономические условия способствуют преобладанию и развитию той или другой формы.

Если общие экономические условия страны способствуют широкому развитию промышленной и городской жизни, возникновению близкого местного рынка для сбыта сельскохозяйственных продуктов; если общий уровень благосостояния и покупательная способность как сельского, так и городского насе-

ваться жалким вознаграждением в 10—12 сант. за литр, тогда как розничная цена его 60—70 сант... Он должен подчиняться всем требованиям торговцев... Производителю ставят в обязанность держать коров определенной породы». Vimeux. „La vente du lait dans le département de l'Oise“, цит. по Vandervelde. То же самое, как известно, наблюдается у нас в Сибири с молочными продуктами и в северо-западном крае, с яйцами. См. Кржижицкий. Аграрный вопрос. СПб. 1906 г.

¹ См. David. Sozialismus und Landwirtschaft. Berl. 1903, S. 67 и след.

ления высоки; если, наконец, по историческим и бытовым условиям в стране преобладает мелкое крестьянское хозяйство, — то оно получает тип ремесленной организации.

Если при тех же общих экономических условиях землевладение держится еще на сословно-феодалных основах, концентрировано в немногих руках, с преобладанием, поэтому, крупного землевладения, — то развивается капиталистическое хозяйство или в форме аренды, или в форме самостоятельного хозяйства землевладельца. В этих случаях, конечно, значительная часть населения предполагается обезземеленной и пополняющей собою кадры наемных земледельческих рабочих. Вместе с многочисленным городским населением это безземельное сельское население также создает широкий рынок для сбыта сельско-хозяйственных продуктов. Характер организации сбыта в этом случае имеет мало общего с тем местным рынком в ремесленном производстве, который может обходиться часто или совсем без посредника-торговца, или обладает, во всяком случае, весьма упрощенной организацией. Здесь, наоборот, организация сбыта, даже в случае географической близости рынка, принимает большею частью чисто-капиталистический характер.

Наконец, если капиталистическая жизнь страны не сделала крупных успехов, если численность промышленного и городского населения невелика, если в народном хозяйстве преобладает мелкое землевладение и в общем населении страны — земледельческое население, то все это способствует превращению мелкого крестьянского хозяйства в тип производства на скупщика. Для сбыта массового продукта в этом случае является недостаточным не только местный рынок, но даже весь потребительный внутренний рынок страны, так как в ней преобладает то же производительное сельское население. Между тем обширность рынка лишает мелкое хозяйство такого тесного общения с ним, какое возможно при существовании местного рынка для ремесленного хозяйства. К тому же капиталистические отношения вообще очень рано захватывают организацию сбыта. Поэтому развитие мелкого торгового земледелия, т. е. земледельческого производства на скупщика, предполагает большею частью и переполненность, хотя бы относительную, внутреннего рынка. Превышение фактической потребительной способности внутреннего рынка и необходимость крупного внешнего экспорта всегда сопутствуют распространению такого хозяйственного строя, независимо от того, вызывается ли усиленный сбыт действительными избытками производства или лишь вынужденными продажами этих продуктов населением.

Последнее обстоятельство, т. е. необходимость внешнего рынка и усиленный сбыт на нем массового продукта, особенно осложняет и затрудняет положение сельского хозяйства как экспортирующих земледельческих стран, так и служащих для них внешним рынком стран промышленности с интенсивными системами земледелия. Широкая капиталистическая организация мирового рынка и обмена позволяет участвовать в нем и привлекает к нему все новые, все более отдаленные страны экстенсивного земледелия, дешевых цен на землю и дешевых рабочих рук, помимо их естественного преимущества — свежей, невыпаханной почвы. Как на внутреннем рынке какой либо страны встречаются продукты, произведенные при различных условиях — в капиталистическом и некапиталистическом хозяйстве — так и на мировом рынке встречаются продукты совершенно разнотипных хозяйств: капиталистически организованного хозяйства старых промышленных стран с высокой рентой, с высокими ценами на землю, высокими издержками производства, с интенсивной культурой и экстенсивного хозяйства молодых стран с дешевыми ценами на труд, с дешевой и богатой землей. Понятно, что победа остается не на стороне первых.

Не говоря уже о других неблагоприятных условиях, одна высокая рента совершенно исключает для старых стран возможность конкуренции их с мо-

лодыми. А так как экстенсивная культура новых производящих стран направляется прежде всего на главный предмет международного сельскохозяйственного обмена—зерновой хлеб, то на нем прежде всего конкурирующие страны и испытывают свою силу. В своем зерновом хозяйстве промышленные страны терпят прежде всего поражение от экстенсивного и дешевого производства молодых сельскохозяйственных стран.

Это обстоятельство и заставляет сельскохозяйственную промышленность капиталистических стран особенно усиленно обращаться к тому средству, с помощью которого она боролась с отечественным некапиталистическим хозяйством—к индустриализации и интенсификации своего земледелия, к получению тех продуктов, которые еще не захвачены конкуренцией. Но те же капиталистически-организованные средства торгового обмена, благодаря которым заокеанский хлеб мог появиться на европейских рынках, постепенно захватывают и другие сельскохозяйственные продукты далеких стран. Высокие технические усовершенствования в средствах транспорта дают возможность поставлять из самых далеких углов не только хлеб и скот, но и свежее мясо, масло, яйца, молоко. А те же условия низкой ренты и экстенсивного хозяйства дают возможность продавать все эти продукты по ценам, недоступным для интенсивных хозяйств с высокой ценой земли и с высокой земельной рентой. Интенсивное сельскохозяйственное хозяйство промышленных стран терпит угнетение и переживает кризис и в этих новых областях производства. Ему приходится постепенно все более уходить в чистую индустриализацию, т. е. в чисто-промышленную переработку тех сырых материалов или полуфабрикатов, которые поставляют в промышленную страну ее сельскохозяйственные конкуренты, и в то же время все более сокращать свое чисто сельскохозяйственное производство.

Таким образом, капитализм, пробудивший в сельских хозяевах стремление к наживе и предоставивший их продуктам обширный внутренний рынок, скоро же и отрекается от своего создания, выискивая ему конкурентов за океаном. Относясь безразлично к месту происхождения продаваемых на рынке продуктов, он отдает предпочтение более дешевым продуктам молодых непромышленных стран. Пытается ли отечественное земледелие искать защиты в таможенных пошлинах, в проектах национализации хлебной торговли, как в Германии; побеждают ли принципы свободы торговли, как в Англии,—европейское сельское хозяйство не в состоянии выдерживать конкуренции дешевого хлеба. Оно не может продавать свои продукты по такой же дешевой цене потому, что не может при современных условиях промышленного капитализма и при частной земельной собственности, ни понизить расходы на заработную плату своих сельских рабочих, ни понизить скольконибудь существенно земельную ренту.

Так как значительная доля участия в повышении цен на сельскохозяйственные продукты в странах старой интенсивной культуры принадлежит именно высокой ренте, то мелкое крестьянское хозяйство, как вообще не получающее ренты, может и в этих условиях без ущерба для своих производственных функций до некоторой степени бороться с конкуренцией иностранного земледелия.

Но одним отказом от ренты дело большею частью не ограничивается, и борьбу за рынок приходится вести уже путем понижения расценок своего личного труда, путем отказа от своего предпринимательского дохода, путем продажи своего хлеба и других продуктов ниже средней для данной страны и недоступной для капиталистического хозяйства цены производства их.

При неблагоприятных общих условиях такое «преимущество» крестьянского хозяйства перед промышленно-капиталистическим может стать губительным не только для него самого, но и для промышленного развития страны вообще, если оно ведет к пауперизации сельского населения и, следовательно, к сокращению сбыта для самой фабричной промышленности. Но при благо-

приятных условиях, в случае возможности интенсификации и рационализации своего хозяйства, и крестьянин доводит его до высокой степени культуры и благосостояния, в особенности развивая свое производство в направлении удовлетворения местного спроса такими продуктами, которые не выносятся далекой перевозки или потому, что обладают невысокой ценностью, или потому, что скоро портятся. Развитие интенсивных скотоводственных, главным образом, молочных, а также интенсивных земледельческих, так называемых вольных систем, является поэтому особенно свойственным крестьянскому хозяйству ремесленного типа в таких, напр., странах, как Дания, или вообще областям, близким к промышленным центрам и городам, где эти продукты такого интенсивного крестьянского земледельческого хозяйства ремесленного типа находят обеспеченный сбыт.

Впрочем, и при таких условиях крестьянское хозяйство, хотя и может достигать высокой степени благосостояния, однако с развитием международного обмена и улучшением средств транспорта (его удешевлением, ускорением, введением холодильников и пр.) и ему приходится испытывать все более возрастающую и все более тягостную для него конкуренцию заокеанских и др. земледельческих стран. Бороться с ним приходится уже не дешевизной продуктов, а высоким их качеством и отделкой, так как продукты молодых, только начинающих развиваться, земледельческих стран отличаются, наоборот, низким качеством.

Однако, судьба этих «молодых» стран является совершенно тождественной с судьбой своих предшественниц в историческом ходе экономического развития. Порождения капитализма и капиталистических отношений — они скоро теряют свою первоначальную девственность, проходя весь тот цикл развития экономических отношений, который проходили и более старые страны интенсивной капиталистической культуры.

Первые же шаги выступления их на мировой рынок подчиняют их капиталу, вначале так же, как и везде, — капиталу торговому. В глубине их девственных степей еще сохраняются натуральные, некапиталистические отношения и понятия. Земля считается еще ничьей и божьей; землевладелец-предприниматель и рабочий еще соединяются в одном лице колониста; земли еще больше, чем могут эксплуатировать наличные силы населения; капитал еще совершенно не завладел производством. Но в то же время оно быстро начинает терять тот свой характер и те свои цели, с которыми основывал здесь свое хозяйство какой-нибудь европейский эмигрант, бежавший сюда из своего отечества за куском хлеба и за пропитанием. Через гавани, порты и города европейский капитал в виде тогового капитала проникает в девственные степи этих новых стран, пробуждая здесь, вместо прежних забот о простом обеспечении существования, стремление к наживе, стремление возможно больше продать, возможно больше выручить. Возможность выступления новых земледельческих стран на мировом рынке основывается исключительно на подчинении ими своего земледелия торговому капиталу. Предоставив им усовершенствованные способы обмена, сношений и кредита, он всецело завладевает сферой обмена, хотя вначале и может еще влиять на изменение организации сельско-хозяйственного производства.

Это начавшееся пробуждение жажды к наживе и стремление к получению прибыли заставляет увеличивать прежде всего количественную сторону производства. Чем вообще свободнее идет политический и экономический рост страны, тем скорее влияние капитала на земледельца и земледельческие отношения распространяется из сферы обмена на само производство, тем быстрее страна переживает переход от некапиталистического земледельческого производства с подчинением торговому капиталу процесса обмена и сбыта сельско-хозяйственных продуктов к чисто капиталистической организации как производства, так и обмена. Земледельческая и хлеботор-

говая история Соед. Штатов Северной Америки в прошлом и Аргентина в настоящем представляют к тому лучший пример¹.

Но как ни скор этот переход молодых стран к капиталистическому хозяйству, для стран старой культуры он означает долгие годы кризиса их дорогого и обремененного долгами капиталистического земледелия. Поэтому неправильно предполагать, что этот кризис европейского хозяйства представляет что-либо временное и хотя часто повторяющееся, но преходящее, на подобие кризисов промышленных.

Причина его та, что вследствие своей тесной связанности с землей и с условиями землевладения сельскому хозяйству капиталистических стран приходится нести все последствия частной земельной собственности и капиталистического образования ренты и земельных цен. Высокие цены на землю, требующие высоких цен на продукты земли, ставят капиталистическое сельское хозяйство и капиталистическое производство в такое неразрешимое противоречие с некапиталистическим хозяйством, что оно может быть уничтожено лишь с уничтожением самой основной причины этого противоречия, т. е. частной земельной собственности, а отсюда и ее непосредственного следствия—высоких земельных цен.

В таком случае, конечно, были бы уничтожены и разрешены все те тяжелые противоречия, которые приходится испытывать капиталистическому сельскому хозяйству. В настоящее же время европейскому капиталистически-организованному сельскому хозяйству, сельско-хозяйственному производительному капиталу, вложенному в европейское земледелие, приходится нести всю тяжесть конкуренции стран некапиталистических. В условиях современного мирового обмена и оборота эта конкуренция становится для некапиталистических стран возможной именно потому, что организацию сбыта их продуктов на мировом капиталистическом рынке берет на себя денежный торговый капитал.

Другими словами, конкуренция между капиталистическими и некапиталистическими сельскими хозяйствами сводится к конкуренции производительного и денежно-торгового капитала. Торговый капитал часто именно и является в роли *tertius gaudens* от столкновения и борьбы на мировом рынке капиталистического и некапиталистического производства.

Отсюда видно, какая громадная, почти решающая роль в судьбе аграрной эволюции европейских и внеевропейских стран принадлежит денежно-торговому капиталу. Поэтому изучение проникновения и развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве должно начинаться с изучения развития именно торгового капитала и его влияния на земледельческую промышленность. Подчинение торговому капиталу сначала в одной области сбыта, а затем и производства, является первым шагом проникновения капитала в земледельческие отношения. Хотя характер дальнейших преобразований и изменений, приведших старый строй от натурального хозяйства к новым капиталистическим формам, зависел уже не от торгового капитала, но именно торговый капитал первый начинает оказывать разлагающее влияние на ста-

¹ См. Sering. Die landwirtschaftliche Konkurrenz Nordamerikas. Leipzig, 1887, Becker. Der Argentinische Weizen im Weltmarkte. Iena. 1903. Орбинский. Хлебная торговля Соед. Штатов. Спб. 1880. Особенный интерес в этом отношении представляют Соед. Штаты, победившие не только европейское земледелие, но и представляющие сильную дифференциацию отдельных штатов на чисто промышленные и земледельческие. Борьба между первыми—раньше также земледельческо-зерновыми—главным образом, восточными штатами и западными—земледельческими—привела после нескольких лет кризиса к высокой степени индустриализации в них сельского хозяйства и резко разделила Штаты по их экономическому значению на сельско-хозяйственные и промышленные. H. Levy. Zur Geschichte d. Agrarkrisen, in Conrad's Jahrbücher, III, 28, 1904.

рые формы и организацию производства. Он вселял в хозяйство не только новый предпринимательский дух и стремления, но и изменял его технически, направляя его на производство иных, не потребительных, а товарных ценностей, и притом товаров, годных для обширного капиталистического рынка.

Поэтому-то, если дальнейшие, более усовершенствованные и развитые формы капиталистического производства и обмена могут вызывать высокую степень индустриализации земледельческого производства, то первоначальные шаги торгового капитала в земледелии сказываются быстрым расширением производства, главным образом, массового продукта, т. е. на первом месте — зерновых продуктов.

Развитие торгового зернового хозяйства является поэтому характерным для развития торгового земледелия вообще, а это последнее представляется всегда характернейшей и критической эпохой перехода земледельческого хозяйства от натуральных форм потребительного и, следовательно, сложного, без общественного разделения труда и специальности, хозяйства к капиталистически организованному производству, построенному на специализации, на стремлении к возможно более полной переработке продуктов, на доведении их до полуфабрикатов, т. е. на превращении процесса земледельческого производства в общий процесс промышленного производства.

Но в то же время, пока старые формы натурального некапиталистического потребительного хозяйства будут разлагаться, стремясь к индустриальной капиталистической организации земледельческого производства, значительное распространение должны получить переходные формы хозяйства, уже втянутые в круговорот денежного обращения, зависимые от денежно-торгового капитала, но не имеющие возможности, вследствие общих экономических и общественных условий, превратиться в индустриальные и капиталистически организованные. В народном хозяйстве наблюдается, таким образом, целый ряд переходных форм, начиная от сохранившихся почти в чистом виде свой натуральный характер до чисто капиталистических организаций.

Для выяснения так называемой «тенденции развития современного сельского хозяйства», для выяснения степени капитализации земледельческой промышленности, представляется поэтому совершенно излишним и бесплодным разрешение, напр., такого, так неоднократно и безрезультатно дебатированного вопроса — представляет ли преимущество крупное земледельческое хозяйство сравнительно с мелким и развивается ли численно это крупное хозяйство за счет уменьшения и разорения мелких производителей. Разрешение вопроса должно лежать не в определении уменьшения или увеличения числа мелких или крупных хозяйств, а в том, как правильно определяет Каутский: «овладевает ли капитал сельским хозяйством и каким именно образом, совершает ли он в нем переворот, приводит ли он к тому, что прежние формы производства и собственности оказываются отжившими и вызывает ли он необходимость новых»¹.

Но при рассмотрении этих способов, с помощью которых капиталу удается овладевать сельским хозяйством, часто вопрос решается слишком категорически именно в том смысле, что происходит капитализация производительного процесса. А так как, с другой стороны, в значительном числе хозяйственных организаций такой капитализации производительного процесса действительно не наблюдается, то часто и весь вопрос о развитии капитализма в сельском хозяйстве решается отрицательно.

В действительности, первой стадией разрушения докапиталистического сельско-хозяйственно о строя капиталом является подчинение его лишь торговому капиталу. Борьба мелкого и крупного хозяйства может быть харак-

терна для определения степени капитализации земледелия лишь в том случае, если оба сравниваемые, крупное и мелкое, хозяйства одинаково организованы, т. е. представляют оба или капиталистические, или некапиталистические организации. Но и в этом случае победа, напр., крупного хозяйства над мелким определяет лишь характер процесса капитализации, но не решает вопроса о самой капитализации.

В сельско-хозяйственной действительности, при чрезвычайном разнообразии существующих переходных форм, эта борьба крупного хозяйства с мелким тем более не может быть характерной для вопроса о капитализации, что иногда и распространение мелких хозяйств за счет разложения крупных может знаменовать собою прогрессивный, в смысле усиления зависимости от капитала, факт. Это именно и бывает на первых ступенях капитализации земледельческого хозяйства, когда старое натуральное крупное хозяйство, основанное на сословных началах землевладения и крепостного труда, или также сословное крестьянское натуральное хозяйство, или, наконец, хозяйство ремесленного типа с крупной семейной организацией—но все независимые от капитала как в области производства, так и в области сбыта—разлагаются на более мелкие земледельческие хозяйства, находящиеся в совершенной зависимости от денежно-торгового капитала, извлекающего из производства свою торговую прибыль и оставляющего самостоятельному производителю лишь эквивалент заработной платы.

Борьба крупного и мелкого хозяйства может являться лишь показателем борьбы мелкого и крупного производительного капитала. Она представляется поэтому характерной лишь для высших стадий развития капитализма в сельском хозяйстве, т. е. капитализации производительного процесса земледелия. Для первоначальных же стадий этого процесса—именно и преобладающих в современном, особенно мелком сельском хозяйстве, характерной является все возрастающая зависимость его от рынка, от торгового капитала, развитие в нем производства, хотя еще и некапиталистически организованного, но все же преследующего уже цели торгового земледелия, вместо организации, служившей прежде удовлетворению натуральных потребностей.

Только после подчинения земледельческого хозяйства денежно-торговому капиталу и начинается более широкое развитие в нем капиталистических отношений, приводящее в конце к капитализации всего земледельческого производства.

Аграрная эволюция России.

Г Л А В А I.

Первоначальная дифференциация земледельческого населения в древней Руси.

Характер древнего крестьянства. — Обезземеление земледельческого населения. — Древний крестьянин, как докапиталистический фермер. — Развитие барщины, как формы помещичьего предпринимательства. — «Первоначальное накопление» рент.

Если, как мы сказали выше, общую теорию экономической и особенно аграрной эволюции нельзя считать созданной или разработанной с сколько-нибудь законченной полнотой, то тем более это необходимо сказать про теорию аграрного развития России. Ее экономическая история, даже чисто описательная, разработана настолько же беднее западно-европейской, насколько менее разработана и общая ее история. Представляется поэтому особенно трудным и выяснение тех экономических факторов, которые легли в основу ее развития, т. е. выяснение той общей тенденции этого развития, которая сближает или, быть может, наоборот, отделяет наше народное хозяйство от общего аграрно-экономического развития других стран. Может быть только вследствие этой неразработанности так и распространено в известных научно-литературных течениях убеждение в совершенно особых «законах» экономической эволюции России, о ее особой «мировой» роли на этой почве...

Общие этапы той аграрной эволюции, которые прошли западно-европейские страны на пути выработки современного капиталистического аграрного строя, были: первоначальное накопление капитала путем накопления докапиталистических—сначала натуральных, затем денежных—рент; увеличение зародившегося таким путем капитала в торговом обороте в виде денежно-торгового капитала, первой формы капитала; экспроприация сельского населения; образование производительного капитала, сначала в виде промышленного, затем в виде аграрного капитализма. Таким образом, заложение начатков или, вернее, материальной основы капитализма—капитала (ибо помимо этой материальной основы требуется еще и создание известных капиталистических отношений) возникло в Зап. Европе, в недрах земледельческой промышленности, и притом возникло задолго до развития «капитализма», как эпохи с законченным экономическим строем. Лишь впоследствии, благодаря более быстрому темпу общего развития в городах—именно в этих последних, и в них раньше, чем в сельском хозяйстве—начинают развиваться капиталистические отношения, т. е. «капитализм», как система, во всем его широком социальном значении.

Каким же образом возникли и развивались соответствующие явления в аграрно-экономической эволюции России? Ответ на этот вопрос мы можем получить только в самой общей форме и притом построенный скорее на косвенных, чем на прямых указаниях.

Поэтому мы и здесь ни в коем случае не можем задаваться целью сколько-нибудь исчерпывающего исторического исследования определенной эпохи, а тем более всей аграрной истории России. Задача такого исследования—дело историка, и выполнить ее вообще, а тем более по современному состоянию материала, одному автору, на сотне страниц, конечно, было бы невозможно. Экономист не может и не должен задаваться целью такого исследовательского собирания исчерпывающего исторического материала. И, конечно, не потому, что у нас имеется его слишком много. Наоборот, как сказано, в русской аграрной истории мы встречаемся на каждом шагу с крайне недостаточным материалом. Но это обстоятельство не должно отвлекать экономиста от главной для него цели—от попытки построить эти исторические явления и факты в определенную социальную систему. Только такой «социологический» подход может освободить экономиста от бесплодного эмпиризма, от того голого историцизма, который лишен сам по себе всякого значения научной экономической теории. Поэтому задачей экономиста в изучении им экономической истории должно оставаться конструирование исторического процесса, т. е. сведение исторических явлений в социальную систему с целью построения теории хозяйственного развития. При таких условиях, как бы ни был недостаточен исторический материал, такое конструирование его представляется совершенно необходимым для выяснения сущности и закономерности всего исторического процесса. И с этой точки зрения такого рода изучение аграрного развития России представляется особенно настоятельным.

Наш древний хозяйственный строй почти еще совсем не затронут систематическим изучением. В лучшем случае он освещался и изучался лишь постольку, поскольку это необходимо было при изучении древнего правопорядка¹. И хотя в отношении этого последнего было сделано, быть может, действительно довольно много, однако, по самому характеру своему, эта задача исключала или значительно суживала возможность самостоятельного освещения самого хозяйственного строя. Поэтому при изучении экономических явлений позднейшего периода их исторический генезис проследить было трудно, так как при этом или приходилось останавливаться сравнительно на не отдаленных факторах и причинах их развития, или исходить в историческом их изучении «от пустоты»², т. е. так или иначе оставлять вопрос об их зарождении неразрешенным.

В изучении, напр., позднейших явлений капитализма эта «пустота», в которой самопроизвольно зародился и из которой вырос этот капитализм, стала пониматься, как «народное производство», как полная противоположность капитализму. Но само собой разумеется, что подобный капиталистический партогенезис представляется совершенно непонятным. Пусть ход и, пожалуй, даже «законы» русской экономической эволюции представляются совершенно отличными от эволюции любой западно-европейской капиталистической страны, но раз на известной стадии этой эволюции мы встречаемся с совершенно тождественными явлениями, то, естественно, мы должны проследить, не тождественным ли оказывается и самый исторический процесс, выработавший эти экономические явления.

¹ Ниже мы даем более или менее подробный перечень этой литературы, относящейся как к древнему, так и к более позднему периоду. И хотя главной задачей ее является изучение древнего правопорядка и старого юридического быта, однако и для освещения экономического сельско-хозяйственного быта она дает много характерных черт.

² Струве. Основные моменты развития крепостного хозяйства в России в XIX в. «Мир Божий», 1892 г., кн. X—XII, и отд. изданием «Крепостное хозяйство» 1913 г.

Именно с этой точки зрения наблюдая характер аграрно-экономической эволюции России, мы не можем заметить ни каких-либо исключительных «законов» ее, ни господства каких-либо особых форм «народного производства», а лишь черты, которые часто сближают ее, а часто делают вполне тождественной с аграрно-экономической эволюцией других стран.

Если принимать за главный признак, который должен характеризовать сущность «народного производства», экономическую свободу и земельное равенство, по крайней мере в такой степени, чтобы гарантировать каждому возможность самостоятельного хозяйствования, то необходимо признать, что этого признака нельзя найти даже на наиболее ранних ступенях русской экономической истории.

Правда, то древнее экстенсивное полужемледельческое, полуохотничье натуральное хозяйство, которое характеризует начальные формы хозяйства древней Руси, должно было способствовать этой свободе и самостоятельности производителя. Каждый, смотря по времени года, по мере надобности, по условиям местности занимался и земледелием, и торговлей, охотой или промыслами, торговал своими и скупленными произведениями или вел «замкнутое» натуральное хозяйство¹. Широкого разделения труда, конечно, не могло существовать; не могло существовать и крупной концентрации производства, вместо чего преобладало типичное мелкое «крестьянское» натуральное хозяйство. Деревня, как совокупность таких мелких крестьянских хозяйств, представлялась самоудовлетворяющейся. Даже ее ремесленные классы, ее ремесленники, плотники, ковали, колесники, которых мы встречаем, напр., в Писцовых книгах, всегда сами являлись и земледельцами². Притом, как эти ремесленники, так и чисто земледельческие классы были такими земледельцами, которые, как видно по размерам их запашек, стремились только к удовлетворению своих личных потребностей³.

Этот натуральный самоудовлетворяющийся строй, эта возможность смены занятий и придавали бессословный характер древнему обществу, не позволяя говорить собственно о земледельческом или промышленном населении, о крестьянстве или о других его группах.

Но при всем том, даже при этих благоприятствующих экономическому равенству условиях, ни этого равенства, ни экономической свободы никогда не существовало не только вообще, но даже и среди тех слоев населения, которые могли все же считаться представителями земледельческого населения, т. е. среди самостоятельных земледельческих производителей. Не говоря уже о той привилегированной верхушке тогдашнего общества, которую составляли «лучшие люди», бояре, служилые люди и т. п. привилегированные классы, которые встречаются на первых страницах истории, даже среди жителей самих сельских общин, т. е. собственно среди трудового земледельческого, крестьянского населения,—экономическое неравенство было весьма глубоко.

Оно выражалось прежде всего в существовании того класса людей, которые не имели собственной земли и хозяйства и жили у более зажиточных хозяев в качестве наймитов. Что особенно важно: подобное экономическое неравенство и дифференциация приводила не только к выделению из всего населения владельческого привилегированного класса и их земель из «черных», тяглых земель общин, но шла и далее, вглубь самих «черных» владельцев,

¹ Беляев. Крестьяне на Руси. М. 1879, стр. 9—10.

² Соколовский. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом. СПб. 1878, стр. 17 и след.

³ Напр., во всей Деревской пятине, расположенной в плодороднейшем районе и занимавшей 31 тыс. квадр. верст, в конце XV в. не было ни одного владельца, который бы запахивал более 20 дес. в каждом из двух полей; обычная же запашка не превышает 5—7 дес. Соколовский. Очерк истории сельской общины на севере России. СПб. 1877, стр. 21—32. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М. 1899 г., стр. 120—201.

т. е. свободного трудового земледельческого населения. Таким образом, когда впоследствии это последнее стало выделяться, как особая сословная группа, под именем «крестьянства», то оно само представляло уже не однородную, а дифференцированную группу.

Помимо этого неравенства свободного трудового земледельческого населения, в деревне имелась с давних пор и более глубокая дифференциация. Уже с XI в. среди сельского населения встречается так называемая «челядь, жившая по селам», т. е. сельские рабы. Повидимому, эти рабы представляли первое применение несвободного рабского труда не к личным услугам, а с производительными целями, к сельским работам¹. Хотя число их, нужно думать, было весьма велико, так как с помощью их труда обрабатывались, повидимому, очень многие частновладельческие, княжеские и боярские, земли, однако, все же этот класс несвободных сельских рабочих не был преобладающим.

Переходной ступенью от рабских к свободным формам труда являлись так называемые «холопы страдники» или «пахотные холопы», деловые люди и другие разряды лиц, инициатива создания которых из свободного сельского населения принадлежала, повидимому, церкви, а затем крупным помещикам, которые стали создавать свои свободные земельные участки необеспеченному землей населению на условиях зависимости, близкой к несвободе и крепостничеству².

Но вообще для выяснения степени дифференциации и процесса обезземеления земледельческого населения особенно важным представляется положение не этого, не пользовавшегося большим распространением рабского или полусвободного труда, а положение свободного и самостоятельного сельского производителя, т. е. крестьянства. Существование и распространение рабского труда, если оно не вызывается внешним завоеванием страны, обращением в рабство и массовым обезземелением туземного сельского населения—а этого именно и не было в России—встречается обыкновенно сравнительно редко и поэтому не может служить характеристикой общего положения сельского населения и длительного процесса его экспроприации. Возникновение несвободных форм труда и безземельного населения среди прежнего свободного и владевшего землей населения происходит в таких случаях под влиянием более глубоких внутренних экономических причин и совершается гораздо более медленно, но и более прочно, чем прямое установление рабства завоеванием и другими причинами.

Поэтому, действительно, и древняя Русь на первых страницах своей истории свидетельствует о сравнительно не очень широком существовании полного экономического и юридического рабства; но зато среди свободного сельского населения также с первых же страниц древней истории намечаются гораздо более глубокие и важные различия в экономическом положении населения, приводящие впоследствии к юридической личной зависимости и несвободе.

Эти различия обнаруживались прежде всего в материальной базе существования—в обеспечении крестьянского земледельческого населения землею.

С того времени, как среди населения страны стала выделяться некоторая группа под именем «крестьянства», и до новейшего времени, экономический смысл, вкладываемый в это понятие, чрезвычайно изменился; изменился настолько, что первоначальное значение понятия «крестьянства» было совершенно забыто. Современная экономика вкладывает в слово «крестьянин» не только представление о том социальном положении, о том образе жизни и виде занятий, которые в общем сохранились и для современного крестьянина

¹ Ключевский. Подушная подать и отмена холопства в России. «Русская Мысль», 1886 г., IX.

² Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М. 1899, стр. 129 и след. Беляев, I. с., стр. 38. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII в.). Спб. 1898, стр. 75 и след.

теми же, как и для крестьянина древности, но соединяет с этим понятием крестьянства и необходимый его признак—право собственности на обрабатываемую им землю. Крестьянин, не владеющий землей и не обрабатывающий ее, превращается или в экономическую фикцию, в сословную единицу, а только обрабатывающий, но не владеющий—в предпринимателя-арендатора. Все экономические построения о крестьянском хозяйстве исходят именно из этого понятия о крестьянской собственности на землю. Может быть, в этом отношении экономическая теория лишь подчиняется тому, что так глубоко коренится в народной психологии. Но исторически такое понятие безусловно не верно, или по крайней мере, история не дает ни одного подтверждения такому положению.

Поскольку позволяют судить исторические памятники, или все сельское крестьянское население Руси, или значительная часть его никогда не было собственниками обрабатываемой им земли¹. Кроме лишь «своеземцев» в Новгородской земле, типичных сельских обывателей, владевших землею на праве частной собственности, на всем пространстве княжеской Руси мы не встречаем класса крестьян-собственников². Но и среди этих «своеземцев» чаще встречались не мелкие собственники-крестьяне, а более или менее крупные владельцы, помещики³. Именно безусловно лишенной земли является та часть крестьян, которая сидела на землях частных владельцев, первоначально под именем так называемых «ролейных закупов», затем изорников и проч.—прообразов будущих крестьян⁴. И лишь относительно другой части крестьянского населения, сидевшей на землях черных, общинных, не имеется столь же категорических указаний, принадлежали ли первоначально эти земли, до их «окняжения» самим крестьянам, на правах настоящей и полной собственности, или нет.

Но во всяком случае, с одной стороны, окняжение черных земель окончательно уничтожило остатки крестьянской собственности на этих землях; с другой стороны, известно, что и крестьяне, сидевшие на черных общинных землях, могли в свою очередь передавать эту землю на известных правах другим лицам, хотя бы своим однообщинникам⁵, следовательно, по экономическим отношениям к этим пришлым и сидевшим на их землях крестьянам не отличались от других частных владельцев белых земель.

Эти отношения между владельцами земель и их с'емщиками по их экономической сущности, помимо некоторых различий в юридических формах, должны характеризоваться, как арендные отношения; крестьянин всегда являлся лишь с'емщиком-арендатором владельческой, иногда и общинной земли, на известных арендных условиях. Эти условия, конечно, зависели прежде всего от экономического и хозяйственного положения как той, так и другой стороны. Те ролейные закупы, о которых говорит Русская Правда, представлялись с'емщиками настолько несостоятельными, что не имели для работы ни скота, ни орудий, ни семян для посева, ни даже хлеба для прокормления,

¹ Беляев. Крестьяне на Руси, стр. 14—15, а также его же «Законы и акты, устанавливающие в древней Руси крепостное состояние». Архив истор. и практ. сведений, книга II.

² Ключевский. Курс русской истории, т. II, стр. 99.

³ Сергеевич. Древности русского права, т. III, стр. 6—20: «Новгородские своеземцы представляют чрезвычайно широкий класс, который внизу начинается крестьянами-собственниками и восходит до людей, могущих жить доходами с своих земель, не прикладывая к ним собственных рук. Ibid, стр. 11.

⁴ «Мы можем считать доказанным, что крестьяне в древней Руси были лишь владельцами земли». Соколовский. Экономический быт земледельческого населения, стр. 77. Исключение представляли разве лишь новгородские своеземцы, «мелкие собственники, занимавшие нечто среднее между крестьянами и землевладельцами» и исчезнувшие в течение XVI стол. См. Соколовский, I. с. стр. 4 и Ключевский. Происхождение крепостного права в России. Русск. Мысль 1885, кн. 10, стр. 7 и след.

⁵ Беляев. Крестьяне на Руси, стр. 15—31.

получая все это в ссуду от землевладельца. Однако все же хозяйство их не представлялось связанным и подчиненным хозяйством раба или крепостного, а было совершенно самостоятельным и отдельным: закуп с семьей жил независимым мелким хозяином, обязанным владельцу лишь выплатой известного эквивалента за полученную им землю и ссуду, выплатой, производимой, конечно, натурой или личным трудом, т.е. выплатой натуральной или отработочной ренты.

Во всяком случае этот арендатор-закуп всегда оставался «хозяином», не превращаясь ни в батрака, ни в крепостного¹. И замечаемое иногда смешение Правдой закупа с наймитом скорее свидетельствует о том, что класс последних к тому времени еще не вполне выделился из хозяйственного населения, чем о том, что закуп был лишен этой хозяйственной самостоятельности.

В более поздний период положение крестьянина, как самостоятельного хозяина на чужой земле, еще более определяется и ограничивается от положения наймита, т.е. от бесхозяйного рабочего. Если относительно положения закупа могут существовать литературные разногласия², то псковский изорник представляет даже гораздо более законченный по экономической самостоятельности тип крестьянина-арендатора, чем ролейный закуп: он мог получать от землевладельца лишь одну землю, все же орудия, рабочий скот, семена имел свои, т.е. являлся вполне «предпринимателем», обладающим орудиями и средствами производства³. Но за землю изорник, так же, как и закуп, должен был платить часть своих произведений или натуральный и денежный оброк⁴.

Понятно, что причиной, которая заставляла этого, сравнительно, самостоятельного производителя уделять часть своего продукта владельцу земли, была, как и для закупа, хотя не в столь же сильной степени—недостаточность экономической силы, капитала, чтобы самостоятельно и независимо от частного владельца разработать из-под леса и расчистить свободную и девственную землю. Такая земля была еще в изобилии, считалась еще ничьей, и недостаток ее не мог, следовательно, являться причиной ограничения самостоятельной предпринимательской деятельности. Но вместо этого, из-за недостатка средств и орудий производства, приходилось брать у владельца за плату землю, уже расчищенную и требующую для своей обработки лишь обычных расходов денежных средств, труда и времени. Что это было так, видно из того, что и противоположные факты, т.е. занятие владельческой земли совершенно необработанной, но, главным образом, лишь в случаях исключительно благоприятных условий именно данного участка земли, также встречались. В этих случаях уже и крестьянин получал гораздо большие права на нее, включительно до права отчуждения и, следовательно, почти приравнивался полному собственнику⁵ или по крайней мере пользовался льготами по отбыванию повинностей землевладельцу, освобождаясь на первые годы от арендной платы и других работ⁶.

¹ Беляев, стр. 33—35.

² Об этом см. Сергеевич. Русские юридические древности, том I, Спб., 1890 г., стр. 177—190.

³ Ср. Беляев. Крестьяне на Руси, стр. 24—26. Сергеевич. Древности, 248.

⁴ Псковская Суд. грам., А. Ю. 8—11, 27, платился обыкновенно пятый, шестой, иногда и десятый сноп. Ср. А. Ю. № 176, 177, 184 и Д. А. И., II, № 73. См. также Соколовский. Счерк истории сельской общины, стр. 25.

⁵ Беляев. Крестьяне на Руси, стр. 38.

⁶ Так, напр., в случаях порядных на «пустошь» давались льготные годы с освобождением от всяких повинностей: «живучи нам поставить на тое пустошь хором двум себром по избы с сени и по омшаннику и по клети, пашни распахать и поля расчистить и городы скласти. А жити нам за ним, Иваном, на льоте четыре годы, а в те льготные годы пашни с той деревни со ржи и со всякого ярового хлеба и с мелкого обилья ему части не давати и никакого дела на него не делати». Дьяконов. Очерки из истории сельского населения, прил. 18.

Таким образом, можно видеть, что представление о древнем «народном производстве», которое соединяется с представлением о господстве в первоначальные периоды русской экономической истории таких форм организации хозяйства, когда земледельческий производитель обладает орудиями производства, обладает земельной собственностью—безразлично, на правах личного или общинного владения, ведет, следовательно, самостоятельное потребительно-трудовое хозяйство, олицетворяя всем этим тип настоящего «трудового крестьянина»—это представление исторически неверно. Все ли крестьяне в древней Руси были лишены земельной собственности, снимая ее у частных владельцев, или некоторые, в виде исключения (как своеземцы) и обладали собственностью, это обстоятельство, сколько оно ни важно, не может изменить понятия о первоначальном положении крестьянина, как простого с'емщика-арендатора, а не как собственника земли¹.

Когда произошло это обезземеление земледельческого населения—едва ли можно определить. Можно предполагать, что оно должно было итти вместе с разрушением первобытного родового быта, а так как этот родовой строй был утрачен славянством, повидимому, уже до занятия русской территории, то поэтому уже с первых страниц русской истории мы и встречаем отмеченное обезземеление населения. «Экспроприация» его совершалась, следовательно, в течение продолжительного времени. Она могла прогрессировать и в более поздние периоды, и тем успешнее, чем острее становились экономические причины, ее вызвавшие. А такими были, конечно, не недостаток земли, а лишь чрезвычайно слабое развитие производительных сил страны, низкий уровень экономического благосостояния населения, малое количество значительной частью его орудиями труда и невозможность, поэтому, использования для производительных целей лежащих рядом, может быть чрезвычайно богатых и свободных, но трудно поддающихся обработке земельных угодий.

Обладателю одних своих рабочих рук, представителю «трудового начала» часто нечего было делать, если он не обладал орудиями труда, скотом, возможностью самому прокормиться и т. д., и если он не мог избежать займа ради этого. Земля, правда, ничего не стоила, но зато громадную стоимость представляли орудия производства, стоимость тем большую, чем дороже приходилось платить за пользование ими при ссудах от хозяина земли. «Вольному» человеку нужно было не менее 3—5 лет, чтобы скопить необходимые средства для обзаведения самостоятельным самым простым хозяйством. Поэтому-то многие и предпочитали итти в крестьяне, получая землю и ссуду, платя за последнюю хотя бы те высокие проценты, которые были в обычае в древности².

Таким образом, полное отсутствие средств производства у одних обращало эти средства производства у имеющих их в средства эксплуатации чужого труда, получения дохода с присвоенной земли, в средства получения ренты. Представитель «трудового начала», крестьянин, являлся или простым наймитом, в лучшем же случае и наиболее часто лишь арендатором частновладельческих белых и даже общинных черных земель, а не крестьянином-собственником в современном смысле.

¹ «Малое развитие рабства делало необходимой ту фермерскую систему хозяйства, которая была у нас в древности преобладающей. За небольшим исключением... все земли сдавались в наем крестьянам». Сергеевич. Древности, т. III, стр. 145. О том же говорит Ключевский: «Крестьяне XVI в. по отношениям своим к землевладельцам были вольными и переходными арендаторами чужой земли». Курс, т. II, стр. 372.

² Хлебников. Общество и государство в домонгольский период русской истории. Спб. 1872, стр. 231—33. Соколовский. Экономический быт, стр. 29. Дьяконов. Очерки истории сельского населения, стр. 75—134.

Другими словами, по своему месту среди аналогичных экономических явлений древне-русский крестьянин соответствует понятию докапиталистического фермера, а не самостоятельного «народного» производителя¹.

Положение такого докапиталистического фермера характеризуется, как известно, во-первых, отсутствием у него обладания землею на правах собственности, во-вторых, ведением самостоятельного, т.е. своего, отдельного от землевладельца, хозяйства². Первое отличает его от «крестьянского», в современном смысле, хозяйства, которое должно вестись на собственной земле; второе — от батрака и наймита, лишенного совершенно собственного хозяйства, собственных орудий труда и работающего лишь в чужом хозяйстве, на чужой земле, с помощью чужих орудий производства.

Отношение такого докапиталистического фермера к землевладельцу в простейшем случае исчерпывалось, конечно, лишь платой за пользование землею, т.е. платой ренты. Но, как указано, древне-русский крестьянин-арендатор часто получал от землевладельца не одну землю, но иногда и помощь, «подмогу», если землевладельцу было необходимо и выгодно привлечь чем-нибудь на свою землю крестьянина; а иногда, в случае его несостоятельности, также и процентную и возвратную «ссуду», в виде орудий производства, скота, семян, продовольствия, денег и пр. Существование этой ссуды, «подмоги», не лишало, однако, древнего крестьянина характера именно арендатора и не превращало его в наймита или крепостного, поскольку он вел свое самостоятельное хозяйство. Ссуда, действительно, осложняла отношения землевладельца и земледельца, могла вести, и действительно вела, к возможности крайней экономической зависимости, к экономической несвободе, а это, при тогдашних юридических понятиях и отношениях, должно было вести, в свою очередь, к личной зависимости, к юридической несвободе, к «кабале». Но эта кабала возникала не из земельных отношений, а из другой категории вещных отношений³; для земельных же отношений, в большинстве случаев в нормальных условиях, характерны не эта денежная кабала или несвободное наймитство в батраки, а свободный с'ем земли на условиях аренды.

Эта аренда, конечно, имела мало общего с капиталистической арендой. Она была почти исключительно арендой продовольственной. Те орудия производства, которыми обладал богатый землевладелец и которые он давал в ссуду крестьянам, в его руках и тогда уже получали характер «капитала», т.е. средства получения дохода путем эксплуатации чужого труда. Но они, конечно, не представляли «капитала» в руках самого земледельца-крестьянина: для него они были только орудиями труда, которые необходимы для собственного продовольствия. Из всего валового дохода этого крестьянина-арендатора вычитались не проценты на капитал, а количество,

¹ Как ни странно, такой именно в сущности взгляд, хотя без точной его формулировки, на древнерусского крестьянина, как на докапиталистического фермера, очень ясно проведен именно у Беляева (Крестьяне на Руси). Ср. также Соколовский (Экономический быт): уже в XII—XVI в.в. полного соответствия между производством и потреблением не существовало, так как в большинстве местностей крестьянин не был собственником возделываемой земли, которая была роздана помещикам и монастырям. Приходилось значительную часть труда употреблять на вознаграждение владельцев земли. При весьма низком уровне потребностей землевладельцев количество этого излишнего против собственных нужд добавочного труда было ограничено... Весь остальной свой труд, за исключением этой доли, земледельец употреблял на удовлетворение своих нужд, причем одна часть производимого продукта служила как средство существования, другая — как средство производства». I, с., стр. 7. Совершенно определенно называет «фермерским» хозяйство древнего крестьянина на арендованных землях Сергеевич, I, с., стр. 145.

² Маркс. Капитал, III, гл. 47.

³ Об этом см. Ключевский. Боярская дума древней Руси. М. 1883 г., стр. 310 и след.; его же. Происхождение крепостного права в России, Русск. Мысль 1885, X, а также Дьяконов. К истории крестьянского прикрепления. Журн. Мин. Нар. Просв. 1893, VI; Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. Киев, 1900 и др.

потребное на его продовольствие и обеспечение его существования; оставшая же часть некапиталистической ренты в виде арендной платы, поступала в руки частного землевладельца.

По своей форме эта некапиталистическая рента могла проявляться и действительно проявлялась во всех обычных и известных теоретических¹ формах ренты: трудовой (отработочной), натуральной (испольной) и денежной. При нерасчлененности вообще экономических отношений все эти виды ренты часто соединялись вместе и варьировали весьма разнообразно и по характеру, и по размерам лежащих на крестьянах повинностей. Трудно сказать, какая из упомянутых форм ренты и когда преобладала у нас. Можно думать, что трудовая аренда, предполагающая ведение самостоятельного хозяйства самим помещиком и отбывание ему крестьянами «барщины», была вначале сравнительно мало распространена. Даже в наиболее передовых хозяйствах монастырей и крупных владельцев она начинает встречаться более часто лишь с конца XVI стол.² Также сравнительно слабо была распространена, хотя безусловно встречалась, и денежная аренда, но и то не в чистой форме, а всегда лишь в комбинации с другими формами натуральной уплаты и личным трудом на землевладельца,³ или в качестве дополнительных денежных сборов, пошлин и других всевозможных в пользу землевладельца повинностей и доходов⁴.

С конца XVI и с XVII в. в формах ренты наблюдается, повидимому, решительная тенденция к развитию трудовой отработочной ренты, т. е. развитие барщинной системы, или денежной ренты, в виде развития денежно-оборочной системы. Как та, так и другая обуславливались теми экономическими условиями, которые стали особенно сильно развиваться к этому времени в народном хозяйстве. Это — стремление землевладельцев к самостоятельному земледельческому предпринимательству и к увеличению своих, особенно денежных доходов, вместе с начавшимся в то время расширением денежного хозяйства. С XVI в. наблюдается безусловное увеличение барской запашки и землевладельческого хозяйства, идущее или с помощью расширения холопного и вольнонаемного труда, или с помощью перехода к крестьянскому барщинному труду⁵. И понятно, что, благодаря общим усло-

¹ Маркс. Капитал, III, VI, гл. 47.

² Лаппо-Данилевский. «Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения России» в сборнике «Крестьянский строй» СПб. 1905, стр. 35—45, а также Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси, стр. 160—162 и 196—1. Ключевский. Боярская Дума, стр. 82. Соколовский. Очерк истории сельской общины, стр. 33, и его же. Экономический быт земледельческого населения, стр. 34—39.

³ Денежный оброк, почти никогда не встречающийся самостоятельно, всегда сопровождается или натуральным оброком, «пятиной»: «впредь нам, говорится в одной порядной жилецкой записи, со ржи и со всякого ярового хлеба и с мелкого обилья часть пятой сноп давати». (Дьяконов. Очерки из истории сельского населения, прил. 18), или еще чаще сопровождается кроме того и барщинными работами, «делом», «работой», «издельем», как напр., в другой порядной: «впредь нам... помещицкое всякое дело делати и пашню на него пахати, и денежный оброк... платити и со всякого хлеба изо ржи и из яри пятина давати», (Дьяконов. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. В. I. Крестьянские порядные. В. II. Граматы и записи. Юрьев, 1895—97).

⁴ Архив Ист.-Юрид. свед., изд. Калачевым, III, 32—54, главным образом многочисленные уставные и жалованные грамоты, перечисляющие не только привилегии, но и обязанности крестьян, сидевших на монастырских, частных и др. землях, в А. А. Э. I, № 48, 105, 111, 132, 144, Д. А. И. I. № 224, 220, 207, 208, 193: «Им (монастырским крестьянам) не надобе ям, ни подвода, ни мыт, ни тамга, ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят, ни к сотским, ни к десятским с тяглыми людьми и тянуть ни во что... ни иные им некоротые пошлины не надобе».

⁵ О значении, размерах и увеличении барской запашки см. Забелин. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве в XVII в., Вестн. Евр. 1871, 1—2. Устрялов. Именные люди Строгоновы, СПб., 1842 г.; им принадлежали поместья на протяжении 146 верст по р.р. Каме и Белой, стр. 37 и сл. Лаппо-Данилевский, I, с. стр. 43—49. О величине дворцовых запасов хорошо свидетельствует то, что напр., в 6 дворцовых имений в 1663 г. было послано земледельческих орудий: 3.000 сошников, 1.100 плугов, 1.200 косул, 5.000 кос, 5.000 топоров. А. А. Э. IV, № 138, а также А. И. II. № 18.

виям того времени—небольшому распространению прямого рабства и слабо развитому вольнонаемному труду—главное внимание помещиков стала привлекать именно крестьянская барщина.

По своему значению и месту среди других, возможных в то время видов и форм землевладельческого дохода барщина, т.-е. отработочная рента, представлялась для помещика наиболее выгодной и рациональной. Лишь эта форма эксплуатации давала для землевладельца возможность увеличения своих доходов в желательном для него размере. Конечно, мог быть повышен и оброк, т.-е. натуральная рента, но она давала не только сравнительно небольшой прибавочный продукт, но и связывала помещичье хозяйство, по характеру получаемых продуктов, с крестьянским, ставила преграды для его предпринимательской деятельности, для расширения и интенсификации его хозяйства. Денежный оброк хотя в этом последнем отношении и имел крупное преимущество перед натуральным, так как имел форму всеобщего эквивалента—денег, но при господстве натурального строя также не мог достигать крупных размеров. При нем реализация на рынке тех же продуктов крестьянского хозяйства лишь переносилась на самого крестьянина. Для такой реализации этих продуктов в общем строе имелось мало подходящих условий, для крестьян же она была еще более затруднительной, чем для помещиков.

Поэтому-то возникшее на почве развития производительных сил народного хозяйства стремление к некоторого рода предпринимательству стало требовать и такой организации производства, которая давала бы возможность землевладельцу—сельскому хозяину не только увеличить свои доходы, получаемые в виде ренты за землю, но и присоединить к этой ренте некоторую долю прибавочного продукта, т.-е. расширить область прибавочного труда за счет области труда необходимого.

Такой цели более всего соответствовала форма барщинной организации труда, в зачаточной степени проявлявшейся уже раньше в виде отработочной аренды, т.-е. тогда еще в виде свободно-договорного отношения. В дальнейшем же развитии эта отработочная аренда должна была перейти от своей свободно-договорной формы к принудительным отношениям барщинного крепостного хозяйства. Этот переход к новой организации труда и завершился в Руси в конце XVI века; к этому времени тот процесс, который давно совершался в хозяйстве под давлением экономической необходимости роста производительных сил, вылился и в юридические формы. Крепостное «хозяйство» требовало и крепостного «права», хозяйственная зависимость требовала «внехозяйственного принуждения».

Итак, с одной стороны, материальная необеспеченность некоторой части земледельческого населения, именно той, которая носила название «крестьянства»; с другой—развитие производительных сил в земледелии обуславливали необходимость превращения когда-то независимого землевладельца-собственника в свободного арендатора частновладельческих земель, а затем в барщинного крепостного.

Со стороны землевладельца-предпринимателя этот переход вызывался прежде всего указанной необходимостью расширения производства прибавочного продукта. С тех пор, как этот прибавочный продукт перестал идти исключительно на цели личного потребления в хозяйстве, а мог быть реализован и так или иначе накоплен,—а это случилось, как увидим далее, весьма рано,—с тех пор по самому направлению производства крестьянское оброчное хозяйство перестало удовлетворять помещичье рентное хозяйство. Последнее или должно было удовлетвориться сравнительно слабо увеличиваемой денежной рентой, или принуждалось перейти к самостоятельной форме производства, к барщине, которая представляла больший простор

росту и накоплению ¹. В этой форме не только прибавочный продукт создавался в наиболее очевидной форме, но и доля его, поступавшая помещику в виде ренты, могла наиболее легко и наиболее значительно увеличиваться, вплоть до поглощения собой даже части необходимого продукта.

С этим увеличением рентных доходов шла вместе не только возможность, но даже и необходимость накопления этих докапиталистических, первобытных рент: обезземеление и дифференциация сельского населения вели к возникновению рент, получение их вызывало стремление к увеличению их путем повышения эксплуатации труда, а это стремление, осуществлявшееся особенно последовательно в барщине, создало и возможность накопления их, так как барщинно-крепостное хозяйство с течением времени все больше и полнее стало задаваться целями «расширенного» производства, т.-е. производства, имеющего целью именно накопление.

Так называемое «первоначальное накопление» возникло следовательно и в Руси путем, аналогичным, как и в Зап. Европе, т.-е. путем накопления рент. Теперь посмотрим, каким же путем шло превращение этих накопленных рент в капитал и какое значение имело накопление этих рент на структуру общественных классов в древней Руси.

ГЛАВА II.

Торговый капитал и земледельческое хозяйство в Московской Руси.

Превращение накопленных рент в торговый капитал.—Организация и значение торгового класса.—Возникновение сельско-хозяйственного рынка и торговля земледельческими продуктами.—Государство, как представитель земледельческих и торговых интересов.

Известно, что первоначальной формой капитала, в который превращаются земельные ренты, является торговый денежный капитал, становящийся таковым путем реализации рент и обращения их в денежно-товарном обороте. Таким образом, если эпохи до первоначального накопления предполагают в обществе одного лишь производителя, то эпоха первоначального накопления капитала предполагает уже существование кроме того и торговца-купца.

Конечно, при неразвитости общественных отношений и положений было бы напрасным искать и разграниченности этих общественных классов, искать формы и способы установления между ними известного рода связей. Возможность первоначального накопления при натуральном строе хозяйства страны именно и заключалась в такой неразграниченности функций землевладельца-хозяина от функций торговца: получаемые им, в качестве землевладельца, ренты превращались в руках его же, как купца, в торговый капитал и создавали ту возможность накопления, которой он был лишен, как землевладелец.

Действительно, именно такие отношения мы находим и в древней Руси. С одной стороны, известна та громадная роль, которую сыграли для России, ее быта и экономики торговля и торговый капитал. После теории Шторха, подтвержденной позднейшими научными исследованиями, не представляет сомнения, что и в политическом отношении судьба государства и отдельных его областей в значительной степени строилась на этом базисе. Историческое возвышение, политическое значение и падение таких городов, как

¹ О теориях возникновения барщины см. Волковский. Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве. Труды Рязанской Учен. Архивной ком. 1897, т. XII. Ключевский. Подушная подать и отмена холопства в России, Р. М. 1886. Струве. Основные моменты, М. Б. 1899, X—XII, изд. «Крепостное Хозяйство». 1913.

Киев и Новгород, зависело в громадной степени почти исключительно от торговли ¹.

Правда, в первые века образования русского государства, в виде Киевской Руси IX—X веков, основной экономический интерес, руководивший жизнью государства,—торговля, носила несколько иной характер. Ее питали не производственные источники тогдашнего хозяйства, а политический момент—дань, которая шла киевскому князю и его дружине. Эта дань и питала внешнюю торговлю, которую вели князь, его дружинники и специальные княжеские агенты—купцы и которая носила характер не частно-торговых предприятий, а характер государственной торговли киевского двора ².

Таким образом, если по отношению к этому периоду и можно говорить об источниках первоначального накопления, то ими являлись именно те «не-идиллические способы» его, какими всегда являлись «завоевание, порабощение, разбой, словом сила» ³, а следовательно, и вещная их форма—дань. В то время, как указывает тот же Ключевский, эта «Русь, торговавшая с Византией, была у себя дома господствующим классом, который обособлялся от туземного славянства иноплеменным происхождением» ⁴, т.-е. был полужавоувателем, полунаемной военной кастой и, следовательно, не сливался еще производственно с населением, а, наоборот, противопоставлялся ему, как воин, сборщик дани, работорговец.

Но уже с X века у служилых людей начинают проявляться стремления производственного характера. Сбор дани с туземного населения и работорговля той же челядью, являвшиеся раньше исключительными источниками дохода, сменяются стремлением к землевладению и к эксплуатации в самом земледелии того же рабского, а затем и свободно-наймитского труда. «Привилегированный купец-огнищанин и витязь-князь, муж X в., превратился в боярина, как называется на языке Русской Правды привилегированный землевладелец» ⁵.

Но, если Киевская Русь не дошла до законченной социальной системы объединения в одном классе землевладельца и купца-капиталиста, то эта система в более законченной форме была выработана в Новгороде. Здесь верховное боярство являлось не только правящим классом, но, вместе с тем, это были крупные землевладельцы и купцы-капиталисты. Обширные их земельные владения были для них источником дохода, как промысловые угодья и пашня, доставлявшие меха, кожу, лес, частью хлеб и прочие товары, продававшиеся на внутреннем и внешнем рынках. Высшее боярство превращало эти свои ренты в капитал, конечно, не непосредственно своими торговыми операциями, на то оно имело специальных агентов—купцов. Но зато тем более ясно выступала классовая сущность этого боярства, как представителя в то же время денежного капитала: боярин не только сбывал через купца свои сельские товары, но и ссужал его деньгами, являясь настоящим «капиталистом-дисконтером» ⁶.

На более низких ступенях тогдашнего новгородского общества это соединение функций сказывается не менее ясно. Иностранцы, посещавшие Новгород, указывали, что кроме боярства имелись еще такие горожане (bourgeois), которые владели землями по 200 лье в длину, чрезвычайно богатые; это были так наз. «житые люди», крупные землевладельцы и в то же

¹ Н. Storch. Historisch-statistisches Gemälde des Russischen Reichs, 1799, III. См. также Ключевский. Боярская дума, стр. 4, 35 и след.

² Ключевский. Курс, т. I, стр. 186—188.

³ Маркс. Капитал, I, гл. 24.

⁴ Ключевский. Курс, т. I, стр. 190. «Сторонним наблюдателям оба класса, княжеская дружина и городское купечество, представлялись одним общественным слоем, который... занимался исключительно войной и торговлей и не имел ни деревень, ни пашен, т.-е. не успел еще сделаться землевладельческим классом». Ibid., стр. 199.

⁵ Ключевский. Курс, т. I, стр. 340.

⁶ Там же, том II, стр. 96.

время торговцы-капиталисты. Далее следовал класс торговцев-купцов, которые также, однако, не были чужды и землевладению, имея иногда довольно значительные поместья и эксплуатируя их или непосредственной обработкой, или сдачей в аренду крестьянам.

Таким образом не трудно установить родство и генетическую связь тогдашнего торгового капитала и привилегированного землевладельца. Но особенно ясно это между торговлей и землей проявляется в Московском государстве.

Торговля и торговый капитал являлись часто вершителями хода жизни и в Московском государстве. Хорошо известно, как сильно была развита вообще торговля и торговая предприимчивость в Московском государстве и какую роль играл в ней крупный торговый капитал. Иностранцев, посещавших Россию, поражала коммерческая предприимчивость и любовь к торговле русских, которые «все здесь, от высшего и до низшего, только и думают, только и стараются, как бы здесь либо там нажить»¹, так что все, даже самые важные чиновники, во главе с первым «купцом-царем» и его представителями при иностранных дворах, занимались торговлею, не замечая, что, по мнению иностранцев, тем унижают свое достоинство². Самый вид центра русской торговли—Москвы—поражал иностранцев обилием в ней лавок и рядов с разного рода товарами, чем Москва, по их свидетельству, превосходила не только такие торговые города того времени, как Амстердам, но и целое иное государство³.

Уже такое широкое распространение торговли могло бы предполагать некоторое выделение и того класса лиц, который вел ее и занимался ею, т.-е. класса первых капиталистов—торговцев. Но уже из приведенных отзывов иностранцев видно, что разграничение класса торговцев от других слоев общества не могло проводиться строго. Известно, что даже настоящие купцы-профессионалы—крупные капиталом⁴, окруженные почетом⁵ «гости», встречающиеся с первых страниц русской истории, как особый и организованный класс, не только не были представителями исключительно капитала, лишенными земельной собственности, но, наоборот, как и все другие члены городской и сельской общины, так и крестьяне «тянули к волости», т.-е. являлись, вместе с другими членами общины, землевладельцами⁶. Таким образом, функции даже профессионального торговца были далеко не строго отделены от землевладельца, или, вернее, этот последний был почти всегда и торговцем.

Тем более, конечно, это необходимо сказать про тех представителей торговли и торгового капитала, которые занимали совершенно иное обще-

¹ Де-Родес. Размышления о русской торговле в 1653 г. Магазин земледелия и путешествий, т. V, 234.

² Костомаров. Монографии, т. XX. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII ст., изд. 2. СПб. 1889, стр. 153.

³ Кильбургер. Краткое известие о русской торговле. СПб. 1820, стр. 10.

⁴ См. Костомаров. Л. с., стр. 155 и след. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода, Чтения Общ. Ист. и Др. Рос. 1893. I, 46. В более позднее время, при Алексее Михайловиче, обороты гостей, по свидетельству Котошихина, достигали 20—100 тысяч рублей в год, что, принимая во внимание ценность денег в то время, должно быть приравнено современному миллиону. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб. 1840. Не менее крупны были, конечно, и торговые обороты «первого купца-царя», а также пользовавшихся особыми привилегиями беспоплиной торговли—монастырей, являвшихся также крупными оптовыми торговцами и в то же время самими крупными землевладельцами. Об этом, напр., многочисленные грамоты монастырям А. А. Э. I, № 100, 104, 148, 167, 170, 223 и много др.

⁵ По Русской Правде за убийство купца вознаграждение приравнивает их к княжеским чиновникам: за тех и других берется 40 гривен. Они вершат государственные и общественные дела наравне с боярами. Сергеевич. Русские юридические древности, I, 277.

⁶ Беляев. Крестьяне на Руси. М. 1879, стр. 33. Соколовский. Очерк истории сельской общины, стр. 8, 23.

ственное положение—бояр, царских наместников, митрополитов, самого царя. Все они с давних времен вели самую разнообразную и наиболее крупную торговлю¹, но они являлись в то же время наиболее типичными представителями класса крупных землевладельцев². Понятно, что по самому характеру приложения народного труда и по исключительному господству земледельческого производства, их торговля должна была иметь в основе земельные отношения. Достаточно взглянуть на главные предметы торговли русских купцов-землевладельцев и русского заграничного отпуска, чтобы увидеть, что вся возможность получения их торговых прибылей покоилась на торговой эксплуатации земледельческого населения³.

Для выяснения возникавших отсюда экономических отношений представляется особенно важным отмеченный выше факт сравнительно малой распространенности барской запашки, т.-е. самостоятельного земледельческого предпринимательства до XVII века.

Доходы привилегированных классов того времени были, главным образом, только земледельческим доходом, т.-е. рентой, поступавшей в руки землевладельцев от крестьянского производителя-арендатора в виде натуральных и самых разнообразных, смотря по направлению производства (мехов, воска, кож, хлеба, разных изделий и др.) продуктов, пускавшихся затем в продажу внутри страны или за границу. Эксплуатация сельского населения редко выливалась в форму непосредственной предпринимательской эксплуатации. Князья-купцы, князья-землевладельцы сначала не бывали предпринимателями; они были прежде всего землевладельцы-рантье, а затем капиталисты-торговцы. Их первая деятельность являлась лишь простым базисом их существования, вторая же открывала им перспективы увеличения их благосостояния, возможность накопления денежных средств, возвышения из общей среды. Поэтому-то она скоро и начинает особенно привлекать их внимание.

При особо благоприятных условиях в более поздние периоды, возможной стала и настоящая предпринимательская сельско-хозяйственная деятельность, в роде известного хозяйства Морозова, стоявшего весьма высоко по интенсивности и благоустройству и обладавшего не только передовыми для того времени системами полевого хозяйства, но и чисто промышленными отраслями, в виде винокуренных и поташных заводов⁴. В таких случаях землевладелец-купец превращался уже в землевладельца-предпринимателя. Но эти случаи, отчасти благодаря политическим причинам, были сравнительно редки среди обязанного службой служилого класса. По той же причине зато они гораздо чаще встречались в монастырских хозяйствах⁵.

¹ Кроме упомянутых выше, см. также Никитский. История экономического быта Великого Новгорода, в Чтениях Общ. Истории и Древн. Российских 1893 г., кн. 1—2. Winckler. Die Deutsche Hansa in Russland. Brl. 1886. В этом отношении интересен договор с князем Ярославом новгородцев, которые принудили его вести торговлю с немцами лишь через новгородцев, а не самостоятельно. Однако, после того, как князь согласился отказаться от несвойственной ему роли купца, его место занял епископ, начавший торговать продуктами монастырских земель. См. также Костомаров, l. cit., стр. 153—4.

² См. Флетчер. О государстве русском, изд. 1906 г. III. Herberstein, *Rerum Moskovitarum commentarii*, русск. пер. 1866 г., стр. 90. Аристов. Промышленность древней Руси. СПб. 1866 и др.

³ «Русский боярин X века не то купец, не то воин». Ключевский. Боярская дума, 8; впоследствии он стал купцом-землевладельцем.

⁴ В этом случае и продукты торговли боярина были иные, чем при арендном крестьянском хозяйстве. Морозов торгует водкой, поташем, который сбывался даже за границу и считался очень высокого качества. Здесь уже у самого боярина стоят на первом месте интересы предпринимателя, а не торговца или землевладельца. Например, столкновение этих интересов произошло из-за желания сбывать своим рабочим водку своих заводов, благодаря чему, однако, получили ущерб «будному» поташному делу: в своем решении по этому вопросу боярин очень озабочен, чтобы не было ущерба «будной работе». Забелин. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве в XVII в. В. Евр. 1871, кн. 1—2.

⁵ «Монастырь сделался в Московской Руси самым чистым типом землевладельца и капиталиста... В монастырских вотчинах хозяйская рука и глаз не отрывались от своего

Таким образом, как в положении землевладельческого и торгового класса, так и в их отношениях в деле первоначального накопления капитала, в древней Руси наблюдается то же, что было в подобном же процессе в Западной Европе. Как там торговлю занимались высшие городские чины, земельная аристократия, монастыри¹ и даже короли², являвшиеся представителями крупного капитала, так и на Руси среди лиц, занимавшихся торговлей, встречаются князья, бояре и знатные люди, высшее духовенство³.

Для увеличения своего состояния все эти землевладельческие классы, высшая земельная аристократия, стремились в города, чтобы в их торговых оборотах реализовать ренты своих поместий. Накопление земельных рент, таким образом, является и в России, так же как на Западе, преимущественным источником первоначального накопления. Конечно, были и другие, как и везде, источники образования крупных денежных состояний; войны, грабеж, всякие политические опалы и пожалования были весьма часто источником разорения одних и обогащения других⁴. Можно, с другой стороны, предполагать, что сведения о богатствах отдельных лиц, как это часто бывает, вообще несколько преувеличены для древней Руси; крупные состояния встречались в то время редко, образовались позже и из другого источника⁵. Но безусловно основным источником «первоначального накопления» было получение рент со своих поместий и увеличение их в торговом обороте.

Фактическим основанием возможности получения и присвоения этих рент была экспроприация сельского населения и переход землевладения в руки привилегированных лиц. Эта экспроприация, представлявшая медленный, длительный процесс и проходившая с различными историческими наслоениями, уже к первым векам русской истории превратила самостоятельного землевладельца-производителя частью в раба, частью в наймита, частью в с'емщика частновладельческой пашни. Все эти условия, приведшие к лишению земельной собственности одной части населения, создавали для другой, т.-е. для землевладельческого класса, возможность получения и накопления рент.

Итак, доход, зародившийся в землевладении в виде накопленных рент, нашел себе в тогдашних условиях русской жизни, в географическом положении России, в ее отношениях к иностранным народностям, блестящий расцвет в форме торгового капитала.

По преобладанию в то время в недрах страны натурального самоудовлетворяющегося хозяйства, по крайне невысокому уровню хозяйственных и личных потребностей, этот торговый капитал сначала, по необходимости,

дела посторонними обязанностями и работами. Эти выгоды в экономическом положении монастыря выступают особенно ясно, если их сопоставить с положением служилого класса, подвергнувшегося всем тягестям безденежья и недостатка служилых рук». Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве. СПб. 1897, стр. 87. Монастырь сделался торговцем, складочным местом для всякой торговой поклажи, местом финансовых операций. Он же был крупным хлебным поставщиком для народного продовольствия и войск, производителем таких предметов первой необходимости, как соль и т. п. См. многочисленные свидетельства об этом в А. А. Э. I, № 200, 371, II, № 65. А. И. I, № 193, II, № 59, 64, IV, № 71, 228. Д. А. И. I, № 184, 202, IV, № 1 и мн. др.

¹ Зомбарт. Современный капитализм, т. I, VII.

² Кулишер. Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли. СПб. 1906, IV, 285.

³ О составе торгового класса см. Чечулин. Города Московского государства. СПб. 1889. Главное место здесь занимали, конечно, черные тяглые люди, но и духовенству, и ратным людям принадлежало иногда видное место: в Пскове, напр., им принадлежало до 20% всех торговых заведений; л. с., стр. 131 и 326—349. См. также А. А. Э. IV, № 133.

⁴ См., напр., указание на это у Флетчера, «о податях и доходах царя и средствах их увеличения». О государстве русском, гл. 12.

⁵ Замечательные купеческие богатства в России стали составляться лишь со второй половины XVIII стол., да и то не столько вследствие торговли, сколько вследствие откупов и казенных подрядов. Карнович. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб. 1874.

должен был работать, главным образом, на внешний рынок. Первоначально торговый обмен был в значительной степени лишь внешним обменом. Внутренний торговый оборот, хотя и был более развит количественно, однако имел гораздо меньшую роль для накопления капитала, так как в значительной мере, за исключением снабжения крупных потребительных центров—а таких в сущности почти не было, шел без помощи торговцев, непосредственно между производителем и потребителем.

С другой стороны, внешний обмен и торговля в силу характера развития производительных сил и низкого уровня собственно земледельческого хозяйства долгое время также не носили характера земледельческого обмена. Так как вначале все виды приложения народного труда сводились чаще всего к бортничеству, охоте или экстенсивному скотоводству, то и обмен долгое время в преобладающей мере направлялся именно на эти, а не на чисто земледельческие продукты. К тому же Русь и сама была окружена еще земледельческими странами, не только не требующими привоза иностранного хлеба, но, благодаря значительно более интенсивной культуре, даже имеющими избытки собственного хлеба.

Но уже с XVI—XVII в., вместе с развитием земледельческой культуры начинается образование сначала внешнего, а затем и внутреннего сельскохозяйственного рынка.

К этому времени границы Московского государства еще не обнимали тех плодороднейших областей, которым впоследствии суждено было сделаться главными житницами Европы и России; других же, не менее плодородных, еще не коснулась земледельческая культура¹. Главные центры государственной и промышленной жизни группировались в нечерноземной полосе, неплодородной сравнительно с южными тучными, но нетронутыми черноземами; по близости к этим центрам должна была и группироваться сельскохозяйственная культура для удовлетворения потребительных нужд населения.

Плодороднейшими земледельческими частями Московского государства считались область Ярославская, земли Нижегородская, Рязанская и все побережье Оки²: ее берега, по свидетельству Герберштейна, давали от 20 до 30 зерен—факт мало вероятный³, но свидетельствующий о плодородии этой области⁴. На север плодородный район шел по берегам реки Северной Двины, которая своим весенним разливом так увлажняла землю, что делала возможной и успешной продвижение земледельческой культуры на север, пока суровость климата не окончательно убивала ее⁵. В XVII веке, по мере колонизации южных пространств между Окою, Волгою и Доном, сюда стала переноситься и земледельческая культура, распространяясь все далее на юг.

Сравнительно невысокой урожайностью, а особенно неравномерностью ее распределения, вследствие чего некоторые области не могли пропитаться собственными земледельческими продуктами, вызывалась необходимость и

¹ Еще в 1690 г. войсковой круг Донского Казачества посылает в казацкие города по Хопру и Медведице грамоту, запрещающую пахать землю и сеять хлеб, а «если станут пахать, то бить до смерти и грабить». Миллюков. Очерки, т. I, стр. 74.

² Раф. Барберини. Библиотека иностранных писателей о России, 31.

³ В XVI—XVII вв., вследствие плохой обработки и экстенсивности культуры, урожаи были несомненно ниже современных. Урожай сам 4 был редкостью, урожай сам 5 известен только в вотчинах Морозова (Миллюков. Очерки по истории русской культуры, I, изд. V, стр. 76), где и культура была сравнительно высоко интенсивная, с зачатками травосеяния. Рожков для наиболее плодородных уездов—Ярославского и Владимирского—дает цифры урожаев для ржи в сам 3—сам 8, для пшеницы до сам 10, овса сам 3—5; в неплодородных уездах урожаи были значительно ниже, сам 1½—2½ (Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси, 57). На юге в Елецком у. казенная запашка давала 19 лет урожай сам 2,2 для ржи и 1,5 для овса. Миклашевский. К истории хозяйственного быта Московского государства, М. 1894, стр. 231.

⁴ Herberstein. Rerum Moscovitarum commentarii, русск. пер., стр. 100.

⁵ Павел Иовий. Вибл. иностр. писат., 30.

внутреннего обмена ими. Притом, если в оборот с заграницей вошли прежде всего продукты скотоводства, бортничества, охоты, то во внутреннем торговом обороте в широкой мере преобладали именно земледельческие продукты.

В границах государства, между его плодородными и неплодородными частями всегда шел обмен этими земледельческими продуктами, поскольку это требовалось общим строем натурального хозяйства¹ и незначительным развитием в то время внеземледельческого населения и поскольку это было возможно в зависимости от состояния естественных, почти единственных в ту эпоху путей сообщения. Указанные наиболее плодородные области юга и центра были для купцов местами закупа, откуда они отправляли партии хлеба на внутренние рынки, в Москву и северные города.

Однако излишки земельного богатства были вообще очень незначительны, и общий хозяйственный строй не способствовал развитию этой отрасли торговли. Что касается главного продукта земледельческого хозяйства—хлеба, то у населения не имелось крупных избытков его, могущих поступать на продажу, так что в торговый оборот прежде всего вошел не хлеб, а другие продукты земледелия: лен, пенька, кожа, сало и др., производство которых было более прибыльно по климатическим и почвенным условиям нечерноземной полосы и давало в натуральном хозяйстве избытки, могущие быть пущенными в продажу. Но не столько натуральным строем хозяйства, сколько внешними общими условиями, именно—редкостью населения, слабым развитием городов, плохими путями сообщения—вызывалось слабое сравнительно развитие профессиональной торговли земледельческими продуктами.

Лишь там, где городская жизнь была развита более значительно, где пути сообщения были более удобны, там и земледелие весьма скоро приобретает торговый характер², вместе с чем и посредничество в обмене земледельческими продуктами попадает в руки купца. Таково именно было положение в центре Московской Руси с главным потребительным рынком—Москвою, куда по целой сети дорог стекались земледельческие и хлебные грузы с юга для удовлетворения военного спроса, для собственного потребления городским населением или для транзита в северные города³.

¹ Одной из главных потребностей государства была постоянная нужда в продовольствии войска и служилых людей, удовлетворявшаяся всегда с некоторым трудом, в особенности для таких отдаленных и неземледельческих местностей, как Сибирь или западная окраина. Военный спрос представлялся уже и тогда первым видом внутреннего сельскохозяйственного рынка. Организация этого снабжения представляла большие трудности для Московского правительства: ему приходилось частью самому брать его в руки, частью сдавать подряды таким крупным поставщикам, как монастыри, частью прямо купцам. А. И. II, № 91, 94, 313, 337, IV, № 4, 110—111. Д. А. И. IV, № 1. А. А. Э. IV, № 133, 230. Как всегда, в этом торговом обороте принимал участие и царь, отправлявший, напр., с помощью своего «запасника» свой хлеб в Астрахань на продажу, освобождая, конечно, себя, как торговца, от сбора пошлин. А. А. Э. I, № 314.

² На это указывают сравнительно очень крупные размеры запасов именно в черноземной степи и частью в центре. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси, стр. 276.

³ Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси, стр. 280. Впрочем, даже близость потребительных рынков, повидимому, не всегда представлялась для тогдашнего тяжелого торгового оборота достаточной гарантией для торговли и, след., для обеспечения городского населения и войска продовольствием. Правительству часто приходится прибегать к принудительным мерам соответствующего распределения хлеба, указывая, напр., «чтобы всяких чинов люд из всех Понизовых и Украинских городов всякий хлеб везли к Москве и на Москве продавали мерною ценою не из больших прибытков». А. А. Э. IV, № 126. А иногда даже за отсутствием свободного предложения прибегать к конфискации: так как, говорится в одном указе, «митрополит и власти хлеб на продажу объявили не многой, а дворяне и иных чинов люди на продажу хлеба не сказали.. И мы, Великий Государь, указали и бояре наши проговорили: для нынешние хлебные дороговли и для прокормления служилых и всяких скудных людей... взять стрелецкий хлеб и из того сборного хлеба дать... наше государево годовое хлебное жалованье». А. А. Э. IV, № 133.

Центральные уезды Московского государства являлись вообще тем фокусом, где сосредоточивалась интенсификация культуры и экономического прогресс, распространявшийся отсюда на север и юг. Здесь наиболее рано развился денежный земледельческий оброк, вместо барщины; здесь прежде всего произошел переход к более высоким по интенсивности формам хозяйства; здесь, вместе с тем, наиболее рано денежные условия проникли в земледельческое хозяйство. Близость крупного промышленного и торгового центра, Москвы, являлась здесь, конечно, решающей. В Москву шли громадные по тогдашнему времени караваны хлеба, до 700—800 возов в день¹, от местных производителей или из других уездов; производители эти были, повидимому, почти в полной зависимости от рынка и торгового капитала. Лишь в более редких случаях, в подгородных хозяйствах, у мелкого производителя сохранялась непосредственная, как в ремесленном хозяйстве, связь с потребителем. Вообще же характер обмена был чисто посредническо-купеческий и по обстановке имел много общего с формами, почти современными.

Земледельческие продукты стекались в крупные города с очень больших районов, особенно зимою, с установлением зимнего пути, но на городских рынках большею частью не миновали купеческих рук. Так, главный продукт оборота, хлеб, купцы скупали у землевладельцев и у крестьян как оптом, партионно, так и отдельными возами. Ссылая хлеб в свои амбары, они, чтобы выгоднее заключить сделку и предупредить конкурентов, выезжали по дорогам в Москву, где и ловили крестьянские обозы с хлебом².

Более значительная часть оптовой скупки хлеба производилась хлебо-торговцами далеко, непосредственно на местах производства—в южных замосковских уездах, и отсюда переправлялась собственными средствами в места потребления. Понятно, что при трудности тогдашних сообщений, медленности торгового оборота, совершавшегося не более раза в год, в этой торговле должен был преобладать именно крупный капитал. При этом, организация и солидарность торгового класса для давления как на потребителя, так и на производителя были, повидимому, весьма развиты. Так, московские хлебные торговцы были объединены в товарищества и часто, пользуясь своим положением, производили искусственное повышение цен, скупая весь прибывающий по реке и сухим путем хлеб. Многие имели своих особых агентов в южных уездах, где также за дешевую цену скупали хлеб, а затем устанавливали в Москве непомерно высокие цены³. Таково было влияние этих своего рода синдикатов и союгов того времени.

Впрочем, и общие условия тогдашнего рынка—медленность внутреннего спроса и предложения—обуславливали громадную неустойчивость хлебных цен, которые колебались настолько сильно, что в неурожайные годы цена хлеба возвышалась в десять раз более обычной, так как при всяком неурожае прежде всего прекращалось непосредственное снабжение городов крестьянским хлебом. Все это ложилось тяжелым гнетом на городского потребителя, несмотря на то, что правительство именно в их интересах поддерживало непосредственный обмен с производителями, запрещая, с одной стороны, перекупщикам скупку с возов у крестьян, с другой—предписывая производителям не продавать этот продукт скупщикам на местах производства⁴.

Таким образом, правительство вначале, повидимому, не покровительствовало посреднической деятельности купца. Но сам торговый капитал вообще довольно успешно боролся за свое право торговой эксплуатации

¹ Середонин. Известия англичан о России. Чтен. Общ. Ист. и Древ. Росс. 1884, IV, 3.

² П. С. З., 286.

³ Костомаров, I, с., 4, стр. 233.

⁴ Так в 1669 г. было созвано совещание московских гостей для обсуждения условий «хлебного торга»; на этом совещании было решено ограничить скупку хлеба у приезжаю-

производителей и все более овладевал непосредственным обменом. Это становилось тем более легким, что, чем крупнее были представители торгового капитала—напр., монастыри, тем большими торговыми и иными льготами они пользовались. С другой стороны, чем более географически распространялся район торговых внутренних сношений, тем более здесь необходима была крупная организация торговли, тем более и в этом отношении крупный капитал получал преимущества перед мелким местным капиталистом. Только монастыри, имеющие своих специальных коммивояжеров, своего «купчину»¹, а цари своих «запасчиков»², могли отправлять партии своих товаров, даже таких сравнительно дешевых и громоздких, как соль и хлеб, на такие расстояния, как Астрахань, Архангельск, Сибирь, Ливония, Вильна. А к тому же, к услугам этого крупного капитала была и специальная покровительственная политика, освобождавшая, напр., монастыри от пошлин, хотя бы с неисполнявшейся никогда оговоркой, чтобы торговля товарами не происходила «на вскуп», а на личные потребности монастырей. Эта торговая политика, построенная на обложении мелкого обмена и торгового, а не крупного производителя и крупного торговца³, ставила последнего еще более в преимущественное положение перед мелким.

Поэтому с географическим расширением границ государства и его хозяйственным ростом, с расширением района обмена, требовалась все более крупная организация торговли, а это давало новые преимущества торговому капиталу. По мере развития колонизации и разработки южных плодородных окраин постепенно шло и расширение района закупок хлеба и для снабжения северных потребительных местностей. В половине XVII века крупные торговцы, скупщики хлеба, доезжают уже до Рязанского, Тамбовского и Воронежского края, где вместе с ростом земледелия начинает развиваться также и местный торг⁴.

Но отдаленность от хозяйственного и административного центра, Москвы, сильно задерживала рост земледельческого производства и торговли: край был еще недостаточно населен, пути затруднительны, транспортные издержки и торговые расходы велики, тем более, что общий бич русской жизни процветал и давал себя чувствовать и тогда: чиновники притесняли торговцев взятками⁵. Из местностей по реке Оке, из Орловской губернии, где также быстро развилась хлебная торговля, хлеб скупался многочисленными приезжавшими сюда скупщиками из северных городов, сплавыавших его на судах в Москву, Нижний-Новгород (а впоследствии и в Петербург)⁶. Значение Нижнего-Новгорода в хлебной торговле стало развиваться лишь с XVII в., после того, как нижегородские купцы стали производить здесь закупки хлеба, привозимого сюда из местностей, лежащих на юг, для дальнейшего сбыта в Москву и северные провинции. Вместе с этим стало быстро падать значение Ярославля, как места прежних закупок хлеба для тех же районов⁷.

щих крестьян так, что до шести часов утра покупать хлеб разрешалось только бедным людям на собственные потребности, после же шести позволялось скупать и торговцам для перепродажи. П. С. З., 286. Кроме того, правительство было озабочено тем, что благодаря таким перепродажам «чинится недобор казне», почему, напр., и было приказано жителям Калужского, Воротынского, Мосальского, Перемышльского и Медынского уездов, чтобы они непременно свозили хлеб в города, а не продавали его на местах скупщикам. Однако, указ, повидимому, остался без практического осуществления, так как закупки хлеба торговцами для Москвы не прекращались и правительству снова пришлось запрещать скупщикам закупки больших партий хлеба и перекупку у крестьян. П. С. З., 284 и 287.

¹ А. А. Э., I, № 148, 223.

² Там же, I, № 314.

³ Там же, I, № 252. Д. А. И. I, № 184, 202, 204 и др.

⁴ Костомаров, I, с., стр. 234.

⁵ На это, напр., жаловались приехавшие сюда, по случаю неурожая на Дону, покупать хлеб донские казаки и не купившие его за «тяжкими взятками». Впрочем, в данном случае было и нежелание допустить покупку без посредников у производителей. П. С. З., 1508.

⁶ Кириллов. Цветущее состояние всероссийского государства. 1831.

⁷ Костомаров, I, с., 214.

Такова была обстановка крупной внутренней торговли сельско-хозяйственными продуктами, удовлетворявшей потребностям прежде всего наиболее крупных потребителей: городов, войска. Во всяком случае, приведенные данные показывают, что осрбой «изолированности» и замкнутости внутренних рынков¹ и тем более полного натурального хозяйства и тогда внутри России не существовало. Торговый обмен был вполне—конечно, сообразно условиям эпохи—организован, находился большею частью в определенных руках, и, хотя вся обстановка и условия его были мало подвижны и затруднительны, однако торговый механизм действовал все же довольно правильно.

Но еще более обширным представится рынок и вообще торговый оборот, если вспомнить всю ту массу мелких незаметных торговых или просто меновых сделок, которые шли в недрах самой страны, в ее деревнях и селениях.

Мелкий обмен земледельческими продуктами был рассеян по всей стране; торг происходил всюду, где были крестьяне и куда они свозили свои произведения. Но, так как хозяйство вообще не приняло еще чисто товарного характера, не работало исключительно на рынок, а на него поступали только излишние от собственного потребления продукты, то на таких «торгах» господствовали исключительно те предметы, которые выделялись и для потребления. Другими словами, не рынок определял характер и направление производства, а самый сбыт являлся лишь побочной функцией для такого хозяйства. Понятно, поэтому, что на рынок поступало только то, что составляло предметы необходимости обычного тогдашнего хозяйства; предметов, специально получаемых для продажи, конечно, было мало. Даже такие, например, предметы, как пшеница, мало распространенная в народном потреблении² и не возделывавшаяся вдали от городов³, почти не продавалась на внутренних рынках, где достать ее не было возможности, как предмета исключительной роскоши⁴. Но уже самый факт широкого обмена всевозможными продуктами домашнего обихода и потребления, обмена, происходившего далеко не всегда *in natura*, но часто и на деньги, свидетельствует о том, что, в сущности, о «натуральном» народном хозяйстве можно говорить лишь с известной степенью абстракции. В действительности, денежное хозяйство, хотя и не являвшееся целью само по себе, было уже и тогда широко распространено даже в деревне.

На рынках в продажу хлеб поступал почти исключительно зерном, так как мука приготавливалась большею частью домашним способом, на ручных мельницах; но в больших городах были мельницы, перемалывавшие муку, скупаемую у землевладельцев; наконец, хлеб, в особенности в городах, продавался даже в готовом виде, в виде печеного хлеба⁵. Вместе с тем здесь же продавались и обменивались и многочисленные предметы некоторой простейшей ремесленной переработки земледельческих продуктов.

Уже один список их, приводимый разными таможенными грамотами, свидетельствует о широком развитии денежного и менового хозяйства. Так, на сельских и городских рынках продавались: соль, мясо, коровы, бараны, гуси, утки, поросята, тетерки, яйца, рыба, икра, лук, чеснок, яблоки, мак,

¹ Об этом см. Милюков. Очерки, т. I, 106.

² Костомаров. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII стол. и старинные земские соборы. Монографии, т. XIX, стр. 67. Пшеница употреблялась или в особо торжественных исключительных случаях, как для заморских послов, в высшем классе, или, напр., в церквах и монастырях, для приготовления просфор, почему в жалованных «ружных» грамотах рожь всегда жертвуется на продовольствие, а пшеница на просфоры. А. И. I, № 193, IV, № 212, А. А. Э. I, № 127, 155; II, № 63; III, № 283. А. Ю. № 200 и др.

³ Рожков. Сельское хоз. Москов. Руси, стр. 118. Основными посевными злаками были озимая рожь и овес; это одинаково справедливо для всех центральных уездов, многих степных и некоторых северных.

⁴ Костомаров. Очерк истории торговли, стр. 232.

⁵ Рожков. Сельское хоз. Московской Руси, стр. 271 и след.

пшеница, ячмень, солод, гречиха, горох, толокно, хмель, мед, лен, конопля, меха, уголь, лубны, лучина, доски, тес, коробья, сани, колеса, корыта, лопаты, жернова, лыки, мочала, рогожа¹.

Как ни прост этот список товаров деревенских ярмарок и базаров, но именно своей простотой он свидетельствует о широком развитии в недрах страны денежного хозяйства. Правда, оборот здесь совершался часто в форме непосредственного обмена, но часто происходил и в денежной форме. Притом вовсе нельзя полагать, что в обмен поступали исключительно предметы личного потребления, остающиеся излишними у производителей. Наоборот, самое разнообразие естественных условий отдельных районов часто обуславливало для народного хозяйства необходимость задаваться целью товарного производства, т.е. производства со специальной целью дальнейшего сбыта².

Таким образом, хотя и можно сказать, что в глубине страны народное хозяйство характеризовалось как «натуральное», это должно быть понимаемо лишь в абстракции и притом с течением времени все с большим ограничением. Служение рынку для земледельческого производства и населения становилось все более необходимою данью времени, данью, все более увеличивавшеюся вместе с развитием производительных сил, с ростом государственных нужд, с ростом вообще потребностей. Эти нужды и потребности не всегда могли удовлетворяться простым натуральным исполнением повинностей перед государством, но требовали от производительного и податного населения все более денежных средств³. Самое большее, чего мог достигнуть самостоятельный земледельческий производитель, это «ремесленного» отношения к рынку, т.е. возможности, при сбыте своих сельских произведений, непосредственных сношений с потребителем, минуя работу на скупщика.

Таковы были основы того медленного пульса хозяйственного строя страны, в глубине еще сравнительно мало тронутого денежными отношениями и в лучшем случае находившегося на стадии ремесленного производства и ремесленной торговли. Толчок к разложению этих отношений шел извне и лежал именно в необходимости нахождения для торгового капитала более благоприятной обстановки для своих оборотов и для своего накопления. Внутренний рынок всегда — а при преобладании натурального строя в особенности — является тесным для торгового капитала.

Уровень развития производительности земледелия Московской Руси уже в XVI в. показывает, что это развитие производительных сил до некоторой степени созрело для служения торговому обороту и торговому капиталу. Отмеченные крупные размеры запашки в центральных уездах Московского государства, свидетельствующие о начавшейся уже работе для рынка, сопровождалась также и интенсификацией культуры. Уже в XVI в. в центральных уездах Московского государства, в Зап. Полесье, позднее на севере, в Прикамье и в степных областях, начинают постепенно образовываться более или менее частые и обширные оазисы интенсивной, по тогдашнему времени, зерновой, частью трехпольной, частью переложной, культуры⁴. Охота и бортничество начинают постепенно вытесняться

¹ См. Таможенная Белозерская грамота А. А. Э. I, № 230, Вельегонская А. А. Э. I, № 263, Суздальская А. А. Э. II, № 65, Орешковская Д. А. И. I, № 116 и мн. др.

² Напр., крестьяне Соловецкого монастыря «приезжают из Холмогоры и к городу Архангельску с солью своей вари и с морскими промысла, с салом звериным и с кожами и с рыбою и те свои морские промысла и соль продают и на хлеб меняют... и на те свои деньги покупают всякие хлебные запасы, про свои домашние расходы и платье и обувь». А. И. IV, № 198.

³ Напр., издавна волостелям, тиуну и др. крестьяне должны были платить содержание натурой, но волостель мог требовать от них и денег, если был «не люб волостелю корм». А. А. Э. I, № 144, 150, 183, 201 и др. уставные грамоты.

⁴ Рожков, I. с., стр. 59 и след.

земледелием. С этих пор в народном хозяйстве медленно и постепенно, но неуклонно, начинает происходить та эволюция, которая в два-три века создает из России земледельческую страну с 120 миллионами десятин пашни, с 90 миллионами душ сельского населения и с 600 миллионами пудов хлебных избытков, идущих на вывоз, страну, экономическим базисом хозяйственной и политической жизни которой попрежнему является торговля, хотя и получившая в некоторых отношениях значительные изменения. Но понятно, что зачатки этого земледельческого государства должны были развиваться весьма медленно, и в течение XVI и XVII веков на общем фоне экономической жизни едва лишь начинают вырисовываться те экономические силы, которые впоследствии получили такой полный расцвет.

Если внешний вывоз земледельческих продуктов был в рассматриваемый период вообще не велик, а вывоз хлеба был и абсолютно и относительно мал, то все же в борьбе с теми препятствиями, которые обуславливали это, крупный торговый капитал обладал существенными преимуществами. Так, сильным препятствием к развитию внешнего рынка являлась медленность вообще торгового оборота, особенно благодаря отсутствию хороших сообщений; но и это обстоятельство должно было дать преимущество именно крупному торговому капиталу, крупной торговой организации, какого бы характера — частного или государственного — она ни была.

Торговыми путями для внешнего сбыта служили сначала Новгород — Нарва, позднее Вологда — Архангельск. С развитием торговых оборотов архангельского порта стало возрастать и торговое значение Вологды, как перегрузочного места для товаров, приходящих сюда в течение зимы и затем с открытием рек сплавляемых в Архангельск. Путь этот был наиболее дешевый, так как доставка обходилась зимой от Москвы до Вологды 4 коп. с пуда, сплавом от Вологды до Архангельска 15 коп. с пуда хлеба¹. Однако, этот путь представлял и крайние неудобства медленности, а иногда и опасности: грузы должны были ожидать в Вологде вскрытия Сухоны и отправляться полой водой, так как река быстро мелела и суда подвергались опасности затопления. Нагрузка в архангельском порту была также затруднительна вследствие его мелководья; иностранные корабли не могли подойти близко, брали только половину груза, а так как порт часто затирало льдом, то в сентябре должны были уже уходить². Таким образом, товары, идущие через Архангельск, прибывали в заграничные порты только в октябре — ноябре, т. е. через 10—11 месяцев, считая от времени закупки, так что капитал мог обращаться даже менее, чем раз в год. Лишь при сбыте чрез балтийские порты, *via* Новгород — Нарва, уже чрез 3 месяца со времени закупки грузы могли приходить на места назначения, хотя дороговизна провоза была здесь не меньшая.

Во внешнем вывозе земледельческих продуктов уже в XVI веке обнаруживается, повидимому, борьба двух течений. С одной стороны, под напором развития денежного хозяйства становится все более необходим именно внешний сбыт, благодаря невозможности вместить все предложение на внутреннем рынке. Правительство, и как крупный капиталист, и как фиск, стремится использовать этот новый фактор прежде всего в свою пользу. С другой стороны, благодаря тем потрясениям всего хозяйства, а вместе с тем, конечно, и интересам фиска, которые происходили вследствие частых неурожаев (а в то время они еще более, чем теперь, были равнозначущи с голодом), правительство иногда запрещало всякую торговлю, всякий вывоз хлеба и других сестных припасов.

¹ Кильбургер, I. c., 140. Это дает на наши деньги 3 р. 23 к. с пуда или $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{4}$ к. с полуверсты, т. е. вдвое дороже настоящего гужевого провоза и в 8—20 раз дороже железнодорожной перевозки. Миллюков. Очерки, I, 106. Также см. А. Ю., № 198.

² Де-Родес. Размышления о русской торговле, с. 249.

Правительство объясняло всегда такие постановления свои «заботами о народном продовольствии». Но, повидимому, другими, гораздо более эгоистическими государственными и фискальными целями объяснялись эти запрещения: запрещая внешнюю торговлю купцам, даже совсем приостанавливая торговлю, правительство часто в то же время монополизировало ее в своих руках, так как она приносила громадные доходы как личной царской казне, так и вообще фиску¹.

Интересно то, что эти, на первый взгляд такие альтруистические заботы правительства (ибо, запрещая вывоз, оно теряло вывозные пошлины, уплачиваемые ему) находились в полном согласии с столь же «патриотическими» жалобами русских торговых людей на то, что англичане и немцы «оголодали» русскую землю, вывозя с'естные припасы за границу². Не отказываясь сами «оголодить» русскую землю, но не умея еще завоевывать иностранных рынков, первые представители русского торгового капитала стремились в протекционизме искать себе защиты против более умелого, организованного, уже ищущего внешних рынков иностранного капитала. Они могли только ограничиться эксплуатацией более близкого и знакомого для них внутреннего рынка; для того же, чтобы выступать на иностранном рынке, требовали от правительства устранения своих конкурентов особыми мероприятиями³.

Нам представляется весьма важным подчеркнуть эту роль и участие представителей государства в торговле и в торговом обмене на-ряду с настоящими купцами и торговцами, как более или менее обособленным классом. Московские князья, более чем какие-либо другие правители, могли сказать: «l'état c'est moi». Если не в политическом, то, по крайней мере, в имущественном и финансовом отношениях это было совершенно верно. Частно-правовые нормы и отношения в то время были мало или даже совершенно не были отделены от публично-правовых. То, что приобретал, имел и накапливал князь—приобретала и имела та государственная власть и сила, то государство, которое он олицетворял. Основа политической власти и могущества

¹ «Русские гости, избираемые из значительнейших купцов,—говорит Родес,—это факторы его царского величества. Исключительной торговле царского величества принадлежали: шелк, ремень, медь, парусина, пушнина, соль, рыба, икра, хлеб». Де-Родес. Размышления о русской торговле в 1653 г. Магаз. землевед. и путеш. т. V. М. 1858. Ср. также А. И. V, № 68. Монополии хлебной торговли упомянутый иностранный автор описывает так: «Что касается хлебной торговли по всей России, то она также в руках его царского величества, и ни одному частному лицу не дозволяется торговать хлебом. Эта торговля доставила его царскому величеству во время неурожайных годов большие доходы, особенно в последние 4 года, впродолжение которых он ежегодно приказывал заготовлять до 200 тысяч четвертей, которые закупались по всей земле и свозились со всех сторон в Вологду. В Казанской, Нижегородской и близ лежащих областях покупают четверть 12 и 25 коп., в Московской по 1 рублю, в Ярославской, Ростовской и Вологодской 36—50 коп. Таким образом, со всеми издержками четверть ржи приходится в Архангельске не дороже 1 рубля. Но так как впродолжение четырех упомянутых годов брали за четверть всякий раз по 2½ и по 2¼ талера, то доходы его царского величества с хлеба доставили ему в короткое время слишком 1 миллион талеров. Уплата за хлеб... должна производиться специями-талерами, по 14 на русский фунт, при чем каждый раз с веса получается от 2—2½% барыша; по самым верным исследованиям оказывается, что ежегодно получается слишком 600 тысяч талеров, которые и сдаются на монетный двор». При пересчете талеров на копейки получалась также выгода до 30%, так что в общем хлебные операции доставляли казне громадные по тому времени доходы. Де-Родес, I. с., 239.

² А. И. IV, № 13. Костомаров, I. с., стр. 35.

³ И в этом отношении, как судьба русских правительственных классов, так и эти первые попытки протекционизма со стороны русского торгового капитала, ничем не отличаются от стремлений и мер западно-европейских правителей и западно-европейской буржуазии. Короли, папа, герцоги запрещают вывоз хлеба из своих владений, сами монополизировав вывоз в своих интересах. Бурмистры и городская буржуазия Любека, Бремена, Ростка и др. запрещают вывоз хлеба «во избежание голодовок населения», сами же открыто скупают и вывозят хлеб, отчего население действительно голодает, а буржуазия и короли, участвующие в крестовых походах против «врагов христовых» и вывозящие этим врагам хлеб, получают, благодаря монополии, выгоды в 100% и более. См. Кулишер. Эволюция прибыли с капитала, гл. IV, стр. 285—303.

князя лежала в его финансово-землевладельческом могуществе, и политическая и финансовая судьба самого государства зависела от этого могущества своего представителя. Не даром московские князья всегда стремились стать возможно более крупными землевладельцами, а затем «первыми купцами». Финансовая история их «дома» есть обыкновенная история древнего «торгового дома», и бухгалтерия его начинается обыкновенной в накоплении капитала бухгалтерией: экспроприация сельского населения, накопление земельных рент и обращение их в приносящий торговую прибыль капитал.

Трудно, конечно, сказать, насколько эта экспроприация сельского населения, приносимые им земельные ренты, получаемая с них торговая прибыль участвовали в создании тех богатств и тех финансовых средств, которые были накоплены московскими князьями. Конечно, их обогащение имело много и других источников. Но во всяком случае это финансовое личное могущество московских князей, полученное как результат обезземеления и эксплуатации земледельческого населения, именно и явилось оплотом политического и государственного могущества. И вся тяжесть—тяжесть, как свидетельствует о том бедственное экономическое положение сельского населения, чрезмерная—лежала уже и тогда на плечах земледельческого населения, трудом которого создавалось землевладельческо-купеческое государство. При этом особенно важным является то, что, как первоначальный рост земельного богатства князей и государства основывался на экспроприации свободного земледельческого населения, на «окняжении» черных крестьянских земель, так и приобретение ими финансового могущества первоначально имело основой выжимание торговой прибыли путем эксплуатации того же сельского населения или самим государством, или торговым капиталом, под покровительством того же государства.

Безразличны те цели, которые преследовались в этом случае государством, те цели, на достижение которых пошли эти богатства. Одно представляется безусловно верным: еще за столетие до создания современного более или менее законченного государства, до насаждения петровской государственной культуры, обнаруживался уже ненормальный рост государственности, которая была купчески-землевладельческой в своей основе. Этот рост буржуазно-землевладельческого государства шел, за счет эксплуатации и разорения низших земледельческих слоев населения, сначала путем экспроприации тех земельных богатств, которые создавались этим населением среди лесов и топей и которые должны были бы принадлежать ему по тому принципу трудового начала, который древняя жизнь выражала в словах «куда топор и соха ходили», а затем—путем широкого принудительного торгового отчуждения тех продуктов, которые создавало еще не тронутое в недрах страны натуральное хозяйство, не для продажи, а, главным образом, для собственного потребления, но которые оно принуждалось продавать из-за финансовой тягости перед государством и господствующими классами.

Таким образом, тот не соответствующий внутреннему строю страны рост государственности, которым характеризуется обыкновенно петровская эпоха¹, а, может быть, и то несоответствие миллиардных бюджетов с голодовками и бедностью населения, которое присуще новейшей эпохе, в зачатке и в более или менее замаскированной форме имеются вполне уже и в допетровской Руси. Период созревания государственности был периодом созревания и капитала и буржуазии. Как всегда и везде, они начинали свой рост с экспроприации сельского населения, с накопления рент и обращения их в торговый капитал.

Дальнейшее экономическое и политическое развитие страны дает особенно богатую почву для культуры и расцвета этих явлений.

¹ Миллюков Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII стол и реформа Петра Великого. СПб. 1905.

Г Л А В А III.

Возникновение производительного капитала и торгово-промышленная политика в XVIII в.

Развитие городской жизни в петровскую эпоху и влияние ее на сельское хозяйство.—Возвышение хлебных цен.—Борьба землевладельческих и торговых интересов.—Правительственная торгово-промышленная политика и регулирование внешней и внутренней торговли.

Только что описанный процесс развития денежного хозяйства и торгового капитала и тесная, друг друга обуславливающая, связь между ростом этого капитала и ростом буржуазно-купеческих тенденций самого государственного строя находят себе сильнейший толчок со времени реформаторской эпохи Петра Великого.

По внешности этот процесс с этих пор начинает проходить в иных формах. Петр и его преемники перестают быть купцами; сами они уже не торгуют хлебом, мехами или салом; много дольше сохраняется, но также постепенно преобразуется и исчезает, землевладельческий характер правителей. Частноправовые нормы заменяются публичными; торговцем, землевладельцем, предпринимателем становится «государство», или непосредственно ведущее соответствующие земледельческие и промышленные предприятия и торговлю, или получающее с них торговую прибыль через посредников-откупщиков и других частных предпринимателей. Однако, в основе возможности получения этих землевладельческих рент и этой прибыли, в основе накопления их в виде частного капитала и государственных богатств, лежала, как и ранее, торговая и предпринимательская эксплуатация сельского населения, его экспроприация и постепенное развитие денежного хозяйства, на месте разрушения прежнего натурального строя.

Поэтому, хотя в петровскую эпоху особенно резко сказался тот факт, что «политический рост государства опередил его экономическое развитие»¹, достигнув это разорением страны, однако это «разорение» подготовлялось всей предыдущей эпохой. Уже давно в основе развития государства лежало стремление к насаждению денежного хозяйства, и сама государственная власть являлась наиболее полным выразителем этих тенденций, лучшим представителем купеческих и предпринимательских начал в народном хозяйстве. То, что было в зародыше в до-петровскую эпоху, находит себе законченное выражение со времени Петра.

В до-петровской Руси царь—первый землевладелец—являлся и «первым купцом». Развитие капитала не шло дальше исключительно торговых его форм: благодаря этому, для накопления и увеличения капитала не требовалось и конечного разрушения того натурального строя хозяйственной жизни, который тогда являлся преобладающим; не требовалось тех законченных и совершенных внешних условий, в которых непременно нуждается производительный капитал.

Мы видели, что торговый капитал даже в древней Руси мирился и с преобладанием натурального хозяйства, и с низким уровнем техники, извлекая, несмотря на все неблагоприятные внешние условия, громадную торговую прибыль. Таково же в преобладающей степени остается положение капитала и после петровской эпохи. Существенная разница между старым и новым веком заключается в том, что теперь торговым капиталом сделана уже попытка превращения в более совершенные производительные формы. Нужды нет в том, что насаждение предпринимательского хозяйства совершается

¹ М и л ю к о в, Государственное хозяйство, стр. 546.

часто в форме государственных промышленных предприятий: выразитель идеалов экономически господствующих классов—государство вначале берет на себя первый шаг и к осуществлению предпринимательской деятельности, как раньше оно стояло во главе торговли. Та «необходимость развития национальной промышленности», которой руководствовался Петр, исходя из меркантилистических взглядов, была в сущности ничем иным для государства, как «хозяйственным способом» получения «нужных государству» предметов. Но, конечно, как купеческое правительство древней Руси стояло лишь во главе крупных купеческих капиталов, так и в петровских казенных фабриках государство являлось лишь наиболее видным представителем нового предпринимательского класса. Как этот новый класс частных промышленников-предпринимателей являлся преемником крупного торгового капитала до-петровской Руси¹, так и хозяйственная деятельность государства в своем постепенном развитии, вместо торгового, получила предпринимательский характер.

Но каков бы ни был характер происхождения первого русского промышленного предпринимательства, для сельского хозяйства оно принесло чрезвычайно глубокие последствия. Во-первых, рост городов и фабрично-заводской промышленности² для своего пополнения требовал громадного отлива сельского населения³. При этом «бегство из деревень» коснулось, как всегда, не только низших классов населения, но и высших, ищущих в городах наживы или служебной карьеры. Во внутренних отношениях деревни начинают уже создаваться таким образом дифференциация хозяйственных отношений вместо прежнего хозяйственного единства помещика и крестьянина.

Во-вторых, это развитие городов и обрабатывающей промышленности создало вне сельского хозяйства внешний ему рынок, так необходимый для внедрения в хозяйство денежных отношений. В то же время, благодаря различной степени развития промыслов и промышленного населения в двух половинах империи—северной нечерноземной и южной черноземной—в сельском хозяйстве происходит и географическая дифференциация: первая начинает служить потребительным рынком для земледельческих продуктов второй. В до-петровской Руси даже нечерноземные области могли питаться хлебом собственного производства; теперь население их, обращаясь к промысловым занятиям, ради получения чисто денежных доходов, бросает свое натуральное земледельческое хозяйство, обезземеливается, идет в города на вне-земледельческие промыслы или превращается в батраков. В конце XVIII века в нечерноземных губерниях уже до $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{3}$ взрослого мужского населения уходит на неземледельческие заработки, порывая связь с сельским хозяйством⁴.

В то же время рвется связь с землей и помещичий класс. Принуждаемый к службе, к жизни в городах, он или обращается также к промышленному предпринимательству, поскольку это допускает служба,—

¹ Это доказывается тем, что большинство петровских фабрикантов являются крупными торговыми людьми. Петровская «крупная промышленность развивалась... в среде, которая была создана всей предшествовавшей историей Московского государства—именно в среде крупных торговцев». Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб. 1898, стр. 11.

² До Петра у нас почти не существовало крупных промышленных предприятий, а к его смерти насчитывалось уже 233 казенных и частных фабрик и заводов. Туган-Барановский, I, с. 6. К концу же XVIII ст. было уже 3.161 фабрика.

³ До Петра городское население в России насчитывало около 292 тыс., а после Петра уже 802 тыс. Миллюков. Очерки, 82.

⁴ По Белевской Писцовой книге в т. н. «Белевской Вивлиофике», изданной Елагиным в 1859 г., в Белевском у. при Алексее Михайловиче было всего 290 человек задворных и деловых людей, т. е. бездомовых работников. К концу XVIII ст. число их увеличилось до 4.242 души, что составляло $\frac{1}{5}$ часть всего населения. Так далеко зашли обезземеление и дифференциация даже в этом земледельческом уезде. Победоносцев. Исторические исследования и статьи. СПб. 1876, стр. 79. Ср. также Туган-Барановский. I, с. стр. 44 и Ключевский. Полушная подать и отмена холопства. Р. М. 1886, X, стр. 3—5.

не даром в списках петровских фабрикантов часто встречаются и дворяне—или, по крайней мере, стремится эксплуатацию труда своих крестьян вести в новых формах денежного хозяйства. Поэтому, там, где более развита промышленная жизнь, там более значительное развитие получает и оброчно-денежная система, тогда как в земледельческих округах помещикам приходится оставаться при прежнем земледельческом хозяйстве, ведя его на началах барщины¹.

Таким образом, для сельского хозяйства начала XVIII века, кроме начавшейся уже много раньше общей дифференциации сельского населения, имели преобладающее значение три стороны хозяйственного развития страны: развитие городов с неземледельческим населением и промыслами, развитие денежного хозяйства во всех отраслях промышленной жизни и, наконец, как непосредственный результат первых двух, перенесение центра сельскохозяйственной культуры в черноземные области. С этих пор эти земледельческие области начинают вести сельское хозяйство в целях торгового сбыта на вполне уже упрочившемся внутреннем рынке, именно в городах и селениях северных, нечерноземных областей, в которых, в свою очередь, более быстро развивается промышленное население.

Вот как современники описывают эти перемены в сельско-хозяйственной культуре, происшедшие в первые десятилетия XVIII века. «Прежде нежели Петр Великий,—пишет князь Щербатов в своей «Статистике в рассуждении России»,—наложением подати принудил крестьян стараться другими ремеслами приобретать себе на пропитание и на zapлату податей, крестьяне все прилежали землепашеству, были сыты, но бедны, и хлеб был до того дешев, что, не взирая на великое плодородие, никогда не мог заплатить трудов земледельца; но как стали крестьяне податями несколько отягчены, тогда помещики узнали многие спокойствия жизни, кои до того им не веданы были, для приобретения оных стали на крестьян новые подати накладывать; тогда крестьяне... оставляя земледелие, стали ходить на другие работы и действительно они стали богаты деньгами, но земледелие упало и государство от того претерпевает»².

То же падение сельско-хозяйственной культуры отмечает и другой писатель середины XVIII в., Елагин: «В прежние времена,—пишет он,—когда поголовных оброков еще не знали, при селах и волостях государственных казенные, при монастырях монастырские, при помещичьих жилищах помещичьи земли, хотя и не великие по худому домостроительству и незнанию домостроителей прибитки приносили, но великим количеством хлеба изобиловали. Были запасные житницы, преисполненные на время нужное и лето неплодородное как на семена, так и на пищу хлебом... Ныне же все спешествовавшие к тому земледельцы, как то государственные, монастырские и большею частью помещичьи, принуждены став платить оброк, который они, как выше объявлено, без великого труда разными способами доставать могут, не имеют и нужды к претрудному прилежать земледелию. Не стало у помещиков земли, не стало и запасных житниц, а с ними вместе скрылась и дешевизна в хлебе»³.

Это обращение от «прилежания земледелию» к промышленному труду происходило прежде всего в северных, нечерноземных губерниях, где сосредоточились центры развития промышленности. Тот же Щербатов, жестоко осуждающий новые основы хозяйства, как о потерянном рае вспоминает то

¹ Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I, СПб. 1903, стр. 25—46.

² М. Щербатов. Статистика в рассуждении России, сочинения, т. I, изд. 1896 г. стр. 491.

³ «Проект д. с. с. и члена дворцовой канцелярии Ивана Елагина, об определении в неотъемлемое владение дворцовым крестьянам земли и о раздаче казенных деревень за известную плату, на временное и определенное владение вольным содержателям», «Журнал Землевладельцев», 1859 г., XX—XXI.

плодородные области, которые были не так давно житницами Московского царства и которые даже до сих пор сохранили свое плодородие. Так, местности на север от Москвы настолько плодородны, что в Галицком, Ярославском и Костромском уездах «рожь ввосемьмеро, а ячмень вдесятеро и двенадцатеро приходит» и если бы, «по причине многонародия», населению не приходилось обращаться к другим занятиям, промыслам, то эти области могли бы дать населению пропитание «не только довольное, но и излишнее»¹. И однако, несмотря на это, население здесь бежит в города и в промышленность; земледелие падает, а на незаселенном юге, в губерниях Северной, Белгородской, Воронежской, где не хватает рабочих рук на уборку — там оно быстро, хотя и экстенсивно, распространяется.

Вполне правильно, видя причину падения земледельческой культуры в нечерноземной области в развитии денежного хозяйства, промышленности и городов с их новым складом жизни, Щербатов естественно на них обращает все свои порицания: города и городские потребности убивают тот уклад жизни и тот промысел, на котором зиждется все благополучие государства².

В действительности дело обстояло несколько иначе. Земледелие падало не везде, а только там, где новые отрасли промышленной жизни побеждали сельское хозяйство. В общем же для всей страны сельское хозяйство нашло себе в городах потребительный рынок и в городском спросе — основу своего дальнейшего развития. Отмеченное уже в XVI веке в центральных примосковских уездах и получившее теперь более широкое развитие трехпольное хозяйство, введенное на смену переложного, могло развиваться только в том случае, если рассчитывало на постоянный обеспеченный спрос. Начавший применяться в то время наемный труд также мог успешно прилагаться только при развивающемся производстве хлеба на продажу. В борьбе за рынок попрежнему находились области северные, уже не исключительно земледельческие и уже с утверждающимся там трехпольем, и области южные черноземные, где в начале XVIII века попрежнему господствовала еще переложная система, требовавшая меньше труда и затрат капитала, но дававшая все же, благодаря богатству почвы, богатые урожаи.

¹ Щербатов, I, с. стр. 479.

² «Государственные строения в губернских и других городах, представляя великое обилие для промыслов, отвлекли от земледелия многие тысячи человек. Если мы возьмем в пример одну Москву и рассмотрим разных мастеровых, живущих и приходящих в оную, то ясно увидим, какое число их приумножилось. Двадцати лет тому не прошло, весь каретный ряд помещался за Петровскими Воротами, по Земляной огороде, по Большой улице, а ныне не токмо уже многие лавки распростерлись внутри Белого города и за ворота в обе стороны по Земляному городу, но и в других улицах множество есть таких сараев для продажи карет, не считая сколько немцев каретников в Москве в разных местах кареты делают и продают. Хлебники были весьма редки; ныне же почти на всякой улице вывески хлебников видны... Все таковые промыслы требуют людей или навсегда пребывающих, или приходящих на летнее время, а все эти люди, удвоившиеся или утроившиеся на летнее время, оставляют свои дома и земледелие, чтобы, не способствуя к произрастанию пропитания, быть потребителями сестных припасов. Приложим еще, сколько таких мастеровых употреблены во всех наместничествах, огромные всенародные и частных людей здания, в малое число лет якобы волшебством каким произведенные, повсюду пышность и великолепие взирающему на внешность человеку представляют, но, конечно, в самом деле отвращением от земледелия, а потому убавкою произведения нужнейших к жизни вещей России ослабляют, так как земли, обработанные ими, праздные остаются, а если которые и обработаны и те обработаны наемниками, с гораздо меньшим тщанием». Щербатов, I, с. 632. Такое же описание дает другой известный дореформенный историк Болтин. «Из сословия земледельцев знатное количество перешло в сословие промышленников, фабричных ремесленников... — Прибыло много городов, заведены многие здания, к строению которых потребовалось великое число мастеровых... Многие годы в самых плодороднейших провинциях был хлеб недород, в продолжении коих весь запасной хлеб истощен, и цена от того вдвое возвысилась... Примечания на истории древние и нынешние России г. Леклерка, сочин. генерал-майором Ив. Болтиным. СПб, 1778 г., том II, стр. 453. Такое же отрицательное отношение у известного Швиткова, «О двух главных способах, назначенных к лучшему деревням управлению». Тр. В. Э. О., LXII, стр. 144

Однако, с перенесением земледельческой культуры на юг, а центров государственной, политической и промышленной жизни на север, стало гораздо более затруднительным разрешение того вопроса о путях, способах снабжения и вообще об организации торговли и обмена, который сравнительно просто решался в древней Руси, благодаря близости производительных районов к потребительным пунктам. Уже и тогда для тех гужевых подвозов, которыми питались потребительные пункты, для того натурального снабжения живших в городах вельмож и помещиков, которое так рельефно представлено, например, в хозяйстве Морозова¹, требовалась громадная масса народного труда. С развитием же и ростом профессионального торгового обмена продуктами, с ростом денежного хозяйства и все более возрастающей нуждой в деньгах, в торговый оборот стало по необходимости вовлекаться все большее количество земледельческих продуктов.

Условия рыночного обращения, регулярный и правильный обмен были обставлены попрежнему все еще большими трудностями. Повидимому, главным образом, этим обстоятельством затруднительности снабжения и обмена следует объяснить тот рост хлебных цен, который обнаруживается в течение не только XVII, но и в XVIII веке. В начале XVII в. хлеб стоил в 5 раз дороже, чем во второй половине XVI века. Правда, к концу XVII в. сказалось и расширение земледельческой культуры, приведшее, благодаря увеличению запашек в культурных областях и колонизации юга и юго-востока, к некоторому превышению производства над потреблением. Но все же, несмотря на то, что цены в течение XVII века в общем обнаруживают склонность к понижению, они до конца XVII в. остаются все еще в $3\frac{1}{2}$ раза выше, чем в XVI в. Еще более резкий рост хлебных цен обнаруживается в XVII веке: так, в Московской губернии с гжатских пристаней хлеб, по словам князя Щербатова, продавался: в 1760 г. четверть ржи—86 к., в 1763 г.—95 к., в 1773 году уже—2 р. 19 к., а к 1790 году цена его дошла уже до 7 р.²

В таких повышенных ценах вовсе, однако, нельзя видеть свидетельство того, что хлебное производство отстало и не могло удовлетворить расширявшегося спроса. Причина лежала именно в затруднительности обмена, так как при дороговизне в одних местностях и в одни годы хлеб иногда совершенно не имел цены и сгнивал на полях даже не обмолоченным. Насколько велика была разница цен в различных местностях, показывают цифры, приводимые Шторхом на основании сообщений Палласа и Фалька³. В 1772 г. ржаная мука стоила в Красноярске—3 коп., в Тобольске—11 коп.; пшеничная в Красноярске—5 коп., в Тобольске—23 коп. В 1797—1803 гг. рожь стоила в Киеве 23 к., в Астрахани—46 к., в Москве—62 коп., в Петербурге—90 коп. Таким образом, «изолированность рынков» в после-петровской Руси была, повидимому, не меньшая, чем в до-петровской, именно потому, что средства и пути сообщения остались теми-же, как и раньше, сбыт же стал и более отдаленным, и более обширным, в виду экономической дифференциации географии страны⁴.

¹ См., например, длиннейший, чрезвычайно характерный список того, что и как получал московский дом Морозова из своих поместий. Забелин. Большой боярин, В. Е., 1871, кн. II.

² Щербатов, I, с., 645.

³ Шторх, Курс Полит. Эконом., т. II, стр. 219.

⁴ Конечно, помимо этих производственных моментов на колебание номинальных хлебных цен имела влияние и тогдашняя денежная наша система, именно начавшийся в это время чрезмерный выпуск ассигнаций и их обесценение. На это указывали современные экономисты, как тот же Щербатов. «Состояние России в рассуждении денег и хлеба в начале 1788 г.», а также Болотов, который в своих записках пишет про эту эпоху, что «богатство всего государства обратилось в бумажное и состояло в одних ассигнациях, последствием чего было то, что цена на все вещи поднялась и все вздорожало». Русск. Архив, 1864 г. Для нас, конечно, важно не это повышение цен в их ассигнационном выражении, а изменение в соотношении реальных цен на основе изменения в производственных условиях.

Та масса дарового труда, которая имелась у помещиков, и та необходимость в эксплуатации своих земельных богатств, которая стала особенно ощутительна при развитии городской жизни и денежного хозяйства, побуждали их к расширению своего земледельческого производства. Недостаток сбыта, однако, уничтожал возможность настоящего предпринимательского хозяйства. И как раньше правительству приходилось в своих выгодах и в интересах привилегированных классов брать на себя организацию сбыта, так и теперь оно приходит на помощь землевладельческому классу в его стремлении к сельско-хозяйственной предпринимательской деятельности. Конечно, меры покровительства несколько меняются сообразно духу и потребностям времени.

Прежде всего, сильное развитие государства и государственных потребностей, в особенности военных, создавало для сельских хозяев близкий и обеспеченный сбыт их земледельческих продуктов. Размещение войск в южных городах и в земледельческих губерниях давало возможность сельским производителям входить в непосредственные сношения с этим крупным потребителем. И правительство покровительствовало именно таким непосредственным сношениям помещиков. Ради доставления этим крупным производителям лучшего сбыта издаются узаконения, облегчающие такие поставки помещиков в обход посредничества торговцев.

Так, «Провиантские регулы» 1758 года¹ предписывают, что «все... старание иметь должны, чтобы к пополнению магазинов, сколько и где возможно, подрядов, через которые весьма от купцов цены возвышаемы бывают, и по большей части доньше таковые пополнения от них зависели, миновать, а пользоваться от шляхетства и поселян, дабы подданные, которые о распространении земледелия сами трудятся,... теми деньгами интересоваться могли; подряды же разве в такие места и в таком случае чинить, когда от шляхетства и поселян получить невозможно». Даже более того: правительство для снабжения русских войск, находившихся в иностранных государствах во время военных действий, выписывало хлеб из России, чтобы сделать «подлинно некоторое хлебопашеству одобрение», запрещая в других указах покупать его для продовольствия армии за границей, «как бы оный дешевле не был, а вывозить оный отсюда, как бы дорого не становился»².

Таким образом, хотя в «Провиантских регулах» правительство стоит, повидимому, на простой коммерческой точке зрения, не желая покупать продовольствие у перекупщиков по дорогим ценам, однако основным мотивом является стремление оказать покровительство «отечественному земледелию», что и сказалось особенно ясно в последующих приведенных указах. Понятно, что это покровительство земледелию ограничивалось, в сущности, лишь покровительством прибылям крупных помещиков, так как ни о стремлении поднять общие производительные силы земледелия, ни даже о возможности участия в этих непосредственных сношениях мелкого производителя-крестьянина здесь фактически не могло быть и речи. Поэтому, во всех этих мерах можно видеть лишь желание поддержать крупный поместный класс в его стремлении к производительной деятельности и к предпринимательству в целях получения прибыли путем эксплуатации дарового крепостного труда. Это были лишь попытки утвердить сельско-хозяйственное крупное предпринимательство на сословных началах, хотя бы в ущерб интересам не только безгласного мелкого производителя, крестьянина, но и в ущерб уже влиятельному торговому капиталу.

Особенно ясно эта тенденция покровительства дворянскому сельско-хозяйственному предпринимательству, ведущемуся за счет эксплуатации дарового крепостного труда, в ущерб бессословному торговому капиталу,

¹ П. С. З. т. XV, 10788.

² П. С. З., 10164.

видна на развитии винокурения, в котором, за недостатком сбыта хлеба в зерне, крупное сельское хозяйство нашло выгодный способ переработки. Такие приверженцы развития чистого земледелия, как Щербатов, осуждали и эту первую «индустриализацию» русского сельского хозяйства в виду того, что она оттягивала от земледелия труд и капитал¹, но само правительство относилось к развитию винокурения не так отрицательно. Оно желало доставить в нем способ улучшения условий сбыта хлеба для крупных помещиков и насадить дворянскую земледельческую индустрию. Что покровительство винокурению было именно таково, т.-е. было вызвано сословными стремлениями, видно из той монополии винокурения, которая постепенно устанавливается в после-петровской экономической политике, ограничивая и парализуя стремление торгового капитала завладеть этой отраслью производства.

Так, уже указ 1754 года² вводит ограничение древней свободы винокурения, разрешая торговое винокурение только временно, «доколе помещики и вотчинники винокуренные свои заводы размножат», после чего все купеческие винокуренные заводы должны быть опечатаны, так как винокурение «следует для пользы одного дворянства, а не купечества, а купцы должны вступать в торги и распространять коммерцию». Другой указ того же года³ на основании предыдущего повеления уже предписывает уничтожить все купеческие винокуренные заводы, расположенные у гжатских пристаней. Наконец, окончательное подтверждение монополии винокурения в целях доставления способа сбыта хлеба помещикам состоялось в Уставе о винокурении в 1765 году, который провозгласил, что «вино курить дозволяется всем дворянам и их фамилиям, а прочим никому. То вино курить им для поставки на продажу... Для себя на собственные свои домашние расходы курить вино... позволяется только тем, кто в деревнях сам живет. Прочим же, как духовным, военным, гражданским и всякого чина и звания людям и положенным в подушный оклад, одним словом, всем, кроме дворян и их фамилий, вина никому... не курить»⁴. Здесь уже ясно сказался внутренний смысл правительственной сельско-хозяйственной политики, покровительствующей «только дворянам» в ущерб «прочим, всякого звания людям».

Таковы были мероприятия правительства с целью поддержать дворянское сельско-хозяйственное предпринимательство. Посмотрим, какова была политика того же правительства по отношению к торговле и к торговому классу, который был должен «распространять коммерцию».

Господствующие в то время воззрения о необходимости государственного вмешательства и регламентации особенно резко сказались на положении торговли земледельческими продуктами как внутренней, так и отпускной. Кроме теоретических соображений о необходимости такой опеки над хозяйственной деятельностью народа, для правительства и в финансовом отношении вопрос об обеспечении народного продовольствия стоял и в XVIII в. не менее остро, чем в XVII в.

Правительство, с одной стороны, не прочь было способствовать развитию торговли, и особенно вывозной, так как это давало доходы казне; с другой — ему казалось опасным предоставить все дело свободе торгового оборота, так как это могло привести к нежелательным последствиям и затруднениям в народном продовольствии, в особенности в случае недородов, которые были в то время довольно часты. «Голодные болезни», «голодный хлеб» из рубленой мякоти и соломы были известны тому времени не хуже, чем настоя-

¹ «Не токмо души, но и великие капиталы употреблены на свои заводы», писал Щербатов. «Рассуждение о нынешнем в 1787 году почти повсеместном голоде в России». Сочинения, т. I, 629 и след.

² П. С. З., 10261.

³ П. С. З., 10285.

⁴ П. С. З., 12448, гл. I, п. 1—8.

щему¹. А голод крестьянского населения обозначал для помещиков разорение их крестьян и уменьшение количества их крепостного труда, для правительства же—понижение платежных сил населения. Естественно поэтому, что для фиска вопрос о народном продовольствии был чрезвычайно важен. Отсюда и вытекает целый ряд ограничений и регламентаций как внутренней, так и вывозной торговли.

Узаконениями Петра I районы портов по хлебному вывозу были строго разграничены, так что под страхом наказания не позволялось делать закупки и отправлять в порты для вывоза хлеб из района, не принадлежащего данному порту. Так, к вывозу из Архангельска были допущены лишь хлебные грузы, идущие из северо-восточных областей, сплавом по Двине, грузы же, идущие по старому торговому сухопутному тракту через Вологду, приказано было обратить к С.-Петербургу; этим способом предполагалось обеспечить, главным образом, снабжение хлебом С.-Петербурга, так же как путем внутренних таможенных пошлин и запрещением вывоза из одной области и губернии в другую предполагалось обеспечить местное продовольствие губерний и городов.

Но, понятно, эти меры не могли достичь своей цели—разрешить вопрос о равномерности и достаточности хлебного снабжения и предохранить от повышения цен. Правительству приходится не останавливаться на этом и идти дальше, совершенно запрещая хлебный вывоз. Поэтому в течение всего XVIII столетия вывоз хлеба то запрещался, то разрешался под теми или другими условиями и ограничениями; в тех же целях правительство иногда прибегает к старому средству, употреблявшемуся век назад, и берет на себя монополию хлебной торговли. Так, в 1711 году повелено было производить для казенной торговли закупки хлеба в Нижнем-Новгороде, по низовьям Волги, по Каме и другим местам, «где дешевле будет»; но уже в 1719 г. казенная торговля хлебом была уничтожена, и, взамен этого, экспортеры хлеба были обложены добавочной пошлиной. К запрещению вывоза хлеба приходилось прибегать также довольно часто. Еще в 1701 году, разрешая «невозбранный» отпуск хлеба за море, устанавливается правило, что отпуск может происходить только в том случае, если цена хлеба в Москве не выше 1 рубля за четверть, в противном же случае «отпуска не быть»; вывоз в этом же указе облагается пошлиной в $\frac{1}{4}$ ефимка с четверти хлеба². Но уже в 1718 году для затруднения вывоза хлеба, в виду неурожая, пошлина увеличивается для Архангельска до 1 еф. с четверти пшеницы и $\frac{1}{2}$ ефимка с четверти ржи и ячменя³, а вскоре, по случаю неурожая 1723 года, разрешается ввоз в С.-Петербург иностранного хлеба беспошлинно, чтобы тем «привоз хлеба в С.-Петербург, из страдающих неурожаем московских городов, убавился».

Но вообще, разрешая ввоз лишь в целях народного продовольствия, правительство запрещало в то же время покупать ввозный хлеб поставщикам провианта для войск, обязывая их делать закупки непременно в русских губерниях, чтобы конкуренцией иностранного хлеба не убивать отечественного хозяйства⁴. Но и ввозом иностранного хлеба достаточность народного продовольствия не была всегда обеспечена; привозного хлеба было в общем очень мало, и при малейшем неурожае возникала «конечная нужда

¹ «Я ужаснулся—говорит Щербатов,—когда мне показали «голодный хлеб» из мякны, сена, лебеды и листьев, но и этот хлеб для голодающих не везде был доступен, так как и лебеда не уродилась и продавалась по 4 рубля четверть». Это—когда обычная цена четверти хлеба была не выше двух рублей! Щербатов. Состояние России в рассуждении денег и хлеба в начале 1778 г. Сочинения I, 683. См. также Лешков. Продовольствие древней Руси. Москвитянин 1854, II—V.

² П. С. З. 1872.

³ П. С. З. 3095.

⁴ П. С. З. 4183 и 4235.

в хлебе»¹. В 1726—1727 годах, благодаря хорошим урожаям, разрешается свободный и беспопышный отпуск хлеба из Риги, но наступивший вскоре ряд неурожайных годов снова влечет за собой ряд ограничений и полных запрещений вывоза. В видах обеспечения народного продовольствия пришлось даже почти совершенно запретить и внутренний торг хлебом; так, в 1735 году приказано было: «в с.-петербургские и сухопутные адмиралтейские магазины провианта для нынешнего хлебного недорода не подрывать и купецким людям на продажу, кроме помещиков для домашнего своего расхода, не возить, а оставлять оный для пропитания во внутренних городах»².

Таким образом, ради избежания губительных для страны последствий голода правительство готово было совершенно уничтожить весь торговый обмен в стране и вернуть все народное хозяйство к чисто-натуральному строю. Но, конечно, такая политика не приводила ни к чему. Запрещением торговли и вывоза нельзя было обеспечить народного продовольствия; голодовки и затруднения в продовольствии продолжались. Уже в следующем году в этих целях приходится совершенно запретить не только вывоз за границу, но и винокурение в главной житнице России—Белогородской губернии³. В последующие годы разрешение вывоза сменяется чуть не ежегодным запрещением. Так в 1740 году вывоз запрещается; в 1741 году снова разрешается, с наложением пошлины, пропорциональной цене хлеба на внутренних рынках; в 1742 г. снова разрешается безусловно, кроме Лифляндии; в 1744 году разрешается, но с пошлиной, и чтобы вывоз производился «наблюдая токмо осторожность, чтобы не было недостатка в продовольствии». В 1745 г. вывоз через Балтийские порты снова запрещается и разрешается только в 1752 году, но не надолго, так как в 1756 году снова запрещается, а в следующем году правительство отдает монополию хлебной торговли графу Воронцову и Глебову, давая им право на исключительный отпуск хлеба всего до 600 тыс. четвертей в 8 лет, с наложением установленной пошлины и с тем условием, чтобы выпуску из С.-Петербургского и балтийских портов подлежал только хлеб малороссийских губерний, хлеб же из губерний великороссийских шел на заготовку войск⁴.

Как видно, торговая политика в течение всего XVIII века не отличалась постоянством: полная свобода вывоза и обмена и запрещение почти всякой торговли; казенная монополия и откупная система; запретительные и пропорциональные пошлины—все это пускалось в ход под видом мнимых выгод такой политики для всего народного благосостояния, в действительности же, главным образом, только ради финансовых выгод. Понятно, что этим до крайности суживались сфера деятельности и влияния торгового капитала, который и без того был поставлен в неблагоприятные условия вследствие плохих условий транспорта, слабости потребительного спроса и невысокого уровня земледельческого производства. В то же время и внутренняя торговля ради тех же финансовых соображений находится в полной системе закрепощения, благодаря существованию громадного количества внутренних таможенных пошлин, хотя и приносящих казне сравнительно небольшой доход—до 900 тыс. рублей, но сильно стесняющих торговлю. Торговля и торговый капитал долгое время находятся у правительства, так сказать, под «гласным надзором»: ему не доверяют, его несколько боятся и, во всяком случае, контролируют и регламентируют каждый его шаг.

При таких условиях торговому капиталу приходилось «распространять коммерцию», к чему его так призывали правительственные указы. Очевидно,

¹ П. С. З. 4558.

² П. С. З. 6674.

³ П. С. З. 7029.

⁴ Семенов. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год, ч. I—III. Спб., 1859, I, стр. 146 и след.

правительство заботилось о нем значительно менее, чем о поддержании благосостояния дворянских поместий, путем культивирования дворянского сельско-хозяйственного предпринимательства. Торговому классу приходилось долго дожидаться признания свободы торгового оборота и самому завоевывать ее.

Что касается собственно торговли продуктами сельско-хозяйственной промышленности, то здесь, даже и после признания, как общего правила, свободы торгового обмена, торговый капитал, на пути подчинения своему влиянию этой области, встречает еще много препятствий именно в той условной связанности и неподвижности, от которых скорее освободилась городская промышленность, но которые были еще долгое время характерны для сельско-хозяйственного строя.

Интересным в этом отношении представляется то, что, предоставляя крупным помещикам право и привилегию сбыта—при том беспошлинного и, следовательно, в ущерб казне—своих земледельческих произведений, правительство в то же время значительно стесняло самостоятельный торг крестьян. Возникавшее отсюда противоречие интересов, как крупного и мелкого землевладельца, так и крупного землевладельца и капитала, хорошо обрисовывается теми домогательствами относительно прав торговли земледельческими продуктами, которых добивались в Екатерининских комиссиях как купеческие, так и крестьянские депутаты. Первые настаивали на запрещении крестьянам продавать произведения своего хозяйства крестьянам же и на принуждении продавать лишь купцам, на том основании, что всякий товар «по способности покупки и при малом количестве перекупщиков становится в продаже дешевле». Наоборот, крестьянские депутаты стояли на противоположной точке зрения и домогались дозволения производить торг по крайней мере предметами крестьянского обихода¹. Правительство, по видимому, не было склонно расширять права крестьян в этом отношении, главным образом—по целям фискальным, так как беспошлинная торговля крестьян причиняла убытки казне². То, чем оно жертвовало ради покровительства помещичьему классу, оно не решалось сделать для крестьянского хозяйства.

С 1 августа 1754 года отменяется главное препятствие развитию внутренней торговли—внутренние таможенные пошлины, заменяемые прибавкой 13% на внешние таможенные сборы³. Наконец, 28 марта 1762 года Петром III издается замечательный указ, могущий служить эрой определению уже формулированного изменения во взглядах правительства на торговую политику вообще и в частности по отношению к хлебному экспорту. «Империя наша—читаем в этом указе о свободе торговли—по благодати божией токмо плодородием изобилует, что избытками своими могла бы пропитать великую часть прочего света; ни что токмо не доказывает эту истину, как сие, что несмотря на то, что превеликое число хлеба перекуривается на вино, во многих еще провинциях, и при великих реках лежащих, хлеб остается при такой низкой цене, что крестьянин, при всем урожае оного, едва столько намолотить успеет, сколько на заплату его податей потребно, и что в тех самых местах, где лучше хлеб рождается, наиболее пустых мест видимо... А посему повелеваем хлебный торг сделать отныне от всех портов, не исключая и на Каспийском и Черном море лежащие, невозбранном с половиной пошлины»⁴.

¹ Лаппо-Данилевский. Русские промышленные и торговые кампании в первой половине XVIII столетия. СПб. 1899, стр. 86—87.

² Так же смотрит на это, между прочим, и Посошков. Сочинения, М. 1812, стр. 115—116.

³ П. С. З. 10164.

⁴ П. С. З. 11489.

Екатерина II еще решительнее провозглашает право безусловной свободы торговли. После предоставления в жалованной грамоте дворянству «оптом торговать, что в деревнях родится», особым актом она подтверждает право свободной торговли: «подтверждаю вольную повсеместную торговлю хлебом внутри пределов Империи нашей,—говорится в именном указе,—и все облегчения, в пользу того установленные, оставить право свободы каждому помещику, купечеству, промышляющему и земледельцу в селении, в городе или губернии возить, провозить, продавать по добровольной цене всякому, кто покупать желает, оптом или подробно хлеб разного рода и звания и земные произрастания без всякого изъятия»¹.

Однако, признанная законодателем свобода торговли и внутри государства и вывозной не совсем легко привилась на практике. Правда, внутренние таможенные пошлины слишком тяжелым бременем ложились на весь торговый оборот, чтобы отмена их не была встречена всеобщим ликованием; но признанная законом свобода торгового оборота еще так мало вкоренилась в сознание даже самого правительства, что запрещение вывоза хлеба из одной провинции в другую во времена недородов составляло для администрации, вопреки ясному и точному закону, одну из мер для предотвращения недостаточности снабжения хлебом той или другой местности². Да и само высшее правительство, провозгласив свободу торговли, на практике остается очень часто непоследовательным и, из-за тех же старых страхов, что при свободе торговцы «оголодают» русскую землю, прибегает и после указа о свободе к старым средствам запрещения и ограничения внешнего вывоза.

Неудовлетворительность этих средств заставляет искать новых мероприятий, новых средств правительственной опеки. Когда с этой целью правительство обращается за советом к самим заинтересованным в хлеботорговых оборотах лицам и в 1763 году составляет комиссию для обсуждения вопросов хлебного экспорта из представителей балтийского дворянства и купечества, то все они единогласно высказываются за вред всяких ограничений в свободе вывоза и за предоставление в этом вопросе полного простора частной инициативе. Однако, нерешительность вполне последовать этому совету и боязнь слишком значительного вывоза, в ущерб внутреннему потреблению, заставляют прибегнуть к новой мере—к наложению запрещения на некоторую часть вывоза. Так, в ответ на мнение балтийской комиссии о хлебной торговле и не решившись исполнить вполне ее пожелания, правительство отменяет существовавшее прежде запрещение вывоза хлеба в случае повышения цен, но взамен этого обязывает держать в Риге в складах для местного продовольствия хлеба 60—70 тыс. четвертей. Затем начинает вводиться норма размеров остающегося в магазинах хлеба в ‰ к количеству отпуска за границу из данного порта. В 1764 году дозволено было к отпуску из Нарвы по 5 тыс. четв. хлеба в год, из Архангельска до 200 тыс. четв., при чем повелено было оставлять в магазинах для обеспечения продовольствия войска и народного—в Нарве 5 четвертей на каждые 100 четв. отпущенного за границу, в Архангельске 20 четвертей на каждые 100³.

Однако, и подобное запрещение на часть хлеба вскоре же начинает отменяться; в 1771 году запрещение вывоза $\frac{1}{5}$ части ржи снимается для архангельского порта, при чем вместе с тем велено «предостерегать жителей, чтобы оставляли на продовольствие»; вслед за тем снимается запрещение вывоза и с других портов, а также предоставляется свобода торго-

¹ П. С. З. 16578.

² Так, в тот же год, когда издается указ Екатерины о безусловной свободе торговли, орловский губернатор, в виду постигшего его край неурожая, запрещает, вопреки закону, вывоз хлеба из губернии, и сенату приходится отменять его распоряжение, указав на несоответствие его с законом. П. С. З. 16581.

³ П. С. З. 12247 и 12276.

вым людям производить свои закупки не в указанном для каждого порта районе, а где они сами находят выгодным.

Таким образом, только к началу XIX ст. свобода хлебной торговли и внешнего отпуска хлеба получает полное признание. Ограничения и запрещения вывоза в первое десятилетие XIX ст. обуславливались уже политическими и военными событиями, континентальной системой, с оставлением которой была оставлена и система запрещения вывоза хлеба. Даже более того: правительство становится уже на сторону поощрения вывоза и запрещения ввоза иностранного хлеба в Россию, мотивируя в указе 1810 года такое запрещение тем, что, благодаря свободному ввозу, в России создается излишек хлеба и «внутренний избыток хлеба остается без употребления и во вред земледелию»¹. Последний раз вопрос о запрещении выпуска хлеба был рассмотрен по поводу ожидавшегося сильного неурожая в 1818 г., и на этот раз была признана окончательно неосновательность опасений за затруднения в народном продовольствии от вывоза хлеба даже в годы сравнительно неурожайные. По указанию министра финансов, самое большое количество хлебного отпуска России до того времени не превышало 5 милл. четв. (в 1817 году), обычный же вывоз почти никогда не превышает 2 милл. четв.; странно поэтому ожидать, чтобы такие незначительные цифры могли повлиять каким-либо неблагоприятным образом на народное продовольствие и внутренние цены, когда одни Тамбовская и Пензенская губернии производят в средний год 20 милл. четвертей².

Итак, свобода торгового оборота и полное открытие внешнего рынка для сбыта сельско-хозяйственных продуктов, на бумаге провозглашенные еще в середине XVIII века, лишь к наступлению XIX столетия могут считаться действительным фактом. Только с этих пор торговый класс и торговый капитал являются обеспеченными теми условиями, которые дают возможность его развития; только с этих пор торговый капитал может действительно свободно направляться на торговую эксплуатацию народного труда, организуя сбыт его продуктов, пока условия натурального хозяйства еще не позволяли ему организовать и подчинить своей власти самое производство этих продуктов.

И, действительно, если мы обратимся к изучению условий развития сельско-хозяйственного рынка в эту эпоху, то увидим, что все то развитие торгового земледелия и товарного производства земледельческих продуктов, начало которых обыкновенно относят ко времени освобождения крестьян и развития железных дорог, уже и в то время заложило себе прочную основу. Конечно, без указанных двух обстоятельств это развитие идет более медленным темпом. Однако, чрезвычайно важным представляется установить, что уже с этого времени земледельческое хозяйство крепостной Руси все более получает тот товарный или в некоторых случаях даже товарно-капиталистический характер, который в законченном виде является одним из частей фундамента в здании, воздвигнутом в освободительную эпоху.

Так, если мы обратимся к наиболее простой форме внешнего выражения развития товарно-торговых начал в земледельческом народном хозяйстве—к цифрам внешнего сбыта земледельческих продуктов, то оказывается, что в течение XVIII века он занимал почти такое же скромное место, как и в предыдущий век, но уже к концу XVIII в. и с наступлением

¹ П. С. З. 24137.

² А. Семенов, I. с., ч. II, стр. 125. Впрочем, даже много позже правительству приходится еще раз подтверждать право свободы торговли, в особенности во внутренних сношениях, защищая ее от воспрещений хлеботоргового обмена и вывоза хлеба местными властями в годы неурожая. Так было, напр., в 1840 г. Материалы по обеспечению народного продовольствия, изд. М. В. Д., ч. II. Спб. 1860, стр. 25.

XIX столетия вывоз продуктов земледелия и особенно жизненных припасов, главным образом—хлеба, получает сильное увеличение и рост.

Вывоз жизненных припасов в течение XVIII ст. занимал такую роль в торговле России: в 1731 году жизненных припасов вывезено из всех портов и по сухопутной границе на сумму 34,7 тыс. рублей серебром, что в процентах к общему вывозу дает лишь 0,6%; в 1758—1760 годах вывозилось в среднем в год на 225,9 тыс. руб., что составляет 2,8% общего вывоза; в 1768 г. вывоз жизненных припасов снова уменьшился до 193,9 тыс. руб., т.е. дал лишь 2,1% общего вывоза; в последующие годы вывоз возрастает за 1778—1780 гг. до 1.474 тыс. руб., т.е. дал 7,8% общего вывоза, в 1790—1792 гг.—1.175,3 тыс. руб. сер., т.е. дал 4,5% общего вывоза по внешней торговле¹. Таким образом, хотя в течение рассмотренного 70-летия вывоз жизненных припасов абсолютно возрос почти в сорок раз, он все же являлся крайне незначительным и отставал от быстрого роста общих торговых оборотов; его участие в общих оборотах торговли в течение того же периода возросло всего в 7 раз. Хлеб в числе жизненных припасов, вывозимых за границу, играл также не первую и не исключительную роль: в 1758—1760 гг. вывозилось хлеба до 70 тыс. четв., на сумму 114 тыс. руб. сер. из 225,9 тысяч руб. сер. ценности вывоза всех жизненных припасов; другими словами, вывоз хлеба по ценности доставлял в рассматриваемый период лишь 1% общего вывоза русских товаров за границу.

Окончательное завоевание свободы торгового оборота продуктами земледельческого хозяйства и осуществившаяся, наконец, свобода неограниченного хлебного вывоза быстро поднимают общие цифры экспорта России и особенно экспорта хлеба. С первых же годов XIX столетия начинается заметное увеличение его и абсолютно и относительно других товаров. Если в момент признания свободы торговли, в начале второй половины XVIII ст., вывоз достигал всего 70 тыс. четв. и даже в 1790—1792 годах вывезено было лишь 233 тыс. четв., то в 1802—1804 годах вывозилось в год уже более 2 милл. четвертей пшеницы, ржи и др. Вместе с тем начинает возрастать и относительная ценность вывоза в общих оборотах внешней торговли России: в первую четверть XIX ст. хлебный экспорт составляет уже 19—20% общего вывоза всех товаров из России.

Необходимо, правда, здесь указать, что внешние обстоятельства, именно характер экономического развития западно-европейских стран, складывались в начале XIX ст. особенно благоприятно для развития русского торгового земледелия и русского хлебного экспорта. К концу XVIII и началу XIX ст. потребность в привозном хлебе в европейских государствах стала увеличиваться не только благодаря ряду неурожайных годов и политическим событиям, отвлекшим на войны много рук от земледелия, но, главным образом, также и благодаря начавшемуся росту мануфактурной и заводской промышленности, росту городов и расширению внутреннего рынка. В Великобритании в половине XVIII ст. превышение вывоза над ввозом достигало в среднем 150 тыс. четв. в год, через 50 же лет ввоз уже превышал вывоз на 750 четвер. В это время английские порты были уже открыты для ввоза иностранной пшеницы, и Англия становится крупным потребительным рынком для ввоза иностранного хлеба².

¹ А. Семенов, I. с., ч. III, стр. 8 и след.

² Парламентским актом 1791 года на пшеницу была наложена ввозная пошлина в размере 24 шилл. 3 пен. с квартера (около 6 руб. сер. с четверти), если средняя цена пшеницы стоит ниже 50 шилл. (12½ руб. четв.), и 2 шилл. 6 пенсов с квартера при повышении ее до 54 шилл. кварт. (13 руб. четв.); однако, благодаря быстрому развитию потребительного спроса, цена почти постоянно держалась выше 54 шилл., так что ввозная пшеница платила почти постоянно только минимальную пошлину. Георгиевский. Международная хлебная торговля. Спб. 1885, гл. III.

Но, конечно, все это создавало лишь возможность возникновения товарно-торгового характера сельскохозяйственного производства, не обуславливая и не вызывая его непосредственно. Причина расширения работы на рынок лежала в том развитии сельско-хозяйственного предпринимательства, которое с особенной силой обнаруживается с первых десятилетий XIX ст. среди русского помещного класса, в возможности для этого класса производительного, в целях получения прибыли, употребления помещичьего «капитала» — крепостных, т.-е. в возникновении того же предпринимательского духа, который, как мы видели, к этому же времени явился преобразующим элементом и в западно-европейском сельском хозяйстве и промышленности.

Г Л А В А IV.

Начало предпринимательства в сельском хозяйстве в XIX веке.

Опыты интенсификации культуры и вложения капитала в сельскохозяйственное производство. — Победа экстенсивных зерновых систем. — Попытки новой организации хозяйства. — Подражание западно-европейским образцам (фермерство, индустриализация) и выработка самостоятельных форм (оброк, барщина и соединенные их формы). — Крушение сельскохозяйственного предпринимательства и его причины.

Те же самые политические и военные события начала XIX ст., которые произвели крупные перемены в западно-европейском сельском хозяйстве, не остались без влияния и на положение русского земледелия. Подорвав благосостояние помещичьего класса, жившего до сих пор в городах, войны начала XIX века заставили русских помещиков с наступлением нормальных условий хозяйственной жизни снова обратить свои взоры на заброшенное до сих пор деревенское хозяйство¹. Оторванное прежде от земли службой и городской жизнью, помещное дворянство теперь начинает возвращаться в свои деревни и вести более или менее самостоятельное хозяйство.

Известно то громадное оживление интереса к сельскому хозяйству и к нахождению прогрессивных форм и систем его, которое стало обнаруживаться в русских помещичьих кругах и в литературе первых десятилетий XIX стол. Эта эпоха молодого увлечения «основой всех богатств» — земледельческой промышленностью, навеянного отчасти получившей в то время широкое распространение физиократической доктриной, так же быстро прошла, как и возникла, оставив в результате лишь довольно богатое литературное наследие, так что до сих пор эти годы занимают, пожалуй, одну из наилучше исследованных страниц в истории русского сельского хозяйства².

Однако, по своей экономической сущности эта попытка имела чрезвычайно глубокое значение. Это был первый опыт русского сельско-хозяйственного предпринимательства в собственном смысле этого слова, первый опыт приложения производительного капитала в земледелии. Раз дворянство стало оседать на землю, то естественно оно стало стремиться заменить хотя и более спокойную, но менее доходную крепостную трудовую ренту самостоятельным хозяйством. Отношение к земле и к крепостному крестьян-

¹ Об этом см., напр., A. Haxthausen. Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Han. 1847, II, 118 и след.; русский перевод, стр. 30—35.

² К этой эпохе относится деятельность таких известных в истории русской агрономии ученых-практиков, как И. И. Самарин, Д. Н. Шелехов, С. И. Гагарин, А. Т. Болотов, Н. Н. Муравьев и мн. др.

ству простого рентьера должно было замениться более сложным отношением предпринимателя.

Пойдя по этому пути и встретив на нем старые хозяйственные формы и отношения, приспособленные не к самостоятельному сельско-хозяйственному предпринимательству на более или менее рациональных началах, а к простой трудовой эксплуатации «дарового» крепостного труда, сельско-хозяйственное дворянство принуждено было стремиться к изменению этих отношений именно в этом направлении новой постановки хозяйства на предпринимательских началах.

Эти изменения должны были коснуться как технической стороны хозяйства—поднятия его производительности и рационализации его, так и организационной—замены оброка барщиной, так, наконец, и чисто общественно-экономических отношений крестьянина и помещика, как представителей двух противоположных экономических интересов. Все они сводились к стремлению увеличения доходности помещичьего хозяйства и к поднятию его производительности. В этом вопросе и вращались все хозяйственные попытки новых предпринимателей—попытки, впрочем, бывшие чаще всего безрезультатными до тех пор, пока не произошла коренная и окончательная ломка всех хозяйственных отношений.

Те образцы, по которым пытались строить свое новое хозяйство русские помещики, были заимствованы частью из западно-европейской жизни, частью из тех отраслей русской промышленной жизни, которые в своем развитии ушли дальше сельского хозяйства. Западно-европейское сельское хозяйство давало прежде всего образцы технической постановки сельского хозяйства; оно же давало и организационные «рациональные» планы. Вместе с примером развивающейся русской обрабатывающей промышленности оно наводило и на мысль нового отношения к сельскому хозяйству: это последнее должно быть не бытовой привилегией дворянства, не традиционной формой его быта и существования, а рационально поставленным производством, сельско-хозяйственной «фабрикой»¹. И все то, в постановке хозяйства, что шло навстречу такому новому взгляду на сельское хозяйство, должно быть в нем применено, хотя бы оно и противоречило прежнему взгляду на то же сельское хозяйство, как на сословную привилегированную форму дворянского быта и существования.

Таким образом, русским помещикам-новаторам начала XIX в. пришлось иметь дело прежде всего с техническим преобразованием своего хозяйства. В этом отношении тогдашняя западно-европейская научная агрономия давала им определенный ответ в смысле единственно рациональной плодосменной системы, «плодопеременения». Все прогрессивное и рациональное в сельском хозяйстве совпадало с введением именно этой системы. Центр всех прогрессивных начинаний в русском сельском хозяйстве, вокруг которого группировались все наиболее передовые элементы русского помещичьего класса, Московское Общество сельского хозяйства с его «Земледельческим Журналом», во вторую четверть XIX ст. был занят исключительно проповедью «плодопеременения», на основании как общих рассуждений, так и многочисленных опытов, удачно производимых в этом направлении его членами.

Впрочем, на бедном севере и экстенсивном юго-востоке распространение плодопеременного хозяйства и плодопеременных севооборотов большей частью или не выходило из рамок незначительных по размерам опытов

¹ См. примечание Муравьева к переводу Тэоровских «Оснований рационального хозяйства», ч. III, стр. 30; а также «Земледельческий Журнал» 1836 г., т. I, и «Русский Земледелец» 1838 г., т. I, об имениях в центральных и восточных губерниях, ведущих свое хозяйство вольнонаемным трудом, на подобие «хлебных фабрик», и получавших большие барыши, напр., до 136% дохода, как им. Колокольцова в Саратовской губ.

или представлялось убыточной и дорогой затеей богатых «просвещенных» помещиков. Но зато на юго-западе и частью в центре, в районах начинающего развиваться свеклосахарного производства, эта плодосменная система быстро встала действительно на хозяйственную почву, и тот же центральный орган русских сельских хозяев, вместе с проповедью преимуществ плодосменного хозяйства, особенное внимание обращает также и на развитие свеклосахарного производства¹.

Мы не имеем здесь возможности подробно останавливаться на этом периоде увлечения технической рациональностью плодосменной системы и на его проявлениях². Для нас важным представляется лишь указать на то обстоятельство, что стремление к развитию производительности земледелия, к экономической его рациональности и к доходности вылилось в то же время и даже прежде всего в стремлении к новой технической постановке дела. Эта новая рациональная техника, впрочем, вскоре же и разбилась от неблагоприятствовавших ей общих экономических условий. То, что являлось очередным вопросом и выгодным для западно-европейского сельского хозяйства, оказалось совершенно неприменимым ни по экономическим, ни, отчасти, по естественным условиям для русской жизни.

Техническое подражание западно-европейским образцам плодосменной системы—по крайней мере поскольку это было простым подражанием—быстро прошло: уже в 30 годах XIX ст. замечается разочарование и падение интереса к плодосменному хозяйству и реабилитация более подходящего к русским условиям зернового хозяйства³. Не только хозяева-практики, ставившие вопрос на чисто деловую почву увеличения доходности хозяйства, но и ученые агрономы приходят к тому заключению, что наиболее выгодным для русских условий хозяйством должно быть зерновое⁴.

Зерновое хозяйство гораздо более соответствовало низкому уровню техники, традиционным сельско-хозяйственным обычаям, наконец возможности непосредственного увеличения валового дохода путем простого расширения помещичьих запашек, чем более сложная и требующая более разработанных организационных планов плодосменная система полеводства. Как только после первых неудачных опытов интенсивной плодосменной системы помещичий класс становится на чисто коммерческую точку зрения в своем сельско-хозяйственном предпринимательстве, он тотчас же и оставляет свои увлечения «аглицким» хозяйством, не только не доставлявшие ему дохода, но часто приносившие разорение, и обращается к «русскому», зерновому хозяйству. Вместе с этим разочарованием в плодосменной системе, запашки и площадь посева зерновых хлебов в 30-х годах повидимому сильно увеличились, и таким образом распространение и долговечность увлечений этой системой были вообще незначительны.

Победа зерновой системы имела скорее значение моральной победы, так как фактически плодосменная система нигде не получила абсолютного преобладания. Она определила дальнейшее направление русского сельско-хозяйственного производства в смысле расширения культуры именно зерновых хлебов. Это расширение шло, конечно, главным образом за счет распашки новых земель и лугов, но частью и за счет падения плодосменной системы.

¹ См., напр., многочисленные статьи по этим вопросам в «Земледельческом Журнале», особенно за 1820—1835 годы.

² Об этом см. Бажаев, Крестьянское травопольное хозяйство. М. 1900, стр. 77 и след. Вернер, Сельско-хозяйственная экономия. М. 1901, стр. 190 и сл. Советов, О разведении кормовых трав на полях. СПб. 1879.

³ См. Бажаев, Крестьянское травопольное хозяйство. М. 1900, стр. 90—112.

⁴ См., напр., примечание Муравьева к известному переводу Тэера «Основания рационального хозяйства» ч. I, стр. 218.

Об этом именно свидетельствуют частью показания современников ¹, частью те данные дореформенной статистики, которым, конечно, доверять можно лишь относительно, но которые в грубых чертах все же могут свидетельствовать о тех или других переменах, происходивших в то время в народном хозяйстве.

Таковы именно данные о размерах площадей пахотной и луговой земли двух лучших дореформенных статистиков, относящиеся к двум различным периодам: данные Арсеньева, составленные на основании цифр генерального межевания, т.-е. относящиеся к концу XVIII века, и данные Тенгоборского, составленные на основании административных сведений к середине XIX века. Как ни относительно достоверны эти сведения, однако, если брать их, как общие указания на происшедшие за этот период изменения в направлении сельско-хозяйственной культуры, мы увидим, что целая определенная группа губерний показывает более или менее существенный относительный рост пахотной земли, сравнительно с естественными лугами; это именно губернии восточные и юго-восточные.

Так, процентное отношение луговой земли к пахотной показывает уменьшение, т.-е. вытеснение лугов пашней, в следующих губерниях ²:

Губернии.	% луговой земли по Арсеньеву.	% луговой земли по Тенгоборскому.
Харьковская	67,9	65,2
Пензенская	28,9	26,5
Воронежская	110,3	81,5
Тамбовская	74,5	59,3
Курская	25,7	25,0
Рязанская	17,0	15,8
Казанская	25,0	23,8
Пермская	78,5	77,5
Оренбургская	183,9	185,4

Хотя в общем для России итоге площадь лугов, по расчету Тенгоборского, увеличилась за указанный период на 4,4 миллиона десятин ³, однако вышеприведенные цифры все же ясно показывают именно то направление в распространении зерновой культуры на восток и юго-восток, которое отмечалось уже и раньше и которое составляет основную черту в переменах экономической географии России в дальнейшем.

Таким образом, по крайней мере в центральной, юго-восточной и восточной частях, постепенно становящихся главными земледельческими районами России, уже с начала XIX ст. русское сельское хозяйство определенно пошло в сторону преимущественно развития зернового хозяйства. Повидимому, в этих по крайней мере районах, указанные выше опыты и увлечения плодосменным хозяйством и раньше ни по экономическим, ни по естественным условиям не имели того распространения, которое они одно время имели на севере. Теперь же эти районы становятся представителями все более исключительной культуры зерновых хлебов, становящейся типичной и для всего вообще русского сельского хозяйства.

¹ См., напр., указание Шелехова. О настоящем положении сельского хозяйства в России и о причинах прошлогодних неурожаев. СПб. 1842, стр. 3 и след., а также примечания Муравьева к переводу Тэера, ч. I, предисловие, стр. 13.

² Ср. К. Арсеньев. Статистические очерки России, СПб. 1848, стр. 489—503 и Тенгоборский. О производительных силах России, ч. I, стр. 81, таб. 3. М. 1854.

³ Именно увеличилась с 55,6 милл. до 60 милл. десятин. Сравн. с этими цифрами также Андросов, Хозяйственная статистика России, М. 1827 г. и Горлов. Обзорение экономической статистики России, СПб. 1849 г. и К. Арсеньев. Обзорение физического состояния России и выгод, от того происходящих для народных промыслов, ныне существующих. СПб. 1818.

Для главных земледельческих районов вопрос о новых технически-агрономических системах был решен, следовательно, в смысле ликвидации увлечения западно-европейскими образцами интенсивной культуры и возвращения к зерновому хозяйству, за исключением разве юго-западных и западных губерний с более интенсивной, преимущественно свекло-сахарной культурой, да южных губерний, еще не тронутых плугом и долгое время сохранявших экстенсивное скотоводственное хозяйство.

Гораздо более трудно, чем вопрос о технической реорганизации хозяйства при существовавших условиях, разрешался вопрос о реорганизации общей его экономической структуры. К разрешению этого вопроса и были направлены—в общем совершенно неудачно—все стремления помещичьего класса.

Прежде всего, раз принявшись за самостоятельное хозяйничанье, естественно было стремиться количественно расширить свое собственное помещичье, т.-е. барщинное хозяйство, вытесняя крестьянское производство или сокращая его до таких размеров, в каких оно являлось экономической необходимостью. Поэтому-то, в действительности, с начала XIX ст. и замечается расширение помещичьих барщинных запасек за счет сокращения менее выгодного при новых условиях оброчного крестьянского хозяйства¹. Параллельно с этим количественным расширением барских запасек должно было идти и качественное усиление эксплуатации крестьянского труда, т.-е.—в наиболее грубой форме—простое увеличение числа барщинных дней и вообще увеличение барщинной тяготы.

Однако, только этим, конечно, невозможно было ограничиться. В общем для всего помещичьего хозяйства вопрос шел о более важном, чем о простом увеличении валового дохода; вопрос шел о развитии вообще производительных сил в сельском хозяйстве, о повышении производительности крепостного сельско-хозяйственного труда, а этого, конечно, нельзя было достичь простым усилением его эксплуатации. Наоборот, даже и тогда для всякого опытного хозяина было ясно, что помещичье хозяйство, его производительность и доходность зависят всецело от производительности и доходности крестьянского хозяйства, а чрезмерная эксплуатация этого последнего может только привести к разорению и первого². Для экономически рациональной постановки хозяйства требовалось создание особой, новой хозяйственной организации. Создание такой наиболее подходящей для русских условий и экономически рациональной организации эксплуатации крепостного земледельческого труда и составляло долгое время для русских помещиков задачу, гораздо более трудную, чем выработка технической стороны хозяйства, которая, как мы видели, потребовала также большого труда и долгого времени.

Для постановки своего сельского хозяйства, как промышленного доходного предприятия, русский помещик имел перед собою два образца: один—в организации земледельческого хозяйства на западно-европейский манер «аглицкого фермерства»; другой—в той организации, которая давала гораздо больший простор самостоятельному хозяйничанью помещика, которая основывалась на производительном употреблении капитала и уравнивала земледельческое хозяйство с «фабрикой», как наиболее типичным образцом капиталистического предприятия.

Естественно, что, вместе с подражанием западно-европейской агрономической технике, шло копирование западно-европейских образцов и в отношении организации хозяйства «Английский фермер столь же начинает быть

¹ Об этом см. между прочим Тенгоборский. О производительных силах России, т. II, а также Самарин. Записка о крепостном состоянии, сочинения, т. II, и др.

² Вилькинс. Мысли и наблюдения о положении земледельческой промышленности. М. 1843, стр. 25 и след.

нужен многим русским дворянам, как французский эмигрант, итальянские в домах окна и скаковые лошади в запряжку», говорил не без сарказма еще в начале XIX ст. один анонимный автор, бичуя это нерациональное увлечение английскими организационными образцами, вопреки очевидной их убыточности¹. Это увлечение английским фермерством было, конечно, так же эфемерно, как и увлечение английским «плодопеременением». Упомянутому анонимному автору и многим хозяевам, не слепым поклонникам английских систем, было ясно², что английское фермерское хозяйство, основанное на приложении в земледелии основного и оборотного денежного капитала фермера, неприменимо в сельском хозяйстве России именно вследствие отсутствия и самого такого фермера; и такого капитала. Этого капитала не было не только у фермера; его не было и у всего помещичьего класса, обладавшего лишь одним видом «капитала» — крепостными крестьянами. Там, где вся хозяйственная деятельность основывалась единственно на принудительной эксплуатации крепостного труда, не могло быть и речи о производительном употреблении капитала для получения на него предпринимательской прибыли.

Экономические условия русского и английского сельского хозяйства были настолько несравнимы, что никакое примирение между ними, конечно, не было возможно. «Русское хозяйство, — говорит один из современных писателей, — несравненно труднее и многосложнее иностранного, в котором все приводится в движение денежным капиталом; земля, таким образом, оплодотворяется и возвращает своими произведениями капитал с процентами; в русском же — денежный капитал редко участвует, а главный, необходимый, или лучше сказать неизбежный капитал есть крепостные крестьяне»³. «Сущая новость для русского сельского хозяйства — капиталы, — говорит другой современный автор-хозяин, — о них и слуха нет. Да где же их отыскать, когда у нас на улучшение хозяйства.... никогда на это употребление в наличности денег не сберегается?»⁴.

Но, даже если эти деньги имелись, обстоятельства дела не менялись и не улучшались: собственно в сельское хозяйство эти деньги могли быть вложены в форме лишь одного вида крепостного помещичьего «капитала» — крепостных крестьян, действительно и причислявшихся крепостной бухгалтерией — со своей точки зрения весьма последовательно — к «капиталу орудий»⁵. Этот «капитал орудий» представлял ту особенность, что он совершенно не подлежал техническому усовершенствованию, прогрессу, не носил в себе зачатков и возможности поднятия своей производительности и уравнивал технику всех помещичьих крепостных хозяйств, низводя ее к одному, весьма низкому уровню, не давая, с одной стороны, возможности его повышения, с другой — ставя для сельского хозяйства обязательной и «неизбежной» именно эту форму приложения капитала, эту эксплуатацию крепостного труда.

Таким образом, для русского сельского хозяйства не было и не могло быть прогрессивной и производительной формы приложения капитала, кроме вложения его только в этот непроизводительный и инертный «капитал орудий». А если иногда и открывалась иная возможность, то это неизбежно вело к уклонению сельского хозяйства от чистого земледельческого про-

¹ «Плуг и соха, писанное степным дворянином. Отцы наши не глупей нас были». М. 1808, стр. 5.

² См., напр., упомянутого Вилькина. Мысли и наблюдения о положении земледельческой промышленности, М. 1843, а также «Начальные основания русского сельского хозяйства, соответствующие настоящему положению недвижимых имений». М. 1843 (анон.) и статьи в журнале проф. Павлова «Русский Земледелец». М. 1838, кн. I.

³ «Начальные основания русского сельского хозяйства, соответствующие настоящему положению недвижимых имений». М. 1837, III.

⁴ «Русский Земледелец», журнал, издаваемый проф. Павловым, кн. I, стр. 199.

⁵ «Мысли об усовершенствовании сельского хозяйства и улучшении быта поселян хлебопашцев». Спб. 1837, стр. 2.

изводства в сторону его индустриализации, т.е. перехода к винокуренному, свекло-сахарному и др. производствам. Эти отрасли давали, действительно, возможность более широкого и производительного применения капитала, повышения производительности труда, увеличения доходности сельского хозяйства, почему и являлись всегда целью практических стремлений прогрессивных богатых помещиков и предметом проповеди теоретиков и сельско-хозяйственных писателей.

«Индустриализация земледелия», соединение промышленности с земледелием ради более полного использования труда крепостных крестьян, другими словами — учреждение деревенских крепостных фабрик и заводов, на которых должны в зимнее, свободное от полевых работ время работать крепостные крестьяне, составляет и в XIX ст. постоянное стремление аграриев, которое, как мы видели, и раньше находило себе выражение в Екатерининском законодательстве о развитии дворянского винокурения. Русское сельское хозяйство только тогда поднимается на надлежащую высоту, — говорит один из авторов, сотрудник передового сельско-хозяйственного журнала, — когда «во всяком селе, по крайней мере, на 6 у нас зимних месяцев заведется фабрика и те же фабриканты будут летом обращаться в хлебопашцев. Земледелие и рукоделия, одно без другого в совершенстве быть не могущие, тогда взаимно поддерживались бы и возрастали бы, с ровною в местах отдаленных и близких от столиц удобностью... Бедность исчезла бы; всякие ремесла, искусства, торговля и все прочее соразмерно водворились бы»¹. «Что отечество наше бедно и что оно должно заниматься только земледелием — это мнение нелепо», говорит другой современный автор².

Этот рай, который обещали защитники развития деревенской промышленности русскому сельскому хозяйству — точнее, помещичьим доходам — был, однако, для большинства русских помещиков недоступен так же, как и «аглицкое фермерство», уже по одной той простой причине, что у них не имелось достаточного капитала для устройства всех этих сельско-хозяйственных фабрик и заводов. Да к тому же и производительность принудительного крепостного труда на этих фабриках значительно отставала от свободного наемного труда на помещичьих фабриках. Наконец, сила общественного сопротивления нашей нарождавшейся промышленной буржуазии была в то время уже настолько значительна, что введение промышленных систем в русское сельское хозяйство, его индустриализация для большинства русских помещичьих хозяйств остались лишь предметом мечтаний.

Поэтому, как интенсификация и агрономическая рационализация систем полеводства, на манер западно-европейских образцов, введением плодосменной системы, как общие организационные планы хозяйства по образцу английского фермерства, так и соединение земледелия с индустрией для русского сельского хозяйства оказались неприменимыми. Приходилось изыскивать иные средства и иные формы, наиболее подходящие для правильной постановки и развития русского сельского хозяйства.

И вот, помимо тех «истинно-русских» мнений, которые, смешивая следствие с причиной, видели источник всех бедствий сельского хозяйства в расшатывании основ «оригинального явления русского быта, не имеющего ничего общего с подобными же явлениями Зап. Европы» — крепостного

¹ «Мысли о возможности улучшения сельского хозяйства в России, основанные на природе человеческой и на древних российских обычаях». Землед. журнал, 1829, XXV.

² Щеглов. О пользе соединения с земледелием мануфактурной и заводской промышленности. Спб. 1829, стр. 8. См. также: Ответ русского гражданина на вопрос: полезно ли заводить в России и распространять мануфактуры или лучше предоставить пространному сему государству обогащать себя земледелием, т.е. первыми произведениями земли, хлебом, пенькою, льном и прочее. М. 1815, а также противоположное по взглядам «Сравнение поселения о пользе фабрик и заводов с пользою земледелия в России». Спб. 1816. Сравн. также Швитков. О двух главных способах и пр. Тр. В. Э. О., т. LXII, стр. 145.

права¹, для всех русских сельских хозяев стоял неразрешимый вопрос: каким образом, сохраняя status quo крепостного хозяйства, крепостной труд, организовать его так, повысить его производительность настолько, чтобы ведение сельского хозяйства было действительно выгодным и экономически рациональным? К этому и сводились все многочисленные споры и проекты организации крепостного труда путем барщины, оброка, месячины и разных других «совершенно новых» способов, в выискивании которых русские крепостные помещики проявили, нужно признаться, большую изобретательность. Все они, за немногими случаями применения вольнонаемного труда, исходили, как из данного—из крепостного труда и пытались лишь так или иначе его организовать, чтобы повысить производительность его. В этом отношении все они были почти одинаково невыгодны, и уже в исходном своем пункте обрекали себя на безрезультатность.

Два наиболее крупных противоположных вида организации крепостного труда представляли, конечно, оброк и барщина. Рассмотрение выгоды той и другой системы является, пожалуй, наиболее частой темой крепостной сельско-хозяйственной литературы.

Низкая производительность барщинного труда и невозможность его повышения вызвала сильное осуждение этой системы со стороны многих хозяев. «Барщина,—говорит известный в крепостной литературе и публицистике пензенский помещик,—отнимающая возможность у бедного выйти из бедности, у зажиточного—разбогатеть; у человека, одаренного каким-нибудь особенным талантом, развивать талант этот; у промышленника заниматься своим промыслом, действует на всех крестьян подобно медленному яду, убивающему тело и душу»². Оброчная система, как определявшая заранее долю прибавочного труда, присваемого в той или другой форме помещиком, и затем предоставлявшая полную свободу предпринимательской хозяйственной деятельности самого крестьянина, должна была давать наиболее производительный труд. «Труд оброчного крестьянина, предоставленный собственному его произволу, не может быть употребляем вопреки умственных способностей и телесных сил работника... При произвольном труде всякому воздается по делам его, и трудолюбие... поведет самым ближайшим путем к совершенству», говорит другой современный, опытный и до некоторой степени передовой хозяин-практик³. Оброк, по его мнению, «устраняет беспечность, лень, дает возможность развития индивидуальных сил».

Но что и эта оброчная система не удовлетворяла многих, видно из того, что тот же автор, защитник оброчной системы, считал нужным завести в своем хозяйстве «совершенно новый образ» организации труда и взимания повинностей. Этот способ был едва ли так нов, как казался самому изобретателю его, и представлял в сущности принудительную натуральную аренду помещицей земли: все дворовые и крестьяне, в качестве «оброчных работников», переводились с барщины на оброк и принуждались этот оброк отрабатывать на помещицкой земле по определенным расценкам, с уплатой этого оброка хлебом натурой. Автор этим же способом пытался добиться устранения главного, по его же словам, недостатка оброка — неисполнения оброчных повинностей крестьянами и возрастания недоимок.

Но в сущности это возрастание недоимок при оброке и свидетельствовало о той чрезвычайно низкой производительности труда в крепостном хозяйстве, которая сохранялась и при оброчной, так же как и при барщинной организации труда. Несмотря на кажущуюся при оброке возможность для крестьянского хозяйства поднятия своих производительных сил,

¹ См. напр. Бланк. «Русский помещичий крестьянин». Тр. В. Е. О., 1856 г.

² «Журнал Землевладельцев», 1858, I, «Письмо пензенского помещика».

³ Поздунин. Об оброчных работниках или совершенно новом образе взимания помещицких повинностей. М. 1845, стр. 5.

очевидно, вся общественно-экономическая атмосфера, в которой приходилось жить крепостному крестьянину, не могла создать условий, благоприятных такому повышению производительности.

Вот как, напр., не без иронии описывает один из противников оброчной системы то положение, в которое попадало помещичье имение при оброчной организации труда, вследствие полной несостоятельности его в смысле производительности. «Управляющий почтительнейше доносит, что в имении все состоит благополучно, только по неурожаю хлеба или по дешевизне того же хлеба крестьяне не могут выполнить всего оброка; но он усердно будет стараться, чтобы недоимок было как можно меньше... Проходит год, недоимок остается более, чем мы думали, надеясь на усердие управляющего; а, между тем, еще усерднее веселясь, надобно прибегнуть к доброжелательным людям—призвать денег. Весьма расчетлив тот, кто займет сумму поменьше его деревенской недоимки; по обыкновению порядочные люди о недоимках не думают, озабоченные искусством хорошо жить. В течение другого года управляющий почтительнейше доносит, что в имении все обстоит благополучно, что только у некоторых крестьян скот поколеб от заразы; у других, более ознакомившись с имением, заметил он склонность к пьянству, мотовству, лености, беспечности; иные, имея хорошее состояние, уклоняются от платежа оброка и подговаривают к тому беднейших, дабы помещик, видя их всеобщую несостоятельность, уменьшил оброк, простил недоимку. Впрочем, обстоятельства ныне так тяжки, сельские произведения так дешевы, добавляет управляющий, что я удивляюсь, как крестьяне ваши изворачиваются и уплачивают оброк»¹.

Ничего удивительного, впрочем, в таких последствиях оброчной системы не было, так как оброк определялся в сущности совершенным и безграничным произволом помещика. Он не определялся какой-либо нормой, для всех одинаковой, а большею частью соответствовал самому благосостоянию крестьянского оброчного двора; с помощью оброка помещик стремился всегда присвоить наибольшую, возможную при данных условиях, прибавочную стоимость, отнять от крестьянского хозяйства весь тот избыток продукта, который превышал Existenz-minimum его крестьян. При оброке произвол помещика подлежал даже еще меньшему общественному или правительственному контролю, чем при барщине, и тяжесть оброков была для крестьян не меньше тяжести исполнения барщины². Барщина была по крайней мере определена и, хотя для помещичьего хозяйства была также крайне непроизводительна, но давала возможность крестьянину повысить производительность труда на другой половине полей, в собственном своем хозяйстве. Впрочем, для помещичьего хозяйства, помимо низкой производительности барщинного труда, ведение барщинного хозяйства затруднялось вследствие недостатка у помещиков капитала, необходимого для такой барщинной организации и для ведения самостоятельного хозяйства. Все орудия производства, скот, часто и помещения—весь этот капитал принадлежал большею частью крестьянам, и недостаток его часто указывался, как главная причина невозможности ведения барщинного хозяйства³.

¹ Жуков. Руководство отчетливо, успешно и выгодно заниматься русским сельским хозяйством. М. 1848, стр. 139.

² Из многочисленных примеров тяжести оброков можно привести, напр., промысловое имение Шереметьевых (Нижегородской губ.), где некоторые крестьяне платили оброка до 1.500 руб. в год. В других имениях той же губернии в виде оброка взималось, напр. всего по 80 руб. В некоторых селах 36 душ составляли 28 тяглов, т.-е. менее 2 душ на тягло. Действия Нижегородской Ученой Архив. Ком., т. III. Нижн. Н., 1898, ст. Снежневского «Крепостные крестьяне Нижегородской губ. накануне реформы 19 февраля». См. также Семейский. Крестьяне в царствование Императрицы Екатерины II, т. I, СПб., 1903, стр. 51—58.

³ Шишков. «Оброк и барщина» в Зап. Лебединского Общ. сел. хоз., 1857 г., ч. I, стр. 246. Другой автор, порицая неумеренные запашки помещиков, ведущие к перепроизвод-

Все это и заставляло помещиков выискивать такие способы организации крепостного труда, основывающиеся большею частью на сочетании оброка и барщины, которые хоть отчасти могли устранить или смягчить недостатки того и другого. Наиболее распространенным видом организации труда является именно простое сочетание оброка и барщины. Сюда же относится и упомянутый выше «способ оброчных работников», как принудительной натуральной аренды¹, и «общественные или соединенные хозяйства», пропагандируемые некоторыми авторами и представляющие род «товарищества» помещика с крестьянами на основах испольной обработки земли и дележа урожая². То же самое поднятие производительности труда преследует образование «сводных семей» и «осмачных хозяйств», как наиболее крупных и более производительных хозяйственных единиц³, и многие другие виды организации крепостного хозяйства.

Удовлетворяли ли эти различные способы или по крайней мере некоторые из них поставленной им цели—достижению большей производительности крепостного труда?

Безусловно нет: производительность крепостного труда, по общему отзыву всех современных писателей и хозяев, была чрезвычайно низка и почти совершенно не прогрессировала. Поэтому при общем развитии денежного хозяйства, при такой непрогрессирующей производительности народного труда рост потребностей как помещичьего, так и крестьянского хозяйства мог удовлетворяться лишь с помощью простого экстенсивного расширения земледельческой культуры: усиления эксплуатации крепостного труда, расширения запашек и т. п. Такое расширение культуры вело к абсолютному количественному увеличению валового продукта народного хозяйства и к относительному увеличению в нем доли прибавочного продукта, получаемого помещиком.

Но это количественное увеличение земледельческого производства при необходимости реализации земледельческих продуктов на рынке должно было привести земледельческое хозяйство к усложнению его отношений к рынку и к столкновению интересов его с этим рынком, к товарному перепроизводству. То однообразие зерновой культуры, к которой, по необходимости, пришло большинство помещичьих хозяйств, по крайней мере в центральных и восточных районах, особенно усилило это неблагоприятное отношение производства к рынку, привело к помещичьему «перепроизводству» и, в форме настоящего, хотя и своеобразного кризиса, завело крепостное сельское хозяйство в тот тупик, из которого вывести его могла только полная ликвидация всего старого крепостного хозяйственного строя⁴.

ству и понижению цен, говорит: «Там только выгодно иметь крестьян на изделия, где запашка доведена до урожая в 9 раз против посева или более... Но едва ли сыщутся именья, где бы для запашки в таком виде можно было взять всех крестьян на барщину... Ибо на таковое количество барщинников нужно иметь много скота, а на это обыкновенно не достает сена, да вероятно и соломы». Землед. Журнал 1843 г., кн. III.

¹ Поздунин. Об оброчных работниках и пр., стр. 7.

² Стремюхов. «Описание хозяйственного распорядка, основанного на общественном или соединенном хозяйстве». Земледельч. Журн. 1829, XXV.

³ Вилькинс. Мысли и наблюдения о положении земледельческой промышленности. М. 1843, стр. 178.

⁴ По вопросу об условиях, невыгодах или преимуществах крепостного труда, о его низкой производительности сравнительно со свободным, о трудностях применения этого последнего в русском сельском хозяйстве, перед освобождением возникла обширная литература; целые журналы создавались почти исключительно с целью разработки этого вопроса о крепостном и свободном труде; возбуждение общественного и литературного интереса было вообще громадно. См., напр., многочисленные статьи в журналах «Библиотеке для чтения», «Журнале землевладельцев», «Атенее», «Отечественных Записках», «Сельском Благоустройстве» за 1858—1860 гг. См. также Архив истор. и практич. сведений, кн. I, 1859 г.

Г Л А В А V.

Итоги крепостного земледельческого хозяйства.

Размеры помещичьего производства накануне освобождения крестьян.—Недостаточность рынка и помещичье перепроизводство.—Падение и неустойчивость цен.—Условия преобладания на рынке помещичьего производства.—Крепостной труд, как орудие сношений с рынком.

Посмотрим теперь ближе на те фактические отношения, которые создались для русского земледельческого хозяйства при отмеченных, с одной стороны, расширении и росте внутреннего рынка, с другой стороны—стремлении к количественному увеличению производства при низкой и не повышающейся производительности труда.

Конечно, данные дореформенной статистики оказываются очень мало точными даже для установления одних только размеров земледельческого производства и внутреннего потребления; поэтому принимать эти данные необходимо с большими оговорками относительно приблизительной их точности. По частным подсчетам наших лучших дореформенных статистиков, общие размеры производства хлеба, потребления его и размеров внешнего рынка определяются следующими цифрами.

Тенгоборский, определяя сельское население в 48 милл. душ и полагая на продовольствие его по 3 четв. на душу (включая сюда количество, необходимое для скота), весь расход зерна определяет на потребление сельского населения 144 милл. четв., на посев 60 милл. четв., винокурение 5 милл. четв., на городское и фабричное население и войско $28\frac{1}{2}$ милл. четв. Принимая средний урожай в 250 милл. четв., остаток по вывозу определится в $12\frac{1}{2}$ милл. четв., из которых вывозится однако, в действительности, не более $2-2\frac{1}{2}$ милл. четв.¹

Протопопов по данным, относящимся к концу 30-х годов, определяя размеры потребительного спроса (считая по 3 четв. хлеба на душу), принимает расход на продовольствие населения в 55 милл. душ, а также на корм скота, в 165 милл. четв., расход на винокурение в 10 милл. четв., на посев 60 милл. четв. Так как средний вывоз колеблется около $2\frac{1}{2}$ милл. четв. в год, то отсюда весь внутренний и внешний спрос можно определить в $237\frac{1}{2}$ милл. четв., тогда как урожай за последние годы дает в среднем около 250 милл. четв. Следовательно, в производстве оказывается избыток против спроса $12\frac{1}{2}$ милл. четв. Однако, из указанных количеств далеко не весь хлеб служит предметом торгового оборота. Определяя его размеры, или, как выражается автор, «меру торгового хлеба», он принимает, что из 60 милл. четв. посевных семян покупных употребляется 5 милл. четв.; из 165 милл. четв. на потребление городов, войска и т. п. внеземледельческого населения, удовлетворяющегося преимущественно покупным хлебом, приходится до 42 милл. четв. Если считать, что весь хлеб, идущий на винокурение, есть покупной хлеб, то все же обороты хлебной торговли, и внутренней и внешней, не превосходят $59\frac{1}{2}$ милл. четв., из которых на долю внешнего вывоза приходится не более $2\frac{1}{2}$ милл. четв. Сверх этих количеств до $12\frac{1}{2}$ милл. четв. остаются в хозяйстве без какого бы то ни было производительного употребления².

Семенов по данным 50-х годов определяет население городов и местечек в 6 милл. душ и, кроме того, крестьян, занимающихся промыслами и на фабриках, 2 милл. душ; считая по $2\frac{1}{2}$ четв. на душу, на их продовольствие

¹ Тенгоборский. О производительных силах России. М. 1857. I, стр. 85.

² Протопопов. «О хлебной торговле в России». Журн. Минист. Госуд. Имущ. 1842 г., V, стр. 85.

потребуется $17\frac{1}{2}$ милл. четв.; спрос войска, дворовых, а также северных неплодородных местностей, не довольствующихся своим хлебом, определяется в 14 милл. четв.; расходы на винокурение 8 милл. четв. Следовательно, весь внутренний спрос на зерно, т.-е. размеры торгового обмена хлебом внутри страны, приближается к 40 милл. четв.; тогда как внешний спрос, т.-е. вывоз хлеба за границу, колеблется всего около 4—5 милл. четв., т.-е. в 8 раз меньше оборотов внутренней хлебной торговли ¹.

Наконец, по данным Министерства государственных имуществ, в «Объяснениях к сельско-хозяйственному статистическому атласу», средний урожай исчисляется также в 250 милл. четвертей, размеры же потребительного спроса в 50-х годах определяются: на продовольствие населения, считая по 3 четверти на душу, сельского 131,3 милл. четв., городского 13,6 милл. четв., войска 4 милл. четв.; на винокурение 10 милл. четвертей и на обсеменение 60 милл. четв., всего, следовательно, до 218,9 милл. четв. Так что годовой остаток от производства, могущий идти на вывоз, достигает 31,1 милл. четв., между тем как, в действительности, годовой вывоз всех хлебов в середине 50-х годов редко превышает 5—5 $\frac{1}{2}$ милл. четв. ².

Таким образом, какими бы неточными ни считать приведенные приблизительные оценки, в общих выводах они сходятся на одном безусловном заключении, что производство хлеба обогнало рынок. Притом, хотя внутренний рынок и принимал несравненно большую долю участия в оборотах хлебной торговли, однако избытки производства начинают искать себе сбыта во вне, развивая постепенно внешний рынок. Но и тот и другой отставали от роста производства. По исчислениям Протопопова, из 59 $\frac{1}{2}$ милл. четв. оборотов хлебной торговли на внешний вывоз приходилось лишь 2 $\frac{1}{2}$ милл. четв., оставалось же хлебных избытков без всякого производительного потребления и без сбыта—12 $\frac{1}{2}$ милл. четв. Другими словами, в хлеботорговый оборот было вовлечено около $\frac{1}{4}$ всего производимого хлеба и только $\frac{1}{20}$ товарного хлеба и 1% всего производства вывозились за границу. По данным Семенова и Министерства государственных имуществ хлеботорговый оборот обнимает также около $\frac{1}{4}$ производства. Вывозится за границу уже около $\frac{1}{8}$ всего хлеба, вступающего в торговый оборот, избытков же хлеба остается до 25 милл. четвертей. Таким образом, хотя общая «товарность» в производстве хлеба определялась тогда уже около 25%, «экспортность» его достигала не более 1—5%.

Как ни грубы эти подсчеты вследствие своей приблизительности, как ни разноречивы вследствие неодинаковых приемов исчисления,—громадные остатки непроизводительно оставляемого гнить хлеба несомненны. Отсюда большинство современных писателей и выводило заключение о «перепроизводстве» хлеба. Мы увидим, в каком смысле необходимо понимать это заключение. Но, как бы то ни было, потери от недостатка сбыта действительно были велики.

Если взять даже низшую в то время цену на хлеб в производительных районах, около 3 рублей четверть, то потери помещичьего сельского хозяйства от недостатка сбыта выразятся крупными цифрами 40—80 милл. руб. в год. Конечно, эти остатки от годового производства являлись бы необходимыми запасами на покрытие нужд потребления в неурожайные годы, которые в то время часто поражали значительные районы. По исчислениям упомянутых статистиков на 9 урожайных приходилось в начале XIX века один полный неурожайный год и, кроме того, два раза в 10 лет постигали отдельные местности частичный недород. Но, при тогдашних путях сообщения и усло-

¹ Семенов. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII ст. по 1858 г. СПб., 1859, ч. III, стр. 300.

² Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России, департамента сельского хозяйства Мин. Госуд. Имущ. Изд. I, СПб. 1851 г.

виях сбыта, даже такие большие, скоплавшиеся от прежних лет запасы хлеба редко могли принести действительную пользу для народного продовольствия, вследствие того, что избытки хлеба из одного урожайного района с крайним трудом могли быть перемещаемы в постигнутые голодом губернии. Явление, что в одной губернии громадные массы помещичьих запасов гнили от недостатка сбыта, в другой — население гибло от голода, было весьма обычным.

Таким образом, обращение помещичьего класса к земледельческому предпринимательству и расширение зерновой культуры привело скоро и к помещичьему перепроизводству, к земледельческому зерновому кризису. Влияние его начало сказываться уже с первой четверти XIX столетия: после высоких цен на земледельческие продукты и хлеб в предшествовавшие десятилетия, к этому времени произошло падение хлебных цен. Русское сельское хозяйство начало переживать первый кризис, основывавшийся на перепроизводстве и относительном сокращении сбыта и имевший, следовательно, товарно-капиталистический характер.

Сравнительно немного лет прошло со времени жалоб князя Щербатова на дороговизну хлеба и на повышение цен, как в литературе и в среде сельских хозяев стали раздаваться жалобы на противоположное явление — на падение цен на хлеб, делавшее убыточным ведение хозяйства, в особенности в местностях с избыточным производством. Перелом произошел довольно резко в конце второго десятилетия XIX века.

Еще в 1804 году Вольное Экономическое Общество задает задачу на премию: «открыть и ясными примерами утвердить причину возрастающей время от времени в городах и селениях дороговизны на сѣстные припасы, исключая чужеземные произведения, и изыскать ближайшее средство, отчего могут цены на те же припасы постепенно уменьшаться». И в премированном ответе на эту задачу, представленном Швитковым, звучат те же мотивы и те же сетования, какие слышны у Щербатова: «крестьянин, уволенный от сохи и по паспорту, на стороне промышляющий себе содержание и помещику своему или в казну подать, делает сугубую обществу тягость: 1) тем, что не делает самой природной своей повинности хлебопашеством; 2) тем, что на стороне ест хлеб, в котором нужда нехлебопашцу». Обладая упрощенными воззрениями на экономические причины развития внеземледельческого населения и происходящей от этого дороговизны хлеба, автор для предотвращения ее не находит ничего лучшего, как рекомендовать «торговых людей в городах убавить»¹.

Но уже в 1826 году, т.-е. всего через 22 года после такого решения вопроса в первом русском экономическом обществе, другое русское ученое учреждение, Академия наук, предлагает противоположную по содержанию задачу: «Известно, что ходячая цена земледельческих произведений России, постоянно возвышавшаяся с половины XVII столетия, в продолжение последних лет понизилась. Определить в точности время, с которого началось сие изменение в ценах каждого из важнейших произведений, объяснив притом, какие причины сего явления; в какой мере понижалась цена означенных произведений, как во внутренней, так и во внешней торговле; вероятно ли, что понижение сие будет продолжительно и, наконец, какое вознаграждение ущерба, причиненного оным народному доходу, может Россия обрести в произведениях земли и в промышленности своей?»

Автор удостоенного награды ответа на заданную тему, А. Фомин² находит, что понижение цен на земледельческие продукты, начавшееся с 1820 года, является следствием, помимо политических условий, главным

¹ Труды В. Э. О., ч. LVII, ответ М. Швиткова, под девизом: «Общественная польза частной предпочитается».

² «О понижении цен на земледельческие произведения в России», сочинение А. Фомина, в ответ на опубликованную Императорск. Академиею наук 29 декабря 1826 г. задачу по политической экономии. Спб., 1829.

образом, сокращения внешнего спроса, который пал настолько сильно, что еще в 1817 году хлеба было вывезено из России на 145.200 тыс. рублей, а в 1824 г. всего на 12.000 тыс. руб. Но, конечно, развитие одного внешнего рынка, сравнительно незначительного, не могло бы поглощать все громадные хлебные избытки. Поэтому автор останавливается более подробно также и на возможности развития внутреннего рынка, но в этом отношении приходит к отрицательным выводам. «Переход большого числа лиц,—говорит автор,—из состояния земледельцев в состояние ремесленников и торговцев мог бы усилить народонаселение городов и через умножение среднего состояния доставлять сбыт земледельческим произведениям; но города в России находятся или в неподвижном состоянии, или в упадающем; число купцов и купеческие капиталы уменьшаются, число мещан также».

Все меры к развитию промышленности, по мнению автора, не будут иметь значения, так как две трети земледельческого населения, «находясь под властью помещиков, не имеют свободы в снискании себе занятий и промышленности... При крепостном состоянии крестьян помещик назначает те занятия, в которых взимание с работника дохода вернее, несмотря на потерю, для работающего происходящую... Время, проводимое крестьянами на барских работах, конечно, они употребили бы полезнее на собственной работе, но производимые на барщине ценности уже есть доход помещика, материально взимаемый; с крестьян на оброке доход получается не столь верно и часть его всегда теряется в недоимках». Автор даже решается усомниться, основательны ли действительно жалобы на падение цен на земледельческие произведения, когда для многочисленного класса жителей они дороги, и не представляет ли суть земледельческого кризиса не что иное, как последствие неправильных крепостных хозяйственных отношений; и, склоняясь к последнему мнению, полагает, что «нельзя ожидать возвышения цен на земледельческие произведения ни от усиления внешнего сбыта, которому будут препятствовать таможенные постановления нуждающихся наций, ниже от распространения внутреннего потребления: следовательно, цены будут низкими, доколе настоящее положение вещей и действующие причины, внешние и внутренние, будут продолжаться»¹.

В тридцатых годах споры о значении хлебных цен для русского сельского хозяйства и жалобы на невыгодность существующих цен начинают особенно сильно занимать русскую экономическую литературу. О них пишут и помещики, и экономисты, и литераторы, и агрономы. Конечно, представителями противоположных классовых интересов, потребителями и землевладельцами эти вопросы решаются самым противоположным образом.

В то время, когда Фомин в своем цитированном ответе сомневался, нужно ли желать, с точки зрения интересов потребителей хлеба, возвышения цен на хлеб, защитник интересов землевладельцев, поставщиков хлеба на рынок, граф Румянцев говорил, что «Россия будет богата, когда четверть хлеба возвысится в цене до 25 рублей». А ученый комментатор настольной книги ученых русских агрономов, сочинения Тэера, Н. Муравьев видел причину современного кризиса и причину падения цен прямо в усиленных помещичьих запашках, т.-е. в перепроизводстве².

Однако, если внимательнее посмотреть на ход хлебных цен за целый ряд лет начала XIX столетия, то окажется, что он обнаруживает не столько общую тенденцию к понижению, сколько лишь крайнюю неравномерность и неустойчивость. Притом эта неустойчивость сказывается особенно резко именно в районах производительных, имеющих избытки хлеба; в районах же

¹ Л. с., стр. 21.

² Тэер, Основания рационального сельского хозяйства, предисловие Муравьева, стр. 13. См. также Сабуров, «Записки пензенского помещика о теории и практике сел. хоз.». Отеч. Зап. 1842—1843 гг., т. 21—26.

с недостатком хлеба для собственного продовольствия цены гораздо более устойчивы. Кроме того, из производительных районов неустойчивость цен наиболее велика именно в тех старых «житницах» — в центрально-черноземных губерниях, которые обладали более интенсивной культурой и были более отдалены от портовых и внешних рынков.

Как сильно увеличивалась амплитуда колебаний цен по мере отдаления от потребительных районов и приближения к производящему центру, показывают следующие цифры.

Во второй половине 30-х годов высшие и низшие цены хлеба за четверть и их отношения были ¹:

	Низшая.		Высшая.		Отноше- ние ме- жду ними.
	Р.	К.	Р.	К.	
С.-Петербург	14	22	32	79	10: 22
Новгород	12	31	32	—	10: 23
Ярославль	9	26	26	28	10: 26
Владимир	7	96	30	10	10: 38
Москва	8	36	35	—	10: 42
Симбирск	4	50	21	50	10: 48
Пенза	3	88	21	98	10: 57
Рязань	5	20	33	—	10: 65
Тамбов	4	—	26	98	10: 67
Саратов	3	20	21	45	10: 67
Курск	3	75	30	92	10: 82
Тула	5	—	50	—	10: 100
Ставрополь	5	05	61	—	10: 111

Эти цифры показывают, что колебания хлебных цен доходили временами до громадных размеров: случится в той или другой местности неурожай — цены поднимаются до неимоверной высоты; придет урожайный год — хлеб ничего не стоит и его некуда девать. Конечно, слишком крупные колебания, как напр. в Тульской губ. в 1833 году, явления более или менее случайные; но дело в том, что вообще урожаи были тогда крайне непостоянны, и между периодами дороговизны и дешевизны хлеба часто не бывало никакого промежутка. Так, напр., в Витебской губ. полные неурожай с 1814 г. держались 12 лет сряду; с 1828 года наступил ряд очень урожайных годов, а с 1847 года три года были полные неурожай. В Пензенской губ. с 1833 г. полные неурожай были в течение 4 лет. В период 1830—1845 гг. 8 лет были с плохим урожаем для всей России и только в четыре года (1833—1834 и 1839—1840) правительству пришлось затратить на народное продовольствие более 75,5 милл. руб., которые, однако, не спасали население от голодной смерти. А рядом с этим в Могилевской губ. в 1846 году «хлеба никто не спрашивает и цен на него нет»; в 1843 г., когда в Смоленской губ. был полный неурожай, в соседней Белоруссии «неслыханно дешевые цены и хлеб никем не спрашивался»; в Малороссии в 1843 году цены на четверть ржаной муки упали до 90 коп. ассигн.; в Пензенской губернии в 1832 году цены стояли так низко, что, по уверениям хозяев, были решительно в убыток; в 1833 г. резко поднялись до неимоверно высокого уровня ².

Понятно, что подобная неустойчивость цен являлась крайним препятствием для прогресса и для доходности земледельческого хозяйства вообще, и в особенности помещичьего, зависящего от рынка: «хозяин, продавши два года сряду хлеб по 15—20 руб., видит затруднение, когда наступает год с 5—6 рублями» ³.

¹ Протопопов. «О хлебн. торг. в России». Журн. Мин. Гос. Им. 1842 г., ч. V, стр. 85 и след.

² Егунов. «О ценах на хлеб в России». М. 1855 г. и Его же. «О средних ценах на главные жизненные потребности в России за последнее пятилетие». Отч. Зап. 1852 г., X—XII.

³ Веселовский. «О ценах на хлеб в России». Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1845, XV, стр. 76.

Это непостоянство цен при часто повторявшихся крайних недостатках хлеба для внутреннего потребления казалось сельским хозяевам столь нелепым и непонятным, что они часто не могли объяснять его иначе, как искусственным понижением их врагами — хлеботорговцами. «У нас нет постоянной цены на хлеб,—жалуется один автор:—он или чрезвычайно дешев, или непомерно дорог. Не излишество хлеба, но... нерасчетливость наших производителей сельской промышленности—причиной дешевизны хлеба и затруднительного бедного положения крестьян. Хлебные торговцы, сии немногие лица, обогащаются на счет земледельцев, сих орудий государственного благосостояния!»¹ Отсюда и всевозможные проекты или государственного регулирования хлебной торговли, как проект Мальцова², или организации различных «хлебных кампаний» во избежание посредничества хлебных торговцев и для поднятия хлебных цен, как проект Жукова³.

Но все это были лишь жалобы и проекты. Каким же путем в действительности помещичье крепостное хозяйство—главным образом хозяйство производительного центра и востока—могло выдерживать такую неравномерность цен и каким орудием могло бороться с этим крайне невыгодным для него явлением—неустойчивостью рынка?

Если в общей массе дореформенного земледельческого производства наибольшая доля выпадала, как и теперь, на крестьянское хозяйство, то в производстве собственно товарных земледельческих продуктов, т.е. в работе на рынок, не только преобладало, но являлось почти исключительным помещичье хозяйство. В течение XIX столетия в земледельческих районах сильно развивались помещичьи запашки и переход к предпринимательскому барщинному хозяйству, с целью получения прибавочного продукта и реализации его на рынке. Конечно, и крестьянское хозяйство в некоторой части своего производства являлось поставщиком на рынок—во-первых, благодаря необходимости в денежных средствах; во-вторых—благодаря тому, что и среди него обнаруживалась уже некоторая дифференциация, обусловившая возможность возникновения крестьянских предпринимательских хозяйств.

Невозможно, конечно, учесть точно, какая доля в приведенных выше исчислениях дореформенных статистиков приходилась на производство помещичьего хозяйства и какая на собственно крестьянские. Но при той крайней эксплуатации крепостного труда, которая отнимала у крепостного крестьянина почти весь прибавочный продукт, за исключением лишь крайне необходимого для поддержания существования этого крестьянина и его хозяйства, представляется почти безусловным, что на рынок, как внешнем, так особенно на внутреннем, должен был преобладать помещичий хлеб. Так, напр., по исчислениям Мин. Внутр. Дел, в 40-х годах в плодородной Харьковской губернии у крестьян в средний по урожаю год, за покрытием собственных продовольственных нужд, оставалось около 15 тыс. четв. ржи; между тем, у помещиков оставалось свыше 1.100 тысяч четвертей⁴. Подобное же явление отмечалось и в Пензенской⁵, в Саратовской⁶

¹ Н. Бунин. «Мысли о русском хозяйстве и о некоторых причинах дешевизны сельских произведений, бедного состояния хлебопашцев и медленного усовершенствования нашего земледелия с учетом земледельческих работ при возделывании разных хлебов на черноземной почве». М. 1832.

² Рейхель. Обеспечение народного продовольствия. Способ, предложенный в 40-х гг. Мальцовым. Спб. 1881.

³ Жуков. Руководство отчетливо, успешно и выгодно заниматься русским сельским хозяйством. М. 1848, стр. 81.

⁴ Журнал Минист. Внутр. Дел, 1840 г., № 7.

⁵ Горизонтов, Хозяйственно-статистическое описание Пензенского уезда. Спб., 1859, стр. 76.

⁶ Сельско-хозяйственная статистика Саратовской губ., составленная по сведениям, собираемым комиссией для уравнивания денежных сборов с государственных крестьян. Спб., 1859 г., а также Никольский Хозяйственное описание Балашовского у., Саратовской губ. Спб., 1855.

и др. губерниях. В общем же итоге, по исчислениям некоторых дореформенных писателей, от крестьян поступало на внутренний и внешний рынок не более 10% общего количества, 90% поступало от помещичьего производства, которое и являлось, таким образом, главным представителем товарного производства и работы на рынок¹.

Конечно, главной причиной такого преобладания помещика и наоборот отсутствия крестьянина на сельско-хозяйственном рынке являлся тот натуральный строй, который в крестьянском хозяйстве сохранился в гораздо более чистом виде, чем в помещичьем. Но и в условиях самого помещичьего производства, т.е. в крепостном труде, лежала эта возможность и в то же время необходимость служения рынку: возможность—потому что лишь право пользоваться крепостным трудом и дешевая его оценка побеждали для помещиков громадные расстояния от потребительных рынков, непроездные пути и колебания цен; необходимость—потому что лишь на рынке помещичье хозяйство могло реализовать в деньгах получаемый от крепостного труда натуральный прибавочный продукт.

Поэтому-то там, где потребительный рынок был ближе—как в нечерноземных промышленных районах—где крестьянин сам мог знать этот рынок и самостоятельно реализовать на нем свой натуральный продукт, уплачивая свою крепостную подать помещику уже в деньгах, там помещичье хозяйство более быстро переходило к денежной оброчной оценке крепостных повинностей, самостоятельное барщинное земледельческое хозяйство ликвидировалось быстрее, заменяясь оброчным крестьянским и вызывая необходимость разрушения вековых крепостных устоев хозяйства.

Иное положение создалось в земледельческих районах, где единственной формой эксплуатации крепостного труда представлялось земледелие и где в то же время рынок был далек, а производство превосходило местный спрос.

Идя навстречу течению времени, отвечая на запросы развивающегося денежного хозяйства и городской жизни, постоянно нуждаясь в деньгах, помещичье хозяйство стремилось завоевать рынок не организованностью предложения, а массой, количеством предлагаемого продукта. Конечно, и тогда были проекты иных средств борьбы сельских хозяев с убыточностью и непостоянством хлебных цен, вроде упомянутого проекта Мальцова о регулировании цен путем выдачи ссуд под хлеб помещикам. Но люди, стоявшие более на почве практики, прибегали к более простому и близкому средству—к чрезмерной эксплуатации дарового крепостного труда для производства наибольшего количества продукта, а затем к продаже его по какой бы то ни было цене. Таким образом, в указанном перепроизводстве хлеба, в превышении предложения над спросом было повинно почти исключительно помещичье производство; оно же было виною и понижения цен и их неустойчивости.

Тот же крепостной труд, который доставлял помещику массу прибавочного продукта, этот же труд и только он один мог победить и другое препятствие хозяйства—отдаленность рынков и затруднительность сбыта хлеба в крупные потребительные центры. Благодаря подводной крепостной повинности для работавшего на рынок помещичьего хозяйства не существовало, в сущности, ни отдаленности рынков, ни плохих, непроездных дорог. Помещики «не знали цены» произведенного «даровым» трудом хлеба, «не знали», как дорого обходится им этот даровой же труд по доставке их произведений на рынок, и решались идти на всевозможные уступки в цене, чтобы хоть что-нибудь выручить за привезенный на рынок хлеб.

¹ Сабуров. «Влияние земледелия на государственное богатство с русской точки зрения». Журн. Землевлад. 1858, кн. IX.

В сущности, это не было, конечно, незнание¹, а просто экономическая необходимость реализовать прибавочный продукт на рынке и возможность реализовать дешево, в виду большого валового количества этого продукта. И хотя в некоторых случаях приходилось испытывать всю тяжесть и неудобство подобного положения вещей, но при несколько более благоприятных обстоятельствах эти невыгоды забывались тем скорее, что вся тяжесть их ложилась гнетом не на помещичье хозяйство, а или на самостоятельное крестьянское хозяйство, или на хозяйство более мелких помещиков, или, наконец, на торговый капитал, т.-е. на всех тех, кто не мог пользоваться крепостным трудом для доставки своих произведений на рынок и кто поэтому хорошо «знал цену» своих товаров².

Эта противоположность интересов, зародившаяся внутри самого крепостного хозяйства при переходе одной части хозяйства к вольнонаемному труду, а также противоположные отношения их к рынку особенно резко проявляются при географическом рассмотрении крепостного производства в районах, стоявших в различных отношениях к рынку и сбыту. Там, где имела близость и возможность сбыта на внешний рынок, с постоянно возрастающим спросом, с регулируемым отношением к хлебу, как к товару, «имевшему определенную цену», с более удобными путями сообщения, как в южных и северо-западных прибрежных окраинах, там крепостной труд и крепостное натуральное хозяйство не могли конкурировать со свободным трудом и денежным хозяйством³.

Известно, что на юге и востоке число крепостных было ничтожно по сравнению с крепостным центром⁴. Сюда, на разработку девственных степей, на оборудование здесь свободного земледельческого хозяйства и направлялась волна нового предпринимательства, свободного от сословных пут и привилегий старого русского центра. Даже несмотря на то, что заселение южной окраины происходило не слишком быстро, несмотря на то, что первоначальной формой свободного хозяйствования здесь являлось экстенсивное скотоводство, все же южно-русское земледелие уже и тогда приобретало все большую роль в общей массе народного земледельческого производства. Вытесняемое с внутреннего сельско-хозяйственного рынка монопольным господством там продуктов крепостного земледельческого произ-

¹ Наоборот, крепостная бухгалтерия очень хорошо учитывала все хозяйственные расходы и доходы; во всяком более или менее благоустроенном помещичьем хозяйстве конторе, с ее главной отраслью—ведением бухгалтерских книг, отводилась видная роль. См., напр., самые подробные расчеты, образцы ведения хозяйственных бухгалтерских книг, составления отчетов в «Руководстве» Жукова, стр. 213, в «Начальных основаниях рус. сел. хоз.», стр. 12 и след. особенно в «Мыслях об усовершенствовании сел. хоз.», стр. 109—135, а также во всевозможных «Наказах» управляющим, напр. в наказе Вольфа. Тр. В. Э. О., VII и мн. др. См. также «Собрание инструкций по сельскому устройству и администрации» в «Историческом сборнике» кн. Оболенского. СПб. 1859.

² На такие конкретные случаи невыгодной конкуренции на рынке указывает, напр., из своей практики Заблоцкий-Десятковский. В сентябре 1841 г. в Москве, вследствие неурожая, овес продавался 13 руб. четв., в Туле 6 руб.; доставка наймом стоила 6 руб.; след. было выгодно везти в Москву хлеб. Но помещики, пользуясь даровой доставкой, навезли овса столько, что цены понизились до 8—9 руб., и, продавая сами без убытка, лишили возможности продажи тех, кто пользовался наемными подводами. Заблоцкий-Десятковский. Граф. Киселев и его время. Т. IV, приложение, записка «О крепостном состоянии в России». СПб. 1882.

³ Напр., южные хозяйства, работавшие пшеницу для внешнего рынка, всегда применяли преимущественно вольнонаемный труд. Желтухин. Попытка к соглашению. Журн. Землев. 1859, XXIV.

⁴ Напр., в Новороссии число крепостных перед освобождением по данным X ревизии 1858 г. не превышало 30—35% и было, напр., в Екатеринославской губ. 31,5%, Харьковской 29,8%, а в Таврической всего 5,97%, в Бессарабской 1,17%; из Заволжских губерний в Оренбургской 11,8%, Самарской 15,32% общего числа населения, тогда как в центре это отношение доходило почти до 70%, напр. в Тульской губ. 68,91%, Могилевской 64,69%, в Калужской 61,8%, в Костромской 57,11% и т. п. Троицкий. Крепостное население России по X народной переписи. СПб. 1861.

водства, южное земледелие направлялось, главным образом, на внешний рынок, на который центральное земледелие не могло сбывать своих продуктов, вследствие отдаленности портов ¹. По мере заселения и колонизации южных окраин южное земледелие вытесняло с внешнего рынка земледелие более северных районов, заставляя их обращаться к служению внутреннему рынку и соответственно этому заменить пшеничные посевы внутренним хлебом—рожью: такова именно была судьба некоторых малороссийских губерний ².

Земледельческое хозяйство крепостного центра все более специализировалось на служении внутреннему рынку, в снабжении которого центр пользовался естественной монополией—своей близостью, и экономической—своим крепостным трудом. Главными потребительными рынками для него кроме всей вообще нечерноземной промышленной полосы, являлись С.-Петербург, Москва и другие северные города.

В эти потребительные центры громадная масса грузов шла сухим путем, зимой, когда наезженные годами тракты превращались в живую реку хлебных обозов и грузов. Главный поток этой реки направлялся из центральных губерний к Москве непосредственно, или шел несколько западнее ее, давая далее, кроме мелких разветвлений, одну ветвь непосредственно к С.-Петербургу, другую к верхне-волжским пристаням и третью к северо-западным портам ³. По данным министерства внутренних дел, в Москву свозилось в середине сороковых годов ежегодно не менее 9 милл. пуд. разного хлеба, для которого требовалось до 450 тыс. подвод, а по исчислениям Заблоцкого гужевые перевозки занимали до 800 тыс. человек в летнее время и до 3 миллионов в зимнее ⁴.

Таким образом, если принимать число крепостных ко времени освобождения в 37 великорусских губерниях и 9 западных губерниях в 10-м и 11-м миллионах душ, то, следовательно,—если верить цифре Заблоцкого,—зимой 30%, а летом 8% всего крепостного труда употреблялось на транспорт продуктов помещичьего хлеба. Столь громадным трудом поддерживалось снабжение внутренних рынков и удовлетворялась нужда в деньгах крепостного помещичьего хозяйства, уже вовлеченного в денежный оборот, но без мало-мальски удовлетворительных средств к такому торговому обмену. Конечно, стоимость этих крестьянских подвод для доставки на ры-

¹ Так, по исчислениям Небольсина, четверть пшеницы с уплатой пошлины и доставкой на лондонский рынок обходилась, в рублях и коп.:

Из портов.	На месте в зерне.	Фрахт.	Пошлина.	Всего.
Балтийских	8,48	1,50	0,17	10,15
Черноморских	5,33	2,88	0,10	8,31
С.-Американских	7,91	1,95	—	9,86

Таким образом, выпуская свой хлеб на внешний рынок через единственно доступные для него балтийские порты, центр не мог конкурировать с более дешевым южным или заокеанским хлебом, тогда как южно-русский хлеб поставлялся сюда дешевле американского. Небольсин. Статистическое обозрение внешней торговли России. СПб. 1826. Соответственно этому, в течение первой половины XIX в. южные порты постепенно берут окончательный верх над балтийскими портами, развивая в то же время усиленный экспорт пшеницы за счет сокращения вывоза ржи. Так, в два соседних 10-летия вывоз хлебов из северных портов был в миллионах четвертей: с 1824 г. по 1835 г.—пшеницы 2,3 милл. четв., ржи 5,1 милл. четв.; с 1835 г. по 1845 г.—пшеницы 336 тыс. четв., ржи 1,9 милл. четв. В то же время из южных портов было вывезено пшеницы 10,1 милл. четв., ржи 198 тыс. четв.; за второй период—пшеницы 20,6 милл. четв., ржи 747 тыс. четв. См. Г.Н. «Статистические исследования о хлебной торговле». Библиот. для чтения 1848 г., стр. 62.

² А. Заблоцкий. Причины колебания цен на хлеб в России. Отечеств. Записки, 1847 г., т. LII, стр. 43.

³ Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России, изд. департ. сельского хоз. Минист. Государств. Имущ. Изд. I, СПб. 1851.

⁴ А. Заблоцкий, I, с., стр. 35.

нок считалась хозяевами ни во что — ведь зима все равно не была для помещиков «периодом производства» прибавочной стоимости их крепостными; но на крестьянское хозяйство она ложилась крайне тяжелым бременем.

Вот как оценивают, напр., эту обязанность поставки подвод для перевозки хлеба современники, которым вопрос о способах сбыта их произведений на рынок представлялся крайне важным и трудным среди организаций разных других функций хозяйства¹.

По «Руководству к управлению имением с. Архангельского, Раненбургского уезда, Рязанской губ.», составленному одним из видных хозяев Рязанской губернии, г. Семеновым, доставка на рынок помещичьего хлеба составляла потягольную обязанность крестьян. Каждое тягло обязано было доставить 52 пуда хлеба в Москву, 52 пуда в Перевлес и 52 пуда в Ухолово; первая поездка занимала 14 дней, вторая пять и третья три дня. Так как все имение давало в средний год до 24 тысяч пудов хлеба, всего же было в нем 114 тягол, которые могли доставить на рынок около 18 тыс. пуд. хлеба, то, следовательно, большая часть хлеба была обеспечена доставкой на рынок. При этом на ближайшие рынки шли менее ценные хлеба, перерабатываемые на местных мельницах или заводах (напр., вся гречиха, за остатком от домашнего потребления, шла в Раненбург на крупорушки, которых было там до 70), самые же ценные хлеба — пшеница, ячмень — шли в Москву.

Приблизительно в подобных условиях находились, конечно, и другие помещичьи крепостные имения; точно такие же нормы существовали, напр., и в другом, описанном в том же труде, имении Рязанской губернии². На близкие расстояния, на местные рынки крестьянские подводы выезжали еще осенью, как только позволяли путь и время. С установкой же зимнего пути, около 6 декабря, подводы начинали тянуться в Москву, а оттуда часто, если у владельца было где-нибудь другое имение или сам он жил в С.-Петербурге, то куда-нибудь в Новгородскую губернию, а затем в С.-Петербург с «даровой» провизией и припасами господам. Странствовать приходилось, таким образом, целую зиму — и, конечно, из-за этого должно было страдать крестьянское хозяйство, останавливавшееся на всю зиму.

Как ценилась тяжесть этой повинности крестьянами и помещиками, видно из того же, напр., «Руководства», по которому крестьянин, если он возьмет сверх 156 пуд. вывезти по расстоянию 350 верст 26 пуд. на тягло, освобождался помещиком от уплаты повинностей (не выше 4 р. на тягло), а также от обмундировки рекрут; если же крестьянин не мог поставить подвод на перевозку хлеба, он должен был внести 18 рублей с тяглового работника. Таким образом, сами помещики оценивали стоимость крестьянских подвод для поставки около $1\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ к. с пудо-версты. Конечно, сами крестьяне оценивали эту обязанность, вероятно, много дороже, судя по тому разорению и убыточности, которые несла эта система крестьянскому хозяйству.

Немудрено поэтому, что крестьяне крайне тяготились подводной повинностью, охотно откупались от нее и предпочитали тех помещиков, у которых ее не существовало; поэтому же и стоимость доставки наймом обходилась гораздо дороже. По мнению Заблоцкого, эта натуральная подводная повинность обходилась крестьянину столько же, сколько все его летние работы на помещика, а по своей непроизводительности она оказывалась еще более тяжелым бременем³. Действительно, если взять среднюю упомянутую цифру 18 рублей с тяглового работника, как эквивалент за освобождение

¹ Волконский. Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве. Труды Рязанской Ученой Архивной комиссии, 1897 г., т. XII, в. 2.

² См. также Заблоцкий, I. с., 36, относительно других местностей центральных губерний.

³ А. Заблоцкий, I. с., 47.

от натуральной повинности провоза крестьянами помещичьего хлеба, и, с другой стороны, принять исчисления Заблоцким числа занятых крепостным извозом в 3 миллиона человек, то общая стоимость этой натуральной повинности, падающей на крепостных крестьян, дойдет в общей цифре до 54 милл. рублей в год.

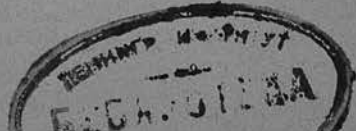
Такою дорогою ценою удовлетворялась нужда крепостного хозяйства в рынке и поместного дворянства—в денежных средствах; такою ценою покупалась возможность господства на рынке помещичьего производства, возможность реализации в деньгах продукта их крепостного производства. Но и помещичьему хозяйству эти тяжелые жертвы не принесли пользы. Оно постоянно жаловалось на кризис, падение цен, перепроизводство, невозможность прогресса и улучшения хозяйства. Попытки перехода к интенсивному хозяйству, на подобие начавшим развиваться капиталистическим формам западноевропейского хозяйства, которое манило к себе русских помещиков перспективами громадных доходов—эта попытка быстро разбилась о некапиталистические общие условия; дворянское «рациональное» сельско-хозяйственное предпринимательство потерпело крушение. Приходилось возвращаться к старым формам более экстенсивного зернового трехполья, оставляя все земледельческое производство в руках крепостного крестьянина.

В этом случае вся роль помещичьего хозяйства сводилась главным образом к реализации на рынке в денежную форму того прибавочного натурального продукта, который доставлял ему крестьянский крепостной труд. В этом отношении, следовательно, как помещичье, так и крестьянское хозяйство имели то сходство, что оба находились в полной зависимости от рынка и от торгового капитала, одинаково подчинялись ему и одинаково служили для него источником получения торговой прибыли. Конечно, положение помещичьего и крестьянского хозяйства в отношении этой торговой прибыли было неодинаково. Помещик, как рантье, делился частью своей натуральной ренты с торговцем за то, что тот реализовал ее; оброчный же крестьянин являлся работником на этого капиталиста-торговца, отдавая ему, как скупщику, весь свой продукт за оброк помещику да за скудные средства к поддержанию своего существования.

В этом и заключалось основное противоречие в крепостном сельско-хозяйственном производстве. Помещик обладал избыточным количеством натуральных продуктов, присваиваемых им, благодаря крепостному праву—и, нуждаясь в деньгах, но не будучи в состоянии реализовать продукт по высоким ценам, толковал о перепроизводстве. Крестьянин же, чем более получал натуральных продуктов, тем менее мог удовлетворить собственную нужду не только в деньгах, но и в простом продовольствии, так как громадная часть его труда шла на удовлетворение денежных нужд или прихотей помещичьего класса.

Поэтому-то указанное выше заключение дореформенных экономистов о «перепроизводстве» хлеба можно понимать лишь в том смысле, что оно, нося характер товарного перепроизводства, коснулось лишь помещичьего хозяйства. Крестьянское же хозяйство не только не имело избытков сверх удовлетворения собственных потребительных нужд, но, даже продавая иногда свои продукты на рынок, само голодало—явление, свойственное вообще той форме хозяйства, которая связана с «работой на скупщика» и с подчинением производства торговому капиталу. Те «вынужденные осенние продажи», которые так хорошо рисуют это подчинение торговому капиталу современного крестьянского хозяйства, были хорошо известны и крепостному крестьянину: и он «по необходимости продавал хлеб до зерна и выметал свои амбары до чиста»¹, и он знал хорошо пословицы: «не тужи рожь, что в Москву повез...», так как «при наступлении весны и даже еще раньше

¹ Бунин. Мысли о русском хозяйстве и проч., стр. 10.



тот же самый крестьянин и на том же самом рынке купит обратно весь свой хлеб, да еще с прибавкой... заплатит за него вдвое дороже той цены, за которую сам продал»¹.

Нечто подобное же испытывало, конечно, и помещичье хозяйство. Многим из изобретательных помещиков, не умевшим разгадать противоречий рынка, но тяготившимся его властью над ними и считавшим невыгодной «даровую» подводную повинность, ничего не оставалось больше делать, как, переведя всех крестьян на оброк, завести для них мелочную и почти принудительную продажу помещичьего хлеба на месте по высоким ценам². Только подобным путем и можно было, повидимому, освободиться от неизбежного, по мнению крепостных экономистов, для помещичьего хозяйства «перепроизводства хлеба» и понижения его цен³.

В действительности во всем народном хозяйстве перепроизводства не было. Было только то противоречие, тот тупой угол, в который зашло помещичье крепостное хозяйство с тех пор, как стали разлагаться его натуральные основы, как стало оно из-за нужды в денежных средствах работать на рынок. Зависая от внутреннего, сравнительно медленно развивающегося рынка, стесненное в своих стремлениях к расширению сбыта отсутствием дешевых и хороших путей сообщения, помещичье хозяйство, в особенности в хлебобродных губерниях крепостного центра, принуждено было разрешать неразрешимую дилемму: сбрасывая с себя путы натурального хозяйства, превращаться в торговца хлебом, еще не научившись смотреть на хлеб, как на товар, и если не «не зная цену» его, как выражались современники, то, во всяком случае, перелажая тяжесть убытков от низких цен и тяжесть этих уступок рынку на крестьянское хозяйство.

В этом отношении совершенно правильно мнение, что хлебные цены регулировались в то время не спросом, а предложением: помещику в своих уступках рынку можно было, а часто приходилось и по необходимости, идти так далеко, что продавать товар ниже издержек производства, так как при натуральной оплате труда легко можно было переложить этот убыток на крепостного крестьянина. Отсюда — увеличилось предложение после непомерно высоких цен и недостачи снабжения — и цены падают с быстротой, неуловимой при тогдашнем торговом обороте для желающего воспользоваться выгодными условиями. Технические условия хлебной торговли — медленность торгового оборота, недостаток сношений и путей, зависимость от торговцев — еще более усиливали колебания и неустойчивость хлебных цен, доводя их часто до такого уровня, что производство становилось безвыгодным.

Однако, и в этом случае помещику нельзя было прекратить свое хозяйство, обратив капитал на другую отрасль промышленности, так как даровой «обязательный» труд был обязателен для обеих сторон. Ликвидация хозяйства могла последовать только с уничтожением этой «обязательности» — и во многих случаях она действительно и последовала даже раньше общей ликвидации всего крепостного хозяйства, выразившись в сокращении перед освобождением помещичьих запасов.

На арену сельскохозяйственной деятельности выступали новые силы, которые требовали новых форм предпринимательского хозяйства и новых лиц, среди которых нашлось не слишком много потомков прежних крепостных владетелей.

¹ Вилькинс. Мысли и наблюдения о положении земледельческой промышленности, стр. 18.

² Теплов. Опыт улучшения быта крестьян. М. 1870, стр. 5.

³ Впрочем встречались и тогда указания на неправильность распространенного мнения о «перепроизводстве» и правильные взгляды на сельскохозяйственный кризис, как на товарный, происшедший на почве крепостных отношений. См. неоднократно цитированную статью А. Заблоцкого, «Причины колебания хлебных цен», стр. 47, а также Н. П. «О торговле хлебом во внутренних губерниях России». Отечеств. Зап. 1840, VIII.

ГЛАВА VI.

Условия и последствия ликвидации крепостного права.

Условия освобождения крестьян. — Уменьшение наделов. — Увеличение денежных повинностей и развитие денежного хозяйства. — Расширение крестьянских запасек. — Увеличение сбыта крестьянского хлеба на рынке и его условия. — Переустройства в экономической географии.

Если мы взглянем на экономическую и публицистическую литературу по сельско-хозяйственным вопросам за последние три года до реформы, т.-е., когда вопрос о ликвидации крепостного права и крепостного хозяйства был уже принципиально решен и официально возведен, то мы можем заметить в ней новый период оживления, притом оживления даже гораздо большего, чем четверть века назад. Тогда был выдвинут вопрос о необходимости улучшения техники, поднятия производительности хозяйства, о переходе к новым, более интенсивным системам земледелия, как средству поднятия доходности хозяйства. Теперь вопрос шел о гораздо более общем и еще более серьезном деле — о жизни и смерти всего крепостного хозяйства. Понятно, что он вызвал еще более обширную литературу, не только в виде отдельных сочинений относительно условий ликвидации крепостного хозяйства, но и в виде специальных периодических органов прессы, посвящавшихся вопросу об освобождении или — как тогда говорилось во избежание цензурных недоразумений — «об улучшении быта» крестьян.

Однако, сообразно характеру вопроса, и постановка его теперь была совершенно иная, чем двадцать лет назад. Особенно ясна она была в таком, напр., органе русских аграриев, как «Журнал Землевладельцев». Несколько десятилетий назад помещичий класс пытался вывести свое крепостное хозяйство на путь интенсификации, т.-е. предполагал повысить его доходность и дать толчок дальнейшему развитию лишь изменением его технической организации, не касаясь общей экономической основы его, т.-е. не касаясь, главным образом, крепостного труда. Неприменимость интенсивных форм западно-европейского земледелия к русским условиям — прежде всего к той же крепостной организации хозяйства — разбила эти стремления.

Тогда землевладельцы, крепостные предприниматели, стали отыскивать способы, как при наличной интенсивности хозяйства сделать крепостной труд более производительным. Отсюда вытекал описанный выше целый ряд проектов об изменениях и о более выгодной комбинации барщинной или оброчной систем. Невозможность повышения производительности крепостного труда как при той, так и при другой системе или при их комбинациях и видоизменениях стала, однако, скоро очевидной; ликвидация крепостного хозяйства стала вместе с тем не только естественной, но и необходимой. Для помещика — единственного устроителя судьбы освобождаемых крестьян и своей собственной, — оставалось лишь изыскать способы, при которых эта ликвидация старых отношений была бы наиболее для него выгодной.

Правда, поскольку можно заключить из многочисленных в тогдашней литературе вычислений, описаний и примеров о преимуществах, выгодах и недостатках оброчного, барщинного и вольнонаемного труда¹, а также из факта все еще широкого распространения барщинного, т.-е. самостоятельного помещичьего хозяйства в плодородной черноземной полосе, — крепостное помещичье хозяйство, по крайней мере, именно в этой черноземной полосе, было все еще выгодно, как сравнительно с оброчным, так и с вольнонаемным

¹ См., напр., в том же «Журнале Землевладельцев» М. М. «Приложение наемного труда к хозяйствам северной полосы России». Журн. Земл. 1859, XXI.

хозяйством. Но это обстоятельство совершенно не изменяло дела. Решающей здесь явилась невозможность дальнейшего развития производительности этого хозяйства, чего требовала от него быстро развивавшаяся жизнь. Некоторая же выгодность крепостного хозяйства даже и перед освобождением заставила отыскивать лишь более выгодные для помещичьего класса способы ликвидации его.

Этому вопросу—как ликвидировать крепостное хозяйство, чтобы помещик от этой ликвидации не только ничего не потерял, а может быть и выиграл—и посвящается работа таких журналов, как «Журнал Землевладельцев». Да и в других, более либеральных органах печати, в лучшем случае, пожалуй, вопрос ставится только о том, как произвести эту ликвидацию «по справедливости», но все-таки так, чтобы мужик не слишком разбогател за счет разорения помещика¹.

Эти психологические, так сказать, основы реформы выяснились в помещичьем сознании весьма скоро, как только поставлен был на очередь вопрос об освобождении и как только неосновательный страх перед ним прошел даже у наименее дальновидных. Эти основы были таковы: при быстром развитии в стране денежного хозяйства и при постоянном возрастании денежной нужды в крестьянском хозяйстве, создать такие условия наделения крестьян землею, при которых обработка помещичьих земель и ведение помещичьего хозяйства были бы обеспечены прежним крестьянским трудом, лишь с некоторым видоизменением его организации, главным образом—в смысле поднятия его интенсивности и производительности.

В зависимости от местных условий эта последняя цель достигалась в разных местностях различными способами. Там, где помещичье хозяйство при крепостном праве было все же прибыльно, где земля была богата, плодородна и могла приносить действительный доход—там необходимо было возможно меньшее наделение крестьянского хозяйства собственной землею, чтобы помещичье хозяйство не потерпело ущерба ни в размерах, ни в обеспечении рабочими руками. Там, наоборот, где земля была бездоходна, где помещичье хозяйство принуждено было приступить к ликвидации еще до общей эмансипации, там можно было отвести крестьянам хоть всю землю, но оценив ее возможно дороже, чтобы в тяжести выкупных платежей крестьянством были выплачены все прежние помещичьи доходы и оброки.

Если брать за показатель фактической выгодности крепостного хозяйства перед освобождением фактическое же соотношение барщины и оброка, т.-е. самостоятельного помещичьего и крестьянского хозяйства, то, как известно, можно заметить довольно резкую разницу в численности барщинных и оброчных крестьян в черноземной и не-черноземной полосе. Так, накануне реформы процент оброчных крестьян в помещичьих имениях был², напр., во Владимирской губ.—80⁰/₀, Ярославской—79⁰/₀, Вологодской—77⁰/₀, Костромской—77⁰/₀, Московской—75⁰/₀, Тверской—63⁰/₀; наоборот, в Нижегородской губ. лишь 56⁰/₀, в Тульской (в 3 уездах)—45⁰/₀, в Тамбовской (4 уезд.)—32⁰/₀, в Казанской (6 уезд.)—15⁰/₀, в Орловской (4 уезд.)—11⁰/₀, а в 3 уездах Пензенской губ. даже всего 2,5⁰/₀.

Близкие к этому источнику цифры дают и другие исчисления, свидетельствующие о постепенной перед освобождением крестьян ликвидации

¹ См., напр., в либеральном «Сельском Благоустройстве»: «Мы не можем наделить крестьян землею в такой мере, чтобы быт их совершенно обеспечивался. Крестьянин... должен помнить, что личный труд есть главное его средство к жизни, а потому в первое время, пока потребности крестьян не развиты, слишком щедрый надел землею скорее был бы для них вреден в нравственном отношении, избавляя от необходимости дорожить своим трудом». «Сел. Благоустр.». 1858, кн. X.

² Скребицкий. «Крестьянское дело в царствование Императора Александра II». Бонн на Рейне, 1863, т. III, стр. 829.

помещичьего земледельческого хозяйства на севере и значительного еще распространения его в черноземных районах. Так, по данным Игнатович, на основании трудов редакционных комиссий, относительная численность барщинных крестьян перед освобождением определяется: в Тамбовской губ.—78⁰/₀, Псковской—77⁰/₀, Тульской, Пензенской, Курской—75⁰/₀, Смоленской—73⁰/₀, Орловской—72⁰/₀, тогда как в Ярославской—12⁰/₀, Костромской—12,5⁰/₀, Вологодской—16⁰/₀, и т. п.¹

Очевидно, что самостоятельное помещичье предпринимательство представлялось ко времени освобождения крестьян для многих губерний еще выгодным, почему и было весьма распространено. Понятно поэтому, что при том влиянии на ход реформы, которое получили помещицы интересы, со стороны помещиков черноземных барщинных губерний должно было появиться особенно сильное стремление к удержанию за собой возможно большего количества земли и к наделению крестьян возможно более «урезанным» наделом.

Известно, что при начале реформы для наделения крестьян землею был провозглашен принцип, по которому наделы должны быть достаточны по местным условиям «для обеспечения их быта и выполнения их обязанностей перед правительством и помещиком»². Однако, губернские комитеты при рассмотрении вопроса о размерах надела большею частью выказали стремление именно к уменьшению наделов против фактически существовавших, при чем это стремление особенно заметно сказалось именно в черноземных хлебородных местностях, где комитеты допускали меньшие размеры наделов³. Наконец, редакционные комиссии, рассмотрев мнения комитетов о системах наделения и размерах наделов, остановились окончательно на той из них, которая «принимает за исходную точку существующий факт или порядок вещей, установившийся под влиянием векового опыта»⁴.

На этом основании редакционные комиссии, отказавшись от определения размеров надела какой-либо искусственной нормой, пришли к заключению, что «за крестьянским сословием должно быть, по возможности, сохранено право пользования за определенные повинности тем же самым наделом, которым существование его обеспечивалось до сих пор, т.-е. в размере, в котором он находился в 1859 году»⁵. Несмотря на определенно выраженное мнение о необходимости «достаточности» наделов, возражения противников этого принципа повлияли настолько сильно, что уже комиссии пошли на компромисс, выработав определенные нормы «высших» и «низших» наделов и постепенно понижая их размеры⁶; при проверке предположенных наделов на местах и вызванными в комиссии депутатами, произошло новое понижение выработанной комиссиями нормы наделов, хотя раньше сами же члены комиссий и признавали, что наделы «ни в каком случае дальнейшему понижению подлежать не могут»⁷. Главный комитет и Государственный Совет также понизили нормы надела.

Наконец, в действующем положении наделы получили дальнейшее понижение: в губерниях черноземной полосы уменьшение наделов произошло

¹ Игнатович. Помещицы крестьяне накануне освобождения. СПб. 1902, стр. 41, а также Семевский. «Крестьяне в царствование Императрицы Екатерины II», т. I. СПб. 1903, стр. 30 и сл.

² См. рескрипты Назимову и графу Игнатьеву. Скребицкий, I. с., т. I.

³ Скребицкий. Л. с., т. II, ч. I, стр. 12.

⁴ Скребицкий. Крестьянское дело, т. II, ч. I, стр. 33.

⁵ Первое издание материалов редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. СПб. 1859. Ч. II. Журналы общего присутствия № 22—24.

⁶ Первое издание материалов, ч. II, доклад хозяйств. отд. № 1, часть III, доклад № 15 и ч. VI, дополн. к доклад. хозяйств. отд. № 15.

⁷ Скребицкий, Крестьянское дело, т. II, ч. I, стр. 36—37.

сравнительно с предположенными комиссиями в 50 из 142 уездов, т.-е. в 33% всех случаев, при чем в 8 уездах это уменьшение достигало от 1 до 3¹/₂ дес.; в губерниях нечерноземной полосы уменьшение коснулось 107 уездов из 232, т.-е. 46%¹.

Таким образом, крестьянские наделы при освобождении в большинстве случаев подверглись значительному уменьшению. Если мы возьмем приводимые Скребицким цифры «обыкновенных наделов», бывших до реформы, и сопоставим с цифрами действительных средних наделов при наделении крестьян землею, то для черноземных губерний с преобладанием барщины получим следующие результаты²:

Губернии.	Дореформенные наделы на 1 ревиз. душу.	Послереформенные наделы на 1 душу.
	Десятины.	
Курская	2,8	2,3
Орловская	2,6	2,6
Рязанская	2,6	2,3
Тульская	2,6	2,3
Тамбовская	3,1	2,4
Воронежская	2,6	2,7
Пензенская	2,8	2,2
Харьковская	2,5	2,6
Екатеринославская	2,8	2,0
Киевская	6,6	2,1
Подольская	5,5	2,2
Саратовская	3,8	2,4
Симбирская	2,9	2,4
Казанская	3,0	2,3
Вятская	3,2	3,0
Пермская	5,5	4,0

Поскольку позволяют судить эти, далеко не точные, а лишь приблизительные цифры, в большинстве черноземных губерний крестьянские наделы были при наделении землей значительно уменьшены. Эта разница между дореформенными и послереформенными наделами должна еще более увеличиться, если принять во внимание, что в показании размеров «обыкновенных наделов» губернскими комитетами большею частью совсем не включались ни усадебные земли, ни лесные угодья, которые вошли в надел при освобождении.

Большею частью совершенно иную картину получаем для нечерноземных промышленных губерний, где при освобождении преобладала оброчная система:

	До реформы.	После реформы.
Ярославская	5,2	3,8
Костромская	6,8	4,9
Владимирская	3,1	3,9
Московская	2,6	2,9
Калужская	2,5	3,8
Петербургская	3,3	4,8
Новгородская	2,7	5,7
Смоленская	3,6	4,8

За небольшим исключением (двух первых губерний), в большинстве нечерноземных губерний крестьянское землевладение с реформой не только

¹ Янсон. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. Спб. 1877, стр. 134. См. также Иванюков. Падение крепостного права в России. Спб. 1903, стр. 247.

² Таблица составлена на основании цифр, даваемых Скребицким, «Крестьянское дело», т. II, ч. II вед. VI и т. III. См. также «Доклад Высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности России». Спб. 1873. Приложение т. I и «Статистика поземельной собственности 1877—78 гг.».

уменьшилось, но даже увеличилось. Это и было более всего выгодным для помещичьего класса. При бездоходности земли и хозяйства на ней, нашелся иной, чем в черноземных губерниях, но не менее выгодный способ ликвидации крепостного права: продажа земли по повышенной оценке крестьянам, выкупные платежи не по стоимости земли, а по ценности оброчных повинностей. Если выкупная операция, вследствие повышенных против стоимости земли выкупных платежей, носила вообще характер выкупа «душ», а не земли, то для нечерноземной полосы это сказалось особенно рельефно.

Если взять ту сумму платежей, которую заплатили крестьяне за землю по выкупу, и продажные цены на землю не только перед освобождением, но даже и после него,—то окажется, что выкупная сумма была гораздо выше продажных цен; именно, соответствующее сравнение дает нам следующие цифры, в миллионах рублей ¹:

	Ценность надела по продажным ценам. 1854—58 гг. 1863—72 гг.		Ценность надела по выкупу.	Премия помещиков за выкуп.
Черноземные губ.	219	284	342	123
Нечерноземные губ.	155	180	342	187
Западные губ.	170	184	183	13

Если разлагать всю, полученную помещиками премию за отчужденную ими землю, то окажется, что они продавали ее дороже бывших в то время средних цен: в черноземной полосе, на 12,5 руб. десятину, в нечерноземной—на 15,2 руб. десятину. Это и была премия за выкуп «крепостных душ», переложенный формально на землю. Если переложить эту стоимость именно на то, что она в действительности и выражала, т.-е. на крепостные души, то окажется, что, выручив в выкупной операции полную стоимость земли, помещики получили кроме того, благодаря повышенным выкупным оценкам, в черноземной полосе до 36,1 рублей с крепостной души и в нечерноземной полосе—до 62,8 рублей с души.

Однако, капитализировав с громадной выгодой для себя свою крепостную ренту, уступив крестьянину наименее доходную часть сельского хозяйства в нечерноземной полосе, обеспечив себя, почти принудительным образом, путем недостаточных наделов, рабочими руками в более плодородных и доходных местностях, получил ли помещик то преобладание в народном земледельческом производстве и то выгодное для него господство на рынке, которое ожидалось?

Казалось, что, при происшедших урезках крестьянского землепользования и расширения помещичьего, должно было бы произойти с одной стороны—расширение помещичьего производства хлеба, с другой—сокращение крестьянского. Если и до реформы помещик преобладал на хлебном рынке, поступления же крестьянского хлеба были крайне незначительны, ограничиваясь лишь избытками от собственного потребления, то с уменьшением наделов роль крестьянского хлеба на рынке должна была бы еще уменьшиться. Такое уменьшение производства казалось столь естественным следствием освобождения (даже и без уменьшения наделов, лишь вследствие перехода большей части производства в натуральное крестьянское хозяйство), что опасения за сокращение производства звучат часто в статьях дореформенных публицистов и экономистов.

И, конечно, это должно было бы произойти, если бы в то же время, с одной стороны, не завершился окончательно процесс перехода крестьянского натурального хозяйства к денежному, с другой—если бы в самом помещичьем хозяйстве не встретилось к тому весьма крупных препятствий. Поэтому-то и опасения дореформенных экономистов за сокращение разме-

¹ Лосицкий. Выкупная операция. Спб. 1906, стр. 16, прилож. табл. 1.

ров торгового хлебного производства не сбылись, так как место вытесняемого с рынка помещика стал занимать крестьянин.

Уже из докладов известной Валуевской комиссии для исследования положения сельского хозяйства видно ¹, что непосредственно вслед за освобождением стало происходить и сильное сокращение помещичьих запасов; в многочисленных ответах о причинах этого явления члены комиссии заявляют о невыгодности ведения хозяйства при изменившихся условиях, с помощью наемного труда. Понятно, что эти причины должны были сильнее сказаться в тех губерниях, где и до освобождения помещики находили более выгодным эксплуатировать труд своих крестьян не в земледелии, а в промышленности, т.е. в нечерноземных оброчных губерниях. И, действительно, в этих губерниях сокращение помещичьих запасов обнаружилось более очевидно, тогда как в черноземной полосе во многих местах, особенно в степных губерниях, помещичьи запасы увеличивались и после реформы. Что же касается размеров крестьянских запасов, то они обнаруживают вслед за реформой быстрое и сильное расширение не только в черноземной, но и в нечерноземной полосе.

Но расширение вообще крестьянской культуры и сокращение помещичьих запасов окажется еще более существенным, если принять во внимание, что часто расширение запасов в помещичьих имениях шло за счет отдачи помещичьей земли в аренду крестьянам. Указанные выше условия наделения крестьян землею и условия выкупа ее особенно усилили этот арендный спрос на помещичьи земли со стороны крестьян. Конечно, это в то же время соответствовало и интересам помещиков, так как освобождало их от необходимости вести собственное хозяйство, с помощью наемного труда, дорого обходившегося и, при недостатке денежных средств, ставившего их в затруднение.

Этот-то недостаток денежных средств и являлся той главной внутренней причиной для помещичьего хозяйства при освобождении, которая принудила его спешить со своей ликвидацией ². Лишь небольшая часть дворянства могла воспользоваться производительными теми громадными капитальными выкупными суммами, которые получило оно в вознаграждение за лишение крепостного труда. Большая часть этих сумм была собственно прожита уже предварительно, так как к 60-ым годам до 62% всех крепостных душ, т.е. 6.606 тыс. крестьян, были заложены и имели долгу до 398 милл. рублей, т.е. свыше 53% всей их стоимости по тогдашним ценам ³; весь же долг, лежавший на русском землевладении ко времени освобождения и пошедший, конечно, в большей части не на производительные цели, достигал 425 милл. рублей ⁴.

Благодаря этому, из тех крупных сумм, которые должны были поступить в виде выкупных платежей помещикам, в их руки пошло около половины. Так, за первое десятилетие, к 1871 году, из общего долга крестьян за приобретенную землю в 543 милл. руб.—до 248 милл. руб. было переведено долгу самих помещиков. Но и из оставшейся суммы не много пошло на реорганизацию хозяйства, большая же часть ее пошла или на совершенно непроизводительные цели, или отвлеклась в другие области предпринимательства. Таким образом, несмотря на преобладание в проведении реформы классовых и сословных помещичьих интересов—расширения помещичьего производства не произошло, и с освобождением крестьян ликвидация поме-

¹ «Доклад высочайше учрежденной комиссии» и т. д., стр. 12, приложение II и VI.

² Ходский. Земля и земледелец, т. II, Спб., 1891, стр. 44.

³ О задолженности землевладения в связи с статистическими данными о притоке капиталов к местному землевладению со времени освобождения крестьян. Врем. центр. стат. ком. № 2. Спб. 1888.

⁴ Труды Комиссии, высочайше учрежденной для устройства земских банков. Т. I. Спб. 1860.

щицкого хозяйства, как самостоятельного предприятия, пошла еще более ускоренным темпом.

В какие условия было поставлено при этом само крестьянское хозяйство? Помимо отмеченного выше уменьшения размеров надела, реформа принесла крестьянскому хозяйству, так же, как и помещицкому, сильнейшее увеличение нужды в денежных средствах, вследствие быстрого развития в стране денежного хозяйства.

Прежде всего, сильно увеличились всевозможные платежи и повинности, как в отношении к государству, так и в отношении к прежним владельцам. При этом большая часть повинностей перешла в денежную форму. Освободившись от натуральных повинностей помещику, но и то далеко не от всех, крестьянин принужден был нести перед государством ряд гораздо более тяжелых денежных; на сельском населении стал лежать длинный ряд разнообразных сборов: выкупные платежи за землю бывших помещичьих и удельных крестьян, оброчная подать за землю бывших государственных крестьян, государственный земский сбор, местные земские сборы, подушная подать, мирские сборы, сборы рекрутские, на обеспечение народного продовольствия и др. Все эти платежи возрасли сравнительно с дореформенными и абсолютно, и особенно сильно в денежной своей части. Одни денежные сборы различных перечисленных платежей достигали до 4 р. 40 к.—5 рублей на душу или 1 руб. на десятину и ложились на крестьянское земледельческое хозяйство таким тяжелым бременем, что, по выводу официальной комиссии, «общая сумма всех сборов и платежей, падающих на крестьян, в немногих местностях может покрываться доходами с земельного надела, без посторонних заработков, а в некоторых местностях, даже в черноземной полосе, сумма всех платежей превышает доходность земли в 5 раз»¹.

К тому же выводу о несоответствии платежей доходности крестьянских наделов приходит и другая правительственная, Податная комиссия, по расчету которой для нечерноземных губерний платежи бывших помещичьих крестьян при полном наделе составляют от 200 до 276% доходности земли, а в черноземной полосе—до 124% при среднем и до 200%—при низшем наделе. «Отсюда, говорит по этому поводу проф. Янсон, для черноземного крестьянина то же стремление, что и для нечерноземного, к посторонним заработкам—не из желания увеличить свое благосостояние, а из нужды, чтобы прокормить, одеть семью и уплатить подати»².

Частью это увеличение денежных повинностей крестьян, частью общие изменения в строе жизни дали окончательный толчок к разрушению натуральных отношений в земледелии и к падению натурального хозяйства как помещика, так и крестьянина. Если прежде с помощью натуральных сборов с крестьян, с помощью многочисленной «перерабатывающей» дворни даже и помещичье хозяйство могло стоять в значительной степени изолированно от рынка, хотя бы ценой громадных и совершенно, повидимому, нерациональных и не-экономических затрат труда крепостных³, то с падением крепостного хозяйства не только помещичье, но и крестьянское хозяйство должны были быстро пойти по пути развития денежных отношений.

¹ Доклад высочайше учрежденной комиссии, стр. 35.

² Янсон. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. Стр. 33 и 81.

³ Например, даже такие опытные и образованные хозяева, как Волконский, считали «безумством» употребление покупных стеариновых свечей, но не находили ничего несообразного в том, что для кружева на платья требовался двухлетний труд искусной крепостной мастерицы, вместо того, чтобы приобрести их с гораздо меньшими издержками на рынке. Покупалось только то, что абсолютно не могла произвести данная местность и чего совершенно нельзя было сделать в хозяйстве. «Все покупное казалось дорогим, все свое, домашнее—не ценилось». Волконский. Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве. Труды Рязан. Уч. арх. ком. 1897, XII в. 2. С освобождением крестьян все это резко и коренным образом изменилось.

К сожалению, мы имеем очень мало данных для суждения о том, насколько видное место в крестьянском хозяйстве и бюджете занимали чисто денежные расходы до освобождения и после освобождения. Крепостная статистика сохранила, однако, несколько весьма подробных бюджетных описаний расходов крестьянской семьи на продовольствие, ведение хозяйства и пр. Конечно, все эти описания и исчисления о том, «что нужно помещицкому крестьянину для безбедного существования», как преследовавшие специальную цель определения размеров крестьянских повинностей и необходимого для исполнения их размера наделения землей, хотя и имели, может быть, значительную точность, однако носили лишь местный характер. Но все же и из них видна крайне незначительная доля денежной части в крестьянских приходе-расходах.

Один из опытнейших хозяев нечерноземной полосы, Вилькинс, составивший наиболее подробные и весьма точные бюджетные описания крестьянского хозяйства своих деревень, определяет в одном бюджете, относящемся к тридцатым годам, денежные расходы крестьянской средней по зажиточности семьи из 5 душ в 72 р. 50 к., т.-е. в 12 р. 50 к. на душу в год ¹. В другом бюджете сороковых годов денежный расход семьи в 3 души определяется в 47 руб., т.-е. в 15 руб. 70 коп. на душу ².

Другие авторы ³ дают в общем близкие к этому цифры, так что для средней крестьянской семьи в 5 душ денежная часть годового расходного бюджета может быть принята около 70 р. ассигнациями или 17 р. серебром. Таким образом, размеры денежной части крестьянского расходного бюджета при крепостном праве и при натуральном характере повинностей были в общем незначительны. При том, в приведенных бюджетах, относящихся к нечерноземной полосе, сравнительно еще большая доля должна падать на денежные расходы, тогда как в земледельческих барщинных губерниях денежные расходы были еще менее значительны.

У нас не имеется точных данных для выяснения, в какой мере в ближайшее время после реформы возрасла эта денежная часть бюджета крестьянских хозяйств. Вместе с падением крепостного хозяйства и с переходом к денежному удовлетворению всех повинностей и потребностей крестьянского хозяйства, без сомнения, она должна была возрасти чрезвычайно резко. Так, если даже взять только одни перечисленные выше повинности, которые теперь крестьянское хозяйство должно было нести исключительно в денежной форме, вместо прежнего преобладания натуральной, и которые составляли большую часть денежных крестьянских расходов, то с реформой они должны были возрасти не менее, как вдвое.

Итак, вместе с освобождением крестьян от личной зависимости помещику, крестьянскому хозяйству была поставлена задача, далеко не легко разрешимая. «Освобожденное» от значительной и лучшей части находившейся в его пользовании земли в плодородных районах, заплатив за нее по чрезмерно повышенной оценке, освободившись от натуральных повинностей—крестьянское земледельческое хозяйство должно было с этих уменьшенных наделов добывать значительно большие, чем прежде, суммы, для исполнения этих повинностей, притом уже не через помещика, а самостоятельно и непосредственно реализируя на рынке свои земледельческие продукты в денеж-

¹ Вилькинс. Что нужно помещицкому издельному крестьянину для безбедного содержания себя в нечерноземных губерниях. М. 1832.

² Вилькинс. Мысли и наблюдения о положении земледельческой промышленности. М. 1843.

³ См. очень подробную бюджетную опись у Грузинова, «Быт крестьянина Тамбовской губ.» Журн. Землевл. 1858, II, а также Сабулов, «Записки Пензенского помещика» в Отечеств. Зап. 1842—43. Соловьев, Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губ. М. 1855, стр. 230. Афросимов, «Опыт оценки работ в дворянских поместьях», Земледельч. Журн. за 1834, 20 и др.

ную форму. Вместе с этим должна была начаться новая эра как для крестьянского, так и для помещичьего хозяйства в их отношениях к рынку и к сбыту своих продуктов на рынке.

Брошенное в круговорот денежного обращения, при искусственно созданном малоземелье и невозможности правильной постановки и развития производительных сил своего хозяйства, крестьянство так же, как раньше помещик, по необходимости должно было стремиться к экстенсивному, количественному расширению своего производства, к выработке наибольшей массы продукта. А так как все основы этого хозяйства были в громадном большинстве случаев связаны с землей, то отсюда и возникла столь характерная для всего пореформенного времени погоня за землей, ради выработки лишнего пуда хлеба — этого единственного товара, который в громадном большинстве местностей и могло только производить на рынок крестьянское хозяйство. Своей земли было недостаточно — и помещичьи поля стали по-старому, как и при крепостном хозяйстве — частью за денежную уплату, а большею частью даже за прежнюю натуральную оплату отработками или исполу¹ — обрабатываться крестьянами, крестьянским инвентарем и скотом.

Такой результат, с точки зрения народного хозяйства, был, конечно, крайне невыгоден, так как он не принес повышения производительности земледельческого труда. Но зато с точки зрения помещичьих интересов он был выгоден потому, что привел к чрезвычайной интенсивности и напряженности крестьянского труда, принуждаемого теперь «не дубьем, а рублем» к чрезмерному труду и к чрезмерно высокой арендной плате помещику за право приложения этого труда на помещичьей земле. Вместе с тем, это освобождало и помещика от необходимости ведения самостоятельного хозяйства, что, как мы видели, затрудняло и самих помещиков, за неимением в переходное время достаточного капитала для организации хозяйства на новых условиях.

Поэтому помещичье земледельческое производство должно было отступить пред крестьянским. Но, конечно, общие размеры хлебного производства и тем более размеры товарного производства с переходом его к крестьянскому хозяйству не уменьшились. Высказывавшиеся до реформы опасения, что освобождение крестьян с землей должно сократить общие размеры хлебного производства, не сбылись; наоборот, крестьянская реформа значительно содействовала увеличению производства. Хотя определение цифры хлебного производства, как статистиков конца 40-х годов, так и середины 60-х, вероятно, очень далеки от истины и могут быть принимаемы, только как приблизительно верные, но и они дают возможность заключить о безусловном увеличении производства хлеба в течение незначительного промежутка времени на границе реформы².

Но вместе с изменением условий производства должны были произойти и изменения в условиях хлебного рынка, чтобы приспособить его к новому производителю и поставщику, изменения, выразившиеся в громадной перетасовке в экономической географии России. Эти изменения в экономической географии пошли тем более быстро, что вместе с реформой, с развитием денежного хозяйства и с работой на рынок, стало необходимым и улучшение путей сообщения, т.-е. расширение находившейся тогда в зачатке железно-дорожной сети.

Главной особенностью помещичьего крепостного хозяйства по отношению к способу поставки его продуктов на рынок являлось, как мы уже

¹ См. примеры остатков этих полукрепостнических форм оплаты труда и аренды земли в «Сельско-хозяйственных статистических сведениях по материалам, полученным от хозяев». Вып. V. Спб. 1892, особенно, напр., стр. 118 и 325. а также Ильин, «Развитие капитализма в России». Спб. 1899, стр. 128 и сл.

² Вильсон. Объяснение к хозяйственно-стат. атласу Евр. России, изд. 4. Спб. 1869, стр. 113.

видели, пользование крепостным трудом в течение свободного от работ зимнего времени. Это обстоятельство позволяло помещикам совершенно не стесняться расстоянием их имений от мест сбыта. В поисках более выгодного помещения своего товара, более высоких цен, более свободного сбыта, они могли поставлять свой хлеб на очень отдаленные крупные рынки, непосредственно потребителю, мукомолу или, в крайнем случае, крупному оптовому торговцу. Поэтому, в свою очередь, крупные центральные рынки, стягивая к себе хлеб с очень больших районов, были всегда более или менее равномерно обеспечены в снабжении хлебом. Это обстоятельство, конечно, и являлось причиной указанного выше большого постоянства цен на потребительных рынках и вообще в районах, не производящих избытков, а нуждающихся в привозном хлебе. Механизм обмена, хотя и крайне несовершенный, но соответствующий общим условиям жизни, все же оказывал уравнивающее влияние на цены и, следовательно, был в высшей степени полезен и городскому потребителю и производителю-помещику.

Самый ход обстановки снабжения обуславливал и географическое распределение течения хлебной торговли, районов тяготения, а также и характер всего строя торговли. Во главе хлеботорговых операций стоял крупный капитал, крупные фирмы; центрами, куда стекались хлебные грузы, являлись немногочисленные, сравнительно, пункты, державшие у себя значительную долю хлеботоргового оборота всего хлебного рынка и управлявшие ходом заготовок на других, меньших рынках. Роль последних даже во всей их совокупности не могла быть значительной именно по тем условиям производства, которые ставили во главе этого товарного производства помещика, т. е. крупного партионного производителя. Местные рынки, вследствие плохих сообщений, отсутствия спроса на местах—кроме разве военного и винокуренного, развития которых, как мы видели, добивались всегда помещики—вследствие отсутствия на местах торгового капитала, не могли вместить крупного предложения помещичьего хлеба. Цены на них всегда были настолько низки, что для помещиков считались убыточными. Между тем подводная повинность позволяла помещикам сноситься непосредственно с крупными потребительными центрами, продавая там хлеб по более дорогой цене, не считаясь, конечно, с нечувствительными для них издержками по доставке хлеба.

Все это и создало в дореформенной хлебной торговле преобладание крупных потребительных и торговых центров над местными закупочными центрами, крупного торгового капитала над мелким, крупной партионной торговли над мелкой и рассеянной на местах. Последняя, конечно, была также весьма распространена, но находилась исключительно в руках тех же крупных торговых домов и касалась, главным образом, продаваемого на местах крестьянского хлеба, тогда как помещичий шел в города, большею частью минуя местных торговцев.

Во главе потребительных рынков стояла Москва, и влияние московских и коломенских капиталистов-хлеботорговцев далеко распространялось—до Орловской, Курской, Рязанской губернии и волжских пристаней, где происходили ссыпка и заготовка хлеба с помощью их агентов и приказчиков. Но и районы непосредственных гужевых подвозов помещичьих хлебов к Москве распространялись на сотни верст к югу, юго-востоку и юго-западу, до губерний Воронежской и Смоленской. Отсюда стекался к Москве помещичий хлеб, ради получения здесь более высоких цен. Конечно, и на этих рынках помещик при продаже хлеба попадал вполне во власть торгового капитала, на близость потребительного рынка и та конкуренция этих капиталов, которой не было на мелких местных рынках, позволяла часто достигать действительно более выгодных цен. С другой стороны, именно возможность «даровой» крепостной доставки на рынок являлась иногда, как мы видели, причиной чрезвычайно низких цен, убыточных и разорительных для тех помещиков, кото-

рые не пользовались этой повинностью или которые вообще вели хозяйство вольнонаемным трудом.

Помимо Москвы крупными потребительскими пунктами, сосредоточившими вокруг себя также крупные капиталы и крупные торговые обороты, являлись почти все более или менее значительные города хлеботоргового центра, производившие в самых широких размерах хлебную торговлю. Но и кроме этих городов, имевших, главным образом, роль руководящих центров капитала, в зависимости от условий торгового оборота и тогдашних путей сообщения, возникали самостоятельные торговые пункты, сосредоточившие вокруг себя также очень крупные обороты. Такими рынками являлись обыкновенно пристани на берегах судоходных и сплавных рек или пункты различных перегрузок и перевалок хлеба, расположенные по главным сухопутным торговым трактам. На них делались обыкновенно заготовки партий хлеба в течение зимы, для дальнейшего сплава его с открытием рек в потребительные центры; иногда зерно подвергалось переработке в муку на мельницах, принадлежащих большей частью также крупным местным торговцам и капиталистам, или крупным московским хлеботорговым фирмам.

Такие условия торговли, с преобладанием в ней крупных оборотов и крупных капиталов, являются вполне характерными не только для черноземного помещичьего центра и юга, но и для других земледельческих районов, напр. для северо-востока, несмотря на сравнительно меньшее здесь распространение помещичьих заповей. И здесь на рынке, в сбыте продуктов, вполне преобладал—даже, пожалуй, еще более, чем в центре, крупный торговый капитал. Здесь важную роль имели, с одной стороны, отдаленность этого района от потребительных пунктов и невозможность даже для помещичьих хлебов непосредственной доставки на рынок; с другой—удобные естественные водные пути, соединявшие эти районы с северными потребительскими пунктами—со всей черноземной полосой и с таким крупным потребителем, как С.-Петербург.

Эти обстоятельства обусловили также и на востоке, в Поволжье крупно-капиталистическую организацию хлебной торговли. Как и в центральном районе, помещичьи подвозы зерна шли на местные рынки и пристани, собираясь также с очень обширных районов. Притом, для пристаней их отдаленность от конечных пунктов доставки играла еще большую роль. При медленности тогдашнего речного транспорта хлебные караваны с волжских, окских, камских, цнинских и других пристаней часто не могли в одну навигацию дойти до северных потребительных рынков. Поэтому районы подвозов помещичьего хлеба, не считавшегося со стоимостью провоза, для некоторых пристаней, более удобно, в смысле скорости доставки, расположенных, хотя бы и в более отдаленных от места производства, были очень обширны и часто выходили из своих экономических границ, тогда как районы других были искусственно суживаемы. Это, конечно, также способствовало концентрации капитала и сосредоточению торговли сравнительно в немногих руках.

Наконец, совершенно особо в этой общей экономической географии стояли два района экспортных рынков, балтийских и южных портов, находившиеся, впрочем, в различных условиях снабжения. Предложение тяготеющего к балтийским портам района, менее плодородного и значительно отдаленного от производящих центральных губерний, обыкновенно отставало от предъявлявшегося здесь заграничного спроса. Кроме близлежащих губерний, балтийские порты снабжались губерниями: Витебской, Смоленской, Могилевской через Зап. Двину; но хлебные избытки этих районов были очень невелики. Из центрально-черноземных же губерний сюда могли идти лишь более ценные сельские продукты. Хлеб же, не только торговый, но и помещичий, последний к тому же совершенно не приспособленный для экспортной торговли, не выдерживал издержек провоза. Поэтому балтийские порты

и не могли играть особенно крупной роли в экспорте хлеба, ограничиваясь, главным образом, экспортом других, более ценных сельскохозяйственных произведений северных районов.

В иных условиях находились южные порты с тяготеющими к ним районами. Хотя благодаря экстенсивности культуры и преобладанию скотоводства, производство хлеба здесь было абсолютно невелико, однако, богатая почва, редкое население давали здесь избытки хлеба, а близость к портам и постоянный хороший спрос в них вызвали быстрый рост зерновой культуры со специально торговой целью сбыта, т.е. развили здесь чисто товарное сельскохозяйственное производство, вместо производства с потребительным характером, преобладавшим в черноземном крепостном центре. Это, в свою очередь, повлияло решающим образом, как на все вообще южно-русское сельскохозяйственное хозяйство, наиболее рано сбросившее с себя крепостные путы, так и на дальнейшую судьбу в хлебном экспорте самих южно-русских портов, постепенно начавших занимать все более видное место в общем хлебном экспорте.

Таким образом, главной чертой, характеризующей условия и организацию торгового обмена и отношений к рынку народного производства до освобождения, является преобладание крупного торгового капитала, крупных торговых сношений, благодаря именно тем экономическим условиям, которые почти совершенно исключали с рынка крестьянское производство и делали помещика единственным представителем товарного производства в земледелии. Одной из причин этого являлась именно та возможность преодолевать все неудобства отсутствия улучшенных путей сообщения и не стесняться расстоянием от рынка, которой обладало помещичье хозяйство в виде крепостной подводной повинности. Этого преимущества было лишено как крестьянское хозяйство, так и хозяйство, работавшее вольнонаемным трудом.

С освобождением крестьян, отношение производителя к рынку и условия снабжения хлебом потребительных рынков должны были коренным образом измениться. Опасения дореформенных экономистов относительно уменьшения хлебного производства в стране после освобождения крестьян совершенно не оправдались: хотя помещичьи запашки действительно уменьшились, и не только в нечерноземной полосе, но и в черноземной, однако, это уменьшение с избытком покрывалось быстрым ростом крестьянских паашек и крестьянских аренд.

Но если помещик, имея в своем распоряжении крепостной труд, мог не стесняться расстоянием и сбывать свои продукты на отдаленные рынки, непосредственно в руки крупных торговцев, чтобы выручить несколько лишних копеек за пуд, то крестьянин оказался в ином положении. Принужденный вырабатывать и продавать товара—хлеба как можно больше, для покрытия сильно возросших денежных расходов, он не мог, однако, везти его за сотни верст, так как зимнее время было дорого ему самому для покрытия заработком оставшихся хозяйственных недочетов, да и деньги нужны были именно осенью, когда предстояло платить разные повинности. Поэтому-то вместе с освобождением и начинается, как быстрое количественное возрастание производства хлеба, так и быстрое развитие хлебного рынка и вообще увеличение его размеров. Но вместе с тем начинается и изменение в самих внутренних отношениях рынка: как результат перехода земледельческого производства в руки крестьян, вместе с демократизацией и децентрализацией земледельческого производства начинается демократизация рынка и децентрализация торговли.

Если у нас не имеется точных цифр о размерах производства хлеба в 60-ые годы, то тем более невозможно вычислить количество поступавшего на рынок и вообще в обращение зерна; поэтому трудно определить и то,

насколько сильное влияние имело на увеличение хлеботоргового оборота освобождение крестьян.

Косвенным подтверждением громадности этого значения могут служить лишь, с одной стороны, размеры увеличения хлебного экспорта, с другой — отдельные факты из области хлебной торговли. Так, экспорт 4 главных хлебов в два соседние реформе пятилетия возрос с 66,8 милл. п. в 1855—60 г.г. до 120 милл. в 1865—70 г.г. Конечно, может быть, значительная доля в этих количествах принадлежала попрежнему помещицкому хлебу. Но если принять во внимание указанные выше сокращения помещицких запасов и увеличение крестьянских, необходимость для крестьянина продавать осенью большие количества хлеба, хотя бы зимою снова пришлось их покупать, то будет очевидно, что это увеличение шло в значительной мере именно за счет поступления на рынок крестьянского хлеба, который стал вытеснять помещицкий. Правда, на рост хлебного экспорта в указанный период должно было повлиять уже начавшееся в то время развитие железнодорожной сети, влияние которой на увеличение размеров поступающего на рынок хлеба вообще трудно выделить от влияния освобождения крестьян. Именно железным дорогам обыкновенно и приписывается решающая роль в развитии нашего хлебного экспорта и внутреннего хлебного рынка, в развитии вообще нашего товарно-денежного хозяйства. Но многочисленные факты доказывают, что оживление торговли, развитие торгового сбыта и работы на рынок наступили очень резко именно под влиянием увеличения местного предложения крестьянского хлеба еще до проведения железных дорог и независимо от них, лишь вследствие общих, указанных выше, изменений в хозяйственном строе.

Так, по словам Безобразова, исследовавшего в 60-х годах хлебную торговлю в камском районе, в бассейне реки Белой, «местные торговцы говорили, что самые значительные запасы хлеба, обращавшиеся в торговле 10 лет назад, ничтожны в сравнении с запасами, ныне закупленными крестьянами»¹.

Другой исследователь южно-русского хозяйства и торговли, Янсон, так описывает подобные же перемены, наступившие вместе с реформой для юго-запада, «Крестьянская запашка сильно увеличилась; вместе с этим появилось резкое различие между крестьянским и помещицким хлебом; первого стало больше. Рожь, просо, греча стали крестьянскими хлебами, пшеница, лен, рапс — помещицкими; производство ржи увеличилось, усилилось ее предложение, цены пали. При помещицком производстве базарная торговля была развита слабо, слабо было и кулачество; были срочные продажи. Теперь количество запасов сократилось (в Малороссии у многих помещиков на половину), развилась базарная мелкая торговля, партионных продаж и срочных поставок не стало»².

Особенно резко сокращение помещицких поставок и развитие крестьянских подвозов сказалось в центральном производительном районе, в особенности, на небольших пристанях, которых крупные производители-помещики раньше избегали, отправляя хлеб на более отдаленные рынки. Так, напр., в Мценске (известной по своим оборотам ржаной мукой пристани на р. Зуше, притоке Оки), тотчас после освобождения, в 1862 г., размер сплава увеличивается более, чем в 8 раз; медленно поднимавшийся и дошедший до 428 тыс. пуд., он в 1862 году возрастает до 3¹/₂ милл., и затем, колеблется около 2 милл. пудов³. Такое резкое увеличение объясняется именно тем

¹ Извест. Импер. русск. геогр. о-ва, т. III, вып. 8, стр. 218.

² Янсон. Влияние реформы 1861 года на сельское хозяйство и хлебную торговлю в юго-западных губерниях. Тр. В. Эк. общ., 1868 г., IV.

³ Труды экспедиции, снаряженной Имп. Вольно-экономическим и Русск. географическим обществами для исследования хлебной производительности и торговли России. Т. III, вып. I. Чаславский. Хлебная торговля в центральном районе. Спб. 1873 г. Ч. I, стр. 144.

обстоятельством, что доставка помещичьего хлеба в отдаленные города, на более крупные рынки, прекратилась вместе с упразднением крепостного труда и хлеб поэтому стал грузиться в Мценске. Точно так же многие пристани, обладавшие каким-нибудь преимуществом в их расположении и поэтому стягивавшие грузы с далеких районов, стали терять свое значение и уступать часть грузов другим, менее удобным, но расположенным ближе к местам производства ¹.

Такая же участь постигла и целый ряд других городов, прежде крупных свалочных хлебных пунктов, потерявших с освобождением крестьян и уничтожением дарового подвоза значительную долю хлебных грузов в пользу других городов; таковы, напр., Белгород, Глухов, Севск, Дмитровск и др., на счет которых стали развиваться Суджа, Сумы и др. ².

Таким образом, вместе с освобождением крестьян обнаружилось не только увеличение общего количества хлебного производства, но в особенности крестьянского, т. е. мелкого, некапиталистического производства. Вместе с тем, обнаружилось и другое, тесно связанное с этим и представляющее прямым его следствием, явление — измельчание торговли. Другими словами, с децентрализацией производства шла и децентрализация обмена, децентрализация капитала, шло рассеяние торговых путей и рынков, применительно к новым условиям сбыта.

Понятно, что центральная, бывшая крепостная Россия была особенно заинтересована в такой перемене условий сбыта, так как, непроезжая и отдаленная от рынков, она должна была первая страдать от невозможности для мелкого производителя продавать свои продукты. Правда, крупные помещики и теперь могли еще поставлять хлеб на более или менее отдаленные рынки на наемных подводах, хотя бы это обходилось довольно дорого: их хлеб шел часто непосредственно в руки крупных московских и др. торговых фирм; но крестьянский хлеб должен был находить себе сбыт возможно ближе и возможно скорее после жатвы. Для его услуг и явился мелкий посредник, в лице ли самостоятельного мелкого деревенского скупщика или в лице комиссионера более крупных торговцев, появившегося в торговых селах и деревнях.

На базары этих мелких торговых пунктов теперь свозился крестьянами ближайших окрестностей хлеб, ссыпаясь в амбары для перепродажи в более крупные пункты торговцами. Они были единственными скупщиками крестьянского местного хлеба и других продуктов крестьянского производства и, за отсутствием конкуренции, держали в своих руках весь сельско-хозяйственный и хлебный рынок, устанавливая цены, давая вперед задатки и т. п. Еще более дробная и мелкая скупка шла в районах, расположенных побли-

¹ Вильсон. Об'яснение к хоз.-статист. атласу, стр. 135. Так разрешилась, напр. конкуренция между двумя крупными волжскими пристанями, Промзинской и Лысковской. До освобождения Лысковская пристань далеко превосходила своими операциями Промзинскую и находилась в цветущем состоянии; со времен же освобождения, обороты ее начали сильно падать, и значительная доля хлебной торговли перешла в Промзино. Причина заключалась в том, что Лысковская пристань, находясь ближе Промзинской к Нижнему и Рыбинску и отправляя свои запасы с первым же весенним рейсом, доставляла их в ту же навигацию к Петербургу; понятно, что цены Лысковской пристани стояли всегда значительно выше всех других волжских пристаней. Поэтому с наступлением зимнего пути к Лысковской пристани стекались громадные массы хлеба, который доставлялся сюда иногда верст за 200 и более из губерний: Нижегородской, Симбирской, Пензенской и даже Тамбовской, за счет труда бывшего барщинного крестьянина. С уничтожением крепостного права и, следовательно, даровой доставки хлеба, обстоятельства совершенно изменились; ни сам помещик, ни тем более новый самостоятельный производитель — крестьянин не могли уже из-за нескольких копеек разницы в цене везти хлеб на далекие рынки — и район Лысковской пристани вошел в свои нормальные экономические границы — несколько соседних уездов, уступив остальную часть своего большого района другим пристаням и увеличив этим их обороты.

² Чаславский. Хлебная торговля в центральном районе. Ч. II. Спб. 1875 (Труды эксп. о хлебн. торг. Т. III, в. II), стр. 283.

зости к потребительным центрам или сплавным рекам, где хлеб скупался целой армией скупщиков-прасолов, раз'езжавших по деревням, покупавших у крестьян всевозможные продукты и затем на подводах отправлявших до ближайшей пристани. Хотя в этих районах, благодаря конкуренции скупщиков, цены в меньшей степени зависели от местного торговца, чем в более глухих местностях, но все же, вследствие трудности дальнейшего сбыта и неурегулированности спроса и предложения, колебания цен были очень значительны и уровень их невыгоден для производителя.

Таковы были изменения, внесенные крестьянской реформой в положение сельско-хозяйственного рынка, изменения, выразившиеся в начавшемся тотчас после освобождения преобладании на рынке продуктов крестьянского производства и в мелких продажах их, т.-е. в демократизации и децентрализации обмена. Место прежнего крупного крепостного производства и крупной капиталистической организации обмена заняла та система народного хозяйства, которая в исторической схеме ближе всего подходит к системе «производства на скупщика». Характеризуясь большим рассеянием производства, раздроблением его среди мелких производителей, но производством все же уже не потребительных, а товарных ценностей, эта система, будучи совершенно далека от капиталистической организации производства, в то же время, однако, разорвала связь и с прежним натуральным строем. Она уже имеет вполне капиталистически организованный сбыт, совершенно почти не допуская непосредственного общения производителя с рынком.

Зависимость мелкого производителя от рынка, его служение этому рынку становилось тем полнее, чем совершеннее были орудия и средства этого подчинения, т.-е. орудия обмена. Организация обращения вообще и устройство путей сообщения в особенности—явились одним из важнейших и необходимейших условий в этом отношении. Поэтому, вместе с указанной коренной переменой в характере производства и как результат ее, в отношениях производителя к рынку естественной необходимостью должен был явиться новый фактор, действие которого еще более закрепило зависимость всего народного хозяйства от рынка, еще более способствовало возможности работы на этот рынок и оказалось еще существеннее в смысле дальнейшей децентрализации торговли, дальнейшего преобладания мелкого капитала, более быстрого оборота торговых операций, уравнивания цен и т. п. Это была постройка железных дорог, охвативших вслед за освобождением правильной сетью всю Россию. Они явились, таким образом, завершительным процессом преобладания в земледельческом хозяйстве товарно-торгового производства зерна, с целью продажи его на рынок.

ГЛАВА VII.

Сельско-хозяйственный рынок и железные дороги.

План и цель первоначального железнодорожного строительства.—Земледельческий характер железнодорожного движения.—Значение железных дорог для развития сельско-хозяйственного рынка.— Новые перемещения в экономической географии.— Демократизация и децентрализация рынка.

Известно, что постройка железных дорог в России началась еще задолго до освобождения крестьян, сооружением (не считая мелких линий) Варшавско-Венской в 1845—48 гг. и С.-Петербургско-Варшавской железной дороги в 1853—62 гг. Но, имея большое стратегическое значение, эти дорсги не могли иметь почти никакой экономической роли, в особенности в обмене сельско-хозяйственными произведениями, так как были слишком удалены от

хлебородных черноземных районов. Первой, важной в этом отношении, линией была Николаевская железная дорога, сразу оказавшая громадную перемену в условиях снабжения петербургского рынка ¹. Но для центрального земледельческого района и она имела лишь небольшое значение. Таким образом, в первое двадцатилетие железнодорожное строительство почти совершенно не приобрело хозяйственного значения, в особенности для земледелия центральных районов, и носило характер осторожных опытов, встречая часто даже отрицательную оценку со стороны современников ².

Громадное хозяйственное значение и крайняя необходимость улучшенных путей сообщения и создания железнодорожного транспорта ясно выдвинулись лишь с падением крепостного хозяйства: железные дороги должны были явиться орудием скорейшего перехода к денежному хозяйству. Для того, чтобы использовать все громадное экономическое значение железных дорог, необходим был общий последовательный план создания законченной железнодорожной сети, сообразно хозяйственным нуждам и значению отдельных географических районов. А для этого, в свою очередь, требовалось глубокое знание хозяйственной жизни страны, соотношений и нужд районов, через которые проходила новая железнодорожная линия. Но таких сведений крепостная статистика и экономика не давали.

Официальная статистика в то время почти отсутствовала, да и имевшаяся, по словам самих правительственных органов, не заслуживала почти никакого доверия; частных исследований было также очень мало. Приблизительную доходность, наивыгоднейшее направление проектируемых линий определить было очень трудно, так же, как предвидеть, насколько та или другая линия может поднять и оживить промышленную жизнь края в будущем. Прежде, чем приступить к постройке дорог и к выработке сети, необходимо было детальное изучение местных торговых нужд, местного производства, местных богатств ³.

Поэтому-то—помимо, конечно, посторонних причин—правильность создания железнодорожной сети, согласно нуждам народного хозяйства, часто затруднялась и нарушалась. Одно, что с разрушением крепостного хозяйства стало ясно—это необходимость при возникшем денежном хозяйстве открыть земледелию возможно более широкий рынок для его продуктов. Сельско-хозяйственные продукты, и из них прежде всего—зерновой хлеб, естественно явились первым материалом для железных дорог.

Железные дороги необходимо было строить по главным артериям прежней промышленной и торговой деятельности. В этих видах на первую очередь было поставлено соединение Москвы с Петербургом и балтийских

¹ Небольсин. Движение по Николаевской жел. дор. Тр. В. Э. Об., 1860, IV.

² Необходимо отметить, что не только у нас, но и в Зап. Европе, напр. во мнениях таких деятелей, как Тэер, железные дороги встречали совершенно отрицательную оценку. Неудивительно поэтому, что и у нас первоначально смотрели на железные дороги как на затею, не только не нужную, но прямо вредную. Указывали, что железные дороги отвлекут громадные массы капитала на свои непроизводительные затраты от земледелия, и без того не богатого капиталами; что самые климатические условия России не позволяют надеяться на возможность развития железнодорожного пути, паровой тяги, годных разве только для пассажирского движения, но никак не для товарного, и потому не могущих иметь какого-либо значения в экономической жизни; наконец, что развитие железных дорог, требующих громадных количеств топлива, повлекло бы истребление лесов, а развитие парового транспорта убило бы извозный промысел и оставило бы тысячи крестьян без зимних заработков. См. Куломзин. Наша железнодорожная политика по документам Архива Комитета Министров. Спб. 1902, т. I, стр. 15 и след.

³ С этой целью, напр., тогдашний министр путей сообщения обратился к губернаторам с просьбой описания существующих торговых путей разного рода и необходимых для развития торговли новых путей; с этой же целью к министру государственных имуществ стали поступать из губернских всеподданнейших отчетов различные сведения, касающиеся сельского хозяйства и условий сбыта сельско-хозяйственных продуктов. Но все эти сведения, конечно, были мало удовлетворительны для освещения такого важного вопроса. Куломзин. Наша железнодорожная политика, т. I, стр. 37.

портов с хлеботорговыми местностями центра. Другой, стоящей на первой очереди линией, была признана южная, которая должна была соединить Москву с центром, центр и юг с южными портами и открыть, таким образом, «удобное в крае сообщение для сбыта продуктов на юг—за границу, на запад и северо-запад—во внутренние губернии»¹.

Эти два направления и должны были лечь в основу того остова железнодорожных линий, который с течением времени должен был получить дальнейшее развитие. Уже в высочайшем указе об учреждении Главн. общ. железных дорог были намечены главнейшие основания предполагаемой железнодорожной сети. Она должна была состоять из магистралей «от С.-Петербурга до Варшавы и прусской границы, от Москвы через Курск и низовья Днепра до Феодосии, и от Курска и Орла через Динабург до Либавы; таким образом, непрерывным через 26 губерний железным путем соединятся взаимно: три столицы, главные судоходные реки наши, сосредоточие хлебных наших избытков и два порта на Черном и Балтийском морях, почти весь год доступные; облегчится сим образом вывоз заграничный, обеспечится привоз и продовольствие внутреннее»².

Таким образом, в правительственной железнодорожной политике на первом месте стояло целью вовлечение в торговый оборот и связывание с рынком именно земледельческих районов. Помимо финансово-технической стороны, основой которой явилось широкое допущение частного предпринимательства и инициативы в железнодорожном хозяйстве, приведенный высочайший указ содержит и вполне законченную экономическую программу железнодорожного строительства в указанном смысле. Было признано, что наивысшую важность представляют именно те дороги, которые соединяют хлеботорговые районы с внутренними рынками, т.-е. обеспечивают их снабжение. Таково было значение первой крупной линии—С.-Петербург—Москва. Лишь затем, обеспечив внутренний рынок, железные дороги должны были соединить производительные районы также и с портами, открыв их продуктам сбыт за границу. Эти главные принципы как финансовой, так и экономической железнодорожной политики, несмотря на некоторые частные отступления, в общем сохранились и при дальнейшем развитии железнодорожной сети³.

Менее, чем через 10 лет после начала правильного и планомерного железнодорожного строительства, к концу 1868 года, была уже открыта сеть линий, соединяющих Москву с производительными районами: дорога Москва—Курск привлекала к Москве грузы центра, Москва—Козлов—Воронеж собирала хлеб с юго-востока, Москва—Нижний—со всего волжского и камского района, Москва—Петербург отчасти служила путем привлечения грузов с северо-запада, отчасти снабжала южным хлебом С.-Петербург. Только вслед за сооружением этих линий началась постройка путей, соединяющих хлеботорговые районы с портами и служащих для доставления хлеба на вывоз. Сюда принадлежит прежде всего магистраль Рига—Царицын, начатая строиться отдельными участками впрочем много ранее, но законченная только в 1871 году: пройдя с низовьев Волги и юго-восточных степей через черноземный центр, она явилась широким руслом для вывоза избытков хлеба за границу. После постройки этих линий стали соору-

¹ Куломзин, Наша железнодорожная политика, т. I, стр. 38.

² Куломзин, Наша железнодорожная политика, т. I, стр. 73.

³ Более подробно о ходе нашего железнодорожного строительства, а также о железнодорожной политике—впрочем исключительно с финансово-технической стороны—кроме цитированного труда Куломзина см. Головачев, История железнодорожного дела в России, Спб., 1881 г., а также «Краткий исторический очерк начала и распространения железных дорог в России». Спб., 1898. М. Гулин, «Наша новейшая железнодорожная политика и железнодорожные займы». Харьков, 1903. Соколов, «Начало железнодорожного дела в России». В. Е. 1899, III—V.

жаться и другие, не изменяя общего плана сети. К концу 1875 г. центр обогатился новыми линиями Москва—Ярославль, а также Сызрань—Вязьма и Козлов—Саратов, увеличившими район тяготения к Москве далеко на восток и юго-восток. Кроме этих двух линий, работавших отчасти также и на экспорт, главными экспортными линиями явились Курск—Харьков—Одесса, Харьков—Ростов, Воронеж—Ростов, Харьков—Севастополь, служившие выходами хлеба центра в южные порты, и линия Либава—Ромны, ставшая вместе с Риго-Царицынской линией стягивать грузы не только центральных, но и южных губерний к балтийским портам.

К 1875 году явился уже вполне законченным тот остов железнодорожной сети, который был намечен в указе об учреждении Главного общества железных дорог в 1862 году и в осуществлении которого выразился главный принцип экономической железнодорожной политики: 1) соединить Москву, как главный потребительный рынок, снабжающий также и всю нечерноземную полосу, с производительными районами Поволжья, юго-востока, юга и центра; 2) дать каждому порту Балтийского и Черного моря свою дорогу, с помощью которой он мог бы привлекать к себе грузы тяготеющих к нему районов. При последующем выполнении плана вторая его часть—служение задачам экспорта—получила особенно важное значение и выдвинулась на первое место. После этого выдвинулись также и другие задачи и цели железнодорожного строительства. Именно, после сооружения железных дорог, обслуживавших сбыт сельско-хозяйственных продуктов, стали развиваться дороги, служащие нуждам других отраслей промышленности; но дороги, сооруженные в первоначальный период строительства, были почти все дорогами земледельческими, такими, которые питали лишь внутренний рынок, и сами «питались исключительно продуктами черноземных районов».

Таким образом следует признать, что наше железнодорожное строительство вовсе не носило такого случайного, вызванного внешними причинами, характера, вовсе не было элементом, чуждым общему строю тогдашней жизни, и в первоначальный свой период вовсе не было направлено исключительно на цели экспорта, как это принято считать. Наоборот, первые железные дороги открывали земледельческим районам только внутренний широкий рынок. Те исключительные стремления к экспорту продуктов сельского хозяйства, главным образом зернового хлеба, которые стали проявляться в позднейшем железнодорожном строительстве и в тарифной политике, были вызваны причинами, лежавшими в условиях обще-финансовой политики и принуждавшими именно к такому покровительству экспорта. Само же по себе развитие железных дорог, начавшееся вместе с падением крепостного хозяйства и с водворением денежного, являлось лишь естественным следствием стремления народного производства, переросшего местный рынок, к более широкому и свободному рынку.

Понятно, что сами железные дороги явились настолько могущественным новым экономическим фактором, что их влияние должно было надолго затемнить действие других факторов, тем более, что, начав свое развитие на почве расширения сбыта прежде всего продуктов сельского хозяйства, железные дороги должны были послужить могущественным толчком для развития и других отраслей промышленности, а для некоторых и началом их. Вместе с тем они явились началом коренных перемен в общей торгово-промышленной политике, вопросы которой с тех пор становятся в неразрывную связь с вопросами железнодорожной политики и которая наиболее ясное выражение находит в покровительстве с помощью тарифной системы экспорту сельско-хозяйственных произведений, ради удержания благоприятного торгового баланса.

С освобождением крестьян и с изменением условий сбыта хлеба и сельско-хозяйственных продуктов, в одинаково невыгодных условиях очутился как помещик, лишившийся дарового труда для доставки своих произведений

на рынок и натолкнувшийся, вследствие этого, как на непреодолимое в тех условиях препятствие для правильного развития хозяйства—на стену низких и непостоянных местных цен; так и крестьянин, принужденный общим течением экономической жизни к расширению своего хлебного производства, но не имевший достаточно широкого готового рынка и без возможности приобрести новые рынки за отсутствием улучшенных и дешевых путей сообщения.

Между тем, в самых условиях освобождения крестьян, уменьшением их земельных наделов и увеличением денежной финансовой тяготы были уже заложены элементы необходимости крайнего, экстенсивного расширения крестьянского производства, необходимости для крестьянского хлеба поисков за рынком. Железные дороги явились необходимым посредником, открывшим этот рынок для крестьянского хозяйства. Вместе с тем они постепенно стали изменять сначала условия сбыта, а затем, внедряясь далее в глубь хозяйственных отношений, изменили и общий строй крестьянского земледельческого хозяйства, обратив его из продовольственного в торговый, из замкнутого и самоудовлетворяющегося не только в сбывающий на рынок избытки от собственного потребления, но в преобладающей массе или даже исключительно работающий на рынок. Притом, вследствие общих экономических условий, этот рынок часто извлекал из хозяйства не только «избытки», но также и то, что могло бы и должно бы остаться в хозяйстве ради производительных целей. Железные дороги вместо того, чтобы служить клапаном, выводящим избыток, стали постепенно служить способом для более легкого и полного выжимания из хозяйства последнего пуда хлеба, «последней копейки». Но все это принадлежало уже к позднему периоду железнодорожного строительства.

Вторая половина 60-х годов, время усиленного железнодорожного строительства, была временем резких перемен и перемещений в географии промышленности, сельского хозяйства и торговли. Падение одних промышленных и торговых центров и поднятие других, расширение одних районов сбыта на счет других, направление новых торговых путей—все это вело к тому, что и само производство тех местностей, близ которых проходили железные дороги, становилось в совершенно новые условия. Резкость и сила всех этих перемен в народном хозяйстве сказывались еще тем более сильно, что только-что совершившееся освобождение крестьян дало промышленной жизни, сельскому хозяйству и торговле такие новые формы и столь новое направление, что для того, чтобы приспособиться к ним, нужны были многие годы. Между тем, проведение железных дорог часто снова меняло, в ином уже направлении, только начавшиеся слагаться новые формы промышленной и торговой жизни.

Поэтому, вместе с развитием железных дорог, особенно в первоначальный период железнодорожного строительства, вместе с необычайным оживлением промышленности вообще, с необычайным развитием как внутренней, так и внешней торговли, наступает коренная ломка промышленных и торговых отношений различных районов России, часто направлявшая их производство совсем в иную сторону. В течение нескольких лет железные дороги окончательно переменили промышленную географию страны и торговое значение отдельных пунктов.

Посмотрим же, на счет чего шло усиленное биение этого нового пульса промышленной жизни—железных дорог—в тот период, когда влияние его стало сказываться уже достаточно ощутительно.

Уже самая постройка железных дорог прежде всего через черноземные производительные районы показывала, что должно было служить материалом, которым обуславливались возникновение и жизнь железных дорог. Недостаток хлебного сбыта и снабжения, как мы видели, должен был самым тягостным образом сказываться и на крепостном сельском хозяйстве; для

свободного же мелкого крестьянского производства он был совершенно невыносим. Поэтому железные дороги должны были тотчас же завладеть транспортом хлебных грузов, и на первое время, чем более вглубь страны прорезывались железнодорожные линии, чем интенсивнее развивалось железнодорожное движение, тем большая доля в нем принадлежала хлебным перевозкам.

Масса хлынувшего на железные дороги хлеба стала быстро возрастать и абсолютно и относительно, обгоняя в своем росте перевозки всех других грузов. Так, в первые годы развития сети, перевозки по железным дорогам составляли, в миллионах пудов:

	Всего товаров малой скорости. Милл. пуд.	Всего хлебных грузов.	% хлебных грузов в общем движении.
1870	492	135	27,8
1873	1.153	444	38,8
1874 ¹	1.356	557	41,1
1876 ²	1.374	577	42,0

Завоевывая все более и более преобладающее место в общей массе перевозок по всем железным дорогам, хлеб для некоторых из них являлся почти исключительным источником перевозок и, следовательно, доходности. На Тамбово-Козловской жел. дороге хлебные грузы составляли до 73,1%, всей массы грузов, на Рыбинско-Бологовской—57,6, на Орлово-Грязской—83,6, на Ряжско-Моршанской—88,9%.

Общее оживление, которое должны были вдохнуть в хлеботорговый обмен железные дороги, сказалось не только быстрым ростом собственно железнодорожных перевозок хлеба, но, вместе с улучшением сбыта его, должно было, конечно, увеличить общее количество поступавшего на рынок хлеба, т.-е. повлечь и увеличение сплавов хлеба по рекам к железнодорожным линиям, а также гужевых подвозов к станциям. Этому росту обмена, как мы видели, вполне соответствовали и нужды возрастающего и принимавшего денежные формы хозяйства.

Размеры хлеботоргового оборота почти невозможно определить статистически точно. Насколько возможно, воспользуемся приблизительными данными министерства земледелия, относящимися к 1865—67 гг., когда, кроме Николаевской и Варшавской, были отстроены лишь линии Рига—Динабург, Москва—Нижний, Москва—Козлов, Одесса—Балта, при этом лишь последние две линии могли иметь самостоятельное хозяйственное значение, так как линия Москва—Нижний могла обслуживать главным образом только московский рынок и только грузами, идущими с Волги. Общий итог обрабатывавшегося во внутренней торговле хлеба определялся ³:

По водным путям	113.299.217 пудов =	48%
По железным дорогам	36.283.000 » =	15%
По гужевым путям	87.000.000 » =	37%
Всего, примерно, до	236.600.000 » =	100%

Цифры показывают, что даже две-три упомянутые линии сразу завладели значительной частью торгового движения, отняв его от гужевого. За неимением подобных данных о размерах хлебного оборота внутренней торговли в предшествовавшие железнодорожному строительству годы, невозможно определить, насколько увеличился общий итог внутреннего торгового оборота. Поэтому, не входя в дальнейшее рассмотрение этих цифр о коли-

¹ Чупров. Железнодорожное хозяйство. Москва 1878, т. II, стр. 242.

² Сборник стат. свед. по министерству путей сообщения, вып. III, Спб. 1879, стр. 15.

³ Вильсон. Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу, стр. 171.

чественных итогах влияния железных дорог, остановимся лишь на общем характере тех внутренних изменений, которые они внесли вообще в положение обмена и сбыта сельскохозяйственных продуктов и в перестройку экономической географии России.

В районах, еще не затронутых железными дорогами, но уже начавших испытывать развитие денежного хозяйства, со времени освобождения должен был быстро возрасти сбыт хлеба по водным путям и гужем, увеличив таким образом общие обороты торговли; в районах же, где дороги были уже построены, они сразу отняли от водных путей и гужевых подвозов громадную долю их грузов. Поэтому, сплав хлеба и других сельских продуктов с некоторых пристаней, часто лишь со времени освобождения начавших развивать свои обороты, обыкновенно быстро падал, как только рядом проходил железнодорожный путь.

В этом отношении особенный интерес представляет влияние, произведенное на сложившиеся уже пути и условия хлебной торговли открытием линий южнее Москвы, соединивших главные земледельческие центры с одной стороны с Москвой, с другой — с балтийскими портами. Линия Рига — Орел, а затем Орел — Царицын, разделившая всю Россию на две части и перерезавшая старые пути сбыта к Москве, тем самым оторвала весь юг от снабжения московского рынка его продуктами, предоставив этот последний юго-востоку, с новым путем движения — дорогой Москва — Козлов — Саратов. Однако, проведение новой линии Ряжск — Моршанск, а затем Вязьма — Самара поставило и юго-восточный район все в большую зависимость от тяготения к северо-западным портам, отодвинув район снабжения Москвы все более к северу и заставив юг все больше работать на внешний рынок. Чем далее вглубь страны проходил на юго-восток и на северо-запад железнодорожный путь, чем большее число рынков соединял он, тем сильнее сказывалось на них действие нового средства сообщения — падением одних и поднятием других.

Перерезав поперек старые пути водного и гужевого движения, эти дороги быстро лишили прежние крупные рынки сбыта и прежние сплавные пристани их недавнего значения в торговле вообще и в особенности в снабжении Москвы. Так, близ Орла и его уездных городов, Ельца и Ливен, проходили, с одной стороны, главные гужевые пути и водные сплавы, снабжавшие Москву хлебом юга, с другой — отсюда начиналось движение на северо-запад. Железные дороги резко изменили соотношение этих районов и путей. Проведенная раньше других Московско-Курская дорога, с одной стороны, уничтожила гужевые подвозы от Орла непосредственно к Москве и подорвала сплав к Москве хлеба с верхне-окских пристаней, с другой — лишила Калужскую и Смоленскую губернии и всю Белоруссию орловского хлеба, куда он отправлялся до жел. дорог. Окские пристани, орловская, мценская и белевская, в последние годы до открытия железных дорог сплавляли к Москве до 4—4,5 милл. пуд. хлеба, с открытием же дорог количество сплава упало до 1—1,5 милл., при чем орловская пристань стала сплавлять, напр., в 10 раз меньше прежнего. Но и железнодорожные отправки Орла к Москве были скоро отвлечены в другую сторону: дорога Рига — Орел, а затем и Орел — Царицын окончательно отклонили грузы южнее этой линии к балтийским портам, так что и Курская дорога стала служить уже не для подвоза хлеба к Москве, а лишь к Орлу, где он далее перегружался на экспортную Ригу-Орловскую дорогу. Даже более того: началось движение к Орлу хлеба не только с южного участка, но и с северного, от Москвы. Таким образом, Орел в течение двух-трех лет был совершенно отрезан от Москвы и стал работать исключительно на вывоз к северо-западу, к портам.

В таком же направлении повлияли на снабжение московского рынка и другие дороги, напр. Моршанская, Козловская и Рязанская. Одним из круп-

нейших юго-восточных центров, снабжавших Москву хлебом, был Моршанск, сплавлявший к Москве по окским и цнинским пристаням до 10—10,5 милл. пуд. хлеба. С проведением дороги от Моршанска сплав с этих пристаней быстро падает до 6 милл. пуд., отдавая остальное количество грузов железной дороге, которая, впрочем, направляет их сначала также еще на московский рынок. С открытием же новых линий, Тамбово-Козловской и Грязе-Борисоглебской, связавших район Моршанска с портами, сплав с пристаней к Москве еще более пал, сократившись на окских пристанях до 350 тыс. пуд., на цнинских же до 3,5 милл. пуд. и отдав, наоборот, значительную часть грузов на запад. Проведение Рязанской дороги также сказалось сокращением отправок к Москве с рязанской пристани, доставлявшей до проведения дорог 150—200 тыс. пуд. хлеба: одно соединение Москвы с Рязанью сократило сплав по реке до 75—80 тыс. пуд., а продолжение дороги до Козлова свело доставку водой к Москве рязанского хлеба всего до 3,4—4 тыс. пуд.¹

Таким образом, с первых же лет проведения железных дорог быстро изменились условия снабжения московского рынка и условия сбыта хлеба из центральных губерний. Вместе с падением сплава по рекам сильно упали и гужевые подвозы к потребительным рынкам, в особенности к таким, как Москва, питавшаяся, главным образом, гужевыми подвозами. По определению московской городской управы, в Москву свозилось, до проведения железных дорог, гужем до 15 милл. пуд. хлеба ежегодно, и это число можно считать до некоторой степени верным, по сравнительно удовлетворительному способу регистрации; в течение первых же пяти-шести лет по открытии московских железных дорог, гужевые подвозы к Москве падают до 500—800 тыс. пудов.

Но проведение железнодорожного пути до какого-либо пункта не всегда еще обозначало падение его торговой деятельности. Если железная дорога оканчивалась в этом пункте, то это обстоятельство, наоборот, являлось вначале причиной значительного оживления его оборотов, вследствие того, что грузы, шедшие прежде к потребительным рынкам по более прямому пути, теперь стали тянуться к конечному пункту новой железной дороги. Но стоило только движению по ней открыться далее, в глубь плодородных местностей, как и временно оживившаяся деятельность нового торгового центра быстро падала, рассеивая свои обороты, капиталы и деятельность по отдельным местностям и мелким станциям железной дороги. Этим обстоятельством и объясняется частое и быстрое развитие многих городов вслед за проведением к ним железных дорог, но также быстрое и заметное сокращение их деятельности при дальнейшем проведении дороги; такова судьба Моршанска, Козлова, Коломны и многих других городов.

Особенно резко падение торгового значения произошло в таких преддвериях крупных потребительных рынков, каким была, напр., для московского рынка Коломна. Лежавшая на соединении двух самых больших гужевых трактов—рязанского и курского, стягивавших к Москве весь хлеб юга и юго-востока, а также водного пути, собиравшего волжские и окские грузы, Коломна являлась огромным торговым узлом, державшим в своих руках значительную долю хлебной торговли производительных местностей и снабжения московского рынка их земледельческими продуктами. Крупные торговые дома Коломны имели своих агентов далеко на юге, по волжским, окским и цнинским пристаням и в Москве. Они обыкновенно занимались не только скупкой всевозможных сельских произведений и хлеба, но и переработкой этого последнего в муку для московского рынка. В годы до проведения железных дорог, по частным сведениям, обороты Коломны определялись в 15—20 милл. пудов, из которых 11—14 милл. пудов шло гужем.

¹ Чаславский. Торговля в Риге. Спб. 1875. Труды Экспедиции, снаряженной И. В. Э. и Русск. Геогр. Общ. для исследования хлебной произв. и торг. Т. III, вып. II, ч. II.

Проведение железной дороги сначала не только не убило торговли Коломны, но, наоборот, дало сильный толчок ее развитию; именно, проведение ветки от Москвы до Коломны значительно усилило роль Коломны в снабжении Москвы, так как отвлекло к себе часть грузов, шедших прежде непосредственно к Москве. Хотя судоходство к Москве от Коломны сильно пало, гужевые подвозы уменьшились, но зато все эти грузы стали поступать в Коломну на железную дорогу; район гужевых подвозов к Коломне также значительно расширился. Благодаря сплошному рельсовому пути к С.-Петербургу, Коломне удалось завязать даже непосредственные сношения с ним. Все это способствовало, в период существования участка только до Коломны, сильному оживлению ее торговой деятельности; со времени с 1861 года по 1866 год, т.-е. в течение 6 лет, хлебный отпуск Коломны в Москву увеличился в 12 раз и достиг почти до $4\frac{1}{2}$ милл. пудов. Но с проведением дороги сначала до Рязани, а затем до Козлова, начинается быстрое падение как хлебных оборотов ее вообще, так и роли ее в снабжении московского рынка; в течение четырех лет, следующих за проведением дороги далее Коломны, т.-е. с 1866 по 1870 год, обороты ее снова падают в 3—4 раза по сравнению с первой половиной 60-х годов; пристань Коломны также быстро теряет свое значение, как сборный пункт для московского хлеба, в течение 8 лет уменьшая количество собираемых ею грузов в 12 раз; вместе с тем уменьшаются и гужевые подвозы, идущие с тех пор не к Коломне, а к ближайшим железнодорожным станциям; в результате, Коломна, доставлявшая в Москву еще в середине 60-х годов до половины всего хлеба, уже к концу 60-х годов стала поставлять всего 5—6%, низведя себя, таким образом, на степень обыкновенной железнодорожной станции, имеющей район тяготения 30—40 верст и отпускающей 1—2 милл. пудов вместо 15—20 милл. пудов за немного лет пред этим ¹.

В судьбе Коломны нашла лишь более резкое выражение история многих других торговых центров, в особенности средней черноземной полосы, в первоначальный период железнодорожного строительства. Изменения в промышленном и торговом значении районов и различных торговых пунктов происходили быстро и резко и, конечно, не ограничились одним лишь географическим перемещением старых и возникновением новых, но повлекли за собой коренные изменения и во внутреннем строе торгового капитала.

В старой торговле господствовал капитал преимущественно крупный; концентрируясь в крупных торговых центрах, он большею частью непосредственно к себе собирал хлеб от производителя—оптового ли—помещика, мелкого ли—крестьянина. Известная градация торгового капитала, конечно, была, и даже очень определенная. Обыкновенно вслед за такими главами торгового капитала, каковы московские и коломенские купцы, ворочавшие делами на всем потребительном рынке, стояли купцы козловские, елецкие, моршанские, нижегородские, обладавшие уже меньшим капиталом, работавшие в меньшем районе и большею частью являвшиеся посредниками более крупных по закупке местных сельских произведений. Вся их роль, значение и условия успеха деятельности состояли в постоянном общении с местными производителями, в знании местного рынка. Скупка хлеба велась ими непосредственно на местных базарах и привозах у крестьян, иногда же у более мелких сельских купцов, прасолов и т. п. В районах, носивших более оживленный торговый характер, вследствие близости потребительных рынков, скупка хлеба по деревням часто производилась собственными приказчиками и агентами, которых имели иногда на местах производства не только козловские, елецкие и др. купцы, но и из более далеких потребительных рынков, напр. московские и коломенские; но вообще более была распространена

¹ Чаславский И. Хлебная торговля в центральном районе. Ч. I, стр. 101 и след. Труды экспед. И. В. Э. и Русск. Геогр. Общ.

покупка через мелких, ближе знающих местные условия, агентов, самостоятельных купцов.

Зерно—товар проходило, таким образом, через ряд рук, вполне самостоятельных, но тесно связанных между собою, с данной местностью и с данным кругом производителей. Если для успеха деятельности торговцев им необходимо было близкое знание местных условий—обстоятельство особенно важное при тогдашнем положении малоосведомленной торговли, то и производитель близко знал торговца или торговый дом, которому он продавал, так как число мест скупки было сравнительно невелико. Это, конечно, создавало для торговца некоторую монополию на рынке и не обеспечивало, с другой стороны, и продавца от различных злоупотреблений со стороны покупателя, но все же производитель был сравнительно близок к рынку.

Кроме того, эти торговцы и торговые дома не являлись исключительно представителями только торгового капитала: они были частью и предпринимателями, т.е. представителями производственного капитала, так как обладали почти всегда собственными мельницами, перерабатывавшими скупаемое ими зерно. Это заставляло их заботиться о чистоте, высоком качестве и однородности продукта, влияя, таким образом, в этом же направлении и на производство.

Проведение железных дорог, меняя условия закупки и отдаляя места сбыта, вместе с тем резко изменило состав торгового класса, оказав решающее действие на самые условия производства и положение производителя. Прежде всего стали исчезать прежние более или менее крупные места ссыпки и закупок зерна. Хлеб потянулся теперь уже не по старым трактам—к излюбленным и известным крестьянину базарам, а к станциям железных дорог, где, собираясь по мелочам скупщиком, отправлялся непосредственно на экспорт двумя-тремя вагонами. Прежде оптовый торговец, экспортный или работавший на внутреннем рынке, заботился о составлении крупных партий, требовал чистоты и однородности зерна. Все это обуславливало и особую организацию торговли, основанную на предварительной ссыпке и составлении партий на месте. При своей солидности, такая организация в общем мало соответствовала условиям большею частью мелкого крестьянского производства, особенно усилившегося после реформы. Поэтому неудивительно, что, когда вместе с открытием железной дороги появилась масса мелких комиссионеров и скупщиков, раз'езжавших по деревням, не брезговавших никаким качеством зерна, скупавших хлеб по мелочам и затем тотчас же отправлявших по железной дороге по 1—2 вагона обыкновенно уже запроданного хлеба, быстро ожививших таким образом торговый оборот,—старый строй торговли не выдержал конкуренции новых способов закупки и сбыта.

Вот как, напр., описываются в известном труде Чаславского первые шаги этой «демократизации» торговли в орловском районе, некогда тяготевшем к Москве и оторванном от нее с проведением железной дороги. «Первые же пассажирские поезда Орловско-Витебской дороги доставили в Орловскую губернию несколько десятков евреев, которые тотчас стали делать разведки относительно закупки хлеба... Вслед за ними ежедневно все более и более прибывало евреев... Из Орла партии их двинулись в Курск и оттуда рассеялись по разным уездам, другие отправились в Малоархангельск и Ливны; евреи целыми сотнями появились в Орловской, Курской и даже Тульской губерниях. Приехав с наличными деньгами, они, вместе с тем, сразу сумели расположить к себе многих из местных купцов уступчивостью в своих требованиях; они не пренебрегали никаким предлагаемым им хлебом и очень скоро сходились в цене с продавцами. Разумеется, первые свои сношения они завязали с купцами, но, скоро разведав, где находятся более или менее значительные запасы хлеба в помещичьих экономиях и у крестьян, они стали закупать хлеб прямо у них. Впрочем, не только разного рода хлеб.

но и все сельско-хозяйственные продукты: пенька, конопля, конопляное масло, льняное семя, сало, сырые кожи, овчины, пух, перья, щетина и проч.— все это начало закупаться евреями и притом на наличные деньги. Таким образом торговля в крае вдруг оживилась, и отовсюду потянулись обозы с хлебом и сыром, но не по обычным зимним торговым трактам, а прямо уже к станциям железных дорог, начиная от Курска до Орла и даже до Мценска и от Орла до Брянска. Цены на хлеб и на все сырые произведения стали быстро расти, так что в несколько недель сравнялись с существующими в Москве. Требование со стороны Москвы приостановилось и все потянулось к западу»¹.

Крупному капиталу внутренних рынков пришлось приспособляться к изменившимся условиям торговли. Большая часть московских, коломенских и др. купцов стала производить свои покупки на местах производства не с помощью собственных приказчиков или местных, более мелких купцов, заготовлявших предварительно партии хлеба, а прибегать к помощи прасолов—комиссионеров и скупщиков. Им давались деньги на закупку хлеба у помещиков и крестьян непосредственно и по мелочам и затем поручалась погрузка хлеба на станциях, для непосредственной доставки далее прямо на места потребления. С другой стороны, и местные крупные торговцы, лишенные своей роли посредников между производителем и крупными торговцами центральных рынков, должны были, сохраняя связь с прежними своими районами, переносить свои операции в потребительные центры— в Москву, С.-Петербург и др. северные города.

Таким образом, в общей эволюции торговых отношений наиболее пострадавшими и за флагом оказались торговцы среднего капитала. Непосредственная первоначальная скупка попадала все более и более в руки мелких комиссионеров и скупщиков, ведущих дело или с незначительным капиталом, или прямо в кредит и выигрывающих на разнице лишь вследствие быстроты своих оборотов. Из торговых же домов успели вынести их конкуренцию лишь более богатые капиталами крупные торговцы, которые стали обходиться без посредства более мелких местных купцов, державших прежде в своих руках все хлеботорговые обороты своих районов. Теперь торговля зерном на местах производства все более и более стала переходить к мелким посредникам-торговцам, и крупный капитал удержался, главным образом, только в торговле мукою и мукомольном деле, отчасти превратившись таким образом из торгового капитала в капитал производительный.

Описанные перемены в торговле относятся преимущественно к обширному району центральных губерний. Хотя сущность явлений была везде, конечно, одинакова, но переход от непроездной и непроходной России к усовершенствованным путям сообщения, приближение с помощью их к потребительным и экспортным рынкам прежде далеких от них производительных районов произвели здесь более резкие и быстрые перемены, чем, например, в южном районе, всегда работавшем на рынок, или в волжском, обладавшем все же удовлетворительным водным путем и, следовательно, возможностью широкого сбыта. Оживив хлебную торговлю центральных губерний, расширив их хлебное производство вообще и производство хлеба на продажу в особенности, железные дороги, связавшие центр с балтийскими портами, направили хлебные избытки именно сюда, оторвав их от внутреннего рынка и дав толчок развитию экспорта балтийских портов.

Мы видели, что уже с 20-х годов XIX ст. начался быстрый рост экспорта южных портов, развивавшихся вместе с колонизацией и землепашеством юга и получивших постепенно преобладание над экспортом балтийских портов, поставленных в менее выгодные условия относительно снабжения хлебом. С соединением железной дорогой балтийских портов с центром, условия их

¹ Чаславский. Хлебная торговля в центр. районе, стр. 236.

снабжения резко меняются в их пользу. Быстрый рост их экспорта начинает побеждать экспорт южных портов, пока целая сеть железнодорожных линий не поставит эти последние снова в более благоприятные условия.

Так, вывоз хлебов из балтийских портов составлял в 1852 году всего 11,3% общего вывоза из России, а в 1854 г. даже лишь 8,7% и в 1855 г. 4,2%; в то же время из портов Черного и Азовского морей вывозилось до 66,5%—68,9% всего вывоза. В последующие годы, с проведением железных дорог, рост экспорта балтийских портов на счет черноморских представляется в следующем виде. Экспорт хлеба в процентах к общему отпуску составлял¹:

Годы:	Из балтийских портов	Из черноморских и азовских портов.
1869	18,65	64,04
1870	22,43	59,77
1871	29,16	53,98
1872	19,31	61,33
1873	37,90	32,85
1874	33,14	34,81
1875	33,74	43,80
1876	40,06	37,00

Таким образом, балтийские порты снова стали постепенно заменять в общем хлебном экспорте место черноморских и скоро стали даже превосходить их экспорт; незначительные прежде порты быстро становились одними из первых экспортных пунктов. Даже такие порты, как Рига, занимавшая еще в середине 60-х годов весьма невидное место по вывозу—150—450 тыс. пуд., в 1870 г. сразу увеличила вывоз до 1.221 п.: в 1868 г. была открыта дорога Орел—Витебск, в 1870 г. Орел—Царицын, и к Риге пошел хлеб из Орловской губ. и низовьев Волги.

Все эти данные, характеризующие увеличение экспортной работы балтийских портов, служат вместе с тем и лучшим указанием на те перемены, которые произошли в народном хозяйстве связанных с этими портами центральных губерний. До сих пор вообще сравнительно мало работая на рынок или уже во всяком случае на внутренний рынок, оно теперь стало в тесную связь с экспортным рынком, начало работать исключительно на него. Но влияние возможности сбыта хлеба из центральных губерний не ограничилось лишь общим увеличением экспорта: железные дороги извлекли из центра и стали направлять к Риге новый, до тех пор не находивший сбыта хлеб—овес. Так, станция Рига получала еще 1868 году с Риги-Динабургской жел. дор. овса всего 204 тыс. пуд. из 843 тыс. пуд. В 1869 году общее число хлебных грузов увеличилось уже до 1.334 тыс. пуд., а в 1870 г. до 6.801 тыс. пуд., из которых овсу принадлежало уже 4.848 тыс. пуд., т. е. 83,5%². Из Орловской губ., почти не вывозившей прежде из своих пределов овса, в 1871 г. было доставлено до 10 милл. пудов его³.

В центральных губерниях такое оживление внешнего спроса и расширение сбыта хлебных продуктов пошло прежде всего, конечно, на счет тех товаров, которые раньше не имели никакого спроса и запасы которых постоянно оставались неиспользованными. Поэтому, в первый же год по открытии дорог в продажу пошло старое зерно урожаев прежних лет, освободив таким образом и торговцев и хозяев от излишних и ненужных запасов. Лишь спустя несколько лет, идя навстречу спросу, производство зерна стало само приспособляться к рынку и направилось именно на те сорта, которые шли на рынке лучше.

¹ Блюх. Влияние железных дорог на экономическое состояние России. Спб. 1878 г. т. II, стр. 57.

² Чупров. Железнодорожное хозяйство, т. I, стр. 37.

³ Там же стр. 38.

При том общем перевесе значения в хлебном экспорте, который начали получать балтийские порты, увеличилось и относительное значение в общем экспорте, а вслед затем и в общем народном зерновом производстве, овса и ржи, прежде пользовавшихся лишь очень ограниченным сбытом. Так, экспорт овса, занимавший в половине 50-х годов в общем отпуске хлебов лишь 5—10%, в начале 70-х давал уже до 20% и более; рожь, составлявшая 15—20%, стала давать до 35%; наоборот, пшеница, занимавшая прежде до 60%, к 70-м годам дала уже относительное сокращение экспорта до 30—35% общего отпуска¹.

Вместе со всеми этими переменами в производстве и в условиях сбыта начинается рост цен на все сельскохозяйственные продукты, в особенности на ненаходившие раньше сбыта. Четверть пшеницы, стоившая еще во время освобождения 5—6 р., с проведением дороги вздорожала до 8 руб. в средний год; рожь, стоившая 2 р. 50 к.—3 р., поднялась до 4—5 р.; но особенно сильно вздорожал овес: потреблявшийся прежде, за отсутствием внешнего сбыта, на местах и стоивший на месте до 70 коп. четверть, он вздорожал в течение десяти лет до 1 р. 70 к.—2 рублей². Возвышение цен наблюдается повсеместно в период за постройкой железных дорог, так что, по сравнению с ценами, стоявшими перед освобождением, цены конца 70-х годов показывают такое увеличение:

	Цена четверти ржи.		% уве- личения.
	I период.	II период.	
	Рубли.		
С.-Петербург	5,00	6,50	30
Рыбинск	3,15	4,75	50
Мценск	2,15	3,55	65
Орел	2,05	3,40	66
Моршанск	1,90	3,30	73
Елец	1,75	3,00	71
Козлов	1,70	3,15	85
Саратов	1,70	3,10	100

Таким образом, местные цены в районах производства показывают гораздо более значительное увеличение, чем цены портовые в районах потребления: в Саратове они возвысились на 100%, в Козлове на 85%, в Моршанске на 73%, тогда как в С.-Петербурге всего на 30%, в Рыбинске на 50%. Улучшение условий перевозки, расширение районов сбыта хлеба, усиление требований за границу повлияли на цены отдаленных рынков в большей степени, чем в потребительных центрах и в самых портах. Это повышение обнаруживалось здесь тем значительнее, что в прежнее время, вследствие отдаленности производительных районов и затруднительности доставки, местные цены были крайне низки. Притом, проведение железной дороги до какого-либо пункта влияло не только на цены на хлеб в нем, но и распространялось на значительный окружный район: так, с открытием дороги до Козлова цены поднялись не только здесь, но и в Борисоглебске от 2 до 2½ руб. за четверть пшеницы и от 1 р. до 1 р. 42 к. на четверть ржи, так что подвозы к этим рынкам сделались возможными с обширного района в 200 и более верст³.

Таким образом, вместе с проведением железных дорог на них хлынула масса хлеба, в особенности из центральных районов, преимущественно крестьянских ржи и овса, до тех пор не имевших отсюда сбыта, теперь же явившихся главными предметами хлебного экспорта. Если наши черноземные

¹ Блюх. Влияние железных дорог, т. II, стр. 57.

² Чаславский. Хлебная торговля в центральном районе, стр. 43, 251 и др.

³ Вильсон. Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу, стр. 215.

железные дороги действительно, как мы видели, «питались хлебом», то нужно сказать, что наш хлебный экспорт, с проведением железных дорог, стал питаться, главным образом, именно крестьянским хлебом. Все условия нового строя и водворившегося денежного хозяйства способствовали, с одной стороны, усиленным продажам на рынок крестьянского хлеба, с другой — сокращению производства помещичьего. Действительно, вместе с ростом железных дорог, оживлением хлеботоргового оборота и внешнего экспорта, все большая относительная роль в нем начинает принадлежать серым «мужицким» хлебам, ржи и овсу. «Демократизация» распространилась, таким образом, не только на формы и организацию обмена, но и на самый товар: помещичья пшеница, преобладавшая на внешнем рынке до 50-х годов, со времени освобождения и проведения дорог начинает вытесняться крестьянской рожью.

На этом, однако, влияние железных дорог не остановилось. В первые годы они были действительно тем простым и необходимым клапаном, через который должно было прорваться и вылиться наружу все то, что не могло найти себе выхода после окончательного разрушения натурального земледельческого хозяйства. Но по мере того, как это разрушающееся натуральное хозяйство вместе с проведением железных дорог все в большем числе районов стало заменяться товарно-торговым, работающим исключительно на продажу, внутренние отношения хозяйства и характер влияния на него железных дорог становились все более сложными. С усложнением и расширением сети выдвинулся тотчас же и вопрос о железнодорожной политике: она стала орудием, могущим оказать сильнейшее влияние на характер развития земледельческого хозяйства в отдельных районах. Но даже и помимо того, самый факт широкого распространения железных дорог на далекие и до сих пор не тронутые окраины должен был усложнить отношения отдельных земледельческих районов и создать между ними того же рода, но в значительно большем размере, конкуренцию на рынке, которую недавно пережили старые и близкие к потребительным рынкам центральные губернии.

Посмотрим же, какие именно перемены внесло это дальнейшее развитие железнодорожной сети и как отразилось расширение сферы торгового обмена на изменении того значения, которое приобрели для земледельческого хозяйства железные дороги.

ГЛАВА VIII.

Тарифная политика и земледельческая конкуренция окраин с центром.

Расширение железнодорожной сети на восток и интенсификация ее. — Дифференциальные тарифы. — Конкуренция на внутреннем рынке центра и востока. — Развитие товарно-торгового земледелия. — Значение сельско-хозяйственного рынка для народного хозяйства.

Постройка железных дорог в России до 1861 года не заслуживает особенного внимания с экономической точки зрения: ко времени освобождения крестьян железнодорожная сеть простиралась менее, чем на полторы тысячи верст, из которых наибольшее значение имели лишь 593 версты Николаевской железной дороги. Усиленное железнодорожное строительство началось со середины 60-х годов, когда развитие сети пошло правильным и быстрым темпом; именно ¹:

¹ Статистические сборники Мин. Путей Сообщения за соотв. годы. См. также Б л и о х. Влияние железных дорог, т. II.

Г О Д Ы.	В течение пятилетия открылось верст ж. д.	К началу пятилетия длина ж. д. была.
1861—1865	2.055	1.488
1866—1870	6.659	3.543
1871—1875	7.424	10.202
1876—1880	4.529	17.626
1881—1885	3.074	21.155
1886—1890	3.864	24.229
1891—1895	6.643	27.093
1896—1900	6.532	33.736
1901—1905	7.978	41.714

Таким образом, в течение первых 15 лет по освобождению железнодорожная строительная деятельность обнаруживала такое усиленное оживление, что общее протяжение железных дорог увеличилось в 12 раз против начала 60-х годов. Но после постройки в первую половину 70-х годов до 7¹/₂ тысяч верст пути, железнодорожное строительство начало быстро замедляться, так что, например, в 1880 г. вновь открылось едва 25 верст железнодорожного пути. После недолгого оживления в половине 80-х годов, наступило снова затишье в развитии железнодорожной сети, вплоть до 90-х годов, когда ее расширение снова пошло усиленным темпом, благодаря чему в последнее десятилетие железнодорожная сеть Европейской России увеличилась почти на 15 тысяч верст, не считая азиатских дорог, вместе с которыми общая длина железнодорожной сети доходит в настоящее время (к 1 октября 1907 г.) до 65.099 верст ¹.

Но при таком громадном приращении, в особенности за последние годы, экономические основания и цели железнодорожного строительства уже значительно изменились со времени первоначального развития железнодорожной сети.

Мы видели, что главным принципом плана железнодорожной сети было, во-первых, обеспечение внутреннего потребительного рынка, во-вторых, предоставление произведениям земледельческого центра выхода к балтийским и южным портам. Соответственно этому главный узел железнодорожной сети сосредоточился в центре, куда стекались хлебные грузы с юга и юго-востока и откуда шли далее на север и северо-запад. Еще в сети 1868 года проводится то же главное правило, несмотря на некоторые отступления в разветвлении южной сети. Юго-западные и северо-западные направления дорог были разобщены между собою и обслуживали поэтому районы, не могущие конкурировать в отношении сбыта своих хлебных продуктов; среднее Поволжье также только начинало приобщаться к заграничному сбыту.

В проект сети 1870 года уже вносится соединение центральных и северо-западных дорог с южными, а также проведение нескольких линий, соединяющих юго-запад с южными портами. В то же время балтийские порты оказываются связанными с центром и юго-востоком уже не одной, а тремя линиями. Наконец, некоторыми юго-восточными линиями (отчасти, впрочем, оставшимися лишь в проектах) предполагается открыть доступ юго-восточным земледельческим грузам к сбыту в азовские порты.

Благодаря этому, хотя для балтийских портов и открываются новые районы тяготения на юго-западе и юго-востоке, но, с другой стороны, и черноморские и азовские порты начинают успешно конкурировать с балтийскими: большая часть Волынской, Киевской, Полтавской и даже Курской губерний входят в район тяготения к черноморским портам, в донском же бассейне и нижней Волге начинается конкуренция между югом и севером. Нетронутые поля юго-востока начинают все в большей мере работать на рынок,

¹ Ежемесячник Минист. Путей Сообщения, 1907, т. X.

оттесняя в экспорте своими красными, более ценными хлебами овес и рожь центра. И чем далее на восток распространялась сеть железных дорог, тем более должна была обостряться эта конкуренция востока и центра, тем более должно было усложняться железнодорожное хозяйство, тем большее влияние на положение земледельческого хозяйства в этих районах стало приобретать то или иное направление железнодорожной экономической политики.

Увеличение шедших с востока и направлявшихся большей частью к балтийским портам хлебных грузов требовало, с одной стороны, усиления провозоспособности ведущих к балтийским портам железных дорог и, при недостаточной интенсивности их работы, создавало хронические залежи хлебных грузов; с другой—причиняло своим более дешевым и лучшим по качеству хлебом конкуренцию центральному району. Необходимо было поэтому и улучшить условия перевозок, и открыть хлебу восточной окраины новые пути экспортного сбыта, направив его именно на те рынки, где конкуренция не могла причинить большого вреда земледельческому хозяйству хлебобродного центра.

Поэтому со второй половины 90-х годов началась усиленная постройка железных дорог, долженствовавших разгрузить прежние магистрали и перераспределить хлебные грузы между балтийскими портами. Линии Рузаевка-Сызрань, Москва - Павелец, Данково - Смоленск, Псков - Бологое, Москва-Виндава увеличивали транзитную способность центральных дорог для восточных и волжских железнодорожных грузов, перераспределяли их между портами, отвлекая от старых портов, Риги и С.-Петербурга, в пользу новых—Либавы и Виндавы. Наконец, с целью отвлечь восток от тяготения к балтийским портам и разгрузить идущие сюда дороги на счет увеличения тяготения к черноморским портам, построены были линии Пенза—Балашов—Харьковская и Царицын-Тихорецкая, раздвинувшие далеко на восток и северо-восток границы тяготения азовских портов и Новороссийска и давшие новый выход восточному, волжскому и заволжскому хлебу.

Кроме необходимости такой интенсификации железнодорожной сети, ради открытия рынков восточному хлебу, еще большее экономическое значение имело то изменение в железнодорожной политике, которое выразилось во введении дифференциальности тарифов. Эта дифференциальность явилась не только средством развития в восточных районах зернового хозяйства и удаления отсюда избытков зерна, но и вообще могучим орудием поощрения экспорта, орудием, придавшим с тех пор особенно определенный характер железнодорожной, экономической и торговой политике.

В первоначальный период развития русской железнодорожной сети, когда отдельным железным дорогам была предоставлена почти полная свобода в установлении плат за провоз по ним товаров, единственное воздействие правительства на регулирование частных тарифных ставок заключалось в том, что в уставах железных дорог обыкновенно обозначались максимальные тарифные нормы. Так, во всех почти уставах первых наших железных дорог (Рязанско-Козловской, Рязско-Моршанской, Московско-Ярославской) говорилось, что «провозные платы не должны быть выше предельных норм, значащихся в уставе Главного общества российских железных дорог»¹.

В этих уставах приводился крайне неполный список товаров, разделенный на 3 разряда со следующими тарифными ставками: для первого разряда $\frac{1}{12}$ коп. с пуда и версты, для второго $\frac{1}{18}$ коп. с пуда и версты и для третьего $\frac{1}{24}$ коп. с пуда и версты. Хлебные продукты перевозились частью по второму, частью по третьему разряду; именно, зерновые хлеба и ржаная мука по $\frac{1}{24}$ коп. с пудо-версты, пшеничная мука и масличные семена по $\frac{1}{18}$ коп. с пудо-версты. С этих ставок делалась скидка для

¹ Витте. Принципы железнодорожных тарифов. Киев, 1884 г., стр. 193.

дальних расстояний, именно: на расстоянии более 200 верст—10%, на расстоянии более 500 верст—15% и на расстоянии свыше 1.000 верст—20%. В уставе одной дороги, Московско-Казанской, введены те же тарифы, но даже без обязательства скидки на расстояние.

Таким образом, хотя принцип дифференциальности тарифов лег в основу установления провозных плат с самого начала нашего железнодорожного хозяйства, но, так как каждая отдельная железная дорога взимала плату за провоз особо, не считая пути, пройденного грузом по другим железным дорогам, то делать скидки на очень далекие расстояния, в 1.000 или 500 верст, не приходилось, и даже скидка в 10% была сравнительно редка. Поэтому, дифференциальность была очень незначительна, ограничиваясь лишь той скидкой, которую железной дороге естественно было делать в виду того, что стоимость провоза возрастает в меньшей степени, чем возрастает расстояние, на которое провозится товар. Дифференциальность тарифов не являлась орудием экономической политики, так как, благодаря самой конфигурации первоначальной железнодорожной сети, конкуренции, возникшей впоследствии между востоком и центром, еще не было: центру был предоставлен свободный выход к балтийским портам, а восток и юго-восток первоначально были соединены только с Москвою и только на московский рынок могли сбывать свои хлебные избытки.

Более важным представлялся в то время вопрос о регулировании тарифов вообще, так как, ограниченные в установлении тарифных ставок лишь максимальными нормами, железные дороги являлись полными хозяевами тарифного дела, и вмешательство правительства в дело тарифов считалось юридически, на основании уставов железных дорог, невозможным¹.

Только с 80-х годов взгляды правительства на тарифное дело начали изменяться. Пока комиссия Баранова разрабатывала проекты общих железнодорожных узаконений, министерство путей сообщения, с своей стороны, стало стремиться подчинить тарифное дело своему ведению, требуя представления железными дорогами своих тарифов на рассмотрение министерства; вместе с тем и Государственный Совет начал склоняться к тому мнению, что «правительству принадлежит руководительство тарифами железных дорог» с целью удовлетворения государственными целям². В 1885 году, вместе с утверждением «Общего устава российских железных дорог», учрежден был при министерстве путей сообщения совет по железнодорожным делам, которому поручен надзор за исполнением дорогами общего устава³. Однако, благодаря неопределенности своих функций, и совет не урегулировал тарифное дело.

Между тем железнодорожная сеть уже настолько усложнилась, что среди железных дорог стала возникать конкуренция за грузы, в особенности направлявшиеся из центра и востока к потребительным и портовым рынкам. В 1887 году почти все железные дороги значительно понизили свои тарифы, преимущественно на хлебные грузы в вывозном сообщении. Однако, это понижение стало возбуждать опасения правительства, так как ему приходилось гарантировать доход железных дорог; понижение тарифов из-за конкуренции грозило для некоторых железных дорог прямыми убытками, а для правительства, следовательно, необходимостью приплат из государственного казначейства.

Результатом этого обстоятельства и явился новый закон, в виде высочайше утвержденного мнения Государственного Совета «по проекту времен-

¹ Взгляд этот был не только усвоен самими железными дорогами, но и разделялся Государственным Советом, который полагал, что государство может устанавливать провозные платы не иначе, как путем соглашения с железными дорогами. Чупров и Мусницкий. Упорядочение железнодорожных тарифов по перевозке хлебных грузов. СПб., 1890, стр. 12.

² «Собрание узакон. и распор. Правительства» 1887 г., № 67.

³ «Собрание узакон. и распор. Правительства» 1885 г., № 78.

ного положения о железнодорожных тарифах и об учреждениях по тарифным делам» 8 марта 1889 года¹. Основным принципом нового закона является тот окончательно признанный взгляд, что установление тарифов должно принадлежать государству, в видах ограждения общих интересов населения, торговли и промышленности. Железным дорогам оставляется только инициатива возбуждения вопросов об изменении тарифов; но эти же вопросы могут, впрочем, возбуждаться также и правительством, и даже частными обществами (пп. 1—8). Наиболее же важным нововведением представляется решение о периодических съездах представителей железных дорог, промышленности и сельского хозяйства с целью пересмотра тарифов.

Этим все тарифное дело становилось на новую почву, тарифы делались орудием экономической политики, средством борьбы за рынки различных конкурирующих между собою местностей, выражением интересов противоположных экономических групп и классов населения. Понятно, что внимание новых тарифных учреждений привлекли прежде всего хлебные тарифы, так как главным материалом железнодорожных перевозок являлись хлебные продукты; вместе с тем железнодорожные тарифы начали играть и крупнейшую роль в положении и судьбе нашего сельского хозяйства, так же как и во всем ходе хлебной торговли и в направлении нашего хлебного экспорта.

Со времени организации при министерстве финансов, на основании закона 8 марта 1889 года, новых тарифных учреждений, было произведено пять общих пересмотров тарифов на перевозку хлебных грузов: в 1889 году, 1893 г., 1896—7 гг., 1900—1 гг. и в 1905 году. За этот период и выработались основы тарификации хлебных грузов. Они заключаются, помимо некоторых частных, в тарифном единстве и дифференциальности, придающих тарифам громадное экономическое значение в смысле влияния их на хозяйственные отношения отдельных районов и на происходящее под этим влиянием возникновение и размещение отраслей промышленности.

До 1889 года, пока тарифное дело находилось в исключительном ведении каждой отдельной железной дороги, тарифы отличались чрезвычайной сложностью, разнообразием и непостоянством, почему и не могли являться проводниками какой-либо единой тарифной политики. Начало проведения единообразия и общности тарифов положено было еще в 1888 году на съезде представителей железных дорог, но коснулось — что заслуживает внимания — только грузов в вывозном сообщении. За такое же единообразие хлебных тарифов вообще высказалась и учрежденная в 1888 году при министерстве внутренних дел комиссия по вопросу о падении цен на сельскохозяйственные продукты, признавшая необходимым «введение одной общей максимальной нормы или формулы для перевозок хлебных грузов по русским железным дорогам»².

Однако, при первом пересмотре в совещании 1889 года принцип проведения одной общей формулы для тарифов был осуществлен только отчасти. Взамен прежде существовавших разнообразных тарифов, которые искусственно создавали преимущество одним районам в ущерб другим, была выработана одна общая тарифная формула: она должна была уравнивать прежде существовавшие неравенства разных районов. Но этой формуле придано было значение лишь максимальных предельных ставок за перевозку, при чем понижение или повышение существовавших ставок до уровня формулы должно было производиться постепенно; сама же тарифная формула применялась в редких, исключительных случаях, когда не было специальных табличных

¹ «Собрание узакон. и распор. Правительства» 1889 г., № 83.

² Выс. учр. ком. по вопросу о падении цен на с.-х. прод. Чупров и Мусницкий. Об упорядочении жел.-дор. тарифов, стр. 22 и след.

тарифов¹. Поэтому эти последние и после пересмотра сохранили свою силу. Число их достигало до 900. Несмотря на это, однако, благодаря выработке общей формулы, а также благодаря принятой системе установления специальных тарифов, был сделан шаг к уравнительности ставок для различных земледельческих районов и равномерному их понижению с увеличением расстояния, т.-е. к уничтожению так наз. «горбов», бывших результатом прежней неуравнительности тарифов². Таким образом, основанием для общего исчисления плат с различных расстояний явилась уже дифференциальность, которой прежде почти не было в специальных тарифах отдельных железных дорог. Следовательно, новый пересмотр, делая предпочтение далеким перевозкам, стал поощрять вывоз, в ущерб снабжению внутренних рынков.

При следующем общем пересмотре тарифов в 1893 году была окончательно решена необходимость полного единства и однообразия тарифов для всех районов, взамен прежних специальных табличных тарифов. Однако, при установлении такого единообразия естественно должен был возникнуть вопрос, во-первых, о конкуренции производительных районов и, во-вторых, о соотношении вывозного и внутреннего сообщения. Если прежние железнодорожные тарифы создавали для некоторых местностей ни на чем не основанные преимущества, то все же в общем они должны были принимать во внимание существовавшие местные экономические и торговые особенности. Уравнение же всех местностей одной тарифной формулой, тем более при оставлении ее дифференциальности, должно было вызвать борьбу прежде всего двух производительных районов, центра и окраин, борьбу за интересы двух рынков—внутреннего и вывозного. Тарифными схемами пришлось примирять не только интересы земледелия центра и окраин, но и интересы внутреннего потребителя и экспортной торговли. Задача, таким образом, значительно усложнялась: единые, в принципе, тарифы пришлось разбить на две отдельных формулы—для внутреннего и вывозного сообщения.

Уже в совещании 1889 года было высказано пожелание, чтобы, в целях возможности сбыта излишков хлеба из всех районов за границу, «каждому производительному району было равно доступно возможно большее число пунктов границы или берега, к которому они тяготеют»³. Совещание 1893 года также признало необходимым создать некоторое поощрение вывозу хлебных избытков за границу, но в то же время и примирить обостренную противоположность интересов различных районов, а также внутреннего и внешнего рынка. По мнению совещания⁴ отправляемый по вывозным тарифам за границу хлеб подпадает под влияние общих условий международного снабжения и спроса, почему тарифы железных дорог могут лишь в крайне незаметной степени повлиять на расценку его. Производителю, говоря вообще, достанется тем большая прибыль, чем менее он потеряет в плате за транспорт; поэтому, главной задачей установления тарифов для вывозного сообщения является понижение их. Наоборот, внутренний рынок далеко не обладает такой вместимостью, чтобы на нем не могло случиться переполнения, если, кроме хлеба ближайших к нему центральных производительных районов, на него хлынет, благодаря дешевым тарифам, и хлеб окраин. Исходом из такого положения явилось установление сравнительно более дешевых плат на короткие расстояния во внутреннем сообщении

¹ Журнал особого совещания тарифн. комит. по вопросу о выработке общих оснований для урегулирования провозных плат на хлебные грузы. Спб. 1889 г., стр. 63 и прил. 2.

² Так, в 1887—8 гг. тарифная плата из приволжских пунктов до С.-Петербурга была назначена 25 $\frac{1}{2}$ коп., при чем далее, по мере приближения к Спб., вместо того, чтобы понижаться, она повышалась и от ст. Кузнецк, Филонова она была уже 30 к. Таких примеров в дореформенных тарифах было много. См. Чупров и Мусницкий, стр. 24 и след.

³ Журнал особого совещания 1889 года, стр. 19.

⁴ Особое совещание по пересмотру хлебных тарифов в 1893 году. Спб. 1893 г., стр. 8, а также Журнал тарифного комитета по общему пересмотру тарифов на перевозку хлебных грузов. Спб. 1893 г.

и более дорогих в вывозном, на дальние же расстояния—одинаковые ставки как для вывозного, так и для внутреннего сообщения. Этот принцип двойственности формулы—вывозных и внутренних тарифов—сохранен был и при следующих пересмотрах 1896—7 гг. и 1900—1 гг., с тем лишь добавлением, что, под влиянием жалоб на невыгодность для центрального производительного района высоких ставок, при пересмотре 1896—7 гг. район пониженного для внутреннего сообщения тарифа был расширен с 320 верст (по тарифу 1893 г.) до 540 верст по тарифу 1897 г., что осталось в тарифе 1901 г. и в тарифе 1907 года.

Еще более важное значение, чем такая двойственность тарифов для внутреннего и вывозного сообщения, имела для народного хозяйства самая дифференциальность тарифов. По существу, дифференциальность провозных плат обуславливается самым характером железнодорожного транспорта, издержки которого с увеличением расстояния увеличиваются в значительно меньшей степени, чем само расстояние¹; но все же, благодаря этой дифференциальности, влияние железнодорожного транспорта, в смысле оживления и открытия рынков для одних районов и конкуренции их с другими районами, сказывается особенно резко. Поэтому-то и дифференциальная система тарифов всегда вызвала жалобы и нападки со стороны представителей тех районов, которые, благодаря ей, попадали в невыгодное положение.

Так, в 1896 году всероссийским съездом сельских хозяев было возбуждено специальное ходатайство о введении однообразного попудоверстного тарифа и о понижении существовавшего до $\frac{1}{100}$ коп. с пудо-версты. Встретивший сильный отпор от представителей железных дорог и неодобренный министерством финансов² проект этот, хотя и не нашел себе осуществления, но ускорил новый пересмотр хлебных тарифов, при котором принцип дифференциальности провозных плат снова подвергся критике. Особенно нападкам дифференциальная система тарифов подверглась при общих пересмотрах 1893 г. и 1896—7 гг.³ Противники дифференциальных тарифов указывали, главным образом, на то вредное влияние, которое оказывают эти тарифы на сельское хозяйство и хлебную торговлю измельчением ее, отвлечением от нее крупных капиталов, преобладанием экспорта в ущерб внутреннему потреблению и потому понижением расценки русского хлеба на иностранных рынках и, наоборот, повышением цен на внутренних.

Несмотря на это, дифференциальность тарифов была сохранена; с течением времени произошло лишь незначительное смягчение ее, благодаря понижению ставок для небольших расстояний (с $\frac{1}{25}$ коп. с пуда по тарифу 1893 года до $\frac{1}{34}$ коп. с пуда по тарифу 1897 и 1901 гг. во внутреннем сообщении и с $\frac{1}{24}$ до $\frac{1}{25}$ коп. пуд в вывозном сообщении) и некоторому повышению на дальние расстояния. Но все же, если сравнить характер ставок действовавших в последнее время тарифов со ставками семидесятих годов, когда тарифное дело еще не было объединено, то обнаружится громадная дифференциальная разница в пользу дальних расстояний. В 70-х годах дороги взимали за провоз грузов большею частью по $\frac{1}{18}$ — $\frac{1}{25}$ коп. с пудо-версты, но, так как каждая рассчитывала плату особо, то скидок на дальние расстояния почти не было; теперь тариф на близкие расстояния остался почти таким же, как и в 70-х годах, на дальние же уменьшился в несколько раз.

Все это и создавало особые преимущества для отдаленных, т.-е. главным образом для восточных и юго-восточных районов. Это стремление к эксплуатации богатств развивающихся восточных районов в финансовых, торговых

¹ Об этом см. Скворцов, Влияние парового транспорта на сельское хозяйство. Варш. 1890, отд. III. Шостак Хлебные тарифы. Спб. 1887.

² Журнал тарифного комитета по вопросу о понижении до $\frac{1}{100}$ к. с пуда и версты тарифов на хлебные грузы. Спб. 1896 г.

³ Журнал тарифного ком. по пересмотру хлебн. тарифов в 1893 г. и в 1896—7 гг.

и железнодорожных целях и является характерной чертой железнодорожного строительства и железнодорожной политики во второй период ее.

Железнодорожный «Drang nach Osten» 90-х годов принуждает к усиленной интенсификации и усложнению центральной железнодорожной сети; новые линии и магистрали создаются часто почти параллельно старым, в расстоянии сотни верст одна от другой, не боясь конкуренции и понижения доходности, в надежде на громадный транзит с восточных окраин. Как в семидесятых годах железнодорожная горячка спешила соединить хлебородные поля центра и юга, чтобы вывезти на рынок их залежавшиеся богатства, так новые, пошедшие на восток железнодорожные культуртрегеры несли сюда с собой пробуждение к жизни девственных полей и промышленных богатств, продукты которых потекли широкой рекой на запад. Рука об руку с этим расширением железнодорожной сети строится и тарифная политика, ведущая к той же цели—развитию товарно-торгового земледельческого производства в восточных губерниях и расширению для него рынков сбыта. Вместе с тем, конечно, должны были измениться производственные отношения земледельческого центра и земледельческих восточных окраин, их роль в общем народном хозяйстве. Все эти перемены нашли себе также прямое отражение и на изменениях в характере железнодорожного транспорта.

Железные дороги, внедрившись прежде всего в хлебородный центр, где их ждали годами неиспользованные миллионы пудов хлеба, быстро исчерпали старые запасы и, открыв новые рынки до тех пор не имевшим сбыта продуктам, возбудили производство их специально для рынка. Но, чем далее на юг, юго-восток и восток проходил железнодорожный путь, чем большие пространства невозделывавшихся земель он призывал к жизни и к производству на рынок, тем более опасная конкуренция росла в лице их для хлебородного центра. Ко времени развития железнодорожных путей центральные губернии, тяготевшие к внутреннему рынку, уже специализировали свое производство, главным образом, на возделывании тех хлебов, к которым была более приспособлена почва и для сбыта которых была необходима близость рынка, так как дешевизна не позволяла их транспортировать издалека; рожь и овес стали специфическими предметами производства центра, тогда как пшеница стала с большим успехом культивироваться в местностях юга и юго-востока.

Понятно поэтому, что, когда железные дороги связали юг и юго-восток с внешними рынками, стал быстро возрастать отсюда и вывоз этих пшеничных продуктов. В железнодорожном движении начинает отмечаться все более быстрое развитие перевозок пшеницы и пшеничной муки, вытесняющих рожь и овес с их первого места в железнодорожных перевозках в первый период развития железных дорог. Так, во внутреннем сообщении перевозки пшеничной муки увеличились за время с 70-х годов до 90-х более чем в 4 раза, пшеницы—более чем в два раза, тогда как перевозки ржи увеличились лишь на 10%. Еще более характерными оказываются изменения во внешнем экспорте различных хлебов. Когда в первые годы по освобождении и проведении железных дорог на внешний рынок стал работать земледельческий центр, то на экспорт пошли главным образом его серые хлеба. За первые два десятилетия после освобождения экспорт пшеницы увеличился немногим более чем в два раза (с 50,1 милл. пуд. до 110,5 милл. пуд.), экспорт ячменя увеличился в 4 раза (с 5 м. п. до 20,6 милл. п.), тогда как экспорт ржи увеличился в 6 $\frac{1}{2}$ раз (с 13,7 милл. пуд. до 83,2 милл. пуд.), экспорт же овса более 7 раз (с 5,9 милл. пуд. до 42,7 милл. пуд.). Но уже в 1890—95 годах, с распространением железнодорожной сети на восток и с ростом здесь торгового земледелия, экспорт пшеницы достигает 179 милл. п., ячменя до 92 милл. пуд., тогда как сокращающийся экспорт ржи падает до 56,9 милл. пуд., а экспорт овса останавливается на цифре 56,5 милл. пуд.

Насколько крупную роль в этом увеличении поступлений пшеничных товаров на внешний и внутренний рынок имело производство восточных губерний, видно, напр., хотя бы из того, что количество грузов, отправленных с восточных железнодорожных линий в течение 6 лет середины 90-х годов, возросло с 335 милл. пуд. до 819 милл. пуд., т.-е. на 144%; между тем, увеличение общего по всем дорогам движения грузов за те же годы увеличилось лишь с 4.179 до 6.145 милл. пудов, т.-е. на 47%¹. Громадная доля грузового движения на этих дорогах принадлежит именно хлебным грузам. Так, с одной лишь Самаро-Златоустовской жел. дор. в первой половине 90-х годов было отправлено на запад лишь 15,5 милл. пуд. главных хлебных грузов, в 1895—99 гг. отправлено было в среднем уже до 41 милл. пудов.

Такое увеличение восточных хлебных грузов делает очевидным, куда перемещается центр зернового хозяйства с торгово-промышленными целями. Железные дороги, возникшие и выстроенные на счет крестьянских ржи и овса центрального района, стали все более пробуждать к жизни чисто промышленное производство на пшеничных полях юга и юго-востока; оторванный было от внутреннего потребительного рынка центр стал все более служить интересам внутреннего потребления—к тому же с каждым годом увеличивающегося, тогда как с востока и юга стала идти новая хлебная река; центральные дороги стали все более обращаться в транзиты для восточных грузов.

Но кроме этих внутренних перемен, происшедших под влиянием железных дорог в земледельческом производстве отдельных районов и в характере их культуры, в общем народном хозяйстве за эти годы произошли крупные перемены. Вместе с развитием обрабатывающей промышленности, а с другой стороны—вместе с ростом самого железнодорожного строительства, в этом последнем начинают играть видную роль уже не только дороги, исключительно «хлебные». Все большее развитие получают дороги, обслуживающие промышленные интересы. Таковы линии Польши, иваново-вознесенского района, донецкого каменноугольного бассейна, фастовского сахарозаводского, уральского района, отчасти Закавказья и др. С развитием промышленных дорог начинает изменяться и относительная роль хлебных грузов в общем железнодорожном движении.

По данным министерства путей сообщения², относительное значение хлебных грузов в общих железнодорожных перевозках падало в такой степени: грузы 6 главных хлебов составили в общей перевозке товаров:

Годы.	%	Годы.	%
в 1876—85	26,0	в 1891—95	20,7
» 1886—90	23,0	» 1895—900	17,2

Относительное значение хлебных грузов в общих перевозках падает в течение 20—25 лет на $\frac{1}{3}$. В настоящее время, следовательно, требует некоторого ограничения не только наблюдение 60-х годов, что «наши железные дороги питаются исключительно хлебными грузами» (Чупров), но и позднейшее утверждение Н—она, что «все железнодорожное движение обусловлено земледельческою производительностью» и что в определении темпа как вообще промышленной деятельности, так и железнодорожного движения, главная роль принадлежит урожаю³.

¹ Куломзин. Наша железнодорожная политика, т. IV, стр. 78.

² Статистические сборники мин. пут. сообщения за соотв. годы.

³ Так, если сравнить относительные количества месячных перевозок малой скорости, даваемые Н—оном для 1869—73 гг. и 1877—79 гг., с позднейшим временем, то получаем такое сопоставление. Принимая цифру перевозок января 100, размеры перевозок в остальные месяцы выражаются в следующих относительных цифрах (цифры первого столбца взяты у Н—она «Очерки нашего пореформ. хоз.», таб. III; второго и третьего—вычислены по «Статист. сборн. мин. путей сообщ.» за соотв. годы):

Что же вытесняло хлебные грузы и занимало их место в товарных перевозках? Если сопоставить данные об общих количествах перевозок товаров в 1876—78 гг., в 1895—97 гг. и в 1898—1902 гг., то окажется, что, несмотря на наибольшее абсолютное приращение хлебных грузов в течение указанного периода, они уже не занимают той подавляющей роли сравнительно с другими грузами, которую имели вначале. Абсолютные количества грузов и относительный прирост их за указанные периоды были ¹:

	Количество в милл. пудов.			Прирост с 1876 по 1897 г.		Прирост с 1876 по 1902 г.	
	1876—78.	1895—97.	1898—1902.	Милл. п.	%	Милл. п.	%
Нефть и керосин	6,4	200,7	236,9	193,3	3.035	230,5	3.602
Каменный уголь	90,3	446,8	649,1	356,3	395	548,8	608
Чугун, железо, сталь, рельсы	23,8	99,5	122,4	75,7	318	98,8	414
Лесные строительн. материалы.	67,8	201,7	263,5	133,9	197	195,7	289
Сахар	21,8	51,1	63,9	29,5	136	42,3	196
Хлопок	7,2	16,9	21,8	9,7	135	14,8	203
Шерсть	4,2	8,4	8,5	4,2	170	4,8	102
6 главных хлебов	311,9	572,0	620,5	260,1	83	308,6	99
Всего товара малой скорости	978,0	2.808,3	3.649,0	1.830,3	189	2.671,0	273

Приведенные цифры указывают на относительное падение значения грузов в общих железнодорожных перевозках за счет увеличения перевозок минерального топлива и продуктов фабрично-заводской промышленности. Во второй период абсолютный прирост движения хлебных грузов значительно уступает приросту движения каменного угля, относительный же — ниже всех взятых грузов. Даже если вместо трехлетия 1895—97 гг., где 1897 г. был неурожайный, взять трехлетие 1894—96 гг., отличавшееся очень высокими урожаями, то и тогда прирост хлебных грузов составит всего 102%, а абсолютно 314 милл. пуд., т.-е. все-таки на 42,3 милл. пуд. меньше прироста каменного угля. Особенно рельефно падение значения хлебных грузов видно в последнее урожайное пятилетие, когда относительное увеличение хлебных грузов (с 83 до 99%) оказывается также значительно ниже среднего по всем товарам малой скорости (с 189 до 273%).

При первом взгляде на эти цифры можно, повидимому, заключить, что значение сельскохозяйственного производства страны, сравнительно с другими отраслями промышленности, сильнее всего падает и что сельское хозяйство доставляет торгово-товарному обращению все меньшее количество продуктов; что, следовательно, торговый капитал, создавшийся на почве ши-

	1869—79.	1895—96.	1897—1901.
Январь	100,00	100,0	100,0
Февраль	93,84	96,4	93,7
Март	107,91	96,6	104,2
Апрель	77,59	80,2	88,5
Май	117,85	99,0	101,8
Июнь	117,97	107,5	99,2
Июль	100,75	96,5	88,4
Август	96,23	103,1	98,7
Сентябрь	115,69	114,9	101,3
Октябрь	131,87	121,7	108,1
Ноябрь	111,31	110,4	104,9
Декабрь	116,70	106,5	100,7

И в настоящее время, конечно, увеличение осенних перевозок еще вполне сохраняет свою силу, что объясняется именно реализацией урожая; но мартовский и майский максимумы почти исчезают, апрельский минимум значительно смягчен и вся волна вообще менее резко выражена.

¹ Вычислено по «Сводной статистике». См. «Ежегодник мин. финансов», а также Билимович. Товарное движение на русских железных дорогах. Киев 1902, стр. 13.

рокого отчуждения земледельческих продуктов, начинает пользоваться для своего обращения уже материалом других отраслей промышленности, частью переходя в высшую свою форму—производительный капитал. Однако, если рассмотреть ближе приведенные цифры, то окажется, что делать такое заключение было бы ошибочным.

Относительное уменьшение значения сельско-хозяйственных грузов в общем товарно-торговом обращении идет вовсе не на счет увеличения перевозок произведений фабрично-заводской промышленности, т.-е. продуктов производительного капитализма. Наоборот, из приведенных цифр видно, что, если из категории фабрично-заводских перевозок исключить грузы, составляющие минеральное топливо, уголь и нефть, то процент общего увеличения собственно фабрично-заводских грузов (даже включая сюда чугун и рельсы) сразу понижается до 272⁰/₁₀₀, т.-е. все же менее общего прироста движения на 1⁰/₁₀₀. Еще более значительное понижение получается при исключении чугуна и рельсов, т.-е. грузов, которые служат, главным образом, для оборудования новых строящихся железнодорожных путей: процент увеличения продуктов мануфактурно-фабрично-заводской промышленности в таком случае оказывается значительно отстающим от увеличения размеров общего движения.

Итак, относительное уменьшение хлебных перевозок обусловливается, главным образом, сильным развитием перевозок каменного угля, нефти, рельсов, чугуна—всех продуктов, в значительной мере необходимых для развития и существования самой железнодорожной сети, т.-е. для существования главного орудия товарно-торгового обращения. Другими словами, в 900-х годах, как и двадцать лет назад, мы еще присутствовали при гораздо более быстром развитии торгового капитализма, чем производительного.

Раньше, при начале своего развития, этому торговому капитализму с его капиталистическими усовершенствованными средствами сообщения необходимо было порвать путы натурального строя именно в той отрасли хозяйства, которая могла предоставить ему для торгового оборота наибольшую массу продукта—а таким именно было зерновое сельское хозяйство. В дальнейшем успех его существования был обеспечен уже возникновением иных отраслей промышленности.

В настоящее время наши железные дороги действительно переходят от «питания мужицким хлебом» к улучшенному питанию международной пищей промышленности—каменным углем и нефтью; но все же они усваивают себе плоды цивилизации довольно медленно и все еще потребляют относительно более крупные количества ржи и пшеницы, чем чугуна, стали, хлопка, шерсти, даже взятых вместе. Поскольку товарно-торговая циркуляция может служить характеристикой самих условий производства (а при товарном производстве она именно является такой характеристикой), приведенные выше цифры показывают, чем продолжает жить наш торговый капитализм, с его усовершенствованными путями сообщения, и с какой относительно незначительной быстротой идет параллельно ему развитие более совершенной формы промышленного капитализма. Рост торгового капитала идет пока значительно быстрее роста капитала производительного; процесс производства капитализируется медленнее, чем процесс обращения. И если, быть может, для некоторых отраслей промышленности это и не имеет места, то для сельского хозяйства такой усиленный рост значения торгового капиталистического обращения имеет громадное значение.

Орудия и средства этого обращения быстро увеличиваются и улучшаются; те русла, которые уносят из хозяйства продукты на рынок, становятся все шире и глубже; с другой стороны, финансовый пресс давит все сильнее и побуждает все полнее отчуждать все произведения хозяйства на рынке. Замечательно то, что рост перевозок, т.-е. размеры товарно-торгового обращения земледельческих продуктов, в лице их главного представителя—

хлеба, превосходит рост урожая. Другими словами, в противоположность дореформенной и до-железнодорожной эпохе с ее медленным и неподвижным товарным обращением и неразвивающимся рынком,—в настоящее время, благодаря чрезвычайно быстрому пульсу товарного обращения, рост рынка обгоняет самое производство.

Это обстоятельство имеет решающее значение для всего строя сельскохозяйственных отношений. Если при прежних условиях, при сбыте на рынок только действительных избытков от производительного и личного потребления в хозяйстве, производитель стоял сравнительно независимо от рынка и не страдал от происходящих на нем перемен, то теперь и по направлению производства, и по количеству производимых и сбываемых продуктов, и в успешности своей хозяйственной деятельности, и в личном существовании, он всецело зависит от рынка. Земледельческое производство, вынужденное все более обращаться на удовлетворение нужд рынка, все более задается целями торгового сбыта и сообразно с этим направляется на те виды товара-хлеба, которые могут пользоваться более широким спросом. Это обстоятельство обуславливает перемещение культуры из старых земледельческих областей в южные и восточные нетронутые степи, особенно соответствующие по своим естественным и экономическим условиям производству главного торгового хлеба—пшеницы. Но, уже раз начавшись, производство зерна с торгово-промышленными целями ставит хозяйство в необходимость все усиленнее развивать свою деятельность в смысле увеличения количества поставляемого на рынок товара.

Как для помещика старого крепостного времени, с его «обязательным» трудом, было обязательно производство хлеба ради обеспечения потребления, так новому свободному производителю—безразлично, мелкому ли крестьянину или крупному помещику—представляется «обязательным» производство хлеба на рынок. В противном случае, при ослаблении его деятельности его место на рынке будет занято более счастливыми и умелыми соперниками, а хозяйству его будет угрожать разорение. Свободная конкуренция на рынке создает таким образом естественный подбор не только внешний, порайонный, вытесняя из производства местности с менее выгодными условиями, но и подбор внутренний, в среде самих производителей, выбрасывая из числа их неумелых, неспособных, экономически малосильных, разрушая сословные перегородки и давая место сильным умением и капиталом, перестраивая таким образом самые основы земледельческого быта.

Это громадное решающее значение рынка для всех хозяйственных отношений, особенно интенсивная и быстрая перестройка которых отмечается со времени окончательного водворения денежного хозяйства, заставляет ближе обратиться к изучению явлений этого рынка и их зависимости от общехозяйственных и производственных условий.

К сожалению, точного фактического и статистического материала в этом отношении имеется крайне мало, и вопрос не только не может быть решен исчерпывающим образом для всего сельско-хозяйственного рынка, но с трудом намечается даже для некоторой части его. В этом отношении наиболее благоприятно обставлено статистическим материалом изучение хлебного рынка и его отношений к сельско-хозяйственному производству. Им и приходится ограничиться, тем более, что условия сбыта главного продукта сельскохозяйственного производства, зернового хлеба, и условия реализации на рынке урожая являются и теоретически наиболее характерными и практически решающими вопрос о тех изменениях в хозяйственном строе, которые должна производить эта зависимость хозяйства от рынка, и о тех влияниях и формах, в которые она выливается.

ГЛАВА IX.

Опыт статистического изучения внутреннего сельско - хозяйственного рынка.

Материалы торговой статистики.—Урожай и запасы.—Поступление хлебов на рынок.—Географическое распределение движения хлебных грузов.—Хлебные цены.

I. Материалы торговой статистики.—Статика и динамика рынка.

Среди небогатой материалами русской хозяйственной статистики особенно неблагоприятное положение занимает торговая статистика. Можно сказать, что пока, как специальная отрасль статистики, она не имеет ни организации, ни данных. Исключение представляет разве только статистика внешней торговли, данные которой как по точности сведений, так и по продолжительности охватываемого ими периода стоят довольно высоко. Внутренняя же торговая деятельность страны крайне слабо освещается статистическими данными. Причина этого отчасти весьма понятна: торговая деятельность представляется не только весьма общим, но и крайне рассеянным и в пространстве и во времени явлением; совершается настолько в преходящих и непостоянных формах, что поддается статистическому наблюдению и учету лишь с гораздо большим трудом, чем, напр., обладающее конкретными, постоянными и определенными формами производство.

А между тем, статистическое наблюдение торгового обмена и с научной стороны представлялось бы, может быть, особенно важным в виду того, что на характере обмена и на ходе торговой деятельности раньше, чем где-либо, отражаются перемены в хозяйственном строе, сообразно тому, что образованию и накоплению промышленного капитала обыкновенно предшествует образование и накопление торгового капитала. Развитие денежных отношений в народном хозяйстве до некоторой стадии и при некоторых обстоятельствах может еще не успеть произвести изменения в самих формах и условиях производства, но должно точас же отразиться на торговых отношениях хозяйства. Так, падение натурального строя крестьянского земледельческого хозяйства отразилось вначале не столько на изменении организации крестьянского производства, даже не на увеличении количества производства, сколько прежде всего на возникновении или усилении торговой деятельности крестьянского хозяйства, начавшего производить с тех пор не предметы потребления, а товары.

В частности, изучение торговой деятельности сельского населения, добывающего средства существования главным образом продажей производимых им земледельческих произведений, представляется особенно важным, но и особенно трудным по тем же указанным условиям: по громадной общности торговой деятельности сельского населения, без которой в настоящее время не обходится ни одно хозяйство; ее рассеянности в пространстве, в противоположность производству, обыкновенно более концентрированному в определенных пунктах; наконец, в ее преходящем характере, не оставляющем никаких конкретных следов. Поэтому, непосредственный статистический учет, напр., хлеботоргового обмена — главного вида обмена в хозяйстве сельского населения, т.-е. статистический учет размеров хлебных продаж сельским производительным населением, с одной стороны, и размеров хлебного снабжения не-сельского потребляющего населения, с другой, представляется гораздо более трудным, чем даже учет общего хлебного производства, также весьма несовершенный.

Статистическое изучение факторов рыночного обращения вообще и хлебо-торгового в частности, так же как статистическое изучение других явлений (напр., статистики населения), может быть подразделено на две части: статику и динамику рынка. Так как главным первоисточником удовлетворения

продовольственных потребностей страны хлебом является собственное ее народное производство, независимо от того, совершается ли это удовлетворение путем торгового обмена или натуральным потреблением внутри самого хозяйства, то изучение обмена хлебными товарами необходимо связать с изучением хлебного производства, т.-е. с урожаем, дающим основу всей дальнейшей торговой деятельности.

Но размеры ежегодного хлебного производства, выражающиеся в конкретных формах в урожае, не исчерпываются до конца ежегодным же потреблением хлеба в самом хозяйстве и сбытом его на сторону. Вместе с ежегодными новыми поступлениями в народное хозяйство новых количеств произведенного хлеба, в нем всегда остаются еще некоторые количества хлебных запасов, остатков от прежних годов. Часть этих запасов, понятно, служит или целям того же собственного потребления, или целям дальнейшего производства. При господстве денежно-товарного хозяйства значительная часть продуктов уже с самого момента производства предназначается на продажу и, таким образом, даже находясь еще в руках у производителей, представляет в сущности такие же «торговые» запасы, как и те, которые уже находятся в руках посредников-торговцев. Поэтому, в каждый данный момент в народном хозяйстве имеется некоторая масса хлебных продуктов, предназначенных не на собственное потребление внутри производящего хозяйства, но на продажу и находящихся на той или другой ступени движения от производителя к торговцу и потребителю. Эта масса, вместе с массой ежегодного урожая, является фондом для всего дальнейшего движения хлебного товарообмена. Урожай хлебов в стране и остающиеся в ней ежегодно запасы и являются, таким образом, материалом для изучения статистики хлебного рынка.

Статистическое изучение самого движения (динамики) товарообмена заключается в изучении условий и причин или географического движения товарных грузов, т.-е. движения их из мест и районов производства в районы потребления, или в изучении условий внутреннего движения продуктов от производителя к потребителю, начиная с реализации урожая в руки ближайшего посредника и затем идя через ряд других посредников до потребителя. Признаки первого рода движения в значительной мере характеризуют также и внутреннее перераспределение продукта; другими словами, так как районы производства зерна довольно резко отделяются от потребляющих районов, то на размерах, направлении, скорости, характере географического передвижения грузов можно основывать некоторые заключения, касающиеся также и внутреннего перераспределения продуктов между производителем, посредником и торговцем.

Наиболее точными данными в этом отношении представляются цифры железнодорожных и водных перевозок хлебных грузов, позволяющие для целого ряда годов заключать о характере, скорости, размерах и других условиях реализации урожая. Однако, эти данные все же освещают более непосредственно, ближе и подробнее, лишь географическое движение грузов, охватывая почти исключительно уже торговое, т.-е. проданное зерно. Они не касаются того зерна, которое, прежде поступления на железную дорогу, на баржу или совершенно минуя их, продается мелким производителем скупщику на месте, преимущественно на местных рынках. Размеры такого зерна весьма значительны, а между тем имеется слишком мало данных для установления этих размеров. Ближайшим и непосредственным указателем их должны бы явиться гужевые подвозы хлебов к рынкам, так как эти гужевые подвозы в громадной своей массе идут именно непосредственно от производителя; но данных для более или менее точного установления этих подвозов также почти не имеется, кроме не вполне точных данных для нескольких главных пунктов.

Кроме того, масса фактически поступающего на рынок хлеба совершенно не может быть учтена даже и на основании размеров гужевых подвозов, так как часто продажи и покупки совершаются лишь в пределах одной

и той же деревни или селения, сплошь и рядом даже не в виде формальной купли-продажи, но в виде кредитно-ссудной операции, в виде запродажи своего труда или натуральной оплаты его. Поэтому данные, которые нам могла бы представить торговая статистика, даже при весьма высокой степени ее точности и полноты, ни в каком случае не могли бы осветить, например, вопроса об абсолютной величине размеров хлебного сбыта, так как касались бы именно лишь формальных продаж и покупок, оставляя в стороне весьма развитой в недрах деревенского хозяйства вид указанных неформальных продаж и покупок.

Конечно, так как и чисто формальная, биржевая торговая деятельность близко связана с общими условиями хлебного снабжения, то и учет ее, т.-е. размеров биржевых сделок на главных рынках, может дать некоторые указания на характер и условия вообще хлебного снабжения и хлебного обмена. Но главным препятствием в этом отношении, как мы уже указывали, является то, что данные торговой статистики не отличаются ни полнотой, ни точностью, и позволяют делать на основании их лишь самые общие заключения и сопоставления о влиянии главных факторов хлебного снабжения на ход и условия его.

Остановимся на обзоре статистического материала, имеющегося в нашем распоряжении для выяснения характера хлебного обмена и значения отдельных факторов его как в статике, так и в динамике обмена. Для первого необходимо рассмотреть, какое значение имеют для снабжения два главных фактора — урожай и запасы; для выяснения динамики — необходимо выяснить, во-первых, фактический ход и направление обмена, поскольку они могут подлежать статистическому наблюдению в железнодорожных, водных и гужевых передвижениях грузов по территории; во-вторых, выяснить причину этого движения и его направления; а так как главной побудительной причиной торгового движения является уровень цен и разница их на местах производства и сбыта, то в этом отношении изучение движения цен представит особую важность.

Среди этих факторов хлеботоргового обмена и хлебного снабжения, понятно, самая видная роль принадлежит урожаю; его высотой определяются и размеры хлебного поступления на рынок, и скорость, и интенсивность этих поступлений, и направление их, и размеры остатков, сохраняющихся в руках производителей от реализации урожая. Поэтому изучение статистики урожаев является прежде всего необходимым для выяснения влияния размеров урожая на ход хлебного обмена.

Наша старая «волостная» урожайная статистика имеет свою весьма обширную критическую литературу; в ней достаточно уже выяснено, насколько точными должны считаться собиравшиеся официальными органами сведения и подводимые на основании их абсолютные итоги урожаев. Вместо господствовавшего прежде огульного осуждения волостной статистики, на основании которой Центральный Статистический Комитет строил свои данные, такие компетентные исследователи, как Янсон, Фортунатов, Грасс и друг., далеко не разделяют взгляда о полной непригодности волостной статистики. Для нас, однако, более важен не столько вопрос об абсолютной точности, т.-е. о сравнимости их на протяжении ряда лет между собою и с другими статистическими данными об условиях и характере хлебного рынка.

Начало существующего способа собирания урожайных статистических данных должно быть отнесено ко времени, значительно позднему крестьянской реформы, более же подробные и точные данные касаются лишь совсем последнего времени. Вообще сведения об урожае хлебов и об обеспеченности народного продовольствия собирались еще и петровскими камер-коллегиями в XVIII в., и комиссиями народного продовольствия с начала XIX в., но по своей полной неудовлетворительности эти данные, конечно, не могли называться «статистическими». Вильсон, впервые обработавший данные комиссий

народного продовольствия за 1857—63 гг., признал их настолько неточными, что рекомендовал «пользоваться ими с крайней осторожностью». Такая же неудача постигла и попытку Центрального Статистического Комитета разработать данные тех же комиссий за 1860—64 гг., почему Центральный Комитет даже не решился их обнародовать.

Главными причинами этих неудач являлось, во-первых, отсутствие сколько-нибудь точных данных о размерах даже вообще пахотной земли, не говоря уже о размерах посевов отдельных хлебов. Приходилось для определения величины культурной площади прибегать к весьма неточным сведениям генерального межевания (относящимся большею частью к концу XVIII ст.), дополняя и исправляя их на основании официальных или частных описаний разных губерний, на основании губернаторских отчетов и т. п.; определение же посевов отдельных хлебов было совершенно невозможно. Во-вторых, самый метод собирания урожайных данных был основан на том неверном предположении, что возможно опросить всех производителей о количестве посеянного и собранного ими зерна. Это, понятно, совершенно невозможно было бы даже и при лучшей статистической организации, чем существовавшая в то время в России, где большинство сельских производителей безграмотны, у собирающих же сведения полицейских чинов не было возможности записывать все самим.

В виду неудовлетворительности подобной организации, Центральный Статистический Комитет еще в 1866 году пришел к заключению о необходимости основать собирание сведений на других началах; именно, на каждый уезд должно быть рассылано достаточное количество урожайных бланков для определения средних цифр урожая с десятины, общие же итоги урожая определяются путем перемножения найденной средней цифры на число десятин. Но такой прием не был осуществлен уже потому, что не было основных данных поземельной статистики. Поэтому, хотя с'езд секретарей губернских комитетов в 1870 году пришел к тому же решению относительно методов собирания сведений (именно, решено было собирать конкретные данные об урожаях в 20—30 разной величины хозяйствах на уезд, а затем общие итоги вычислять перемножением этой величины на площадь), однако этот метод не мог быть применен на деле до определения земельной площади под различными родами посевов. Поэтому данные об урожае за трехлетие 1870—72 гг., разработанные Центральным Статистическим Комитетом в 1875 году¹, основаны вполне на прежнем методе, хотя и с некоторыми улучшениями и с дальнейшими подразделениями.

Между тем, неурожай 1880 года и связанные с ним крайние затруднения в народном продовольствии заставили спешить с реорганизацией урожайной статистики. С этой целью была учреждена особая комиссия под председательством сенатора Биппена, которая и выработала не только новый способ собирания урожайных данных, но и коснулась многих других видов хозяйственной статистики. Относительно собирания урожайных данных комиссия остановилась на указанном выше способе опроса лишь некоторых типичных хозяйств, а не на практиковавшемся до сих пор принципе опроса всех производителей; понятно, что при этом необходимо было знать посевные площади под теми и другими хлебами. Собирание сведений об урожаях так же, как и производившееся уже исследование по основной земельной статистике, было поручено Центральному Статистическому Комитету. Таким образом, лишь с 1880 года Статистический Комитет стал самостоятельно собирать урожайные данные. При этом он применил указанный комиссией Биппена способ, разослав в 1880 году 6 опросных листков на волость—3 для частновладельческих хозяйств и 3 для крестьянских надельных; в 1881 же году это число уже увеличено до 12; кроме того, в уездные земские управы было разослано также

¹ Статист. Временник Росс. империи. Сер. II, ч. II, Спб. 1883.

некоторое число листов, которые должны были служить частью контрольными для других показаний. Этим способом Комитетом было получено до 60.000 ответных листов.

Однако, использование этих ответов было затруднительно вследствие указанного отсутствия в русской земельной статистике данных о распределении земель. После окончания в 1881 году разработки переписи распределения земельной собственности 1877 года, Комитет тотчас же предпринял исследование о распределении земель по угодьям и в 1884 году опубликовал его результаты. Этим было положено основание для применения указанного выше способа, и с 1883 года он стал единственным в определении Комитетом размеров урожая, подвергаясь впоследствии лишь частичным изменениям. Именно, изменился прежде всего район собирания сведений, охватывавших в 1883 году лишь 50 губерний Европейской России, а теперь 72 губернии и области империи, хотя для Сибири способ собирания более упрощенный. Затем изменилась и самая форма бланков, в зависимости от расширения собирания сведений не только по зерновым хлебам, но и по масличным и техническим растениям.

В 1887 году Комитет снова повторил перепись поземельной собственности и распределения земель по угодьям; однако, благодаря неправильной организации собирания сведений (именно, предварительное поступление опросных листов в губернские комитеты для сличения сведений с имевшимися в земских управах и казенных палатах данными), разработка их крайне затянулась, оказалась неудовлетворительной, и лишь в 1890—1891 гг. Комитет при разработке урожая воспользовался данными переписи 1887 года. Таким образом, до 1890 г. при вычислении сбора хлебов приходилось довольствоваться старыми площадями переписи 1881 года.

В виду неудовлетворительности подобного исчисления Комитет решил перейти к ежегодному определению посевных площадей, собирая сведения о них через волостные правления для крестьянских наделных земель и через полицию для частновладельческих земель. Этот способ определения посевных площадей сохранился и до настоящего времени; вопросные листы о площадях посевов рассылаются в начале весны и получаются к началу лета. Что же касается листов о размерах урожая, то они рассылаются, как сказано, для крестьянских земель по 6 на волость, для частновладельческих же в зависимости от числа частных владений в стане. До 1893 года листки об урожае озимых и яровых поступали в Комитет одновременно, при чем предварительно листки проходили через губернские комитеты; с 1894 года была отменена эта предварительная проверка в губернских комитетах, а, с другой стороны, сведения об урожае озимых стали поступать в Комитет к 15 сентября, а об урожае яровых к 15 октября.

Таким образом, данные Центрального Статистического Комитета даже на протяжении последних 10—15 лет не отличаются полным однообразием ни по способу собирания, ни по способу обработки сведений, ни по району, который они охватывают. Особенно важным внутренним недостатком является отсутствие правильных данных о посевных площадях, ставящее и все дальнейшие исчисления на зыбкую почву. Но кроме того, если в целях изучения влияния урожая на ход хлебного снабжения населения Европейской России и хлебного экспорта не представляется особенно крупным недостатком отсутствие сведений об урожае в отдельных областях Сибири, то далеко нельзя того же сказать об играющих крупную в этом отношении роль более близких областей Сибири, Сев. Кавказа и друг., долгое время не подвергавшихся урожайному учету. А между тем, если даже для сравнения с другими данными торговой статистики брать итоги урожая лишь четырех главных хлебов, то их придется ограничить до 1888 года лишь 50 губерниями Европ. России, с 1888 года присоединить к ним 10 губерний польских, с 1892 года Сев. Кавказ и лишь с 1893 года и Зап. Сибирь. Поэтому, например, сделать точное и пра-

вильное сопоставление размеров железнодорожного движения хлебных грузов с размером урожая за более или менее продолжительный период времени представляется трудным.

Такова, в кратких чертах, статистика основного фактора сельско-хозяйственного рынка и хлебного обмена—урожая. Перейдем к другому фактору, обуславливающему положение хлебного рынка—остаткам от урожаев прежних лет или вообще запасам хлебных продуктов.

В общей массе зерновой наличности, находящейся в этот или другой момент в распоряжении народного хозяйства, необходимо различать два рода хлебных запасов. Во-первых, запасы, находящиеся в каких-либо общественных и частных складах или учреждениях (будь это постоянные, подобно элеваторам, или подвижные, подобно железнодорожным вагонам); главная часть этих запасов состоит из торговых грузов, т.-е. уже перешедших от производителя к посреднику и, следовательно, уже вступивших на рынок. Во-вторых, запасы, находящиеся еще в руках у производителей, еще не реализованные. По отношению к возможности статистического учета эти две группы хлебных запасов представляются совершенно различными. Учет торговых запасов вообще гораздо легче и точнее, так как железнодорожные грузы или запасы в элеваторах могут быть учитываемы с большою точностью; да и другие торговые запасы зерна, находящиеся в руках и на складах у торговцев, сравнительно легче поддаются учету, так как размеры их, хотя бы приблизительно, известны (по крайней мере, в крупных торговых пунктах) торговым учреждениям, например биржевым комитетам и т. п. Наоборот, подсчет остатков и запасов у производителей еще непроданного непотребленного зерна представляется в высшей степени трудным, почти неосуществимым, так как лишь крайне незначительная часть этих запасов находится в каких-либо элеваторах, общественных магазинах и т. п.; опрос же всех производителей о размерах имеющегося у них зерна невозможен, да и по существу своему был бы неправильным приемом. Впрочем, попытки такого подсчета количества зерна, остающегося у производителей к новой кампании, имеются.

Именно, департамент окладных сборов собирает ежегодные сведения об остатках хлебов у производителей и у торговцев к 1 июля. В подсчет должны входить не только все зерновые запасы, находящиеся в элеваторах и других складочных помещениях, или транзитные, но также и остатки зерна у самих производителей. Таким образом, эти данные должны бы представить полную картину имеющейся к 1 июля в губернии или уезде наличности хлебов. Органами собирания этих сведений являются податные инспектора, самый же способ основан на предположении возможности опроса не только всех складочных учреждений, не только всех торговцев (у которых податной инспектор имеет право требовать известных показаний), но также и всех частных производителей, что представляется, понятно, совершенно невозможным.

Следовательно, в отношении организации собирания этих статистических сведений, здесь повторяется то же, что мы отметили для статистики урожаев, которая раньше, до 1880 года, была основана также на предположении об осуществимости опроса всех отдельных хозяев о размерах у них урожая. Между тем, единственно правильным методом здесь был бы опрос известного числа производителей, частновладельцев и крестьян, о части реализованного уже или оставшегося еще в хозяйстве к тому или другому сроку урожая. При всех индивидуальных различиях хозяйств, реализация урожая для каждой более или менее однородной группы их происходит вообще в сходных условиях; поэтому с помощью такого опроса можно было бы установить скорость реализации урожая и размер той части его, которая остается у производителей до начала нового сельско-хозяйственного года. Однако, подобного опроса нашим центральным статистическим учреждением

не производится¹, и ответ на этот вопрос может быть получен лишь с помощью косвенных указаний и с помощью данных частной торговой статистики.

Опытом такой частной торговой статистики являются данные о запасах, собираемые и публикуемые «Вестником Финансов». Размеры торговых запасов зерна к первому числу каждого месяца определяются «Вестником Финансов» на основании показаний и сведений, сообщаемых заведующими элеваторами и железнодорожными складочными помещениями, биржевыми комитетами, а также частными корреспондентами всего для 27 главных рынков и 5 главных железнодорожных линий, наилучше оборудованных элеваторами².

Принимая во внимание, что главная масса находящихся в этих складах запасов принадлежит торговому зерну, данные эти должны характеризовать именно размеры лишь торговых запасов зерна. Для некоторых пунктов, например для портов и крупных рынков, цифры этих запасов, благодаря подсчету специальными и близко заинтересованными органами, могут считаться и абсолютно довольно точными. Вообще же значение их заключается лишь в выяснении относительного движения размеров запасов по месяцам; только такую относительную точность и возможно придавать этим сведениям.

Этим ограничиваются все имеющиеся до сих пор материалы торговой статистики относительно основных факторов хлеботоргового обмена: урожая и запасов. Перейдем теперь к рассмотрению динамики хлебного снабжения — торгового движения хлебных грузов по железнодорожным, водным и гужевым путям.

Среди статистики торгового движения бесспорно первое место и по размерам учитываемых величин, и по точности данных занимает статистика хлебного товарного движения по железным дорогам. Не охватывая всю массу торгового, т.-е. поступающего на рынок хлеба, перевозки по железным дорогам являются, однако, важным показателем некоторых условий хлебного обмена и положения хлебного рынка именно потому, что сравнительно с другими видами торговой статистики этот вид ее все же наиболее точный, легко поддающийся учету и полный.

Начало русской железнодорожной статистики должно быть отнесено к первым же годам железнодорожного строительства, так как хозяйственные расчеты и планы всякой железной дороги требовали массы указаний, добываемых статистическим путем. Впрочем до 60-х годов, пока разработка и собирание статистических данных было делом отдельных дорог, каких-либо

¹ Подобно тому, как неурожайный 1880 год явился побудительной причиной более правильной постановки нашей урожайной статистики, так и неурожай 1907 года поставил на очередь вопрос о торговой статистике вообще и в частности вопрос о статистике запасов. Значение необходимости учета этих запасов выдвинулось особенно потому, что недобор 1907 года оказался вообще не велик, повышение же цен в этом году было не меньше, чем в неурожайный 1891 г. В значительной мере это было обусловлено именно крайним истощением запасов в предыдущие 1906—7 года, когда на рынок поступало зерно, сохранявшееся от урожаев 20 лет назад. См. Лященко, «Хлебная торговля и хлебное снабжение в 1906 г.» В. Ф. 1907 г., 16. Вопрос об организации торговой статистики возбужден как в Центр. Стат. Комитете в связи с реорганизацией общей статистики, так и торговыми учреждениями. Все они (комитеты Рижский, Московский и др.) высказываются за необходимость особой и независимой организации торговой статистики, обслуживающей все проявления и функции рынка. См. Доклады и материалы по вопросам, включенным в программу второго Всероссийского Съезда представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. Спб. 1907.

² Рынки: С.-Петербург, Ревель, Рига, Либава, Варшава, Воронеж, Киев, Елец, Ливны, Москва, Рыбинск, Н.-Новгород, Казань, Чистополь, Верхнеднепровск, Саратов, Царицын, Оренбург, Таганрог, Геническ, Новороссийск, Ростов на Дону, Мариуполь, Бердянск, Феодосия, Одесса, Николаев. Железнодорожные элеваторы: Харьковско-Николаевской, Рязанско-Уральской, Юго-восточных, Московско-Казанской, Сызрано-Вяземской жел. дорог. Крупные городские элеваторы причисляются к городам.

правильных и обобщающих заключений из этих данных сделать было трудно. Лишь с конца 60-х годов разработку железнодорожной статистики берет на себя Министерство Путей Сообщения, издающее в 1867, 1869 и 1871 годах «Сборники сведений о железных дорогах России». Однако, первоначально совершенно не обращалось внимания собственно на статистику движения и особенно товарную, хотя она и должна была бы лечь в основу всех хозяйственных соображений дорог.

Только к концу 70-х годов Министерством вырабатывается новая программа статистики товарного движения, по которой и начинают издаваться с 1877 года «Статистические сборники Министерства Путей Сообщения». Охватывая собою также и статистику движения по шоссейным дорогам и по водным путям, эти сборники более подробные и точные данные содержат о товарном движении, главным образом, по железным дорогам. Сюда входят сведения о количестве и пробеге движения товаров, о прибытии и отправлении их по станциям, с распределением сообщения на местное, прямое и транзитное и пр. Однако, недостатком этих данных является то, что сведения эти даются не по всем товарам, а лишь по 12 главнейшим, из которых 6 хлебных продуктов (пшеница, рожь, ячмень, овес, мука пшеничная и мука ржаная).

Кроме того, рассмотрение движения этих грузов приурочено не к хозяйственным или административным единицам—губерниям, уездам и т. п., а к отдельным железнодорожным линиям, при чем лишь указывается, в какой губернии находится та или другая станция; это, понятно, значительно затрудняет погубернскую разработку и сводку этих данных. Только в шести выпусках «Дополнений к статистическому сборнику Министерства Путей Сообщения» за 1880—93 годы, в обработке подобных же данных г. Штейном за 1875 год¹ и г. Барковским за 1875—80 годы², сделана подобная попытка изучения движения некоторых хлебных грузов по губерниям.

Другим источником статистики торгового движения является издание Министерства Финансов «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам». Вообще гораздо более полная, но ведущаяся по той же программе, как и статистические сборники Министерства Путей Сообщения, «Сводная статистика» в отношении хлебных грузов дает мало нового и включает те же недостатки: отсутствие указаний на длину пробега к тем или другим пунктам и в общем движении, на распределение движения по губерниям и т. п. Эти данные можно получить только путем сложной и длительной переработки цифр «Сводной статистики».

Эти недостатки «Сводной статистики» для некоторых лет восполняются, впрочем, с одной стороны, дальнейшей разработкой данных статистики железнодорожного движения в часто издающихся «Материалах по пересмотру хлебных тарифов», в которых имеется обыкновенно сводка и по поясам пробегов различных хлебных грузов и по направлению их к некоторым вывозным и внутренним пунктам, а также в «Ежегодниках Министерства Финансов», где до последнего года данные о движении хлебных грузов разрабатывались применительно к отдельным губерниям, с указанием ввоза и вывоза хлебных продуктов из той или другой губернии. Наконец, в дополнение к этим данным, освещающим лишь итоги всего годового (календарного) периода товарного движения, Министерство же Путей Сообщения публикует ежемесячные издания (теперь «Ежемесячники»), заключающие некоторые, хотя и весьма не полные, сведения о движении товаров (и между ними 21 категории хлебных грузов) по месяцам к вывозным пунктам.

¹ Штейн. Движение хлебных грузов в Европ. России по губерниям в 1875 г. Статистический Временник. Сер. II, вып. 16, 2.

² Барковский. Очерк сведений о вывозе, ввозе и ценах относительно хлебов ржаного, пшеничного, овса и ячменя по губерниям и военным округам Европ. России. Вып. I—III. СПб. 1888.

Таковы все официальные первоисточники торгово-товарной статистики железнодорожного движения хлебных грузов. Вообще эта статистика имеет в своем основании весьма легко поддающуюся точному учету величину погрузок и отправок по железнодорожным документам. Однако, помимо некоторых недостатков в организационной стороне ее, она имеет и недостатки по существу. Она, во-первых, учитывает не все грузовое движение, а лишь 80—90% его; во-вторых, не дает вполне точной картины соотношения движения грузов из губернии в губернию, благодаря тому, что подвозы хлебов к станциям железных дорог выходят очень часто из границ губерний, направляясь к станциям, расположенным в других губерниях, уменьшая этим цифры вывоза одной губернии и увеличивая вывоз другой. Впрочем, в общей массе движения эти неправильности, конечно, несколько сглаживаются. Значительным неудобством для сравнений и выводов является также приурочивание всех цифр общего движения к календарному году, от чего свободны лишь данные «Ежемесячных изданий»; но эти данные охватывают только движение грузов к приграничным пунктам, не касаясь внутреннего сообщения, почему характеризуют скорость поступления хлеба лишь на внешний, а не на внутренний рынок.

Переходя к движению грузов по внутренним водным путям, необходимо отметить, что эти данные отличаются уже гораздо меньшею точностью. Печатаемые в тех же «Статистических сборниках Министерства Путей Сообщения» относительно годового движения грузов по внутренним водным путям и в «Ежемесячных изданиях» того же Министерства—относительно месячных подвозов хлебных грузов по водным путям к приграничным пунктам, эти данные имеют своим статистическим первоисточником уже гораздо менее полный материал. Количество прошедших по известному водному пути грузов высчитывается начальниками судоходных дистанций на основании размеров взимаемого попутного сбора с речных грузов. Но так как попутный сбор не везде существует, а потому и самый способ определения количества подлежащего этому попутному сбору груза (на основании показаний судовладельцев) не гарантирует точности, то масса грузов совершенно ускользает от учета. Поэтому цифры движения хлебных грузов по водным путям должны быть принимаемы лишь за приблизительные и могут быть рассматриваемы только как сравнительные за ряд годов; абсолютные же размеры торгового движения по водным путям должны быть признаны значительно выше показаний статистики.

Кроме того нужно заметить, что в общей массе движения хлебных грузов часто или на водные пути переходят грузы с железных дорог, или, наоборот, грузы с водных путей переходят на железные дороги. Хотя выделение этих несамостоятельных грузов из общего движения представляется в высшей степени важным, во избежание двойного учета, однако оно трудно исполнимо и требует сложных подсчетов.

Наконец, что касается гужевых подвозов хлебов, то для подсчета общих их итогов не имеется почти никаких данных. В материалах Министерства Путей Сообщения даются цифры гужевых подвозов к приграничным пунктам, но и они исчисляются не на основании абсолютных данных, а выводятся как разность между величиной вывоза и размерами железнодорожных и водных поступлений. По подсчетам Министерства, эти подвозы к приграничным пунктам определяются по отношению к общему сбору хлебов в 17% для ячменя и пшеницы, в 3% для ржи и 0,3% для овса. Однако, эти данные даже для определения гужевых подвозов в приграничные пункты не могут быть приняты константными, тем более, например, что высокое отношение подвозов пшеницы и ячменя зависит главным образом от преобладания гужевых подвозов к южным портам из близлежащих районов, и, следовательно, при неурожае в этих районах должно резко измениться и процентное отношение подвозов к сбору.

Еще менее эти данные могут служить для определения общих размеров гужевых подвозов к разным рынкам, городам, местечкам и т. п. во внутренних губерниях России; а между тем далеко не все эти гужевые грузы поступают в дальнейшем своем движении на железные дороги; они, следовательно, не подлежат учету и в железнодорожной статистике. Главная масса их, поступая на местный рынок, на нем же и потребляется, покупаясь или местным внеземледельческим населением, или даже—весною—обратно самим продавцом-земледельцем.

Для суждения о том, как велики размеры этого поступающего на внутренние рынки и не идущего дальше их хлеба, собственно статистика торгового движения не дает почти никаких общих данных, и определить эти цифры, хотя бы и приблизительно, можно лишь на основании косвенных соображений и указаний. Безусловно, что отдельные хлеба, по размерам их самостоятельных подвозов, не переходящих на водные и железнодорожные пути, и по отношению их к сбору, занимают различное место, в виду различного хозяйственного значения таких, например, хлебов, как пшеница, возделываемая большею частью с торговыми целями, и рожь, идущая в главной массе на внутреннее натуральное потребление крестьянских хозяйств; но абсолютные итоги этого первоисточника хлебного снабжения—внутреннего движения грузов—совершенно сокрыты от статистического учета. Лишь для немногих крупных пунктов, а, следовательно, находящихся, по условиям хозяйства окружающих их районов (Петербург, Москва, Одесса и др.), в исключительных условиях, имеются более или менее успешные попытки подсчетов количества поступающего в них гужом хлеба (главным образом статистикой городских управлений). В земских исследованиях лишь в очень немногих встречаются попытки изучения движения грузов по шоссейным и грунтовым дорогам (Полтавская, Херсонская губ. и некоторые др.), также приуроченные к отдельным пунктам и имеющие, следовательно, лишь местное значение.

Более общее значение, хотя лишь относительное за ряд лет, но никак не абсолютное, имеют цифры подвозов в ежемесячных «Статистических данных по хлебной торговле», помещавшихся в «Вестнике Финансов». В число подвозов хлебов к 24 главным внутренним и портовым рынкам¹ включаются как железнодорожные и водные, так и гужевые поступления, и таким образом условия хлебного снабжения подлежащих учету рынков должны бы считаться здесь наиболее полно выясненными, если бы способ получения данных заслуживал большего доверия. Размеры железнодорожных поступлений к известным пунктам определяются ежемесячно корреспондентами на основании железнодорожной статистики станций получения; размеры поступлений по водным путям определяются также на основании сообщений местных судходоходных дистанций; размеры же гужевых поступлений на местные базары или в складочные помещения определяются корреспондентами (преимущественно биржевыми комитетами, городскими управлениями или частными торговцами) по собственным подсчетам подвозов или из опроса главных местных скупщиков. Последнее обстоятельство делает цифры подвозов особенно шаткими в их абсолютном значении: как ни компетентен биржевой комитет в ходе торговых дел, он может дать цифры хлебных подвозов лишь приблизительно; еще менее доступны эти данные отдельным хлеботорговцам.

Впрочем, было бы не вполне правильно совершенно отрицать всякую пригодность этих цифр для каких-либо приблизительных статистических расчетов: не давая абсолютных размеров хлебных поступлений, они, однако,

¹ Портовые рынки: С.-Петербург, Ревель, Либава, Таганрог, Новороссийск, Ростов-на-Дону, Мариуполь, Бердянск, Феодосия, Николаев, Одесса. Внутренние рынки: Воронеж, Курск, Ливны, Моршанск, Москва, Варшава, Чистополь, Царицын, Верхнеднепровск, Мелитополь, Пенза, Шигры, Оренбург

могут дать до некоторой степени верную картину, например, для помесечных изменений движения хлебных поступлений к данному пункту в течение каждого года и погодных—в течение ряда лет. Точно также, не имея никаких данных на основании подвозов к 24 регистрируемым пунктам заключать о размерах подвозов вообще во всех губерниях, мы, однако, из годового хода снабжения этих главных 24 рынков можем делать некоторые заключения об общих условиях хлебного снабжения, т.-е. о его скорости, месячных колебаниях, зависимости от разных факторов и т. п.

В заключение остановимся на обзоре статистического материала того фактора динамики рынка, который является внутренним экономическим и коммерческим стимулом и причиной торгового движения, т.-е. на хлебных ценах.

Несмотря на видимую простоту статистического учета хлебных цен путем их регистрации в тех или других торговых учреждениях, вопрос этот оказывается, однако, довольно трудно разрешимым. Цена, как элемент статистического учета, представляется явлением настолько подвижным, непостоянным и зависящим от целого ряда привходящих условий, что сохранить в течение времени статистического наблюдения, т.-е. в течение ряда лет, однородность наблюдаемого явления оказывается весьма трудным. На цене одного и того же вида и сорта хлеба часто очень резко отзывается то или другое изменение качества зерна, настолько незначительное, что оно почти не поддается учету. Так как грубым способом выражения качества зерна является натура его, то при сопоставлении хлебных цен за ряд лет необходимо сопоставление не только одних и тех же сортов, но и одной и той же натуры; а получить такой ряд цен, относящихся к строго определенному сорту и натуре за продолжительный период, понятно, весьма трудно. Тем более невозможно учесть в изменениях цены за ряд лет влияние изменения других, более мелких признаков качества зерна.

Кроме того, самый способ регистрации цен должен оказывать крупное влияние на верность и однородность учета. По самому характеру своему хлебные цены должны быть разделены на две категории: во-первых, цены базарные, т.-е. такие, по которым покупается хлеб у производителей, большей частью на базарах с возов; и, во-вторых, цены биржевые, по которым совершаются сделки среди биржевого купечества, т.-е. по которым покупается хлеб из вторых рук. Состав, значение и образование тех и других цен очень разнятся друг от друга.

Базарные цены должны соответствовать ценам на местах производства; теоретически они образуются из местных цен плюс издержки провоза до того или другого торгового пункта, фактически же часто равняются ценам на местах производства даже без всякой прибавки. Это обуславливается тем, что базарные цены являются большей частью ценами крестьянского хлеба и именно по характеру этого производителя и отношений его к рынку часто не включают расходов по транспорту на рынок. Вообще базарные цены являются ценами мелких партий, так называемого «россевого» хлеба, хотя по ним часто совершаются и более крупные партии экономических хлебов (понятно, с некоторой надбавкой против россевого хлеба за однородность и лучшее качество), если продажа крупных экономических партий совершается на месте непосредственно крупными производителями. Вообще же крупные партионные сделки преобладают в биржевой деятельности; партионные биржевые цены представляют поэтому цены товара, переходящего иногда в четвертые-пятые руки, например от крупного местного хлеботорговца-скупщика к мукомолу или экспортеру.

Понятно, что состав биржевых цен значительно разнится от базарных и местных, так как заключает массу новых элементов, в виде условий экспорта, иностранного или потребительского спроса, деятельности портов и железных дорог, наконец ряда других коммерческих соображений. Все это,

если и отзывается на местных ценах, то в значительно меньшей степени и более медленно, чем на биржевых ценах, в особенности в крупных торговых пунктах. Поэтому даже при самой полной однородности сорта и качества зерна, цены которого регистрируются, получается значительная разница, дается ли биржевая цена или базарная. Для правильности сопоставлений необходимо, следовательно, не только чтобы подлежащие учету сорта хлебов были вполне однородны, но чтобы и самые учреждения и лица, регистрирующие цены, были одни и те же.

Другое, что необходимо здесь отметить,—это способ обработки и свода цен. При постоянных колебаниях цен, для правильности выводов и обобщений необходимо применять такой способ обработки, который позволил бы отвлечься от частных и случайных колебаний и отметить лишь общую тенденцию цен в течение того или другого периода. Большею частью для этого и применяется вывод средних цен за более или менее продолжительный период для той или другой местности (уезда, губернии, империи), или вычисление так называемых индексов цен. Но понятно, что, при таком приеме исчисления и обработки, теряется уже всякая возможность сохранения однородности учитываемых элементов и однородности регистрирующих учреждений и лиц: в средней цене будут соединяться и биржевые и базарные цены, зерно различного качества, различной натуры и пр. Особенно это неудобство должно сказываться при свode биржевых цен, так как на биржах всегда вращается громадная масса самых разнообразных сортов и качеств хлеба. В меньшей мере это должно относиться к местным ценам какой-либо сравнительно не крупной территориальной единицы, где производство хлебов ограничивается большею частью более или менее однородными сортами. Поэтому при свode биржевых цен, повидимому, будет более правильным не выводить средних цен, а брать лишь конкретные биржевые котировки в известные, достаточно короткие сроки, например заключительные недельные отметки, десятидневные отметки и т. п. Близость этих сроков и конкретность этих цен позволит более правильно отметить ту или другую тенденцию цен, чем вывод средних. Для местных цен, не подлежащих правильному учету через какие-либо короткие промежутки времени и не колеблющихся так сильно, как биржевые, возможно выведение средних за известный период.

Наибольшее количество имеющихся в русской статистике материалов по хлебным ценам относится именно к местным ценам. Хотя биржевые цены и регистрируются правильно и постоянно на многих крупных рынках в биржевых прейс-курантах, однако своды биржевых цен имеются лишь за последние годы. Именно, на основании торговых бюллетеней разных товарных бирж Министерством Торговли издаются «Товарные бюллетени», заключающие между прочим и хлебные цены по котировкам главнейших хлебных бирж; помесечная и общая погодная сводка этих цен публикуется в особых ежегодных изданиях «Свод товарных цен на главных русских и иностранных рынках». В годовой сводке цен для главнейших хлебов все рынки соединены в три группы: северные портовые, южные портовые и внутренние; цены даются в среднем по этим группам. В месячных данных цены выводятся отдельно по главным рынкам и потому представляются вообще более конкретными, чем средние годовые для упомянутых групп рынков.

Другим сводом биржевых хлебных цен являлись ежемесячные «Статистические обзоры хлебной торговли» в «Вестнике Финансов», где, между прочим, печатались и цены на главных рынках в виде биржевых недельных котировок. Имея своим первоисточником те же биржевые отметки цен, как «Свод товарных цен», данные «Вестника», понятно, не отличаются по существу от данных «Свода», тем более, что во многих случаях за отсутствием биржевых котировок сведения почерпались «Сводом» из тех же данных «Вестника».

Этими двумя источниками почти и ограничиваются общие материалы по биржевым хлебным ценам. Кроме них лишь для немногих пунктов имеются

своды цен, разработанные главным образом городскими управлениями; в этом отношении особенно ценными являются данные о ценах, разработанные московской городской управой за период более ранний, именно за 1870—1887 годы¹.

Другим, также старым сводом хлебных цен является составленный И. И. Кауфманом свод хлебных цен на главных русских рынках за 1851—1887 годы в «Сведениях о международной хлебной торговле», разработанных для комиссии по поводу падения цен на сельскохозяйственные произведения². Для свода, как говорится в предисловии, были употреблены все, какие возможно было собрать, материалы; но, понятно, уже самое это соединение «всех возможных», т.-е. разнородных материалов, помимо их собственной неполноты и неудовлетворительности, говорит не в пользу качества свода, который действительно, и по словам автора, «едва ли может быть признан вполне удовлетворительным».

Гораздо более подробные материалы имеются относительно местных хлебных цен. Самую раннюю попытку регистрации местных цен представляют ведомости о так наз. «справочных ценах», издававшиеся земскими управами в земских губерниях, или комиссиями о народном продовольствии в неzemских губерниях, на основании сведений, доставляемых волостными правлениями. Малоудовлетворительный по своему первоисточнику и обработке материал этот почти не подвергался общей сводке и разработке³.

Некоторую сводку цен пшеничной и ржаной муки, а также овса, находим в другом издании Центр. Стат. Комитета для той же комиссии по поводу падения цен, именно в выпуске «Цены на провиант и фураж по сведениям интендантского ведомства»⁴. Разработанные по специальным материалам (по сведениям интендантского ведомства за 1865—68 и 1875—87 гг.), цены этого свода не представляют в сущности ни местных, ни биржевых цен, а скорее среднее между ними—цены крупного партионного (и притом большею частью дорогого) покупателя, каким является казна. Конечно, и это специальное значение, и способ получения и обработки данных, и, наконец, неопределенность, даже полное отсутствие показаний относительно сорта и качества муки и зерна лишают этот свод общего значения.

Наконец, для этой же комиссии по поводу падения цен Центральным Статистическим Комитетом разработан третий свод цен: «Цены на пшеницу, рожь, овес и ячмень в Европейской России в 1881—87 годах по местным сведениям»⁵. В основание свода положены в качестве первоисточников: 1) губернские ведомости о ценах на местных рынках; 2) частные газетные сведения; 3) ведомости губернаторов, доставляемые ежемесячно в Центральный Статистический Комитет о ценах на хлеб; 4) сообщения о местных ценах от корреспондентов департамента земледелия. Таким образом, материалы свода по своему характеру крайне разнообразны: сюда вошли и показания администрации, очевидно, не отличающиеся ни достоверностью, ни полнотой; и совершенно частные газетные сведения, также весьма шаткие; и более или менее правильно организованные сообщения корреспондентов департамента земледелия. Впрочем, несмотря на свои недостатки, этот свод местных цен во всяком случае является довольно ценным, так как представляет из себя достаточно полный преис-курант поуездных хлебных цен за критическое для нашего сельского хозяйства и хлебной торговли время 1881—1887 годов.

Упомянутые выше сообщения корреспондентов Министерства Земледелия о местных ценах самостоятельно стали собираться им с 1881 года и

¹ Хлебопекарный промысел и такса на хлеб в Москве. Москва, 1889.

² Временник Центр. Стат. Комитета, № 5. СПб. 1889.

³ Фортунатов. Сельско-хозяйственная статистика, стр. 236. Москва, 1893.

⁴ Временник Центр. Стат. Комитета, № 4. СПб. 1889.

⁵ Временник Центр. Стат. Комитета, № 3. 1888.

публиковались в губернской сводке в общем обзоре года; вместе с ценой указывались также качество и натура хлеба. Сведения эти по существу носили общий всем корреспондентским сообщениям недостаток: неравномерность распределения корреспондентов, плохое освещение некоторых уездов, наконец неоднородность состава корреспондентов, почему указываемые цены относятся то к крестьянскому, то к помещичьему хлебу. Впрочем, благодаря преобладанию в числе корреспондентов землевладельцев-помещиков, можно предположить, что цены Министерства Земледелия относятся, главным образом, именно к помещичьему хлебу.

Вообще эти довольно удовлетворительные сведения сначала носили еще один главный недостаток, давая лишь осенние цены, т.-е. наиболее низкие за год. Лишь с 1888 года корреспонденты стали доставлять сведения о ценах дважды в год: весной (до мая) и осенью (до декабря). Эти цены и разрабатываются в годовых (до 1892 года в полугодовых) обзорах, чем и устраняется главный указанный недостаток прежней организации, так как при малой изменчивости местных цен регистрация их два раза, весной и осенью, представляется до некоторой степени достаточной. Таким образом, данные Министерства Земледелия представляют из себя в настоящее время наиболее полный, однородный, продолжительный и удовлетворительный свод местных цен, охватывающий для осенних цен время с 1881 года и для весенних—с 1882 года. В последней сводной работе Министерства⁴ эти цены сгруппированы в общей сводке и подвергнуты некоторой дальнейшей обработке.

Этим исчерпываются все почти материалы для статистики хлебных цен. В земских исследованиях по основной и текущей статистике хотя большею частью имеются также и сведения о хлебных ценах, но они носят часто более или менее случайный характер, не охватывая непрерывно продолжительного ряда лет, не имея общей сводки, а часто даже и самостоятельного первоисточника, в виде сообщения собственных корреспондентов земства, не заключающая часто также и необходимых указаний на сорта хлебов, качество их, условия продажи и пр. Основанные на том же самом корреспондентском способе собирания сведений о ценах, как и в Министерстве Земледелия (но обладая, может быть, большею полнотою и равномерностью распределения корреспондентов), земские данные имеют ту особенность, что относятся главным образом к ценам, по которым совершаются сделки мелким производителем-крестьянином. Однако, отсутствие общей сводки за более или менее продолжительный ряд лет затрудняет пользование земскими данными для общих выводов и оставляет за ними лишь характер местных иллюстраций к общим положениям.

Таким образом, как мы и отметили вначале, русская торговая статистика отличается и бедностью материалов и, главное, далеким от удовлетворительности качеством их. Тем не менее, некоторые выводы, хотя бы самого общего характера, можно извлечь и из существующих данных, в особенности в отношении изучения торгового движения, которое, благодаря железнодорожной статистике, представлено лучше, чем другие факторы рынка.

II. Урожай и запасы.—Зависимость запасов от размеров урожая.—Истощение запасов в стране.—Цикл ежегодных колебаний запасов.—Характер колебания запасов для различных хлебов.

Остановимся прежде всего на рассмотрении значения и соотношения двух основных факторов хлебного снабжения: урожая и запасов. Так как размеры общих хлебных запасов, т.-е. запасов у производителей и у торговцев, регистрируются существующей статистикой лишь раз в год, к 15 июля, т.-е. к концу старого и к началу нового хозяйственного года, то эти хлеб-

⁴ Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. В. I—II. СПб. 1903.

ные запасы и представляют те остатки от старого урожая, которыми располагает страна перед наступлением нового сельскохозяйственного года. Это—остатки из общего сбора зерна, за вычетом расхода на обсеменение, за исключением зерна вывезенного за границу и потребленного в течение года внутри самой страны. Так как из последних трех величин более или менее точно учитываются лишь расход на обсеменение и вывоз за границу, то мы здесь и сопоставим размеры запасов к 15 июля с размерами чистого сбора хлебов за предшествующий год.

Производя соответствующие исчисления и сопоставления по имеющимся материалам, получаем следующую таблицу чистого сбора главных хлебов и хлебных запасов в 63 губерниях Европ. России, в миллионах пудов ¹:

Сельско-хозяйственные годы.	Пшеница.		Рожь.		Овес.		Ячмень.	
	Чистый сбор.	Запасы.	Чистый сбор.	Запасы.	Чистый сбор.	Запасы.	Чистый сбор.	Запасы.
1896—7	493,8	180,3	961,0	287,9	494,8	57,4	263,3	27,8
1897—8	360,6	95,0	741,7	216,1	367,2	34,3	248,8	25,8
1898—9	562,9	125,7	879,9	181,3	398,9	36,0	337,6	32,9
1899—900	529,9	131,9	1.132,3	240,3	639,9	52,8	229,7	27,1
1900—1	525,8	129,3	1.162,0	264,5	549,2	48,4	248,1	26,7
1901—2	531,3	97,2	907,5	167,6	354,1	26,5	251,0	19,3
1902—3	792,8	119,1	1.147,3	186,2	615,7	40,8	379,0	28,2
1903—4	771,7	137,0	1.121,4	179,8	473,4	33,4	398,7	38,1
1904—5	882,6	154,9	1.276,8	225,7	771,0	67,1	380,1	31,5
1905—6	785,0	137,5	862,2	154,3	576,8	49,9	378,4	25,8

Обращаясь к рассмотрению этих цифр, мы можем, вследствие их лишь отдаленной точности, только в общих чертах отметить соотношение и зависимость размеров остающихся в стране к концу сельскохозяйственного года хлебных запасов от размеров урожая.

Останавливает внимание, прежде всего, неодинаковое положение различных хлебов: в то время, как запасы пшеницы составляют по отношению к сбору большую часть не менее $\frac{1}{4}$, запасы ржи составляют уже около $\frac{1}{5}$ сбора, а овса и ячменя $\frac{1}{10}$ и менее. Следовательно, напряжение производства в отношении удовлетворения нужд хлебного снабжения гораздо более значительно для овса и ячменя, чем для ржи и пшеницы: в течение годового периода внутренним продовольственным и производительным (на посев) потреблением и вывозом за границу поглощается почти все производство овса и ячменя, тогда как остатки от производства ржи и относительно, и в особенности абсолютно, гораздо больше; еще выше в этом отношении стоят размеры остатков пшеницы.

Это обстоятельство становится весьма понятным, если примем во внимание не только торговое значение тех или иных хлебов, но и хозяйственное положение их производителей. Остатки ячменя, как хлеба, возделываемого главным образом на продажу и именно на внешнем рынке, к концу годового периода производства спускаются до минимума. Овес потребляется в крупных количествах внутри самих земледельческих хозяйств и должен был бы требовать значительного обеспечения запасами; в действительности их оказывается однако мало, так как, производясь главным образом в крестьянском хозяйстве, овес быстро уходит из него вследствие излишних продаж, уменьшая таким образом внутреннее потребление и оставляя крестьянское хозяйство обеспеченным менее, чем это было бы необходимо. Почти то же самое можно сказать и относительно ржи; но здесь, понятно, продовольственная потребность гораздо более настоятельна, сжимаемость потребления гораздо меньше, необходимость запасов поэтому сильнее; даже

¹ Размеры урожая хлебов—по данным Центрального Стат. Комитета, размеры запасов—на основании неопубликованных данных Департамента окладных сборов.

из самых необеспеченных денежными средствами крестьянских хозяйств на продажу идет сначала овес и лишь затем рожь; в результате всех этих влияний, запасы ржи к концу года оказываются и относительно и абсолютно более значительными, чем овса и ячменя. Другой причиной можно объяснить сравнительно высокий уровень запасов пшеницы: пшеница, хотя и является главным образом торговым хлебом, однако производится в более самостоятельных и устойчивых в экономическом отношении хозяйствах, находится в более крепких руках, почему, несмотря на относительно высокий процент поступлений ее на рынок, запасов ее к концу годового производства остается сравнительно много.

Остановимся подробнее на рассмотрении соотношения размеров запасов с размерами чистого сбора хлебов за вычетом заграничного вывоза, т. е. с размерами того остатка, который остается на потребление внутри самой страны.

Сопоставив средние за два соседних пятилетия: чистый сбор хлебов в 63 губерниях, вывоз за границу, остаток на внутреннее потребление (за вычетом вывоза и со включением запасов) и размеры запасов к 15 июля, получим следующие цифры, в миллионах пудов ¹:

Пшеница.	Чистый сбор.	Вывоз.	Остаток.	Запасы.
189 ⁶ / ₇ —190 ⁰ / ₁ . . .	494,6	156,7	337,4	132,2
190 ¹ / ₂ —190 ⁵ / ₆ . . .	752,7	241,5	511,2	129,2
Рожь.				
189 ⁶ / ₇ —190 ⁰ / ₁ . . .	975,5	74,1	901,4	238,2
190 ¹ / ₂ —190 ⁵ / ₆ . . .	1.063,0	74,0	989,0	182,7
Овес.				
189 ⁶ / ₇ —190 ⁰ / ₁ . . .	490,0	51,5	438,5	45,9
190 ¹ / ₂ —190 ⁵ / ₆ . . .	558,2	76,7	481,5	43,5
Ячмень.				
189 ⁶ / ₇ —190 ⁰ / ₁ . . .	265,5	79,1	186,4	27,9
190 ¹ / ₂ —190 ⁵ / ₆ . . .	357,4	130,4	227,0	28,5

Здесь мы видим то же, отмеченное уже явление: наименьшие по размерам запасы к концу годового периода производства остаются для ячменя и овса, наибольшие абсолютно—для ржи и относительно—для пшеницы. Но данная таблица позволяет сделать и некоторые дальнейшие заключения.

Если сравнивать цифры второго пятилетия с первым, то окажется, что вместе с возрастанием чистого сбора всех хлебов, вместе с возрастанием в то же время и экспорта, возросло и внутреннее потребление. Обусловливается это, отчасти, тем обстоятельством, что второе пятилетие состоит из исключительно высоких по урожайности годов, тогда как среди первого находится такой неурожайный год, как 1897—8 г.; народное потребление, благодаря хорошим урожаям, понятно, значительно возросло во второе пятилетие. Однако, несмотря на это, размеры запасов и остатков от производства оказываются не только не возросшими, но, наоборот, значительно сократившимися для всех хлебов. Очевидно, напряжение внешнего вывоза даже при высоких урожаях настолько значительно, что к концу годового периода производства остается все менее крупное количество запасов зерна; ряд хороших урожаев, значительно повышая потребление и вывоз, повидимому не только не способствует увеличению запасов, но даже отзывается часто сокращением их, благодаря усиленному вывозу.

Действительно, посмотрим ближе на годовые колебания запасов в зависимости от размеров урожаев. В этом отношении влияние урожаев на размеры запасов сказывается на обоих соседних годах. Просматривая цифры

¹ Составлена на основании „Урожаев“ Центр. Стат. Комитета, Статистики „внешней торговли“ и сведений Департамента окладных сборов за соответствующие годы.

предпоследней таблицы, мы видим, что плохой урожай влечет обыкновенно, с одной стороны, накопление и увеличение остатков от предыдущего сельскохозяйственного года и с другой—уменьшение и истощение запасов, остающихся к концу данного неурожайного года. В то же время, высокому урожаю обыкновенно предшествует сокращение остатков от предыдущего хозяйственного года; на размеры же остатков к концу урожайного года высокий сбор хлебов влияет менее значительно, очевидно сглаживаясь другими обстоятельствами.

Факт низкого урожая какого-либо года становится известным (в особенности торговцам) уже много ранее, чем производится самый сбор, ранее также и 15-го июля—срока, к которому собираются сведения о запасах. Повышение цен, происходящее в таких случаях, уже начинает сказываться сокращением народного потребления; возможность дальнейшего укрепления внутреннего спроса сдерживающим образом влияет на экспортное предложение; в результате еще до сбора неудачного урожая сокращается потребление, сокращается внешний вывоз—увеличиваются запасы. Однако, если только размеры недорода значительны, то даже и увеличенные таким путем средства хлебного снабжения оказываются не вполне достаточными для покрытия нужд экспорта и внутреннего потребления в течение этого неурожайного года, почему к концу его, часто несмотря на уменьшение потребления и экспорта, запасы оказываются сильно уменьшившимися. Такое именно соотношение запасов и урожая обнаруживается для всех хлебов, например, в неурожайном 1897 г.

Если взять обратный случай—высокого урожая, то увидим, что влияние его ожидаемым понижением цен, увеличением потребления и вывоза отражается также на предыдущем году уменьшением запасов. Однако, на последующих годах влияние высокого урожая сказывается не только менее заметно, но и не сразу, в особенности если высокий урожай следует за рядом неблагоприятных годов: очевидно, ряд неурожайных годов настолько сильно уменьшает народное потребление, а частью и вывоз, что первый урожайный год не всегда успевает восстановить нарушенное равновесие; лишь в результате второго урожайного года остаются запасы, по размерам превосходящие обычные. Колебания запасов пшеницы и ржи в урожайные 1898—1901 годы, последовавшие за неурожаем 1897 года, а также в 1902—4 гг. обнаруживают именно такой ход.

Мы упомянули, что в цифру размеров хлебных запасов к 15 июля по данным податных инспекторов входят—в значительной доле—также и запасы торговые, т.е. находящиеся уже в распоряжении рынка. Выделить хотя бы приблизительно из общей цифры запасов запасы торгового зерна не представляется никакой возможности. Для суждения о размерах торговых запасов в нашем распоряжении находится другой единственный источник—учет их в 27 главных рыночных пунктах и элеваторах 5 главных железнодорожных линий статистикой «Вестника Финансов». Разнородность способов обследования и собирания данных Департаментом окладных сборов и «Вестником Финансов» и частичность (лишь для 27 городов) обследования «Вестника Финансов» не позволяют сделать непосредственных заключений и сравнений этих данных в целях выделения из общей цифры тех запасов, которые остаются к концу года в руках у производителей, посредством вычитания из первой цифры второй. Поэтому здесь также придется ограничиться лишь сравнением относительных колебаний цифр запасов по месяцам и в зависимости от урожаев по годам.

Цифры хлебных торговых запасов регистрируются «Вестником» ежемесячно к первому числу; но, так как данные Департамента окладных сборов относятся к 15 июля, то, для удобства дальнейших сравнений, мы возьмем средние цифры запасов к 1 июля и к 1 августа, предположив, что они дадут приблизительные размеры запасов к 15 июля. На основании таких подсче-

тов получим следующую таблицу торговых запасов в сопоставлении с урожаем предыдущего года, в миллионах пудов ¹:

Урожай:	1899/000	1900/1	1901/2	1902/3	1903/4	1904/5	1905/6
пшеница	529,9	525,9	531,8	792,8	771,7	882,6	785,1
рожь	1.132,8	1.162,0	907,5	1.147,6	1.121,4	1.276,3	862,2
овес	639,9	549,2	354,1	615,7	473,4	771,0	576,3
ячмень	229,6	248,1	251,0	379,0	398,7	380,1	378,1
Запасы к 1 июля:							
пшеница	19,2	15,2	10,6	14,4	16,4	22,1	14,9
рожь	9,1	8,8	4,2	5,1	5,7	5,8	7,8
овес	6,7	5,5	1,1	7,1	5,1	10,7	6,3
ячмень	0,4	1,3	2,2	1,4	5,8	3,6	2,0

Несмотря на то, что размеры торговых запасов зависят, кроме урожая (играющего в этом отношении даже второстепенную роль), от целого ряда других причин (размеры потребления, экспорта, скорость поступлений на рынок в связи с условиями железнодорожного транспорта), однако и здесь мы наблюдаем довольно правильно повторяющуюся зависимость от размеров урожая, которая обнаруживается и в колебании размеров запасов в предшествовавших исчислениях.

Это сходство колебаний в показаниях торговых запасов и вышеприведенных общих запасов позволяет заключить об относительной правильности тех и других цифр и дает возможность сделать некоторые сопоставления. Действительно, сопоставим цифры общих размеров запасов, даваемые Департаментом окладных сборов к 15 июля, и цифры торговых запасов по «Вестнику Финансов», взяв в последнем случае среднее между цифрами запасов к 1 июля и к 1 августа:

	1900.	1901.	1902.	1903.	1904.	1905.	1906.
Пшеница:							
общие запасы	131,9	129,2	97,2	119,4	137,0	154,2	137,5
торгов. запасы	17,1	16,3	14,0	13,4	15,4	18,9	15,2
Рожь:							
общие запасы	240,4	264,9	167,0	186,1	179,8	225,7	154,2
торгов. запасы	8,4	8,9	4,1	4,7	4,3	6,1	7,9
Овес:							
общие запасы	52,8	48,4	26,5	40,8	33,4	67,1	49,7
торгов. запасы	5,1	4,9	2,0	5,4	4,0	10,5	5,1
Ячмень:							
общие запасы	27,1	26,7	19,3	28,2	38,1	31,5	25,6
торгов. запасы	1,1	2,3	3,8	2,7	6,0	3,7	2,5

В движении колебаний размеров общих запасов и торговых запасов в главных пунктах наблюдается, в общем, если не совпадение, то значительное сходство, хотя, как уже сказано, торговые запасы представляются элементом настолько подвижным и быстро меняющимся, что сравнение их в годовые промежутки времени мало характерно.

Большой интерес представляют колебания торговых запасов по месяцам, так как эти колебания характеризуют скорость поступления хлебов на рынок, т.е. скорость реализации урожая в зависимости от тех или других факторов.

Движение торговых запасов по месяцам обуславливается двумя главными факторами: с одной стороны—скоростью реализации урожая и размерами поступлений его на рынок, с другой—размерами внутреннего потребительного и внешнего экспортного спроса. Влияние этих двух противопо-

¹ См. «Вестник Финансов» за соотв. годы.

ложных факторов скрещивается в известные периоды года таким образом, что запасы, достигнув максимума, начинают убывать, пока не спустятся до минимума, чтобы вместе с реализацией нового урожая начать новое увеличение. Таким образом, время созревания жатвы в том или другом году и скорость созревания того или другого хлеба обуславливают, прежде всего, скорость поступления урожая на рынок.

За невозможностью дать здесь полную таблицу за все месяцы рассматриваемого пятилетия, возьмем цифры запасов лишь за те месяцы года, когда запасы, достигнув минимума, начинают возрастать; это падает большей частью на июль—август. К первым числам в эти месяцы запасы хлебов в 27 главных регистрируемых пунктах и в элеваторах 5 главных железнодорожных линий были следующих размеров в миллионах пудов, при чем годовые минимумы напечатаны жирным шрифтом ¹:

	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906
Пшеница:							
1 июля	19,2	15,2	10,6	14,1	16,4	22,1	14,9
1 августа	15,1	17,1	10,1	12,5	14,7	15,7	15,3
1 сентября	23,9	23,9	17,4	26,6	25,8	22,7	27,4
Рожь:							
1 июля	9,1	8,8	4,3	5,1	5,7	5,8	8,1
1 августа	7,7	9,0	2,4	4,2	3,9	6,4	8,0
1 сентября	8,8	11,5	4,1	6,7	4,9	6,8	8,2
Овес:							
1 июля	6,7	5,5	2,1	7,0	5,1	10,2	6,8
1 августа	3,6	4,3	1,1	3,8	2,0	10,2	3,8
1 сентября	4,9	7,9	2,9	1,4	4,1	11,6	6,8
Ячмень:							
1 июля	0,4	1,3	0,1	1,4	5,8	3,6	2,1
1 августа	1,9	3,3	2,2	4,1	6,2	3,8	2,3
1 сентября	3,9	6,1	4,8	7,7	12,0	3,8	6,0

Из таблицы ясно обнаруживается неодинаковая скорость поступления на рынок различных хлебов, зависящая отчасти, конечно, и от условий произрастания их и от отдаленности главных районов культуры от портовых рынков, но, кроме того, и от внутренних производственных условий. В то время, как для ржи, овса и пшеницы минимум запасов почти во все годы падает на 1-ое августа, после чего начинается постепенное увеличение запасов благодаря усилившимся поступлениям, для ячменя минимум приходится на 1 июля, и уже с этого месяца наблюдается дальнейшее увеличение запасов. Понятно, что в течение года оно не идет равномерно, иногда сменяясь понижением, вследствие, например, усиления потребления, заграничного спроса, колебания железнодорожных поступлений и т. п.; однако, общий ход движения запасов обнаруживает в общем указанную правильность.

Рассматривая цифры месячных колебаний хлебных запасов в осеннюю половину сельскохозяйственного года, мы видим, что они обнаруживают после июля—августа правильное возрастание, идущее, однако, не одинаково для разных хлебов. Во всех имеющихся 7 годах 1900—1906 максимум запасов пшеницы приходится на 1 ноября. Значит, накопление торговых запасов пшеницы, начавшись с сентября и быстро достигнув к ноябрю наибольших размеров, далее уже начинает идти на убыль. Это видно из следу-

¹ По данным «Вестника Финансов» соотв. годов. См. также прил.

ющей таблицы запасов пшеницы, в милл. пудов, при чем годовой максимум напечатан жирным шрифтом:

ГОДЫ.	1 сент.	1 окт.	1 нояб.	1 дек.
1900	23, ₉	34, ₁	38 ₀	36, ₅
1901	23, ₉	33, ₅	37 ₁	34, ₇
1902	17, ₄	29, ₄	41 ₈	38, ₄
1903	26, ₆	49, ₇	56 ₀	52, ₅
1904	25, ₈	38, ₈	46 ₇	42, ₄
1905	22, ₇	31, ₉	42 ₀	35, ₅
1906	27, ₄	36, ₂	45 ₆	42, ₇

Дальнейшее движение запасов пшеницы, начиная с декабря и кончая августом, представляет правильное падение; лишь в апреле отмечается некоторое, очень слабое, повышение запасов.

Другой вид имеет волна годового движения запасов ржи, овса и ячменя. Хотя минимум запасов для первых двух хлебов падает на те же месяцы, как и для пшеницы, но дальнейшее накопление их идет гораздо более медленно и не так правильно. Поэтому после августовских (для ржи и овса) минимумов возрастание запасов идет большею частью до января, иногда даже до февраля, когда запасы, достигнув максимума, начинают уже уменьшаться. Но и в дальнейшем движении они не представляют, как для пшеницы, однообразного понижения, но к 1 июня обнаруживают новую повышательную волну, настолько значительную, что она превышает даже январские запасы.

Что касается ячменя, то его запасы, начиная увеличение ранее, чем другие хлеба, показывают максимум, так же как рожь, к январю, но дальнейшее движение запасов обнаруживает простое понижение без летнего максимума, приближаясь в этом отношении к движению запасов пшеницы.

Таковы ежемесячные колебания запасов на учитываемых рынках. При всем частичном характере этих цифр, не обнимающих, конечно, все торговые запасы хлеба, находящиеся в стране, однако можно приведенные выше выводы, повидимому, обобщить, как общее явление для всех запасов, тем более, что указанный характер движения их имеет вполне рациональное объяснение.

К моменту поступления нового урожая на рынок торговые запасы представляются в значительной степени истощенными; пополнение их начинается лишь вслед за сбором нового урожая. При этом ячмень, как хлеб, возделываемый главным образом на юге, вблизи южных портов (а портовые запасы, как увидим далее, составляют значительную часть запасов), созревает и начинает поступать на рынок раньше других хлебов. На втором месте по скорости поступления стоит пшеница, которая является хлебом торговым по преимуществу; она начинает поступать на рынок настолько быстро, что уже к ноябрю запасы ее достигают максимума; в этом максимуме играет роль главным образом пшеница юга, юго-запада и вообще мест, близких к портам; но и в дальнейшие месяцы пшеница, как продукт сравнительно более дорогой и выносящий железнодорожный транспорт, продолжает поступать к рынкам уже из более отдаленных районов, хотя, конечно, запасы продолжают равномерно убывать, благодаря экспорту и внутреннему потреблению. Возрастание запасов ржи и овса идет медленнее, вследствие самого свойства продукта, производство которого рассчитано, прежде всего, на собственное потребление в хозяйстве; отдаленность от портов и от крупных торговых потребительных центров весьма важных производительных районов также способствует такому запозданию; наконец, частью также вследствие географических условий производительных районов—преобладания водных путей, частью вследствие сравнительно невысокой стоимости продукта, застаивающей пользоваться этим водным путем, вместе с открытием навигации

т.-е. к маю и июню начинает обнаруживаться накопление запасов вследствие усиленных поступлений водою, чего не отмечалось для ячменя и пшеницы.

До сих пор мы рассматривали движение запасов хлебов в общем для всех учитываемых торговых пунктов. Между тем наш источник, учитывая размеры запасов, делит эти пункты на три категории: портовые рынки, внутренние рынки, элеваторы и зернохранилища по линиям железных дорог. Характер движения запасов по этим трем категориям пунктов представляет некоторые различия.

Если мы сравним время осенних минимумов для портов и для внутренних рынков, то окажется, что для портов минимумы обыкновенно приходятся несколько ранее внутренних рынков. Поэтому в то время, когда в портовых рынках начинается уже накопление запасов благодаря усиливающимся поступлениям, на внутренних рынках продолжается еще уменьшение запасов. Другими словами, главные массы нового урожая, прежде всего и скорее всего, направляются именно к портам.

Так, сравнивая запасы соседних трех месяцев в портах и на внутренних рынках, имеем следующие цифры, в миллионах пудов, при чем жирным шрифтом обозначены минимальные в текущем сельскохозяйственном году запасы ¹.

Портовые рынки:		1900.	1901.	1902.	1903.	1904.	1905.	1906.
1 июля:								
пшеница		8,3	4,3	4,1	5,1	8,2	9,8	6,7
рожь		4,6	3,7	2,2	3,2	3,7	1,6	1,8
овес		2,4	2,8	1,0	4,2	2,2	3,3	1,7
1 августа:								
пшеница		8,4	7,1	4,3	4,8	7,7	7,8	6,8
рожь		5,9	4,1	1,6	2,9	2,6	1,5	1,8
овес		1,5	2,1	0,3	2,1	1,3	3,2	1,2
1 сентября:								
пшеница		16,4	12,7	10,8	17,2	18,6	13,8	16,9
рожь		7,1	5,6	2,8	4,8	3,5	2,4	2,8
овес		2,3	3,5	1,7	3,0	2,4	3,6	2,9
Внутренние рынки:								
1 июля:								
пшеница		10,1	9,3	5,3	7,4	7,1	11,2	7,3
рожь		4,3	3,4	1,2	1,6	1,2	3,2	5,2
овес		3,5	2,1	0,8	1,8	1,7	5,6	3,9
1 августа:								
пшеница		6,0	9,3	4,7	6,4	6,3	7,5	8,0
рожь		1,5	2,7	0,7	1,2	1,3	3,5	4,1
овес		1,8	1,4	0,5	1,0	0,9	4,5	1,3
1 сентября:								
пшеница		6,5	9,8	5,7	7,9	6,2	8,1	9,7
рожь		1,0	2,4	1,1	1,5	1,2	2,3	2,7
овес		1,3	2,5	0,9	1,3	1,2	3,9	2,0

Увеличение запасов в портах начинается с августа или даже с июля, тогда как на внутренних рынках запасы начинают увеличиваться преимущественно с сентября или с августа. Дальнейшее движение запасов также разнится для портовых и для внутренних рынков.

¹ Составлено на основании стат. сведений «Вестника Финансов» соотв. гсдов.

В портах наибольшие размеры запасов отмечаются для всех хлебов в январе—феврале, при чем для пшеницы максимальные цифры начинают получаться часто несколько ранее, в ноябре—декабре; с января цифры запасов ее представляют прямое и резкое понижение, без всякого повышения в весенние месяцы. Такой же ход наблюдается и для других хлебов с тою лишь разницею, что, например, для ржи увеличение запасов идет медленнее и начало его запаздывает сравнительно с пшеницей на месяц.

На внутренних рынках увеличение запасов пшеницы прекращается значительно ранее и за все рассматриваемые годы достигает максимума уже 1 ноября, понижаясь в течение зимних месяцев, а затем к 1 мая—1 июня обнаруживая существенное повышение; но летний максимум все же не достигает высоты осеннего. Иной вид имеет движение на внутренних рынках запасов других хлебов: ржи, овса, ячменя; после осеннего минимума повышение идет весьма медленно, или обнаруживая лишь слабый максимум к январю, или даже совсем не обнаруживая его. Во всяком случае, самое крупное увеличение запасов ржи, овса и ячменя на внутренних рынках приходится на 1 мая—1 июня, при чем увеличение против предшествующих месяцев иногда бывает в два-три раза; зато столь же быстро происходит и дальнейшее уменьшение запасов в ближайшие месяцы перед сбором нового урожая.

Так как размеры запасов зависят от равновесия двух противоположных факторов—поступления и потребления, то до рассмотрения их невозможно более близкое обсуждение и указанного явления; но уже из приведенных цифр ясно различие характера снабжения внутренних и портовых рынков, т.-е. рынков, обслуживающих внутреннее потребление и экспорт.

На внешние рынки направляется прежде всего и раньше, чем на внутренние рынки, пшеница, которая в осенние месяцы накапливается в портах, несмотря на крупный вывоз. Но и дальнейший ход поступлений, очевидно, хотя и уменьшаясь, находится настолько в равновесии с экспортом, что сокращение запасов идет быстро, но равномерно. Наоборот, на внутренние рынки зерно поступает лишь после удовлетворения внешнего спроса; ход снабжения в течение года идет далеко не так равномерно, как для внешних рынков, колеблясь и часто прерываясь, очевидно под влиянием условий транспорта, состояния гужевых путей, особенно же под влиянием открытия и закрытия навигации; это и находит отражение в увеличении запасов в апреле—мае.

III. Поступление хлебов на рынок.—Абсолютный рост поступлений в зависимости от развития железных дорог.—Относительный, в сравнении с урожаем, рост поступлений—Ускорение и перераспределение поступлений.—Развитие целей торгового сбыта в разных районах.—Значение скорости реализации урожая.

Каковы размеры общих поступлений хлебных зерновых и переработанных продуктов на рынок? Как идут эти поступления во времени и как распределяются между отдельными хлебами? На эти вопросы, как мы сказали, невозможно найти точного и прямого ответа в данных торговой и железнодорожной статистики. Указания, да и то не об абсолютной величине этих поступлений, не об абсолютных размерах «торгового» хлеба, притом указания лишь косвенные и приблизительные, мы должны искать лишь в данных общеэкономической статистики о производстве, потреблении, сбыте хлеба и т. п. Торговая и железнодорожная по перевозке хлебных грузов статистика может дать лишь общего характера и приблизительные указания на главные моменты в ходе хлебного снабжения и поступления хлебных продуктов на рынок. Поэтому все относящиеся к этому вопросу цифры могут быть употребляемы не как абсолютно точные и исчерпывающие вопрос, а лишь как служащие для выяснения условий хода хлебного снабжения и происходящих в них изменений за ряд лет или в течение одного года за разные месяцы.

Возьмем, прежде всего, цифры железнодорожной статистики, как наиболее точной и полно охватывающей торговое движение хлебных продуктов. С 1876 года (за исключением, впрочем, некоторых годов) в «Статистических сборниках Министерства Путей Сообщения» имеется ряд сравнительных данных о движении 8 главных хлебных грузов (пшеница, рожь, мука пшеничная и ржаная, овес, ячмень, кукуруза, крупа), а с 1887 года имеются подобные же данные «Сводной статистики» о движении всех хлебных грузов. Сравнивая эти, не вполне однородные впрочем, данные, получаем следующие цифры железнодорожных перевозок главных хлебов в среднем за два рассматриваемые периода ¹:

Название грузов:	1876—1878.	1895—1898.	Прирост за 20 л.	
	Миллионы пудов.	Милл. п.	Милл. п.	%
Пшеница	83, ⁰	178, ⁶	95, ⁶	115, ⁰
Рожь	76, ⁸	84, ⁴	7, ⁹	10, ⁰
Ячмень	16, ²	46, ⁸	30, ⁶	189, ⁰
Овес	58, ³	97, ⁷	39, ⁴	68, ⁰
Кукуруза	6, ¹	24, ⁷	18, ⁶	315, ⁰
Мука пшеничная	19, ⁴	79, ⁵	60, ¹	310, ⁶
» ржаная	25, ⁸	46, ¹	20, ³	79, ⁰
8 хлебных грузов	311, ⁰	582, ¹	270, ²	86, ⁶

Движение всех без исключения хлебных грузов, конечно, сильно возрастает вместе с возрастанием длины сети и вместе с увеличением производства хлеба в стране; однако отдельные виды хлебных продуктов занимают в этом росте движения разное положение.

За рассматриваемые 20 лет наибольший относительный прирост движения отмечается для кукурузы и пшеничной муки; по абсолютным же размерам движения, на первом месте стоит пшеница, которая в течение рассматриваемого периода получила громадное преобладание над другими хлебами, тогда как в 70-х годах ее движение лишь немного превышало рожь. Другим хлебом, занявшим также видное, второе после пшеницы, место, является овес, в семидесятых годах стоявший лишь третьим по порядку; также значительное относительное возрастание обнаруживают перевозки ячменя, хотя по абсолютным размерам они не достигают крупных цифр.

Из этого видно, что, если считать размеры железнодорожных перевозок мерилом вообще хлебного рынка, то нужно сказать, что все более видное место на нем начинают завоевывать пшеница и затем овес, между тем как рожь и абсолютно и относительно остается почти в прежних границах. Понятно, что в этом обстоятельстве играет роль не только различное значение географических производительных районов, постепенно захватываемых железнодорожной сетью и посылающих на рынок все большие и большие количества производимых в них хлебов, но и различное потребительное значение таких хлебов, как пшеница и рожь. Это различное потребительное значение ржи и пшеницы и не позволяет, особенно для ржи, выводить заключение о размерах хлебного рынка из размеров железнодорожных перевозок, так как, по условиям потребления ржаного хлеба преимущественно крестьянским населением, громадная масса этого продукта может поступать на рынок, минуя железнодорожный транспорт.

Влияние различного характера производства тех или других, обслуживаемых железнодорожной сетью, районов особенно резко должно было сказаться на протяжении позднейшего периода, когда железнодорожная сеть получила быстрое распространение на восточные, с преобладающим про-

¹ Билимович. Товарное движение, стр. 27.

изводством пшеницы, районы. Сравнивая данные «Сводной статистики» за последние годы, получим следующую таблицу железнодорожных перевозок хлебных грузов (за исключением передач) в тысячах пудов ¹:

Название грузов.	1890—94. 1895—99. 1900—1904.			Прирост за 15 л.	
	Тысячи пудов.			Тыс. п.	%
Пшеница	142.732	177.424	233.102	90.370	63,3
Рожь	65.652	84.299	105.326	39.674	60,5
Ячмень	50.457	46.016	62.096	11.639	23,1
Овес	87.772	96.956	130.729	42.957	48,9
Мука пшеничная	55.275	83.350	127.973	72.698	131,5
» ржаная	32.621	45.277	63.855	31.234	95,7
Всего	434.509	533.322	723.081	288.572	65,3

Как видно из таблицы, участие отдельных хлебных продуктов в общем движении за последние годы снова получило некоторые изменения: если в конце семидесятых годов на первом месте стояла пшеница, а на втором рожь; в девяностых на первом месте пшеница, на втором овес и лишь на третьем рожь, с которой почти равны также и перевозки пшеничной муки, то в девятисотых годах пшеница осталась попрежнему на первом месте, но за второе конкурируют пшеничная мука и овес; рожь занимает уже четвертое место, ржаная же мука с ячменем стоят на последнем месте. Если соединить оба вида грузов—зерно и муку—как для пшеничных, так и для ржаных товаров, то на них придется наиболее значительный относительный прирост движения, именно в 82,3% для пшеничных грузов и в 72,2% для ржаных.

Было уже указано, что размеры железнодорожного хлебного движения дают лишь отдаленное представление об общих размерах торговых хлебных оборотов, так как, кроме железнодорожных поступлений, хлеб получается на рынок также водною и гужевыми подвозами. Движение по водным путям является вторым и по своим размерам и по точности; поэтому здесь не обходимо остановиться также и на водных перевозках.

Для сравнения прежних лет с более поздними возьмем цифры перевозок семидесятых и девяностых годов; в эти годы движение главных хлебных грузов, поскольку оно регистрировалось статистикой, было, в миллионах пудов (Билимович):

Название грузов.	1876—1878.	1895—1898.	Прирост за 20 л.	
	Миллионы пудов.		Милл. п.	%
Пшеница	44,4	82,8	38,4	86,5
Рожь	23,3	48,9	25,6	109,9
Ячмень	1,1	20,6	19,5	1772,7
Овес	17,8	31,3	13,5	75,9
Мука пшеничная	4,9	18,5	13,6	277,5
» ржаная	24,5	27,7	3,2	13,1

В общем, и в водных перевозках сохраняется тот же характер преобладания в движении пшеницы, хотя здесь ржи принадлежат (вследствие географического положения главных водных путей в районах возделывания ржи) не только наиболее видная после пшеницы роль, но и более быстрое возрастание. Этим же географическим положением водных путей объясняется и громадный относительный рост перевозок ячменя, получившийся вслед-

¹ По всем железнодорожным линиям Европейской и Азиатской России за 1890—1901 гг. по данным «Сводной статистики», за 1902—1904 гг. по данным «Статист. Сборника Минист. Путей Сообщения». См. приложение II.

ствие усиленного обращения под культуру ячменя южных новороссийских степей. Для позднейшего периода возьмем цифры Министерства Путей Сообщения. За последние 15 лет движение главных хлебных грузов по водным путям исчислялось в тысячах пудов следующими цифрами ¹:

В среднем за:	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овес.	Мука:		Всего.
					Пшеничная.	Ржаная.	
1890—1894	52.677	25.020	13.970	22.732	9.842	18.848	137.687
1895—1899	78.279	45.961	20.020	28.584	19.355	24.531	216.760
1900—1904	87.397	54.251	23.435	35.975	32.494	29.615	263.167
Прирост за III пятилетие по сравн. с I тыс. пудов	34.720	29.231	9.465	13.243	22.652	10.767	125.490
%	65,9	116,8	67,8	58,7	230,2	57,1	91,1

В движении хлебных грузов по водным путям за последние годы сохраняется то же преобладание пшеницы и затем ржи. Размеры прироста движения всех хлебов в течение рассматриваемого периода вообще несколько меньше, чем в течение предшествовавшего периода; не говоря уже об относительном падении перевозок ячменя, обнаруживавшего в предшествующий период такое непомерное возрастание, даже перевозки пшеничной муки растут за последнее время уже несколько медленнее, чем в первый период, хотя по относительным размерам стоят все-таки на первом месте.

Что касается последнего вида торгового движения хлебных грузов—гужевых подвозов, то относительно их размеров в рассматриваемой нами статистике Министерства Путей Сообщения не имеется никаких общих данных. Лишь размеры гужевых подвозов к пунктам вывоза определяются в 3% всего сбора для ржи, 17% сбора для пшеницы и ячменя и 0,3% сбора для овса. Даже если считать правильными эти цифры, они все же не могут дать никаких указаний относительно размеров всех вообще гужевых подвозов в стране. А между тем роль гужевых подвозов в хлебном снабжении, понятно, неизмеримо велика. Стоит только вспомнить, сколько городов, местечек, промышленных и населенных центров совершенно не обслуживается ни водными, ни железнодорожными путями, сколько продаж и покупок хлеба совершается среди самого производительного крестьянского населения в одной и той же деревне. Правда, громадная масса не только гужевых подвозов, но даже и значительная часть водных перевозок при дальнейшем движении поступает на железные дороги и, таким образом, все же учитывается в движении. Но все же очень значительные массы гужевых поступлений на рынок не учитываются статистикой; это именно гужевые подвозы тех хлебов, которые в больших количествах потребляются в крестьянских хозяйствах—ржи и частью овса. Известно, что осенью массы этого зерна, часто в избыточных количествах, поступают на внутренние мелкие рынки, покупаясь весною теми же крестьянами и производя, таким образом, на внутреннем рынке всеобщие влияния предложения и спроса, хотя бы это зерно даже не выходило из пределов одной и той же деревни и, следовательно, не учитывалось никакой статистикой перевозок. Это обстоятельство, а также указанная неполнота учета водных и гужевых перевозок, позволяют заключать, что общая сумма исчисленных, на основании приведенных соображений, железнодорожных, водных и гужевых перевозок не только не превосходит, но значительно уступает действительным поступлениям различных хлебов на рынок.

¹ «Статист. Сборник Минист. Путей Сообщения, движение по внутренним водным путям» за соотв. годы. См. прилож. III.

Расчет усложняется еще тем обстоятельством, что в торговом движении, как мы видели, играют громадную роль перевозки перемолочных продуктов; между тем, перечисление их на зерно и присчитывание к зерну ввело бы в новую ошибку, вследствие двойного подсчета того зерна, из которого вырабатывается мука в работающих на привозном зерне мукомольных районах; с другой стороны, игнорирование перевозок мучных продуктов даст крупный недобор, вследствие отсутствия в подсчете той муки, которая перерабатывается из местного зерна, скупаемого мукомолами прямо из окружающих районов и поступающего на мельницы гужом.

При всем том, цифры статистики Министерства Путей Сообщения представляют значительный интерес, в особенности если брать их не в абсолютном значении, а в сравнении с другими факторами снабжения.

Так, сопоставив цифры перевозок по железным дорогам и внутренним водным путям (за исключением передач) по 63 губерниям Европ. России с цифрами чистого сбора хлебов в этих же губерниях, получим таблицу ¹, показывающую эту зависимость размеров и характера хлеботоргового движения от урожая. При рассмотрении отдельных годов ее видно, что при каждом понижении сбора понижаются в следующем году и размеры движения. Правильность такого рода колебаний, однако, не одинакова для различных хлебов. Для пшеницы лишь в слабой степени можно отметить подобную зависимость движения ее от урожая. Наоборот, для ржи и овса она обнаруживается вполне ясно: понижение сбора хлеба уменьшает и движение, и только ряд нескольких урожайных годов позволяет иногда даже в неурожайный, следующий за ними год не уменьшать движения. Очевидно, для сбыта пшеницы существуют более важные внешние причины, чем размеры производства данного года; размеры передвижения ее, как хлеба, возделываемого главным образом на продажу, зависят более всего от размеров спроса, с увеличением которого общее движение может увеличиться даже в годы недорода, сократив внутреннее потребление в производительных районах. Иное положение занимает рожь: понижение урожая ее всегда сказывается и на сокращении торгового движения, так как в хозяйстве остается на продажу сверх собственного потребления тем меньшее количество зерна, чем ниже урожай; наоборот, малейшее повышение сбора влечет усиленный сбыт зерна на рынках—и движение хлеба из производительных районов в потребительные быстро увеличивается.

Чтобы точнее представить положение отдельных хлебов в торговом обмене и изменения, происшедшие в течение последних лет, возьмем отношение движения по железным дорогам и водным путям к среднему сбору хлебов в три периода, т. е. за время 1890—1904 гг. Получим следующую таблицу:

	1890—94.	1895—99.	1900—04.
Пшеница, перевозка милл. пуд.	184,6	225,1	287,5
» % отношение к сбору	45,7	45,6	41,0
Рожь, перевозка милл. пуд.	85,6	113,6	147,8
» % отношение к сбору	10,3	12,1	13,2
Ячмень, перевозка милл. пуд.	63,8	62,3	83,9
» % отношение к сбору	25,7	22,9	25,0
Овес, перевозка милл. пуд.	108,2	119,1	157,4
» % отношение к сбору	26,7	24,3	28,5

Если принять во внимание, что три рассматриваемые периода заключают в себе годы, весьма различные по размерам урожая, то из незначительных колебаний отношения перевозок к сбору можно заключить, что отдельные хлеба заняли в торговом обмене уже определенное, почти фиксированное место.

¹ См. приложение IV.

рованное место: тогда как пшеницы поступает в торговое движение (железнодорожное и водное) около половины всего урожая, ячменя и овса около четверти, ржи же не более $\frac{1}{8}$.

Чтобы отметить те изменения, которые произошли в этом отношении в положении отдельных хлебов за более продолжительный промежуток времени, сравним данные последнего пятилетия с цифрами перевозок и отношения их к урожаю в пятилетие 1883—1887 годов:

	1883—1887.	1900—1904.	Прирост перевозок в %.
Пшеница, перевозки милл. пуд. . . .	151,4	281,5	89,9
» $\frac{0}{0}$ отношение к сбору. . . .	51,0	41,0	—
Рожь, перевозки милл. пуд. . . .	93,1	147,3	58,8
» $\frac{0}{0}$ отношение к сбору. . . .	12,1	13,2	—
Ячмень, перевозки милл. пуд. . . .	33,8	83,2	146,1
» $\frac{0}{0}$ отношение к сбору. . . .	28,4	25,0	—
Овес, перевозки милл. пуд. . . .	93,2	157,4	68,9
» $\frac{0}{0}$ отношение к сбору. . . .	25,7	28,5	—

Абсолютное приращение перевозок, т.-е. зерна, поступающего на рынок сильно увеличилось, при чем на первом месте в этом увеличении стоят такие торговые хлеба, как ячмень и пшеница, на последнем—рожь, возделываемая главным образом для собственного потребления. Однако, если рассматривать отношение перевозок к сбору, то заметим, что пшеница за все пятилетия дает правильное падение своих перевозок в отношении к сбору, указывая этим на происходящее увеличение местного потребления. Рожь (за исключением первой половины 80-х годов, отличавшейся крупными урожаями, перепроизводством и усиленным экспортом) дает, наоборот, некоторое возрастание своих перевозок и их отношения к сбору. Очевидно, влияние рынка и необходимость товарного производства ржи все сильнее проявляются в народном хозяйстве, уменьшая местное народное потребление этого продукта ради его продажи на рынке.

В приведенных исчислениях до сих пор не принимались в расчет гужевые подвозы, вследствие невозможности сколько-нибудь точного и полного учета их существующей статистикой. Если, однако, принять в расчет теоретические исчисления гужевых подвозов к приграничным пунктам Министерством Путей Сообщения и прибавить их к приведенным выше цифрам железнодорожных и водных перевозок (за исключением передач), то для последнего пятилетия 1900—1904 гг. получим следующие приблизительные суммарные цифры перевозок и их отношения к общему производству

Хлеба:	Перевозки в милл. пудов.			Чистый сбор в 63 губерн. в милл. пуд.	Отношение суммы перевозок к сбору в %.
	Жел. дорогами и водой.	Гужом.	Итого.		
Пшеница . .	287,5	119,1	406,6	700,7	57,5
Рожь	147,5	33,7	181,5	1.122,9	16,1
Ячмень . . .	83,2	56,3	139,5	331,4	42,1
Овес.	157,4	1,7	159,1	552,7	28,1

Эти цифры железнодорожных, водных и гужевых подвозов, как сказано, дают лишь приблизительное указание на размеры «торгового» хлеба, на размеры хлебного рынка, т.-е. на степень превращения производимых в хозяйстве хлебных продуктов в товар, так как совершенно не касаются тех громадных гужевых подвозов, которые постоянно идут по всей территории и часто совсем минуют железные дороги и водные пути. Поэтому, если относительные цифры предыдущей таблицы принимать за показатель степени развития товарного производства хлеба, то они должны быть вообще

сильно повышены для всех хлебов. Особенно значительно должно превосходить действительное превращение зерна в товар, сравнительно с вычисленным выше, для пшеницы и ржи. Для первой не приняты во внимание перевозки мучных продуктов, особенно сильно развивающиеся в последние годы и лишь немного уступающие перевозкам самого зерна; если предположить, что только половина перевезенной муки приходится на выделку из местного зерна, то отношение поступлений пшеницы на рынок к сбору должно повыситься почти до $\frac{3}{4}$ урожая. Для ржи, кроме подобного же обстоятельства, еще большее значение имеет также и громадное, но не учитываемое железнодорожной статистикой развитие гужевых подвозов к мелким потребительным рынкам, громадное число поступлений и продаж, совершаемых в пределах мелких территориальных и хозяйственных единиц, совершенно незаметных для статистического учета, но оказывающих влияние на положение хлебного рынка.

Поэтому, трудно точно выразить степень превращения отдельных хлебов в товар, хотя все же очевидна вся разница положения в обмене отдельных хлебов. Такие специально торговые хлеба, возделываемые с торгово-промышленными целями, как пшеница и ячмень, поступают на рынок в количестве до $\frac{3}{4}$ всего сбора, а возможно, что и более. Овес возделывается главным образом для внутреннего потребления, но в крестьянских хозяйствах он часто является главным, почти единственным предметом сбыта для покрытия денежных нужд хозяйства, почему отношение его поступлений к урожаю также значительно. Наконец, рожь, являясь прежде всего предметом удовлетворения собственных продовольственных нужд, главным образом крестьянских хозяйств, идет на продажу после всех других хлебов, или когда этих хлебов не имеется, или когда их недостаточно для покрытия денежных потребностей хозяйства. И в этом отношении отмеченное выше непрерывное возрастание перевозок ржи и овса по отношению их к сбору приобретает особую важность, указывая на внедрение денежных отношений даже там, где еще продолжает держаться натуральное удовлетворение потребностей, даже на счет сокращения этих потребностей и ради удовлетворения денежных нужд хозяйства.

До сих пор мы рассматривали колебания годовых итогов поступления хлебных грузов за ряд последних лет; остается рассмотреть годовой период хода хлебного снабжения. Воспользоваться статистикой железнодорожного движения в этом случае уже невозможно, так как в ней не дается месячных поступлений на железные дороги. Для получения этих данных единственным источником являются приблизительные цифры подвозов хлебов к 24 главным внутренним и портовым рынкам, даваемые «Вестником Финансов». Эти цифры обнимают как подвозы по железной дороге, так и водою, и гужом, но лишь к некоторым внутренним торговым пунктам. Вообще же, вследствие невысокой точности этих цифр, ими можно пользоваться лишь для самых общих заключений об относительных изменениях хода хлебного снабжения в течение года.

Рассматривая указания этого источника о годовом ходе подвозов за имеющиеся годы, т. е. за 1897—1904 гг.¹, в общем итоге ко всем 24 регистрируемым внутренним и портовым рынкам, находим, что наименьшие размеры поступлений зерна на рынки приходятся обыкновенно на июнь—июль; на эти месяцы падает минимум поступлений во все рассматриваемые годы и для всех хлебов. Большею частью с июля, иногда с августа, сообразно ходу жатвы и реализации урожая, начинает уже увеличиваться и поступление зерна на рынок. Это увеличение наступает весьма резко и идет так быстро,

¹ См. приложение, табл. V и диагр. II.

что поступления обыкновенно уже в сентябре, а иногда и в августе достигают своего годового максимума. Так, взяв пшеницу, получаем такой ход ее поступлений за летние месяцы, при чем годового минимум за все годы падает на июль, а годового максимума (напечатанный жирным шрифтом) — на август или сентябрь; милл. пудов ¹:

	Июль. Годовой минимум.	Август.	Сентябрь.
1897	6,7	21,5	21,9
1898	2,6	12,4	23,5
1899	2,2	9,4	14,1
1900	5,6	15,7	12,4
1901	4,9	17,7	17,2
1902	4,4	16,0	19,4
1903	6,8	17,9	26,8
1904	7,8	20,4	13,5

Что касается других хлебов — ржи и овса, то их поступление на рынок большею частью несколько запаздывает сравнительно с пшеницей, так как само созревание и снятие урожая происходит позже; но в общем ход поступления сохраняется тем же.

Однако, если рассматривать скорость и характер поступлений зерна в отдельности для группы внутренних рынков и портов, то обнаружится в этом отношении существенная разница. Если взять, например, пшеницу, то годового максимум поступлений ее в портовые рынки приходится исключительно на август — сентябрь; в октябре уже отмечается уменьшение поступлений, заканчивающееся глубоким минимумом в течение января — февраля; после этого снова начинается возрастание поступлений, доходящее в мае до максимума, но не столь значительного, как осенний; в июле поступления снова доходят до глубокого минимума, чтобы резко подняться и достигнуть максимума в августе — сентябре. Таким образом, в графическом изображении годовой ход поступлений пшеницы к портовым рынкам выразится двойной волной с двумя minimum'ами (февраль, июль) и двумя maximum'ами (май, сентябрь).

Иной ход поступлений пшеницы на внутренние рынки: довольно значительные январские и февральские поступления медленно сокращаются в апреле — мае, доходя к июлю до минимума, после чего вновь начинают сравнительно медленно возрастать, лишь в октябре достигая максимума, но держась и в остальные два месяца года высоких цифр; графически ход поступлений к внутренним рынкам изобразится, следовательно, вогнутой линией, низшая точка которой приходится на апрель — май.

Если взять средние поступления по четвертям года, то для портовых и внутренних рынков ход поступлений в среднем за 3 месяца по отдельным четвертям года за период 1897—1904 годов выразится следующими цифрами, в миллионах пудов:

	Пшеница.	
	Портовые рынки.	Внутренние рынки.
Январь—март	14,3	3,0
Апрель—июнь	23,0	1,3
Июль—сентябрь	39,0	3,2
Октябрь—декабрь	35,1	3,9

Точно таков же ход поступлений и для других хлебов; производя, например, соответствующие исчисления для ржи, получаем следующие цифры посту-

¹ Вычислено по статистическим данным хлебной торговли в «Вестнике Финансов» за соотв. годы.

плений ее на регистрируемые внутренние и портовые рынки в среднем за отдельные четверти года, в миллионах пудов:

	Рожь.	
	Портовые рынки.	Внутренние рынки.
Январь—март	9,8	4,2
Апрель—июнь	12,5	2,7
Июль—сентябрь	14,4	3,8
Октябрь—декабрь	12,1	3,4

Отсюда видна вся разница условий снабжения и поступлений зерна на внутренние рынки и в портовые города, т.-е. главным образом на экспортные рынки (поскольку сами портовые города не являются внутренним потребителем). Тотчас после снятия жатвы, т.-е. реализации урожая, главные массы направляются по железным дорогам к портам для вывоза; уже в августе—сентябре поступления к портам достигают максимальных цифр и держатся на высоком уровне до октября. В это время экспорт хлебов также достигает максимальных цифр, но все же он не успевает исчерпывать все поступления: мы указывали, что, действительно, обыкновенно к ноябрю торговые запасы в портах увеличиваются и достигают максимума; внешний рынок, очевидно, насыщен усиленным и даже избыточным предложением, так что экспорт не может даже использовать всю массу поступлений. Частью под давлением этой причины, частью благодаря условиям транспорта (закрытие навигации, обычные в это время залежи), вслед за тем следует резкое сокращение поступлений зерна к портам, держащееся до весны на минимальных числах; однако, за это время запасы в портах хотя и уменьшаются, но не резко, а постепенно; экспорт же даже увеличивается, будучи, очевидно, настолько обеспечен имеющейся зерновой наличностью, что даже резкое уменьшение поступлений не отражается на нем. Обратное явление отмечается для весенних месяцев: резкое повышение поступлений в апреле—мае, идущих очевидно из более отдаленных районов водою, не только не отражается увеличением запасов в портах, но наоборот сопутствует уменьшению их. Действительно, экспорт за апрель—май достигает часто максимальных в году цифр, на внешний рынок выбрасываются последние массы имеющегося в стране зерна, а вслед за тем начинает отмечаться и быстрое истощение запасов и уменьшение экспорта. Понятно, указанный ход является только общей схемой, так как разные частные обстоятельства и условия внутреннего предложения и внешнего спроса могут в каждый данный год значительно видоизменять правильность указанной схемы. Общие схемы годового хода запасов, поступлений и экспорта и представлены ниже в диаграммах I и II.

Гораздо более трудно выяснение характера поступлений зерна к внутренним рынкам и сопоставление этих поступлений с размерами накапливающейся и расходуемой зерновой наличности. Здесь, во-первых, совершенно отсутствует один элемент, довольно точно учитываемый для портов—потребительный расход зерна, которому для портовых рынков соответствует экспорт. Затем, как мы уже говорили имеющиеся цифры поступлений содержат главным образом поступления по железным дорогам, гужевые же и водные поступления учитываются в значительно меньшей степени. Между тем и географическое положение портовых и внутренних рынков, и самые условия торговых оборотов влияют в смысле преобладания гужевых подвозов к внутренним рынкам и железнодорожных—к портовым. Поэтому наши цифры в значительно более полной мере покрывают действительные поступления к портовым рынкам, чем к внутренним; снабжение же этих последних гужевыми подвозами учитывается далеко не полно.

Если сопоставить ход поступлений зерна на внутренние рынки с размерами зерновой наличности, то окажется, что осенний рост поступлений

сопровождается и крупным увеличением зерновой наличности на внутренних рынках; весеннему же максимуму запасов на внутренних рынках не предшествует указания на увеличение подвозов. Если рассматривать ближе причины этого явления, то окажется, что причина крупного увеличения запасов к маю—июню лежит в громадных поступлениях водою к Рыбинску. Этот пункт не учитывается нашей статистикой по отношению к подвозам, но учитывается при исчислении запасов. Между тем Рыбинск собирает, как известно, хлеб с пристаней всего волжско-камско-окского района для дальнейших отправок на север, северо-запад, в Ригу, в Либаву, в Финляндию, в С.-Петербург, т.-е. не только на внутренний потребительный рынок, но также и на внешний рынок. Поэтому правильность указанной выше схемы—сильного падения зерновой наличности весной внутри страны не нарушается: именно за счет ее идет увеличение поступлений, подвозов и запасов в портовых рынках, вместе с чем, понятно, и увеличиваются размеры внешнего экспорта. Как осенью реализованный урожай поступает быстрее всего в портовые рынки для удовлетворения экспорта, так и весной, с открытием навигации и увеличением поступлений, они направляются, прежде всего, на внешний рынок, не увеличивая запасов внутреннего снабжения.

Имеющиеся у нас данные о ходе и о размерах поступлений на внутренний и на внешний рынок, вследствие краткости периода, не позволяют заключить из них, насколько с течением времени увеличилась скорость поступлений зерна на внешний рынок. Но для этого можно воспользоваться и другими цифрами, именно изменением распределения по месяцам нашего хлебного экспорта. Действительно, если мы проследим скорость ухода зерна за границу, то получим следующие данные. За предшествовавшие 3 десятилетия отпуск хлеба за границу происходил по четвертям года в следующих процентных отношениях ко всему вывозу¹:

Сельско-хозяйственные годы.	Сентябрь- ноябрь.	Декабрь- февраль.	Март- апрель.	Июль- август.
187 ³ / ₄ —1877/ ₈ .	26, ₃	12, ₇	31, ₂	29, ₃
1878/ ₉ —1882/ ₃ .	26, ₄	15, ₁	26, ₆	28, ₉
1883/ ₄ —1887/ ₈ .	31, ₄	16, ₃	26, ₂	26, ₂
1888/ ₉ —1892/ ₃ .	31, ₅	15, ₄	26, ₃	26, ₆
1893/ ₄ —1897/ ₈ .	30, ₉	17, ₄	27, ₂	25, ₂
1899/ ₀₀₀ —1901/ ₂ .	32, ₀	15, ₅	26, ₃	26, ₃
1902/ ₃ —1904/ ₄ .	35, ₈	17, ₃	23, ₀	24, ₂

Относительное увеличение экспорта приходится исключительно на первые месяцы сельско-хозяйственного года, сентябрь—ноябрь, тогда как в позднейшие месяцы размеры экспорта все более падают. Причина этого явления, как уже приходилось неоднократно указывать, лежит частью в тех видоизменениях торговых условий, которые произошли в организации всей нашей хлебной торговли, но главным образом в тех общих хозяйственных переменах и в перераспределении географических производительных районов, которые особенно быстро пошли в последние десять—пятнадцать лет.

IV. Географическое распределение движения хлебных грузов.—Характер внутреннего и вывозного сообщения.—Рост внутреннего рынка и конкуренция на нем отдельных районов.—Украины и центр на внутреннем рынке.

При изучении географического распределения движения хлебных грузов, т.-е. при изучении роли и значения отдельных производительных районов в снабжении потребительных и экспортных рынков, по недостатку статисти-

¹ Составлена на основании «Сборника сведений по истории и статистике внешней торговли России», под ред. Покровского. Спб., 1902 г., «Материалов по пересмотру тарифов в 1904 г.» Спб., 1904, и «Статистики внешней торговли»

ческих материалов и затруднительности их обработки приходится ограничиваться главным образом цифрами о перевозках хлеба по железным дорогам. Только относительно этих перевозок можно извлечь из существующих материалов данные о распределении отправок и получений по отдельным губерниям и местностям; для водных перевозок это представляет уже больше затруднений, для гужевых же совершенно невозможно. Впрочем, нужно заметить, что, с одной стороны, железнодорожные перевозки охватывают, как мы видели, громадную часть всего хлебного торгового движения, с другой стороны—для перевозок на далекие расстояния гужевой подвоз вообще не играет роли. Поэтому железнодорожные перевозки из одного района в другие хотя и не покрывают окончательно всех отправок и получений, но все же дают достаточно верную картину торгового обмена отдельных районов. Только для тех из них, в которых отсутствуют железнодорожные пути и преобладают водные, правильность соотношений установить труднее. Наконец, условия внутреннего снабжения отдельных районов самих в себе одними железнодорожными перевозками изучить уже невозможно, так как здесь громадную, иногда преобладающую роль играют именно гужевые подвозы.

Для выяснения экспортной способности отдельных губерний, поскольку она находит выражение в железнодорожных отправлениях, рассмотрим цифры железнодорожной статистики за последние 1898—1902 гг.¹ В среднем за эти годы на первом месте в отношении отправок всех вообще хлебов стоят губернии средневолжские, новороссийские и центрально-земледельческие; при этом, однако, нужно заметить, что железнодорожные перевозки для первых двух групп губерний далеко неполно покрывают все действительные отправки, с одной стороны—вследствие развития гужевых перевозок в новороссийских губерниях, с другой—вследствие крупных отправок водою средневолжских губерний. По размерам железнодорожных отправок особенно выделяются: из губерний новороссийских—Херсонская губерния, отправлявшая в рассматриваемые годы в среднем в год 47,8 миллионов пудов шести главных хлебных грузов, Екатеринославская, Кубанская и Донская области, из малороссийских—Полтавская губ., из центрально-земледельческих—Тамбовская, из средневолжских—Саратовская и Самарская губ. и из заволжских—Оренбургская.

Несколько иное соотношение губерний получается при рассмотрении отправок отдельных хлебов. На первом месте по отправлениям пшеницы стоят губернии: Херсонская (25,8 милл. пуд.), Самарская (17,5 милл. пуд.), область войска Донского (14,9 милл. пуд.) и Кубанская (13,9 милл. пуд.), а также Саратовская (11,6 милл. пуд.) и Оренбургская (13,1 милл. пудов). Остальные новороссийские, юго-западные и малороссийские губ. отправляют 6—8 милл. пудов пшеницы. На первом месте по отправлениям ржи стоят: Тамбовская губ. с 15,8 милл. пудов и Саратовская—12,9 милл. пудов; довольно много отправляет также Херсонская губ.—около 7,8 милл. пуд.; остальные же производительные губернии с более или менее крупными отправлениями: новороссийские (за исключением Таврической с ничтожными отправлениями), юго-западные, центрально-земледельческие вывозят не более 3,5—5,5 милл. пудов. Что касается овса, то главный район его отправок занимают губернии центрально-земледельческие, но вообще отправки овса более, чем другого хлеба, представляются рассеянными по всем губерниям так что большинство губерний даже непроизводительных районов отправляет часто до полумиллиона пудов овса; кроме того, нужно также принять во внимание, что об отправлениях одного из крупнейших производительных овсяных районов—камского—железнодорожные перевозки совершенно ничего не говорят. Наконец,

¹ См. приложение VI, таблицу, составленную на основании «Сводной статистики» д-та железнодорожных дел.

отправки ячменя идут, главным образом, из некоторых новороссийских, юго-западных и малороссийских, даже из Лифляндской г.; в остальных губерниях отправки не превышают нескольких сотен, а большею частью нескольких десятков тысяч пудов.

В распределении районов по размерам хлебных получений выступает, с одной стороны, потребительный их характер, с другой—посредническая роль некоторых районов для дальнейших отправок на внутренний ли рынок, или за границу; поэтому получения некоторых производительных районов могут быть весьма крупными, так же как потребительных—ничтожными. Поэтому особенно велики получения южных губерний (Херсонская, обл. войска Донского, Кубанская обл.), а также трех прибалтийских губерний, благодаря преобладанию в них получений в целях дальнейшего экспорта. Как потребительный и в то же время экспортный пункт, по размерам получений выделяется С.-Петербургская губ. с получениями в 47,5 милл. пуд. главных хлебных грузов; как чисто потребительный центр—Московская губ. с получениями в 38,7 милл. пуд. Крупные получения для дальнейших переправок наблюдаются в губерниях средневолжских, как производительных, так и потребительных. Весьма значительны также получения центрально-земледельческих губерний, частью в целях потребления, частью в целях переработки зерна в муку и дальнейшей отправки; в особенности в губерниях Орловской и Тамбовской ясно сказывается этот характер превышения поступлений зерна над отправками и в то же время превышение отправок муки над поступлениями. Наконец, чисто потребительный характер поступлений, превышающих собственные отправки, обнаруживается вообще во всем районе нечерноземных (промышленных, северных, приозерных, северо-западных и западных) губерний.

Однако, как мы сказали, с помощью железнодорожных перевозок нельзя вообще выяснить потребительный и производительный характер отдельных районов, так как соотношение районов значительно видоизменяется, если к железнодорожным перевозкам присоединить водные. В этом случае, прежде всего, Ярославская губерния, с превышением железнодорожных отправок над получениями, обратится в губернию потребляющую, т.е. с превышением получений; то же самое касается и Костромской и Нижегородской губ.; затем еще более усилится потребительное значение Петербургской губернии, получающей кроме громадных количеств хлеба по железной дороге также зерно и муку, идущие по водным путям из волжского района; вместе с тем еще более усилится производительное значение средневолжских губерний, отпускающих главные массы зерна не по железным дорогам, а водой. Но необходимо, кроме того, отметить, что и этим не исчерпывается вполне вопрос о соотношении районов: так, некоторые районы с громадным преобладанием получений являются в то же время районами чисто-производительными. Это именно—новороссийские губернии, в которых преобладание получений обуславливается экспортом за границу; в таком же положении находится район прибалтийских губерний, потребительное значение которых значительно меньше получений, так как громадная часть их идет на экспорт.

Ограничиваясь пока этими общими указаниями, можно установить деление всех местностей Европ. России на районы с действительным потребительным и производительным характером. В среднем за 1898—1902 гг. из 63 губерний Европ. России 33 являются с преобладанием потребительных получений всех вообще хлебов и 30 с преобладанием собственных отправок. Граница этих двух главных районов близко совпадает с границей черноземной полосы, разделяя таким образом всю Россию на две различных по хозяйственному положению полосы, из которых одна служит рынком и местом сбыта сельских произведений другой. Однако, для отдельных хлебов происходят и здесь весьма существенные различия: отправки пшеницы преобла-

дают над получениями всего в 20 губерниях, ржи в 29 губерниях, овса в 34 губерниях, ячменя в 18 губерниях, муки пшеничной и ржаной в 28 губерниях. Эти губернии и являются производительными районами, работающими для удовлетворения как внутреннего потребительного спроса, так и внешнего рынка. Значение этих двух, весьма различных по характеру своему, рынков—внешнего и внутреннего—резко сказывается и на хозяйственных и на торговых условиях работающих на них районов, часто производя коренные изменения всей экономической жизни тех или других местностей, в зависимости от характера идущих требований, возможности их удовлетворения и конкуренции отдельных производительных местностей в удовлетворении этих потребностей.

Для выяснения соотношения внутреннего и внешнего рынка и значения того и другого для разных районов воспользуемся принятым в железнодорожной статистике делением движения грузов на движение в вывозном и во внутреннем сообщении. Хотя благодаря нахождению в некоторых вывозных пунктах также и крупных потребительных рынков (Петербург, Одесса, Рига), вывозное сообщение служит частью и для удовлетворения внутреннего спроса, если зерно направляется в эти пункты не для дальнейшего вывоза, а для собственного потребления, однако в общем это деление движения грузов на вывозное и внутреннее все же может служить указателем соотношения внутреннего и внешнего рынка.

Если сравним размеры вывозного и внутреннего сообщения за более продолжительный период времени, то получим следующие цифры движения шести главных хлебных грузов¹:

Г О Д Ы.	Вывоз- ное сообщение.	Внутреннее сообщение.	Вывоз- ное сообщение.	Внутреннее сообщение.
	Миллионы пудов.		Рост движения в %.	
1876—1880	161,2	120,5	100	100
1881—1885	195,3	171,9	119	143
1886—1890	235,5	186,3	146	155
1891—1895	219,3	257,0	136	214
1896—1898	231,4	291,2	144	242
1898—1902	249,3	264,0	154	220

Таким образом, в конце семидесятых годов, когда имелись только главные железнодорожные магистрали, вывозное движение превышало внутреннее; но развитие этого последнего идет гораздо быстрее первого, почему уже с девяностых годов получается преобладание внутреннего движения над вывозным. Еще рельефнее это обнаруживается при рассмотрении движения отдельных хлебов в вывозном и внутреннем сообщении; взяв средние размеры движения за три периода, получаем следующую таблицу движения хлебных грузов в миллионах пудов:

	1876—1880		1893—1896		1898—1902	
	Вывозн. сообщ.	Внутр. сообщ.	Вывозн. сообщ.	Внутр. сообщ.	Вывозн. сообщ.	Внутр. сообщ.
Пшеница	50,6	24,8	107,0	64,7	78,3	78,2
Рожь	46,2	25,3	39,6	35,0	52,1	32,5
Овес	38,2	19,8	68,9	37,8	55,3	46,3
Ячмень	11,2	4,3	50,3	11,2	33,9	10,3
Мука	12,8	42,0	21,1	86,4	30,1	96,8

¹ По данным «Сводной статистики» департамента железнодорожных дел. См. также «Материалы по пересмотру тарифов в 1904 году».

Пшеница, перевозившаяся в семидесятых годах в вывозном сообщении в количестве вдвое большем, чем во внутреннем, в девятисотых годах перевозится уже в равных количествах и в том и в другом; возрастание внутреннего движения за счет вывозного отмечается также для овса и ржи; преобладание вывозного сообщения отмечается попрежнему лишь для ячменя; перевозки муки хотя и развиваются относительно более быстро в вывозном сообщении, но абсолютно в подавляющих размерах идут во внутреннем сообщении. Таким образом, эти данные явно показывают, что, если до сих пор наши железные дороги и наша хлебная торговля по абсолютным размерам оборотов и работают главным образом ради внешнего рынка, то все же безусловно, что расширение внутреннего потребительного рынка, связанное с развитием городской жизни и с увеличением промышленного населения, с каждым годом начинает играть все большую и большую роль. Поэтому понятным является также и особенно сильный рост движения пшеничных грузов, указывающий на сильное увеличение потребления пшеницы внутри страны.

Отдельные производительные губернии в этом отношении обнаруживают значительное различие, с преобладанием то внутренних, то вывозных отправок. Так, в 1895 году общие итоги перевозок по железным дорогам распределялись следующим образом в разных группах губерний, в процентах ¹:

ГУБЕРНИИ.	Вывозное сообщение.	Внутрен- нее сооб- щение.
Центрально-земледельческие	42,1	57,9
Приволжские	47,0	53,0
Новороссийские	75,1	24,9
Юго-западные	72,8	27,2
Малороссийские	46,5	53,5

Новороссийский и юго-западный край работают главным образом на экспортный рынок, при чем для отдельных губерний этого района преобладание экспортных отправок подчеркивается еще сильнее; например, в Бессарабской губ.—84,6% всех отправок идет на внешний рынок, в Херсонской—88,1%, в Таврической—93,0%, в Киевской—83,5%. Наоборот, из губерний центрально-земледельческих Воронежская губ. 75,5% своего хлеба отправляет на внутренний рынок, Тамбовская—61%, Самарская—78,2% и Оренбургская—90,5%; впрочем относительно последних двух губерний нужно заметить, что цифры железнодорожных отправок не соответствуют действительному положению вещей, так как для Самарской губ. более значительная часть грузов идет водой, а не железной дорогой, для Оренбургской же губернии преобладание внутренних отправок происходит частью потому, что грузы идут до волжских пристаней для дальнейших отправок водой к Рыбинску, откуда зерно идет как на внутренний, так и на внешний рынок. Таким образом, если принять во внимание это обстоятельство, то окажется, что губернии с преобладанием вывозных отправок будут юго-западные, новороссийские, северно-кавказские и средне-волжские, как губернии с действительным избытком хлеба собственного производства, и частью северо-западные и прибалтийские, отправляющие зерно на вывоз не благодаря избытку в производстве, но благодаря близости портовых рынков. Губерниями же, работающими на внутренний рынок, являются главным образом губернии центрально-земледельческие, большая часть малороссийских и частью поволжские—другими словами, те губернии, которые по самому географическому местоположению своему тяготеют к ближе от них расположенным главным внутренним потребительным центрам.

¹ «Материалы по пересмотру хлебных тарифов в 1896 г.» В. I—V. Спб. 1897.

Это разграничение районов в торговом обмене, этот их «естественный подбор» для служения целям того или другого рынка имеет в настоящее время громадное торговое и экономическое значение. Представляясь результатом частью естественного географического положения, частью железно-дорожной и тарифной политики, оно, во всяком случае, могло явиться лишь после того, когда все районы, и отдаленные и ближайшие, были связаны как с внутренним, так и с внешним рынком железными дорогами и были, таким образом, сравнены в условиях транспорта. Первоначально железные дороги соединили главным образом центральный производительный район с одной стороны—с портами, с другой—с главным внутренним рынком—Москвою. Не находившему до сих пор сбыта центральному хлебу был сразу предоставлен широкий выход, и центральные губернии получили преимущество перед пользовавшимися лишь собственными путями—гужевыми или водными—южными и волжскими губерниями. Однако, как только железные дороги прошли и в эти губернии, преимущество центральных губерний снова исчезло, и между окраинами и центром возникла ожесточенная конкуренция из-за рынков.

Обладая более девственной и плодородной почвой, более экстенсивными и дешевыми формами производства, окраины, понятно, стали легко побеждать своим более дешевым и более хорошим хлебом центральное земледелие, поставляя сначала на внешний, а затем постепенно и на внутренний рынок все большие количества наиболее ценных хлебов. Дифференциальный общий тариф так же, как мы видели, способствовал такой победе отдаленных окраин над центром. Начались, с одной стороны, жалобы на обременительность тарифов на короткие внутренние сообщения; с другой стороны—произошли перемены и в самих предметах сбыта продуктов центрального земледелия на внешний и внутренний рынок. Вместе с тем должно было измениться и направление самого производства: центр все более стал специализироваться, сообразно почвенным и другим условиям, на производстве серых, более дешевых хлебов, в особенности овса, уступая окраинному земледелию в сбыте пшеницы сначала внешний, а затем и внутренний рынок.

Действительно, обращаясь к цифрам железнодорожной статистики перевозок, находим, несмотря на ее недостаточность, полное подтверждение этого. Если сравнить средние размеры длины пробега хлебных грузов, то оказывается, что он значительно длиннее для вывозного сообщения, чем для внутреннего. Так, за последние годы для главных хлебных грузов длина пробега была в верстах ¹:

Г О Д Ы.	Вывозное сообщение.	Внутреннее сообщение.
1889	659	381
1893	619	420
1895	670	492
1898	867	487
1899	824	460
1900	1.019	485
1901	761	505
1902	665	504

В общем, колеблясь, в зависимости от высоты урожая в тех или других районах, отношение между пробегом в вывозном и внутреннем сообщении всегда в значительной мере в пользу первого; другими словами, вывоз питается, главным образом, хлебом наиболее отдаленных окраин, тогда как на внутренний рынок хлеб идет из более или менее небольшого, тесного района. Но и в этом отношении нельзя не заметить, что, тогда как

¹ Составл. по «Материалам по пересмотру тарифов» 1896 и 1904 гг.

вывозное сообщение почти не обнаруживает какого-либо правильного возрастания длины пробега, во внутреннем сообщении длина пробега неизменно и почти совершенно правильно увеличивается, указывая этим на возрастающую роль на внутреннем рынке хлеба отдаленных районов.

Отдельные хлебные грузы обнаруживают и здесь существенное различие: так, средняя длина пробега различных грузов в вывозном и внутреннем сообщениях за последние годы была, в верстах ¹:

Г Р У З Ы.	1895		1900		1902	
	Вывоз-ное.	Внутреннее.	Вывоз-ное.	Внутреннее.	Вывоз-ное.	Внутреннее.
Пшеница	355	339	904	361	303	337
Рожь	803	638	1,071	463	638	633
Овес	1,005	440	1,155	492	1,027	438
Ячмень	365	403	398	487	407	558
Мука, крупа и солод . .	1,025	576	1,050	596	1,048	649
Отруби и выжимки . .	1,165	303	1,217	366	956	375

Пшеница поступает на внешний рынок вообще с более далеких расстояний, чем на внутренний; еще более с громадных расстояний поступают на экспорт рожь, а в особенности овес и мука, тогда как внутренний рынок пользуется главным образом ближайшими районами. Чтобы точнее выяснить характер и значение этого различия, необходимо ближе остановиться на движении разных хлебных грузов с одной стороны—к различным пунктам вывоза, с другой—к главным внутренним потребительным рынкам, так как отдаленностью их от тяготеющих производительных районов и обуславливается та или другая длина пробега к ним различных грузов.

По важности и размерам экспорта среди пунктов вывоза выделяются две группы портовых рынков—балтийские и черноморско-азовские; западная сухопутная граница имеет уже значительно меньшее значение, остальные же пункты не только еще менее значущи, но до последнего времени совсем не имели железнодорожного сообщения. Черноморские порты, лежащие на границе обширной и плодородной пшенично-ячменной производительной полосы, естественно должны были привлекать к себе громадные количества пшеничных и ячменных грузов тем или другим способом транспорта; наоборот, балтийские порты, расположенные в полосе малоплодородной, с избытком на вывоз разве только одного овса, до проведения железных дорог стояли в гораздо худших условиях. Соединение балтийских портов с центральным производительным районом, как мы сказали, дало выход хлебу этого района именно в балтийские порты; в особенности после соединения с ними непрерывным путем волжских пристаней (Рыбинск, Сызрань, Саратов) все большие количества хлебов стали экспортироваться именно через балтийские порты. Но со времени развития южной железнодорожной сети южные порты стали снова пользоваться преимуществами своего географического положения в привлечении к себе хлебных грузов.

Действительно, прибытие всех 6 главных хлебных грузов в 1876—80 гг. распределялось между тремя главными группами экспортных пунктов так: черноморско-азовские порты получали в среднем за год 47,0 милл. пуд., балтийские—60,1 милл. пуд. и западная сухопутная граница 26,7 милл. пуд.; в 1893—96 гг. черноморско-азовские порты получали уже 145,4 милл. пуд., балтийские 92,5 милл. пуд. и западная граница—21,7 милл. пуд. Таким образом, хотя получения всех портов абсолютно и возросли, однако возрастание получений черноморско-азовских портов шло гораздо быстрее, так что, занимая в общем вывозном сообщении в 1876—80 годах около 30%,

¹ «Материалы по пересмотру хлебных тарифов» 1896 и 1904 гг.

черноморские порты увеличили это отношение к середине девяностых годов почти до 60%, тогда как участие балтийских портов, наоборот, сократилось за то же время с 50% до 33%.

То же соотношение сохраняется в последующие годы. Если взять подвозы всех хлебных грузов к портам, то по трем главным группам вывозных пунктов они распределялись ¹:

Г О Д Ы.	Балтийские порты.		Западно-сухопутная граница.		Азовско-черноморские порты.	
	Милл. п.	% ко всем пер.	Милл. п.	% ко всем пер.	Милл. п.	% ко всем пер.
1895	122,9	35,7	45,1	13,1	176,6	51,2
1896	136,6	38,9	52,4	14,9	162,4	46,2
1897	106,0	38,7	47,0	17,2	120,6	44,1
1898	101,1	34,4	50,7	17,2	141,5	48,2
1899	106,2	39,8	42,5	15,9	117,7	44,2
1900	160,4	49,5	56,9	17,6	106,5	32,9
1901	112,2	34,8	61,8	19,2	147,9	46,0
1902	118,9	27,7	71,1	16,3	239,1	55,7

Южные порты, несмотря на то, что они собирают хлеб с меньшего района, чем балтийские, и потому более подвержены колебаниям вследствие неурожая, продолжают стягивать к себе все большие количества зерна. Это увеличение идет главным образом за счет пшеницы, ячменя и в последнее время также ржи; лишь овес остается главным предметом, идущим к балтийским портам. Это видно из следующей таблицы размеров поступлений к балтийским и черноморским портам отдельных хлебов в среднем за три последовательные периода лет, в миллионах пудов ²:

ГРУЗЫ.	Балтийские порты.			Черноморско-азовские порты.		
	1876—80.	1887—90.	1895—98.	1876—80.	1887—90.	1895—98.
Пшеница. . .	8,5	6,2	19,1	31,1	74,5	84,2
Рожь . . .	28,8	23,1	14,1	5,1	21,4	14,5
Ячмень . . .	6,9	6,9	4,4	3,3	15,4	26,1
Овес . . .	29,8	49,7	38,7	4,1	16,8	12,5

Для дальнейшего выяснения условий хлебного снабжения портовых рынков остается определить, какие районы являются источниками этого снабжения для балтийских и азовско-черноморских портов.

После уничтожения в 1893 г. тарифной разницы между балтийскими и черноморскими портами граница тяготения между теми и другими должна была определяться уже существующими естественными условиями и различиями тех или других портов, а не тарифным благоприятствованием в пользу балтийских портов, как это было ранее. Вследствие этого, район тяготения к балтийским портам должен был вообще несколько уменьшиться. Дальнейшее развитие железнодорожной сети, в особенности линий, соединивших восток и юго-восток с черноморскими портами, должно было еще далее расширить границу тяготения черноморских портов; наоборот, район тяготения к балтийским портам должен был еще более сократиться. Однако, удобство географического положения их по отношению к международному рынку, т.-е. близость их к главным потребляющим странам, и поэтому более высокий, сравнительно с черноморскими портами, уровень цен создают такое преимущество для балтийских портов, что район тяготения к ним все же значительно больше, чем к черноморским. Из местностей, одинаково отстоящих от тех и от других, хлеб направляется большей частью к балтийским портам.

¹ «Материалы по пересмотру хлебных тарифов в 1904 г.».

² По данным Статист. Сборн. Минист. Путей Сообщения и «Сводной статистики».

Так, районы тяготения к тем или другим портам для отдельных групп губерний определяются, напр., следующими цифрами перевозок хлебных грузов к этим портам в 1901 г., в тыс. пудов ¹:

РАЙОНЫ.	Балтийские порты.					Черноморско-азовские порты.				
	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овес.	Мука.	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овес.	Мука.
Новороссийский . . .	7	31	94	20	1.081	48.082	16.659	17.918	2.419	2.380
Сев. Кавказ . . .	—	—	—	—	20	13.970	4.478	11.986	2.791	1.412
Юго-западный . . .	12	21	132	98	620	5.402	727	393	1.448	393
Малороссийский . . .	11	651	20	5.580	567	685	1.787	71	1.067	120
Центральный . . .	99	9.751	7	15.262	1.232	330	1.979	—	835	36
Средневожский . . .	636	4.843	9	8.667	3.600	148	641	7	28	85
Заволжский . . .	6.268	599	47	2.040	715	1.616	—	—	64	—
Промышленный . . .	16	459	—	7.840	1.433	—	—	—	—	—
Северо-западный . . .	8	478	489	2.893	75	—	—	—	—	—
Приозерный . . .	—	46	3	1.730	274	—	—	—	—	—
Прибалтийский . . .	158	452	1.605	2.136	319	—	—	—	—	—
Привислинский . . .	51	36	15	55	12	—	—	—	—	—

При всем громадном районе, с которого стягивают к себе грузы балтийские порты, значительно превосходя в этом отношении южные, в общем итоге к ним идет, однако, гораздо менее, чем к южным портам. Притом, отдельные хлеба в этом отношении занимают различное место: пшеница, составляющая главный предмет экспорта южных портов, направляется сюда часто в значительной мере и из тех районов, которые обнаруживают тяготение к балтийским портам (заволжский, центральный, юго-западный, малороссийский). Наоборот, мука в крупных количествах идет в южные порты только из ближайших к ним районов, из районов же, наприм., малороссийского и юго-западного направляется большей частью в балтийские порты. Наконец, овес, составляющий главный продукт экспорта балтийских портов, из некоторых районов уже успешно начинает отвоевываться южными портами; то же самое, даже еще в большей степени, можно сказать и про рожь.

Переходя к более интересующей нас характеристике внутреннего хлебного рынка и снабжения, поскольку к этому имеются данные в железнодорожных перевозках, необходимо отметить, что итоги железнодорожного движения здесь еще в меньшей степени соответствуют действительным размерам всего снабжения, а кроме того и самые данные железнодорожного движения для внутреннего сообщения разработаны с меньшей полнотой, чем для вывозного, и подсчетов распределения всего внутреннего движения по отдельным районам отправления и получения для последних лет не имеется.

Возьмем сначала цифры общих перевозок во внутреннем сообщении по железным дорогам всех хлебных грузов за последние годы в сопоставлении с средним пробегом этих грузов ².

ГОДЫ.	Милл. пудов.	Средний пробег верст.
1890	187,1	375
1893	256,6	420
1894	280,4	439
1895	305,8	492
1898	241,2	487
1899	275,8	460
1900	288,9	485
1901	291,4	505
1902	307,4	504

¹ Сост. на основании данных «Сводной статистики» и «Ежегодника Мин. Финансов».

² Цифры за 1890—95 гг. взяты из «Журнала тарифного комитета по пересмотру хлебных тарифов 1896—7 гг.», стр. 66, а за 1898—1902 гг. из «Материалов по пересмотру хлебных тарифов в 1904 г.». Спб. 1904 г., стр. 55.

Таким образом, абсолютные итоги внутреннего сообщения хотя и обнаруживают возрастание, но весьма слабое. Величина внутреннего обмена между отдельными частями страны зависит главным образом от равномерности распределения урожая в тех или других районах и, следовательно, может увеличиваться даже при уменьшении урожая, именно—в случае неравномерности его распределения. Но, что обнаруживает безусловную тенденцию к возрастанию—это средний пробег хлебных грузов. Это увеличение пробега может происходить от двух причин: или от увеличения лишь крайних максимальных пробегов, или же от общего увеличения пробегов не только на больших, но и на коротких расстояниях; первое должно было бы свидетельствовать о преобладающем развитии торгового земледелия и отправок отдаленных окраин, второе—вообще о развитии торгового земледелия всех районов и не только о расширении отправок окраин, но и о более далеких отправлениях хлеба центральных районов. Из дальнейшего рассмотрения мы увидим, что и та и другая причины имеют здесь место.

Для выяснения роли и места отдельных районов на внутреннем рынке и значения их в хлебном снабжении, возьмем имеющиеся на этот счет сводные данные железнодорожного департамента, относящиеся к 1895 году. Все внутреннее движение по районам получения определялось в этом году следующим образом, в миллионах пудов ¹:

Районы получения.	Получено из других районов.	Движение в пределах района.	Всего получено районом.	Всего отправлено районом.	В том числе в другие районы.	Излишек отправок + или недостаток —
Центрально-земледельческий	12,3	25,4	37,7	83,9	58,5	+ 46,2
Средневолжский	6,8	23,8	30,4	59,7	35,9	+ 29,7
Новороссийский	2,1	10,5	12,0	28,7	18,2	+ 16,1
Малороссийский	2,6	8,6	11,4	22,2	14,3	+ 11,7
Юго-западный	4,5	6,3	10,8	13,5	7,2	+ 2,7
Северный Кавказ	0,0	3,0	3,0	5,4	2,4	+ 2,3
Промышленный	61,2	13,9	75,1	23,1	9,2	— 52,0
Северо-западный	21,1	2,7	23,8	5,2	2,3	— 18,8
Приозерный	16,5	2,3	18,8	2,4	0,1	— 16,1
Прибалтийский	1,4	0,8	2,0	1,0	0,4	— 1,0
Привислинский	16,2	7,8	24,0	8,0	0,2	— 16,0
Крайний Север	4,1	0,0	4,1	0,0	0,0	— 4,1
Всего	148,7	105,1	253,8	253,8	148,7	± 0,0

Отсюда видно, что для внутреннего снабжения главную роль играет центрально-земледельческий район, а также средневолжский, в особенности если принять во внимание, что для последнего района более важную роль, чем железнодорожное, имеет водное движение. Наоборот, сравнительно более скромную роль в удовлетворении внутреннего потребительного рынка играют новороссийский, малороссийский и особенно юго-западный и северо-кавказский районы, которые работают главным образом на внешний рынок. С другой стороны, внутренний потребительный рынок представляют главным образом губернии московского промышленного района, которые потребляют наибольшие массы ввозимого из других районов хлеба, а также губернии западного и северо-западного края и губернии приозерные.

Приведенные цифры, характеризующие условия внутреннего рынка, страдают устарелостью. Но для двух главных потребительных районов —

¹ Материалы тарифного съезда в 1896 г.

московско-промышленного и привислинского — за последние годы имеются новейшие данные, позволяющие выяснить некоторые условия хлебного снабжения этих районов. Посмотрим сначала на общие размеры этого потребительского рынка, определяемые цифрами железнодорожных поступлений сюда хлебных грузов, и на рост этих размеров за позднейшие годы. По данным департамента железнодорожных дел, получения хлебных грузов станциями московско-промышленного района исчислялись, в миллионах пудов ¹:

Г О Д Ы.	Весь район.	В том числе гор. Москва.
1895	66,7	35,5
1896	65,4	38,1
1897	57,9	34,3
1898	58,9	38,4
1899	63,1	36,9
1900	69,7	41,9
1901	65,4	40,0
1902	63,6	38,0

Числа эти, конечно, неполны — частью вследствие неполноты учета железнодорожного движения, частью вследствие весьма крупных поступлений в некоторые пункты водою. Поэтому они не могут быть принимаемы за абсолютные размеры центрального потребительского рынка. С другой стороны, вследствие краткости периода, они не позволяют проследить изменения размеров поступлений во времени. Впрочем, если взять одну Москву, как главный и типичный рынок для всего района, то получения ее по тем же данным департамента железнодорожных дел составляли в 1889 г. лишь 31,2 милл. п., в 1890 г. 32,9 милл. п., в 1891 г. 31,2 милл. п., в 1892 г. 30,5 милл. п., в 1893 г. 31,0 милл. п. и в 1894 г. 34,5 милл. п. Представляя таким образом медленное, но заметное возрастание, получения Московской хлеба обнаруживают довольно значительные колебания в зависимости от высоты урожая в питающих ее районах: в годы 1891—92 и 1897 сократились и получения хлеба, очевидно за счет сокращения потребления, благодаря повышению цен.

Гораздо более важным, чем выяснение трудно учитываемых абсолютных размеров потребительского внутреннего рынка, является выяснение той роли, которая принадлежит в снабжении его отдельным производительным районам, так как изменения в условиях этого снабжения характеризуют и изменения в хозяйственных условиях производительных районов. После того, как, благодаря соединению железнодорожным путем не только ближайших центральных районов, но и отдаленных восточных, стала возможна конкуренция на внутреннем рынке двух главных групп производительных районов, эта конкуренция должна была оказать весьма сильное влияние на условия земледельческого хозяйства как в центральных, так и в восточных губерниях. Для того, чтобы выяснить характер и результаты этой конкуренции, рассмотрим размеры поступлений хлебных товаров на главные потребительские рынки из отдельных производительных районов. Возьмем имеющиеся на этот счет данные, относящиеся к 1895 году. В этом году на главные рынки московского потребительского промышленного района и в г. Москву прибыло различных хлебных грузов из разных производительных районов ²:

¹ Материалы по пересмотру тарифов в 1904 г.

² Журнал тарифного комитета 1896—7 г., стр. 67.

		В том числе из губерний			
		центрально-земледельч.		окраинных.	
		Тыс. п.	0/0	Тыс. п.	0/0
В Московскую губернию:					
всех хлебн. грузов	47.393	37.725	69,0	1.965	4,1
ржи	3.443	2.616	75,9	—	—
пшеницы	2.685	752	28,0	492	18,3
овса	15.492	14.406	92,9	53	0,3
В Москву:					
всех хлебных грузов	35.497	25.490	71,8	1.067	3,0
ржи	1.450	1.180	81,3	—	—
пшеницы	1.713	376	21,9	239	19,8
овса	14.412	13.519	93,6	50	0,3

Окраинные восточные и юго-восточные губернии отправили в 1895 году следующие количества грузов, в тысячах пудов:

	Всего.	В т. ч. в Москов- скую губ.
Оренбургская губерния	17.645	637
Самарская »	29.129	779
Уфимская »	1.191	33
Уральская область	3.046	516
Кубанская »	42.995	441
Терская »	10.520	76
Ставропольская губерния	4.309	—

Общее же соотношение взаимных отправок и получений разных районов лучше всего видно из следующих сопоставлений ¹:

	Центрально-земледельческий район.	Северо-западный район.	Московско-промышл.	Привислинский.
Прибыло на станц. района:				
Всего тыс. пуд.	38.448	36.214	76.819	23.071
В том числе из губерний:				
района	26.061	3.908	14.411	7.661
заволжских	2.313	2.840	5.596	322
средневолжских	—	2.268	9.653	—
центрально-земледельч.	—	12.065	41.915	5.000
Отправлено со ст. района:				
Всего	164.430	14.361	—	13.681
в т. ч. за пределы района	—	—	—	—
и за границу	138.000	10.453	—	6.020

Таким образом, в центрально-земледельческий район поступило из других районов всего 12 милл. пуд., т.е. в десять слишком раз менее того, что этот район сам отправил на рынки других районов. Но и из этих 12 милл.—8 милл. пудов приходилось на пшеницу, которая перерабатывалась на мельницах района в значительной части для дальнейших переотправок на другие рынки. Центрально-земледельческий производительный район играл весьма крупную, почти первенствующую роль на всех взятых потребительных рынках, например, в промышленный район поставлял 42 милл. пудов из 77 милл. пуд. общего ввоза в этот район; в общем преобладающее значение имел

¹ Журнал тарифного комитета 1896—7 г., стр. 76.

центрально-земледельческий хлеб и на рынках северо-западного и привислинского края, хотя и в меньшей степени. Если в чем и было побеждено в борьбе за внутренние рынки земледелие центрального района земледелием восточных окраин, так это в поставке на эти рынки пшеницы, преобладающее количество поступлений которой идет действительно из окраинных губерний.

Таково было соотношение поступлений и потребления хлебов разными районами в 1895 году. В последние годы влияние дифференциальности тарифов и распространение железных дорог еще далее в восточные степи — должно было особенно резко сказаться преобладанием отдаленных грузов востока за счет ближайших районов. За отсутствием таких же данных о снабжении потребительных рынков за последние годы, сравним соотношение хлебных перевозок к различным потребительным рынкам по поясам пробега, выделив отдельно пояс пробега 1—500 верст—расстояние, на которое центрально-земледельческие производительные губернии в среднем отстоят от потребительных промышленных и западных губерний. Общие количества перевозок хлебных грузов в 1895—1902 годах были ¹:

	1895—1898.	1899—1902.
Де станций промышл. района:		
Всего, тыс. пуд.	62.265	65.470
в т. ч. в пояс пробега:		
1—500 верст	34.173	35.762
%	63,1	57,5
До г. Москвы:		
Всего, тыс. пуд.	35.479	39.236
в т. ч. в пояс пробега:		
1—500 верст	22.377	24.555
%	62,9	62,0
До ст. привислинского района:		
Всего, тыс. пуд.	21.313	25.959
в т. ч. в пояс пробега:		
1—500 верст.	4.862	6.172
%	25,7	27,6
До г. Варшавы:		
Всего, тыс. пуд.	11.224	11.243
в т. ч. в пояс пробега:		
1—500 верст.	2.594	3.395
%	23,1	26,1

Из таблицы видно, что, если в поступлениях на потребительные рынки хлебных грузов из ближайших районов и можно отметить за последние годы понижение, то лишь для московского района, и вообще не очень значительное. Для привислинского же потребительного района такого понижения вообще не отмечается. Таким образом, центрально-земледельческим губерниям России в снабжении внутренних потребительных рынков принадлежит, очевидно, и в девятисотые годы такая же видная роль, которая более подробно выяснилась в перевозках 1895 года. Хотя постоянно увеличивается абсолютное количество хлебных грузов, идущих с востока, доказывает, что центральному земледелию со стороны востока грозит действительно все возрастающая конкуренция, но до сих пор она была еще не в силах вытеснить с внутренних потребительных рынков центрального земледелия, пользующегося преимуществом более выгодного географического положения. Конечно, вероятно в недалеком будущем этому последнему придется приспособляться к изменяющимся, благодаря возрастающей конкуренции, условиям, развивая у себя более интенсивные формы промышленной жизни, как теперь это уже видно на примере московского промышленного района.

¹ «Материалы по пересмотру хлебных тарифов в 1904 г.» Спб. 1904 г., стр. 80 и след.

Другим важным вопросом в соотношении отдельных производительных районов, главным образом центрально-земледельческого и восточных, волжских и заволжских, является вопрос о конкуренции на внутреннем потребительном рынке продуктов их перемолочного производства. Если мы возьмем общие итоги поступлений мучных продуктов на центральный потребительный рынок, то увидим сильное их возрастание. Именно, начиная с 1889 года, перевозка муки и крупы возрастает следующим образом ¹:

	Тысячи пудов.	Принимая перевозку 1889 г. = 100.
1889	96.357	100 ₀
1890	96.653	100 ₅
1891	93.060	96 ₅
1892	96.567	100 ₄
1893	120.647	125 ₂
1894	137.494	142 ₇
1895	151.798	157 ₅
1896	155.867	160 ₇
1897	131.841	136 ₃
1898	152.783	157 ₇
1899	172.994	179 ₅
1900	201.426	209 ₀
1901	199.307	206 ₈
1902	210.243	219 ₂

После весьма медленно шедшего возрастания перевозок мучных продуктов до 1893 года, начинается быстрый рост перевозок под влиянием уравнивания в 1893 году тарифов на перевозку муки с тарифами на зерно, что дало возможность переработки зерна в муку на местах производства его, т.-е. в южных и восточных окраинах. Значительная доля увеличения мучных перевозок падает на расширение производства именно в этих районах, создавшееся здесь уже в первые годы по введении благоприятных тарифов. Так, в 1895 году, по сравнению с 1893 годом, т.-е. после уравнивания тарифов на муку, возрастание отправок муки из главных мукомольных центров южных и восточных районов было в тысячах пудов ²:

Губернии:	1893.	1895.	В 1895 году более, чем 1893 г. в %.
средневожские	6.898	8.867	28 ₅
нижевожские	7.883	13.397	70 ₀
малороссийские	12.150	17.994	48 ₀
черноморские	2.516	3.632	44 ₄

Что касается центрально-земледельческого района, то увеличение отправок за те же годы дает лишь ржаная мука пшеничная же почти не обнаружила возрастания:

Мука:	1893.	1895.	В 1895 году более, чем 1893 г. в %.
пшеничная	6.324	6.967	11 ₀
ржаная	4.910	10.025	204 ₂

¹ Журнал тарифного комитета по пересмотру тарифов 1896—7 гг. и «Материалы по пересмотру» 1904 года.

² Журнал тарифного комитета 1896—7 гг., стр. 90—91.

Следовательно, и здесь отмечается повторение того же явления, которое мы видели в переменах распределения перевозок зерновых хлебов: как земледелие центра, так и его мукомольная промышленность неблагоприятные последствия конкуренции с окраинами испытывают прежде всего на своих пшеничных продуктах, тогда как переработка ржи развивается очень быстро. Так, в 1895 году прибыло всего мучных грузов в Москву и Московскую губернию:

	Всего тысячи пудов.	В том числе из централь- но-земледел. губерний.	%	Из окраин- ных.	%
В Московскую губ. . .	22.783	14.157	62	1.415	6,2
» Москву . . .	15.468	9.773	63	773	5,0

Таким образом, мукомольному производству центрально-земледельческих губерний принадлежит видная роль в снабжении промышленных губерний как своего главного потребительного рынка; но в частности по отношению к пшеничным продуктам центральные губернии вытесняются южным и юго-восточным мукомольным производством. Так, в снабжении московского рынка за 1890 г. и 1895 г., т. е. за время введения существующей тарифной системы, произошли такие перемены:

Из губерний:	Прибыло муки тыс. пуд.: пшеничной				ржаной	
	1890.		1895.		1890.	1895.
	1890.	1895.	1890.	1895.	1890.	1895.
Московской губ. . .	525	217	—	—	—	—
центрально-земледельч. . .	1.765	1.430	7.083	7.717	—	—
волжских	1.090	1.487	209	406	—	—

То же происходит в снабжении мукой Привислинского края, но здесь конкуренция новых мукомольных районов еще более успешна; так, за те же годы пшеничной муки прибыло в Варшаву тысяч пудов:

Из губерний:	1890.	1895.
центрально-земледельч.	985	552
юго-западных и малороссийских	498	681
новороссийских	331	1.349

Под влиянием удешевления перевозок перемолочных продуктов развитие мукомольной промышленности в южных и восточных районах, на местах производства зерна, идет гораздо быстрее, чем развитие промышленности в старых мукомольных центрах, которые если и развивают свое производство, то лишь за счет увеличения передела ржи, т. е. продукта, возделываемого в тех же районах. Поэтому, обращаясь к последним годам, мы естественно увидим увеличение среднего пробега мучных грузов и увеличение относительной доли далеких грузов в общих перевозках; за последние годы движение мучных грузов во внутреннем сообщении дает такие числа в процентах к общим количествам перевозок ⁴:

Пояса пробега:	1898	1899	1900	1901	1902
1—500 верст	50,8	53,4	52,6	53,3	49,5
500—1000 верст	30,4	29,5	26,8	25,6	29,1
более 1000 »	18,8	17,1	20,6	21,1	21,4
Средний пробег верст	592	570	596	617	649

⁴ «Материалы по пересмотру тарифов» 1904 г.

Тенденция к возрастанию расстояния перевозок мучных продуктов отмечается совершенно ясно.

Этим приходится ограничиться в изучении внутреннего рынка для сельскохозяйственных продуктов, так как для других потребительных рынков, кроме только-что рассмотренных, и для других произведений сельскохозяйственного хозяйства, кроме хлеба, не имеется столь же подробных данных. Но, так как разобранные два рынка представляются типичными и главными по размерам потребления; так как, с другой стороны, изменения, происходящие под влиянием тех или других причин в условиях зернового производства, обыкновенно являются характерными для всего хозяйственного строя, то полученные выше данные могут быть приняты за характерные вообще для внутреннего потребительного рынка и для тех изменений в самом народном хозяйстве, которые произошли под влиянием изменений в условиях сбыта.

Если по отношению к общему сбору хлебов часть урожая, поступающая на рынок, становится все более значительной, указывая на все большее внедрение денежных отношений и на все большее возделывание хлебов на продажу, взамен личного потребления, то, с другой стороны, самый характер и положение хлебного рынка с течением времени претерпевает глубокие изменения. В более ранний период развития железнодорожной сети, когда хлебу центрального района был предоставлен широкий выход и на внутренний и на внешний рынок, громадная доля его пошла на внешний рынок, благодаря и тем общим условиям экономической жизни, которые требовали усиленного экспорта хлебов за границу, и потому, что внутренний рынок не представлялся еще достаточно крупным. Поэтому первым продуктом экспорта и внутреннего железнодорожного движения в первые годы развития железнодорожной сети в 60—70 годах являлась рожь, т.-е. тот хлеб, который в одно и то же время и представлял главный продукт внутреннего народного потребления, и, как остаток от внутреннего рынка, шел на экспорт. Поэтому-то ржаные перевозки занимают в 70-годах такое преобладающее место, поэтому-то экспорт ржи начинает так усиленно расти в 65—70 годах; поэтому же и центральный район, подходящий по почвенным и бытовым условиям к возделыванию этого продукта, становится главным районом, снабжающим и внешний и внутренний рынок. Вместе с тем естественно, что и экспорт балтийских портов, прежде других, связанных с производительными районами центра, стал быстро развиваться. Но вместе с ростом городского населения, с одной стороны, и развитием железнодорожной сети—с другой, стал расти внутренний потребительный рынок количественно и видоизменяться качественно, переходя на потребление пшеничных продуктов. В удовлетворении внутреннего потребительного спроса на пшеницу все более видную роль начали играть, благодаря распространению железнодорожной сети, восточные и южные окраины, они же стали служить и интересам экспорта, вытесняя серые хлеба центра из железнодорожного движения и экспорта своими красными хлебами—пшеницей и ячменем; вместе с тем все больший перевес экспортной деятельности оказывался на стороне южных портов. Главной специальностью торгового земледелия центра и предметом его сбыта на внешний и на внутренний рынок, а вместе с тем и предметом экспорта балтийских портов стал на первом месте овес: конкуренция с окраинными пшеничными продуктами оказалась неблагоприятной для центрального земледелия.

V. Хлебные цены.—Значение близости внутреннего и внешнего рынка.—Соотношение местных и рыночных цен. — Изменение цен в зависимости от урожая.—Избыточное предложение и понижающее значение его.—Соотношение весенних и осенних цен; портовых и внутренних.—Размеры портового остатка.—Общие выводы относительно положения сельскохозяйственного рынка.

Вопрос о хлебных ценах представляется настолько обширным и разносторонним, что исследовать его во всей полноте здесь невозможно. Мы оста-

новимся на хлебных ценах лишь как на факторе хлебного снабжения, регулирующем хлеботорговое движение и обороты и обуславливающим те или другие явления, происходящие на хлебном рынке.

Было уже указано, в каких районах, вследствие почвенных и климатических условий, а также вследствие преобладания городского и промышленного населения, недостает хлеба собственного производства для покрытия продовольственных нужд, и какие районы являются поставщиками этого внутреннего потребительного рынка; другим потребительным рынком является внешний, мировой рынок. Весь хлеботорговый оборот и хлеботорговое движение и обуславливаются этими тремя главными пунктами, направляясь из производительных районов в пункты внутреннего потребления или на экспортные рынки. Хотя средние хлебные цены образуются как результат соотношения между спросом и предложением и регулируются, следовательно, одним общим для всех рынков законом, однако для каждого из указанных трех групп рынков существуют некоторые особенные экономические условия, видоизменяющие и отклоняющие цены на них от нормального хода и общего уровня.

Говоря вообще, чем ближе к производителю, тем цена должна быть ниже; по мере ухода зерна из рук производителя и удаления из производительных районов цена должна повышаться, включая в себе транспортные издержки, расходы по посредничеству и др. Однако, благодаря экономическому положению земледельческого населения и некоторым особенностям сбыта им своих произведений, в производительных районах цена хлеба зависит большею частью односторонне от размеров предложения и часто значительно ниже, чем цена на потребительных рынках с исключением из нее транспортных и других расходов.

Так как предложение хлеба на продажу со стороны главного продавца—крестьянского населения—тотчас после сбора урожая обыкновенно имеет массовый характер, то осенью в средние по урожаю годы, а при исключительно высоких урожаях—в течение всего года устанавливаются цены, односторонне зависящие от предложения и, следовательно, ниже цен потребительных рынков, с исключением из них транспортных расходов. В годы сильных неурожаяв или ежегодно весной получается обратное явление—население производительных районов, обыкновенно продающее хлеб, выступает в качестве покупателя, и, так как часто торговый механизм и торговые пути оказываются неприспособленными к удовлетворению этого нового потребительного спроса, то устанавливаются высокие, иногда прямо монопольные цены. На потребительных рынках, представляющих всегда более или менее равномерный и обеспеченный спрос, цены обыкновенно гораздо более равномерны, хотя, вследствие случайных условий и возрастания потребления, могут быть иногда и выше цен производительных районов с прибавлением транспортных расходов. Таким образом, в производительных и потребительных районах цены в их колебаниях и нарастании часто не следуют друг за другом вполне правильно и параллельно; цены производительных районов на местах производства иногда колеблются в направлениях, совершенно противоположных колебаниям их на потребительных рынках, а среди этих последних уровень цен и их колебания на внутреннем рынке часто отличны от цен на международном рынке.

Средняя местная цена для 50 губерний Европейской России в последние 1896—1900 годы определяется по данным Министерства Земледелия¹ в 60 к. для пуда ржи, в 83 к. для пуда озимой пшеницы, 80 к. для пуда яровой пшеницы, 53 к. за пуд овса и 59 к. за пуд ячменя. Понятно, что разница в уровне цен получается, прежде всего, для двух крупных, проти-

¹ «Свод статист. данных по сельскому хозяйству России к концу XIX века», вып. II

воположных по значению районов — черноземной производительной полосы и нечерноземной потребительной. Взяв то же пятилетие 1896—1900 годов, получаем такое сопоставление средних цен в различных районах:

Губернии.	Рожь.	Пшеница		Овес.	Ячмень.
		озимая.	яровая.		
Центрально-земледельческие	51	80	77	50	51
Средневожские	47	72	67	45	50
Нижевожские	43	—	70	41	45
Новороссийские	57	83	81	53	48
Юго-западные	55	80	78	55	56
Малороссийские	51	78	73	47	47
Итого по черноземной полосе	51	79	74	50	50
Промышленные	63	—	83	54	60
Белорусские	62	84	77	54	62
Литовские	65	92	83	63	69
Приозерные	81	—	97	62	74
Прибалтийские	75	94	85	69	74
Приуральские	48	—	67	41	51
Северные	83	—	105	57	77
Итого по нечерноземной полосе	68	87	84	57	67

Самые низкие цены в производительном районе — в губерниях ниже- и средне-вожских, затем в малороссийских, центральных и юго-западных, наивысшие в новороссийских. Из нечерноземного потребительного района (за исключением приуральских губерний, которые не имеют особенно крупного потребительного значения) наиболее низкие цены в белорусских, промышленных и литовских губерниях, наивысшие — в прибалтийских, приозерных и северных.

Главной причиной, обуславливающей ту или другую высоту цен, является удаленность потребительных центров от мест производства, причем и для производительного и для потребительного района особенное значение имеет близость внешнего экспортного рынка, которая сильно повышает цены. Явление это общее как для цен ржи, так и других хлебов. Действительно, в наиболее отдаленных как от внешнего, так и от внутреннего рынка губерниях средне- и ниже-вожских цена всех хлебов стоит наиболее низкая; малороссийский район уже пользуется некоторым преимуществом своей близости к потребительным внутренним центрам, но особенно повышательным образом влияет это соседство с внутренним рынком на хлебные цены центрального района, почему цены здесь большею частью еще выше. Но, во всяком случае, близость одного внутреннего рынка влияет не в такой степени в сторону повышения, как близость экспортного; поэтому юго-западный край и особенно новороссийские губернии, находящиеся в особенно благоприятных условиях по близости своей к внешнему потребительному рынку, имеют цены наивысшие. Из потребительных районов наивысшие цены стоят или в наиболее отдаленных (северный), или там, где крупный внутренний потребительный рынок соединен с близостью внешнего рынка (приозерные и прибалтийские губернии).

Этим состоянием цен и обуславливается хлеботорговое движение хлебных грузов, направляющееся из мест с наиболее низким уровнем цен, из районов производительных в районы потребительные. Но экономическое значение того или другого уровня цен и их колебаний совершенно противоположно для этих двух групп районов. Приведенные выше местные цены, т.-е. такие, по которым местный производитель продает свой продукт, являясь везде результатом обычных явлений установления цен — расходов производства, соотношения спроса и предложения и др., служат в то же время показателем доходности производства зерна; поэтому, вообще говоря, высокие цены должны бы считаться наиболее выгодными для народного хо-

зяйства. Но районы потребительные, с недостаточным для покрытия продовольственных нужд количеством хлеба собственного производства и принужденные ко ввозу хлеба из других районов, заинтересованы, в общей массе населения, в более низких ценах. Притом нужно заметить, что, несмотря на конкуренцию дешевого хлеба отдаленных районов, для хлеба местного производства в потребительных районах получается то преимущество, что цена его устанавливается ценою привозного хлеба, в которую входят и издержки транспорта, повышающие не только цены привозного, но и местного хлеба.

Если мы обратимся к рассмотрению движения местных хлебных цен за последнее двадцатилетие, то увидим, что, подвергаясь значительным колебаниям в связи с размерами урожая, общая тенденция цен как в производительных, так и в потребительных районах оказывается все же понижительной. Именно, средние пятилетние цены были, в коп. за пуд:

	1881-5.	1886-90.	1891-5.	1896-900.
Черноземные губернии:				
рожь	65	46	59	51
пшеница:				
озимая	81	81	71	79
яровая	74	76	73	74
овес.	49	41	48	50
ячмень.	54	45	49	50
Нечерноземные губернии:				
рожь	92	65	79	68
яровая пшеница	—	82	83	84
овес.	67	50	55	57
ячмень	79	62	69	67
В среднем в 50 губерниях Европейской России:				
рожь	79	56	70	60
пшеница:				
озимая	91	85	78	83
яровая	81	77	77	80
овес.	58	46	51	53
ячмень.	68	54	60	59

По отдельным годам ход цен почти по всем хлебам представляет, в общем, близкое сходство. После сравнительно высокого уровня цен в начале 80-х годов, цены начинают быстро падать вплоть до неурожайного 1891 года. В этом году цены резко повысились, и, хотя в 1894-5 годах снова спустились еще до более низкого, чем до 1891 года, уровня, однако неурожай 1897 года снова повысил цены, которые последнее пятилетие держатся уже все время на более высоком уровне; но все же по сравнению с первым пятилетием все цены обнаруживают сильное понижение.

Для отдельных губерний такой ход колебаний цен дает значительные отступления; говоря вообще, в потребительных районах цены обнаруживают гораздо большую устойчивость чем в районах производства. Действительно, приняв, например, среднюю за рассматриваемое двадцатилетие цену за 100, колебания цен для отдельных годов выразятся такими цифрами ¹. В черноземной полосе цены на рожь спускались до 50,9% в 1894 году, повышаясь в 1891 году до 214,5%; и если даже не брать эти исключительные годы, то колебания выразятся от 63,6 в 1896 году до 156,4 в 1881 году; в то же время для губерний нечерноземной полосы колебания цен на рожь выражаются от 62,1% в 1894 году до 183,3% в 1891 году, или, за исключением

¹ «Свод статистических данных по сельскому хозяйству России к концу XIX века», вып. II.

этих лет, всего от 68,2% в 1896 году до 148,5% в 1881 году; другими словами, амплитуда колебаний для черноземных губерний выражается в 163,6%, для нечерноземных же 122,2% (соотв. 92,8% и 80,3%). То же самое явление обнаруживают и другие хлеба. Таким образом, в потребительных районах цены являются гораздо более устойчивыми, чем в производительных. Более или менее одинаковые размеры потребления (конечно, отчасти сжимающегося под влиянием повышения цен при недородах) создают устойчивый и равномерный спрос; конкуренция же производительных районов, поставляющих свой хлеб на потребительные рынки, способствует тому, что, при недороде в одном из производительных районов, его место в снабжении внутреннего рынка заменяется другим районом; благодаря этому даже крупные недороды сказываются на ценах потребительного района сравнительно в незначительной степени. Наоборот, в производительных районах, обходящихся обыкновенно без привозного хлеба, зависящих в своем продовольствии от размеров местного урожая и сбывающих все свои излишки на сторону, даже менее значительный недород сказывается сильным, иногда чрезмерным повышением цен.

Чтобы ближе выяснить характер соотношения цен и их изменений за последние годы в производительных и потребительных районах, сопоставим цены на рожь в центрально-земледельческом и промышленном районе. Мы видели, что главным поставщиком ржаных продуктов на потребительные рынки промышленного района являются центрально-земледельческие губернии, и конкуренция отдаленных районов с центрально-земледельческим здесь еще сравнительно слаба. Поэтому цены московско-промышленного района должны вообще находиться в тесной зависимости от цен центрально-земледельческого района. Действительно, как здесь, так и там в течение последнего десятилетия отмечается ясная тенденция цен к понижению, прерываемая лишь неурожайными годами, особенно 1891 и 1897 гг. С другой стороны, однако, падение местных цен в промышленном районе гораздо более значительно, чем в центрально-земледельческом районе, являющемся поставщиком промышленного района. Именно в последнее двадцатилетие цены на рожь в рассматриваемых двух районах были, в коп. за пуд ¹:

Г О Д Ы.	Губернии:		Разница.
	центрально- черноземн.	промы- шленные.	
1881	94	123	29
1882	77	95	18
1883	84	64	20
1884	89	63	26
1885	76	48	18
1886	61	43	18
1887	51	37	13
1888	62	40	22
1889	71	52	19
1890	64	45	19
1891	125	128	3
1892	82	90	9
1893	49	70	21
1894	30	50	20
1895	31	51	20
1896	34	46	12
1897	62	65	3
1898	61	77	16
1899	49	65	16
1900	45	60	14

¹ «Свод статист. данных», стр. 24.

Если возьмем те же цены в двух районах и разницу между ними в среднем по пятилетиям, то получим следующие цифры:

	1881-5.	1886-90.	1891-5.	1896-900.
Промышленные.	94	62	78	63
Центрально-черноземные . .	69	43	64	51
Разница.	25	19	14	12

Последние цифры представляются в высшей степени характерными: ближайший потребительный для земледельческого центра рынок — промышленные губернии — должен становиться все менее доходным для земледельческого центра и постепенно ускользать от него; хлебные цены в промышленном районе почти совершенно правильно падают, несмотря на то, что неурожайные 1891 и 1897 годы должны были сказаться повышением средних цен последних пятилетий. Между тем, в центрально-земледельческих губерниях падение цен далеко не так правильно и идет далеко не в такой сильной степени, как в потребительном районе, так что разница цен между промышленными и земледельческими губерниями становится все менее значительной.

Выше мы отметили, что количественно центрально-земледельческий район в поставках ржаных продуктов в промышленные губернии все еще продолжает занимать господствующее положение; теперь же видно, что это положение должно делаться все менее устойчивым благодаря тому, что размер торговой прибыли по уровню местных цен центрального земледелия становится все меньше. Понятно, что понижающаяся тенденция местных цен на хлеб невыгодна и для земледелия промышленного района, но в общей массе населения промышленные губернии, как потребительные, скорее даже заинтересованы в понижении цен. Под давлением конкуренции хлеба более дешевых районов и происходящего вследствие этого понижения доходности зернового хозяйства, население промышленного района уже давно стало переходить или к более интенсивным формам сельского хозяйства (травосеяние, молочное скотоводство и т. п.), или даже совсем к другим формам приложения своего труда.

Между тем, в центрально-земледельческом районе и интенсивирование сельско-хозяйственного производства и промышленные формы приложения народного труда развиты еще очень слабо, и поэтому земледельческое, главным образом зерновое хозяйство является почти единственным источником средств существования населения. Быстро завершившийся, после освобождения крестьян, переход от натурального строя хозяйственной жизни к денежному, при сохранении в то же время за зерновым земледельческим производством единственного источника покрытия всех чрезвычайно возросших денежных потребностей, поставил центральное земледельческое, особенно крестьянское хозяйство в крайне неблагоприятные условия: продажа хлеба, даже в ущерб собственному потреблению, сделалась необходимостью. Массовое предложение зерна осенью, не считаясь с существующими размерами спроса, стало обычным явлением, почему цены в производительных районах стали всецело зависеть от размеров урожая текущего года, резко повышаясь или так же резко понижаясь.

Действительно, наприм., в 1891—1892 и в 1897 гг., вследствие крупных недородов, цены в центральных районах возросли так неимоверно, что разница между местными ценами в производительном районе и в потребительном почти сгладилась, дойдя до 9 и даже 3 к. в пуде ржи. Между тем, в следующие за этими годами, в 1894—1895 гг., благодаря высоким урожаям и стремлению реализовать возможно большие количества зерна для покрытия недочетов предшествовавших лет, цены упали до такого уровня, который являлся прямо разорительным для центрального земледелия; за один пуд зерна в 1891 году приходилось отдавать 4 слишком пуда в 1894 году;

для потребительных районов явился в высшей степени дешевый поставщик, продававший теперь вчетверо дешевле того, что он просил три года назад.

Однако, если не брать эти крайние, критические годы, то необходимо отметить, что даже этими убыточными для себя низкими ценами центральное земледелие не может удержаться на потребительном рынке промышленных губерний, ищущих более дешевых продавцов. Хлебное производство земледельческого района должно все более направляться на удовлетворение возрастающего собственного местного спроса и лишь в годы исключительно высоких урожаев возобновлять свою деятельность в качестве поставщика на потребительные рынки центрального района. Сравнительно менее сильное понижение цен в земледельческих районах является вообще выгодным для местного земледелия; но, если принять во внимание более сильное понижение цен в потребительных районах, то окажется, что образующаяся вследствие этого все менее значительная торговая разница должна постепенно обращать центральное земледелие от служения интересам внешнего потребления к потреблению местному. Отмечающаяся в последнее время «независимость» местных цен на внутренних русских рынках и обусловливается этим возрастанием значения внутреннего спроса и местного потребления.

До сих пор мы говорили исключительно лишь о местных ценах, т.-е. о тех, по которым производитель продает свой продукт на местах производства торговцу. Посмотрим теперь, в каком отношении стоят эти местные цены к торговым, т.-е. рыночным ценам в более крупных торговых пунктах. Возьмем два года с вполне удовлетворительными и в общем с средними для рассматриваемых губерний урожаями; цены в эти годы были ¹:

	1899			1900		
	Пшен.	Рожь.	Овес.	Пшен.	Рожь.	Овес.
Саратовская губ.	80	50	40	68	41	41
г. Саратов	82	60	54	66	47	42
Самарская губ.	71	47	40	60	34	35
г. Самара	87	60	61	70	45	40
Орловская губ.	76	48	38	78	49	46
г. Елец	98	62	47	82	51	40
Тамбовская губ.	71	49	37	71	43	43
г. Козлов	88	56	49	78	44	39
Московская губ.	—	67	55	—	59	48
г. Москва	100	67	59	84	53	48

Если сравнить, с одной стороны, местные цены в трех рассматриваемых производительных губерниях с ценами в главных для этих губерний потребительных рынках и с другой—с ценами московского потребительного рынка, то оказывается, что главное нарастание в ценах происходит большею частью в первоначальной стадии движения хлеба, т.-е. с мест производства до местных рынков; по сравнению же с ценами этих местных рынков, хлебные цены такого крупного потребительного рынка, как московский, отличаются сравнительно уже мало. Впрочем, три представленные хлеба занимают в этом отношении различное положение. В ценах пшеницы между московскими ценами и ценами центральных губерний разница настолько незначительная, что не покрывает расходов на перевозку; поволжские губернии в этом отношении очевидно могут конкурировать с большим успехом, так как разница между волжскими и московскими ценами гораздо более значительна, чем между центральными и московскими. Рожь по отношению к московским потребительным ценам стоит почти в одинаковом положении как на средне-волжских, так и на центральных рынках; принимая же во внимание более близкое расстояние от Москвы этих последних, нужно сказать, что в снаб-

¹ Местные цены по данным Министерства Земледелия, рыночные по данным отдела торговли и «Вестника Финансов».

жении московского рынка рожью центральный район по уровню своих цен имеет даже некоторое преимущество. Наконец, в снабжении овсом центральным губерниям на московском рынке принадлежит безусловно полная возможность преобладания над восточными губерниями. Таким образом, московский потребительный рынок, а вместе с тем и весь промышленный район, в снабжении пшеницей зависит от цен средневожских рынков, в снабжении же овсом—от цен центрального района, что, впрочем, можно было видеть уже из отмеченного выше преобладания в поставках московскому району центральных губерний для ржи и овса и восточных—для пшеницы.

Что касается вообще соответствия местных и рыночных цен внутри одних и тех же районов, то в этом отношении потребительный московский район также значительно отличается от производительных районов: местные цены Московской губернии совершенно не отличаются от цен московского рынка, что является вполне понятным, потому что вся вообще Московская губерния ее промышленным населением представляет потребительный рынок; в общем, они почти одинаково и параллельно повышаются или понижаются в зависимости от размеров урожая. Наоборот, в производительных районах местные цены значительно отличаются от рыночных в соответствующих районах и могут быть не только много ниже, но даже много выше рыночных цен. Возьмем для сравнения три года, из которых первый, 1897 год, отличался особенно крупным неурожаем, 1898—1899 же годы, наоборот, урожайны; предыдущий 1896 год был также с средним урожаем. В эти годы осенние местные цены и осенние же рыночные цены были, в коп за пуд ¹:

Г О Д Ы.	Рожь.		Пшеница.	
	Елецкий у., г. Елец.		Елецкий у., г. Елец.	
1897	66	61	100	100
1898	62	65	100	100
1899	48	56	76	86

Наступивший после 1896 года, урожайного и с дешевыми ценами, неурожай 1897 года оказался критическим для сельского населения: запасы предыдущего года были, как всегда, все распроданы, продовольственная нужда становилась все более интенсивной, недостаточному населению приходилось платить на местах производства крайне высокие цены (рожь 66 коп.). Между тем, в таком крупном торговом пункте, как Елец, имевшем еще запасы от прошлогоднего урожая, цены оказались не только не выше, но даже ниже местных для тех хлебов, которые особенно необходимы для собственного продовольствия (рожь 61 к.). Более урожайный 1898 год изменил соотношение местных и рыночных цен прежде всего для ржи, предложение которой необходимо должно было увеличиться особенно сильно со стороны крестьян. Гораздо меньшее понижение было для пшеницы. Наконец, новый урожай 1899 г. принес еще большую разницу в ценах как для ржи, так и для пшеницы, и, под влиянием избыточного предложения на местах, цены здесь резко упали, при чем как степень падения их, так и несоответствие местных цен с рыночными особенно невыгодны стали для ржи.

Таким образом, неурожай влечет за собой сильное повышение местных цен, доходящее до того, что уровень их превышает рыночные цены; наоборот, высокий урожай влечет за собой падение местных цен в такой степени, что получается весьма значительная разница между ними и стоящими на более высоком уровне рыночными ценами. Но как то, так и другое обстоятельство не идет в пользу мелкому производителю, крестьянину: первое,—повышение местных цен,—при отсутствии свободной зерновой

¹ По сведениям Министерства Земледелия и Государственных Имуществ и по данным «Вестника Финансов».

наличности, сказывается губительным образом на условиях его личного существования; второе, — понижение местных цен сравнительно с рыночными, — заставляет его крайне невыгодно реализовать свой урожай, отдавая всю пользу от более высоких рыночных цен местному скупщику.

В связи с тою же зависимостью размеров предложения от урожая и неравномерностью предложения по отдельным месяцам года находится то известное и важное явление, что осенние цены стоят всегда много ниже весенних; но и в этом отношении характер колебаний цен на местах производства разнится от рыночных колебаний цен. Если мы сравним местные осенние и весенние цены, то соотношение их для 50 губ. Европ. России выразится в среднем за 1888—1900 гг. следующими цифрами, принимая осенние цены за 100 ¹:

	Рожь.	Озимая пшен.	Яровая пшен.	Овес.	Ячмень.
Черноземные губ.	106	108	107	111	110
Нечерноземные губ.	104	111	110	111	107
50 губ. Европ. России	105	111	109	111	109

Таким образом, осенние цены ниже весенних в среднем почти на 10%; но это соотношение подвержено значительным изменениям в зависимости от размеров урожая. Если в нормальных или средних условиях осенние цены ниже весенних, то при сильных неурожаях осенние цены обнаруживают настолько резкое повышение, что значительно превосходят цены, стоявшие весной до сбора нового неудачного урожая; и, наоборот, если после неурожайного года следует год высоко урожайный, то весенние цены могут настолько понизиться, что дойдут до уровня осенних цен. Действительно, сравним местные осенние и весенние цены за ряд лет, последующих за неурожайным 1897 годом; в среднем для отдельных районов эти цены были, в копейках за пуд ¹:

Для 6 центрально-земледельческих губерний:

	Пшеница.		Рожь.		Овес.	
	Весенн.	Осенн.	Весенн.	Осенн.	Весенн.	Осенн.
1897	—	94	—	62	—	61
1898	110	93	70	61	75	65
1899	93	76	64	49	65	39
1900	74	74	49	46	43	44
1901	77	83	49	57	50	66
1902	89	71	64	53	75	46
1903	75	—	55	—	47	—

Для 6 средневолжских губерний те же хлеба:

	Весенн.	Осенн.	Весенн.	Осенн.	Весенн.	Осенн.
1897	—	85	—	50	—	49
1898	97	87	59	69	60	76
1899	100	72	73	48	78	34
1900	80	68	48	40	38	37
1901	75	89	43	29	41	67
1902	95	73	65	58	70	47
1903	79	—	59	—	52	—

Для московского промышленного района цены ржи:

	Весенние.	Осенние.
1897	—	65
1898	77	77
1899	81	65
1900	69	60
1901	67	72
1902	80	74
1903	80	—

¹ Составлено на основании соотв. выпусков «Год в сельско-хоз. отношении», вып. VI, изд. Мин. Земледелия.

Если сравнить осенние цены какого-либо года с весенними последующего, то окажется, что наивысшая разница между ними получается в такие годы, как 1897—1898 гг., когда, вследствие сильного неурожая, местные цены стали расти уже с осени, но особенно высокого уровня достигли весной, везде значительно превысив средний уровень.

Что касается в частности центральных губерний, то сравнительно хороший урожай 1898 года, в особенности для овса, сравнял осенние цены 1898 года с весенними 1899 года; очевидно, население, благодаря хорошему урожаю 1898 года, было уже несколько лучше обеспечено продовольственными средствами, и цены весной обнаруживали по сравнению с осенними гораздо меньшее повышение, чем в предыдущий 1897 год; однако, они стоят все еще выше среднего уровня, так как имеющиеся запасы по необходимости должны направляться на покрытие собственных потребительных нужд, и предложение зерна со стороны производителей идет более сдержанно. Последующий очень высокий урожай 1899 года вносит новое изменение в уровень цен; благодаря крупным избыткам и увеличившемуся стремлению к реализациям, осенние цены падают очень сильно; но, хотя размеры реализации урожая и продаж хлеба очень велики, однако у производителей остаются все еще настолько значительные запасы, что и весенние цены последующего 1900 года не только не обнаруживают повышения, но даже большею частью стоят ниже осенних. Притом нужно заметить, что и здесь для центральных губерний наибольшие колебания обнаруживает главный рыночный продукт—овес, наименьшие же—рожь.

В общем, тот же характер колебаний отмечается и для средневожских губерний; здесь, однако, после 1897 неурожайного года следовал повторный неурожай 1898 года, благодаря чему как осенние, так и весенние цены продолжают расти до 1899 года; но и последующие урожайные годы сравнительно менее значительно уравнивают весенние цены с осенними. Наконец, цены московского района, имея, в общем, тот же ход колебаний, оказываются вообще более устойчивыми.

Понятно, что подобный характер колебаний местных цен зависит не только от размеров урожая и предложения, но и от требования со стороны тех потребительных или экспортных пунктов, которые являются рынками сбыта для производительных районов. Но мы уже отмечали, что в районах производства установление местных цен зависит часто совершенно односторонне от размеров предложения. Поэтому и на внутренних рынках рыночные цены, хотя несколько и уравниваются условиями и ценами международного рынка, однако все же более всего зависят от местных цен и в своих колебаниях повторяют ход колебаний местных цен. Для сравнения хода весенних и осенних цен на внутренних рынках, возьмем такой типичный внутренний рынок, как Елец. Весенние и осенние цены в течение последних лет стояли на этом рынке, в коп. за пуд ¹:

Г О Д Ы.	Пшеница.		Рожь.		Овес.	
	Весна.	Осень.	Весна.	Осень.	Весна.	Осень.
1897	—	101	—	61	—	59
1898	105	100	64	65	70	63
1899	92	87	64	56	55	42
1900	83	78	53	46	45	52
1901	80	89	50	56	56	65
1902	91	75	61	55	73	45
1903	79	77	58	54	93	46
1904	80	—	60	—	52	—
Колебания	79—105	75—101	50—64	46—65	45—73	42—63
Средняя 1897—1904.	87	85	58	57	56	53

¹ По данным «Вестника Финансов» за соответствующие годы.

Из приведенной таблицы видно, что особенно сильные колебания обнаруживают цены овса—главного продукта сбыта центральных губерний (от 42 до 63 коп. осенью и от 43 до 73 коп. весной), несколько менее—пшеницы (с 75 коп. до 101 коп. и с 79 коп. до 105 коп.), и наименьшие колебания дает продукт внутреннего потребления—рожь (с 46 коп. до 65 коп. осенью и с 50 коп. до 64 коп. весной). В то же время колебания весенних цен оказываются вообще более значительными, чем колебания осенних, и, что особенно важно, эти весенние колебания идут более часто в направлении выше средней, чем ниже ее, при чем в движении цен овса все это проявляется особенно резко. Кроме того, соотношение весенних и осенних цен для отдельных хлебов оказывается также различным: оно для рыночных продуктов (пшеницы и в особенности овса) более значительно, чем для ржи.

Это еще раз доказывает, что реализация урожая населением идет в таких размерах и при таких условиях, что уровень продажных цен для главных рыночных продуктов определяется по преимуществу размерами предложения и вообще мало благоприятен для производителя. Чрезмерные продажи осенью по пониженным ценам ведут за собой, как естественное следствие, обратные покупки весной по ценам, которые иногда сильно возрастают под влиянием этого увеличения внутреннего спроса. Это станет особенно ясным, если сравнить местные весенние и осенние цены с таковыми же рыночными в том же районе; в среднем за рассматриваемый период эти цены были, в коп. за пуд:

	Местные Елецкий у.	Рыночн. г. Елец.	Местные ниже на:
Пшеница:			
весенние	84	87	— 3
осенние	81	85	— 4
Рожь:			
весенние	57	58	— 1
осенние	56	57	— 1
Овес:			
весенние	52	56	— 4
осенние	48	53	— 5

Таким образом, если представить в диаграмме годовой ход местных и рыночных цен, он изобразится сходными ломаными линиями, при чем высший пункт их придется в обоих случаях на весенние месяцы, но линия рыночных цен вообще менее изогнута: рыночные цены вообще менее падают осенью и менее повышаются весной, чем местные цены. По отдельным хлебам (для центральных губерний) наиболее параллелен ход цен ржи и наименее овса, для которого разница осенних местных и рыночных цен достигает наибольшей цифры.

Отсюда можно еще раз подтвердить уже отмеченное выше положение—что ход цен на внутренних рынках и отмечающаяся «независимость» их от международного рынка, т.-е. непараллельность колебания цен мирового и русского рынка, представляются явлением, далеко не столь благоприятным для русского рынка, и не свидетельствуют о его действительной экономической самостоятельности, как это можно было бы думать на первый взгляд. Эта «независимость» происходит, с одной стороны, от характера предложения зерна в наибольших и даже избыточных массах осенью; с другой—от развития внутреннего потребительного спроса со стороны того же производительного населения весной, как результата усиленных и избыточных продаж осенью: первый фактор является для русского зерна понижающим как на внутренних, так и на международном рынке второй же—повышающим. Притом, если осеннее понижение представляет

общее явление не только русского, но и всего европейского и международного хлебного рынка (хотя для последнего не в такой степени, как для русского), то повышательное движение внутренних цен весной большею частью не совпадает с движением цен на международном рынке, так как к этому времени на нем (особенно сильно за последние годы) начинают выступать новые понижающие факторы, влияющие иногда настолько сильно, что весенние цены оказываются не только не выше, но даже ниже осенних цен. Эти факторы—преобладание в весеннюю половину кампании на международном рынке дешевых провенансов стран зимнего урожая—Аргентины, Индии, Австралии, все более успешно конкурирующих с более дорогим хлебом собственного европейского производства.

Это обстоятельство и обуславливает то, так часто наблюдаемое явление, что цены в русских портах стоят часто ниже цен на внутренних русских рынках и что, продавая осенью свой хлеб на международном рынке по ценам ниже внутренних—так как в это время не чувствуется сдерживающего влияния внутреннего спроса, порты лишь к весне начинают вести повышательную кампанию на международном рынке. Понятно, что подобного соотношения портовых весенних и осенних цен не образуется в те годы, когда урожай настолько велик, что и на внутренних рынках весенние цены стоят не выше осенних.

Для выяснения соотношения портовых и внутренних цен и роли их в снабжении, возьмем весенние и осенние цены на внутренних рынках и двух главных портовых рынков: Одессы—для пшеницы и Либавы—для ржи. За последние годы на этих рынках цены были, в коп. за пуд, пшеницы озимой, в четв. 10 пуд. ¹:

Годы.	Осень.			Весна.		
	Одесса.	Елец.	Местн. центр. губ.	Одесса.	Елец.	Местн. центр. губ.
1897	109	101	94	—	—	—
1898	93	100	93	130	105	110
1899	92	87	76	88	92	93
1900	87	78	74	88	83	74
1901	79	89	83	94	80	74
1902	81	75	71	87	91	89
1903	—	—	—	85	79	75

В те же годы за пуд ржи (нат. 120 зол.), в коп. за пуд ²:

Годы.	Осень.			Весна.		
	Либава.	Елец.	Местн. пром. районы.	Либава.	Елец.	Местн. пром. районы.
1897	75	61	65	—	—	—
1898	84	65	77	82	64	77
1899	79	56	65	81	64	81
1900	68	46	60	74	53	69
1901	74	56	62	73	50	67
1902	75	55	74	81	61	80
1903	—	—	—	75	58	80

Весенние цены оказываются везде и почти всегда выше осенних цен предшествующего года. В портовых рынках как понижение цен осенью, так и повышение их весной бывает вообще более значительно для пшеницы, чем для ржи.

¹ Сост. на основании данных Мин. Землед. и «Вестн. Финансов».

² Сост. на основании данных Мин. Землед. и «Вестн. Финансов».

Что же касается внутренних рынков и местных цен, то здесь наибольшее и гораздо более значительное, чем для портовых рынков, весеннее повышение обнаруживает хлеб, составляющий главный предмет продовольствия—именно рожь. Средние цены на разных рынках за тот же период 1897—1903 годов были:

	Осень.	Весна.
Пшеница:		
Одесса.	89	93
Елец	85	86
Местные, центральные губ.	81	84
Рожь:		
Либава	74	78
Елец	56	58
Местные, центральные губ.	56	57
Местные, промышленные губ.	67	76

Для внутренних рынков весеннее повышение цен ржи, благодаря усилению потребительного спроса, значительно превосходит соответственное повышение цен в портах, тогда как весеннее повышение цен пшеницы используется главным образом портами.

Обратно, мотив понижения цен осенью исходит для пшеницы, главным образом, под давлением портов: портовые осенние цены мало выгодны для местных производителей, тогда как уровень осенних цен на рожь в портах оказывается вообще более выгодным. Это, впрочем, как мы только-что указывали, не мешает к весне усилению потребительного спроса на рожь (повышение цен в московском районе с 67 к. до 76 к.) снова изменить такое соотношение в том направлении, что цены внутренних рынков становятся относительно выше портовых.

Этим, в сущности, и определяется характер влияния расценки портовых рынков на цены внутренних рынков. Вследствие массового поступления к портам сначала пшеницы и несколько позже ржи, осенью портовые цены оказывают вообще понижающее влияние на внутренние, при чем особенно интенсивно оно сказывается на ценах пшеницы и менее—на ценах ржи. Весною как для пшеницы, так и для ржи повышательная тенденция внутренних рынков побеждает понижающее влияние портов, благодаря уменьшению поступлений с внутренних рынков при увеличении экспортного спроса. Конечно, полную правильность такого соотношения возможно наблюдать лишь в годы «нормальные», т.-е. в годы средних урожаев и при отсутствии каких-либо необычайных явлений на внутреннем и международном рынке. Годы исключительных недородов или урожаев вносят в годовой ход цен и в соотношение их на различных рынках крупные отклонения, но самый характер этих отклонений лишь подтверждает правильность указанных выше заключений о влиянии экспортных цен на внутренние и, следовательно, о характере значения для нашего хлебного производства внешнего рынка.

Возьмем сначала для примера урожайные годы, когда внутреннее хлебное производство давало действительно крупные избытки и за переполнением внутреннего рынка должно было искать внешнего сбыта. В таких случаях естественно ожидать понижения как внутренних, так и экспортных цен; но это понижение, конечно, не должно бы идти до такой степени, чтобы внутренние цены могли стоять выше экспортных, т.-е. тех цен, по которым продается наш же хлеб на заграничные рынки. Между тем весьма часто отмечается именно такое соотношение цен, даже в тех случаях, когда урожай хлебов в иностранных государствах разве лишь средний и не может производить большого понижающего влияния.

Возьмем для примера 1894 урожайный год; цены на русское зерно стояли в этом году, в копейках за пуд:

	Москва.	Лондон:	
		русское.	местное.
Пшеница, сентябрь	78	72 $\frac{1}{2}$	65 $\frac{1}{2}$
Ячмень, июнь	52	51 $\frac{1}{2}$	—
Пшеница:	Варшава.		
июнь	83	77 $\frac{1}{2}$	83
сентябрь	77	72 $\frac{1}{2}$	65 $\frac{1}{2}$
Ячмень, декабрь	70	55 $\frac{1}{2}$	59 $\frac{1}{2}$

Подобное же ненормальное соотношение цен отмечается и в другом урожайном—1904 году. Возьмем, например, соотношение цен на русские овес и рожь на внутренних рынках и в Берлине, в коп. за пуд ¹.

	Ревель.	Рига.	Варшава.	Берлин.	Антверпен.
Рожь:					
1 полугодие	79	78	77	77	75
июль	83	82	81	80	77
август	81	83	76	80	78
Овес:					
1 полугодие	73	70	82	76	74
июль	80	82	83	85	86
август	72	78	81	86	87
Пшеница:					
1 полугодие	94	98	100	106	100
июль	100	100	106	106	102
август	103	102	106	110	99

Соотношение цен оказывается далеко не всегда в пользу русских рынков. Заграничные отметки часто почти не превышают уровня русских цен, а иногда даже бывают значительно ниже их; и это происходит в год очень высокого урожая в России и ниже среднего в Зап. Европе. Понятно, что в обычные годы это явление может обнаружиться еще более резко. Общие условия русского хлебного предложения на иностранных рынках (его несдержанность, невозможность выжидать укрепления цен, массовый наплыв и поэтому часто необходимость продаж по невыгодным ценам) оказывают в таком соотношении цен решающее и настолько сильное влияние, что оно остается в силе даже в такие годы, когда повидимому могло бы быть парализовано противоположным неблагоприятным положением внутреннего хлебного снабжения. Один из наиболее ярких к тому доказательств дал последний голодный 1906—7 год.

Еще в начале 1906—7 сельскохозяйственного года, т.-е. в июле 1906 г., когда опасения сильнейшего неурожая начали принимать все более определенную форму, на внутренних русских рынках стала сказываться заметная повышательная тенденция. Между тем цены русских портов обнаруживали не повышательную, а скорее понижательную тенденцию, следуя в этом отношении заграничным рынкам. Так, если сравнить ход цен на главных русских и иностранных рынках за июль 1906 г., то увидим такую противоположность в ходе их отметок ²:

	1 июля.	8 июля.	15 июля.	22 июля.	29 июля.
Пшеница:					
Елец, к.	86	88	90	90	90
Одесса, к.	92	93	94	93	91
Ростов-на-Д.	100	101	102	111	112

¹ Материалы по пересмотру тарифов в 1904 г.

² П. Лященко. «Хлебная торговля и хлебное снабжение в 1906 году». В. Ф. 1907, 16.

	1 июля.	8 июля.	15 июля.	22 июля.	28 июля.
Берлин, м.	182	182	182	175	175
Лондон, п.	29/10	29/10	29/9	29/7	29/7
Нью-Йорк, п.	84	83	82	80	79
Рожь:					
Елец	65	68	75	78	78
Киев	63	64	64	66	67
Саратов	77	81	83	83	81
Берлин	157	156	153	153	156

С тех пор, как неурожай значительной части России вполне выяснился, ход цен на внутренних рынках приобрел резко повышательный характер, доведя их до уровня настоящих «голодных» цен. Так, если сравнить цены главных внутренних русских рынков за ряд месяцев 1906—7 года, то получим такую таблицу цен к началу месяца, в коп. за пуд:

В начале:	Пшеница:		Рожь:		
	Елец.	Киев.	Елец.	Саратов.	Рыбинск.
июня	86	86	63	68	78
июля	86	86	65	77 ¹ / ₂	78
августа	90	85 ¹ / ₂	77	83 ¹ / ₂	93
сентября	98	86 ¹ / ₂	78	87 ¹ / ₂	97
октября	98	88 ¹ / ₂	78	86	93
ноября	99	87 ¹ / ₂	79	82 ¹ / ₂	—
декабря	102	90 ¹ / ₂	82	87	—
января	105	94	88	91	—
февраля	115	104	102	105	—

Казалось бы, что такое резко повышательное движение внутренних русских цен должно отразиться таким же повышением и наших экспортных и портовых цен, т.-е. что с повышением внутренних цен Россия возьмет повышательную роль и на иностранных рынках. Оказывается однако, что такого соответствия именно и не было. Если рассматривать, наприм., цены таких представителей внутренних и портовых рынков, как Елец и Одесса, то можно заметить, что уже с первой половины августа эти цены меняются своими местами: более низкие елецкие цены растут и обгоняют одесские, стоявшие прежде более высоко, осенью же пошедшие на убыль. Очевидно, что обычное стремление к возможно быстрой реализации урожая на иностранных рынках и наплыв хлеба к портам сказались здесь в самой полной мере. Хотя высокие внутренние цены в значительной мере сдерживали и парализовали экспорт, а накопляемое в портах зерно часто оставалось без дальнейшего движения на иностранные рынки, однако уже самое это накопление влияло все же понижающим образом на расценку русского хлеба на иностранных рынках, а наше повышение цен учитывалось... Соед. Штатами.

Действительно, если сравнить, наприм., приведенные выше внутренние русские цены с русскими же портовыми и ценами Соед. Штатов, то получим следующую картину. Цены на пшеницу в начале каждого месяца были:

К началу:	Елец. Одесса.		Нью-Йорк, цент. за буш.
	Коп.	за п.	
августа	90	90	77 ³ / ₄
сентября	98	82	78 ⁵ / ₈
октября	98	85	79 ⁷ / ₈
ноября	99	85	81 ⁵ / ₈
декабря	102	86	81 ⁵ / ₈

Повышение цен в Нью-Йорке, несмотря на то, что урожай 1906 г. был для Соед. Штатов рекордным по размерам, идет параллельно росту наших «голодных» внутренних цен, тогда как наши же портовые цены не только не повышаются, а скорее понижаются. Что это понижение было понижением не только портовых цен (что могло бы быть следствием частного явления, наприм.—накопления запасов), а понижением вообще экспортных цен, т.-е. тех цен, по которым русский хлеб продавался за границей, видно из того, что на лондонском рынке азовско-черноморская пшеница понизилась за указанное время, с августа по декабрь, с 28/3 шилл. за квар. до 26/6 шилл. за квар., тогда как американская пшеница за то же время повысилась здесь с 6/2 шилл. за цент. до 6/5 шилл. за цент.

Таким образом, как в годы исключительно высокие по урожаю, так и в годы средние, и, наконец, даже и в годы голодные—мы продаем свой хлеб на заграничные рынки по ценам более низким, чем те, которые стоят на внутренних русских рынках, т.-е. по которым покупает хлеб наше потребительное население и по которым продает наш производитель. Остается рассмотреть, где именно в торговом обмене происходит такое установление невыгодного соотношения цен—на местах ли, у производителя, или уже по выходе товара из рук его, в руках у торговца, в портах.

Портовые цены, конечно, должны быть всегда значительно выше расценок на местах производства, так как включают в себе расходы транспорта. Для выяснения влияния портовых цен на местные необходимо было бы сравнить местные цены с тем остатком, который получится за вычетом из портовых цен расходов по перевозке, т.-е. железнодорожных тарифов, накладных расходов и т. п.; к сожалению, недостаток статистического материала обнаруживается и здесь, заставляя ограничиться лишь общими и приблизительными указаниями.

Возьмем портовые цены в главных русских портах в среднем за 3 осенние месяца и, определив транспортные и накладные расходы по перевозке хлебных грузов от главных станций отправления до портов, вычтем величину этих расходов из портовых цен. Тогда получим для района каждой отдельной станции отправления или в среднем для целой губернии те цены, которые экспортер должен платить, и в среднем платит, покупая хлеб на месте для отправок к портам. Так как экспортный спрос представляется вообще не только не единственным, но по абсолютным размерам даже не первым, имея перед собою в виде конкурентов спрос местного потребителя или мукомола, то средняя местная цена устанавливается в зависимости от совокупности всех этих видов спроса; при этом расценки портов в отдельности могут быть выше или ниже средних местных цен, т.-е. производить повышательное или понижающее влияние. В этих целях мы и сравним, как указано, местные средние цены с остатком от портовых цен за вычетом издержек транспорта. Эти цены были в копейках за пуд¹:

Губернии и хлеба.	Остаток на месте за вычетом тарифа из портовой цены.			Средние местные цены по губерниям.		
	1895.	1900.	1903.	1895.	1900.	1903.
Курская:						
рожь	34	48	53	35	47	51
овес	37	42	44	38	45	46
Орловская:						
рожь	36	43	55	40	49	57
овес	39	43	44	44	46	48

¹ Составлено на основании «Материалов по пересмотру тарифов 1904 года» и данных Министерства Землед. и Гос. Имуществ.

Губернии и хлеба.	Остаток на месте за вычетом тарифа из портовой цены.			Средние местные цены по губерниям.		
	1895.	1900.	1903.	1895.	1900.	1903.
Тульская:						
рожь	34	47	55	36	44	53
овес	37	42	45	44	45	51
Тамбовская:						
рожь	33	45	53	30	43	53
овес	36	41	43	36	43	48
Воронежская:						
рожь	31	44	50	31	46	45
пшеница	61	67	71	58	74	68
овес	34	41	40	35	44	44
Пензенская:						
рожь	31	45	53	27	40	52
овес	33	38	43	31	39	49
Саратовская:						
рожь	32	44	52	27	41	48
пшеница	56	65	71	51	68	62
овес	32	40	44	37	41	50
Обл. Войска Донского:						
рожь	35	47	52	36	51	51
пшеница	66	71	76	65	76	72
ячмень	34	49	44	33	48	45
Екатеринославская:						
рожь	44	58	56	41	49	52
пшеница	70	76	76	69	74	79
ячмень	37	51	43	37	52	44
Херсонская:						
рожь	44	57	56	46	62	52
пшеница	72	78	76	73	81	74
ячмень	39	53	45	44	57	47
Полтавская рожь:						
сев. порты	35	48	54	35	48	48
южн. порты	41	55	53	35	48	48
пшен. южн. портов	67	73	73	66	72	69
Харьковская:						
рожь	33	46	51	36	50	49
пшеница	65	73	74	64	98	71
овес	33	45	45	37	46	48

Из сравнения местных цен с соответствующими размерами портового остатка на станциях отправления видно, что портовые расценки стоят большею частью выше местных цен, т. е. имеют по отношению к местным ценам повышательное значение для хлебов, которые осенью сбываются на внутренних рынках сравнительно сдержанно (пшеница, особенно рожь), тогда как для тех хлебов, которые сбываются осенью в особенно больших массах, портовые осенние цены дают большею частью понижающие директивы (овес, частью пшеница).

Другими словами, производитель осенью принужден отдавать свой продукт тем ниже его рыночной стоимости, чем более усиленное и массовое предложение сбывает внутренние цены. При том нужно заметить, что так называемый «внутренний экспортер» предпочитает, как известно, зерно низшего качества, более засоренное сравнительно с тем, которое требуется для внутреннего потребителя, мукомола, не останавливаясь перед самым низким

и самым дешевым зерном. Таким образом, местные цены своей вынужденной понижающей тенденцией идут навстречу понижающему же стремлению внутреннего экспортера, производя с двух сторон понижающее давление на рынок. Лишь в годы исключительные (местные недороды, усиленный экспортный спрос) такой «*entente cordiale*» экспортера и производителя может нарушаться и изменяться в пользу того или другого, но все же приведенные сравнения вполне подтверждают сделанные выше выводы о неблагоприятном влиянии усиленного осеннего предложения на соотношение местных и портовых цен, в особенности по отношению к тем продуктам, которые являются осенью главным предметом массового и общего сбыта.

По массовому характеру, интенсивности и одновременности поступлений на рынок на первом месте, в особенности для некоторых из рассматриваемых губерний, должен быть поставлен овес, который осенью сбывается крестьянами в больших количествах без выжидания цен. Несколько менее интенсивное и обильное предложение со стороны крестьянских хозяйств идет осенью для ржи, которая зато часто в очень крупных партиях идет из помещичьих хозяйств; но, с другой стороны, и спрос на рожь осенью со стороны внутреннего крупного потребителя, мукомола и винокура очень интенсивный, при чем, направляясь на лучшие сорта и партии, он является несколько повышающим фактором. Наконец, пшеница, обыкновенно находящаяся в более крепких руках, предлагается менее интенсивно, более соотносясь с ценами и находя в то же время хороший внутренний мукомольный спрос; впрочем, со стороны крестьянских хозяйств и пшеница сбывается осенью в очень крупных количествах. Поэтому наиболее сильно понижающее влияние таких неблагоприятных условий осеннего предложения должно сказываться на продуктах массового производства и сбыта—овса, ячменя, пшеницы—и менее для ржи.

Действительно, из приведенной таблицы видно, что, наприм., для овса, сбываемого осенью в больших массах именно к портам всех центральных губерний (Курская, Орловская, Тульская, Тамбовская, Саратовская), а также для ячменя, идущего осенью исключительно на экспорт из южных губерний (Екатеринославская, Херсонская, Донская обл.), портовые расценки стоят всегда ниже местных цен, т.-е. экспортер (конечно, не покупающий себе в убыток) платит за зерно на местных рынках вообще более низкие цены, чем те, которые в среднем устанавливаются на этих рынках под воздействием всей совокупности не только понижающих, но и повышающих влияний¹.

Совершенно обратным представляется соотношение местных и портовых осенних цен для ржи. Так как осенью рожь поступает на рынок вообще медленнее и в меньших количествах, чем овес (из центральных губ.) и ячмень (из южных), то такого избыточного предложения в порты этого хлеба, как овса и ячменя, не бывает; наоборот, осенью рожь идет больше на внутренние рынки, и потому некоторое переполнение чувствуется скорее здесь. Поэтому для ржи понижающая тенденция местных цен, несмотря на более благоприятные портовые отметки, сказывается наиболее резко: во всех губерниях с преобладающим производством и экспортом ржи (Тульской, Курской, Там-

¹ Как мы указывали, местные цены, данные по сведениям Министерства Земледелия, относятся главным образом к ценам помещичьих хлебов. Сравнение их с портовыми для тех хлебов, которые и на экспорт идут в значительной мере из помещичьего хозяйства (пшеница, частью рожь), представляется поэтому более правильным, чем для овса, который в больших массах идет на экспорт от крестьян, а известно, насколько сильно разнятся по цене крестьянские хлеба от помещичьих, благодаря худшему качеству зерна. Поэтому сравнение в предыдущей таблице местных цен на овес с портовым остатком грешит в том направлении, что портовые цены выведены по преимуществу на ценах крестьянского овса, местные же по преимуществу на ценах помещичьего овса. И если принять во внимание всю эту громадную разницу в качестве продаваемого помещичьим и крестьянским хозяйством зерна и особенно неблагоприятные для крестьянского хозяйства условия реализации, то нужно прийти к заключению, что для овса влияние осенних цен еще более понижающее.

богской, Пензенской, Полтавской, Воронежской, Самарской, Саратовской, Екатеринославской губ. и Донской обл.) продажные местные осенью цены оказываются много ниже портового остатка; порты оказывают даже несколько повышательное влияние, но, несмотря на это, местные цены под давлением предложения стремятся к понижению. Поэтому-то, как мы видели выше, местные цены, наприм., елецкого района осенью уравниваются с ценами Гльца, как потребительного и рыночного пункта (56 коп.), понижают цены вн. тренного московского рынка до 67 к., против весенних 76 к. В общем, то же явление отмечается и для пшеницы, осенние цены которой в главнейшем районе производства (Екатеринославская, Подольская, Харьковская, Херсонская, Донская обл., Воронежская, Саратовская губ.) также не следуют портовым, но, наоборот, являются понижательными.

Таким образом, если осеннее понижение цен представляется вообще «естественным», т.-е. свойственным всей вообще мировой хлебной торговле, то в условиях русского земледельческого хозяйства оно является и особенно сильным, и особенно вредным. Завися главным образом от тех неблагоприятных условий реализации урожая, в которых находится русский производитель, в особенности, массовый производитель-крестьянин, это понижение особенно резко и неблагоприятно сказывается на крестьянском хозяйстве и на предметах преимущественного его сбыта, производя в то же время неблагоприятное понижательное давление и на более сильные хозяйства; в результате хлеб продается осенью на международном рынке или в крепкие руки посредников ниже его рыночной цены и даже, может быть, ниже его действительной стоимости производства, хотя бы тому же производителю пришлось зимой голодать, а весной покупать то же зерно по более высоким ценам.

Итак, резюмируем теперь вкратце те выводы, которые позволяют сделать имевшиеся в нашем распоряжении статистические материалы относительно условий и значения хлебного рынка и хлеботоргового обмена для всего вообще народного хозяйства.

С тех пор, как железные дороги впервые соединили производительные губернии сначала центра, а затем и востока с портовыми и внутренними рынками, условия существования преобладавшего до того времени в земледельческом населении натурального хозяйства значительно изменились под напором новых условий денежного хозяйства. Вместе с тем, в совершенно иные отношения к рынку встало и земледельческое зерновое хозяйство страны. Эти отношения могут быть характеризованы, с одной стороны, как все большая зависимость зернового хозяйства от характера и условий рынка, и с другой—как расширение значения внутреннего рынка, внутреннего потребительного спроса и вытеснение им преобладавшего прежде влияния экспортного спроса.

Действительно, железные дороги, соединившие прежде всего производительный центр с портами и давшие не только выход на рынок старым запасам, но и толчок к развитию торгового зернового хозяйства в районах с прежним преобладанием натурального строя, могли первоначально двинуть на рынок только тот хлеб, который являлся главным в народном производстве и на избытки которого можно было более всего рассчитывать. Это и была преимущественно крестьянская рожь, двинувшаяся из центра по железным дорогам в подавляющем количестве как на внутренний, так и на внешний рынок. Это и позволило заключить, что «наши железные дороги питаются главным образом крестьянской рожью» (Чупров). Действительно, мы видели, что в 70-х годах рожь являлась преобладающим продуктом в железнодорожных перевозках. Однако, последующие общие перемены в народном хозяйстве, развитие денежно-торговых отношений с их наиболее могу-

чим орудием—железными дорогами, охватившими всю страну до самых отдаленных восточных окраин, пересоздали характер зернового производства и хлебного рынка, внося крупные перемены во взаимные соотношения как отдельных районов страны, так и производителей и потребителей вообще.

С одной стороны, все более возрастающее значение хлебного рынка с его требованием, главным образом, пшеничных продуктов, с другой—естественные преимущества пшеничных, хотя бы более отдаленных районов, явились причиной того, что в торговом движении и в обмене все большее значение начинают получать именно пшеничные продукты. Уже в 90-х годах завоевание рынка пшеницей оттесняет торговое движение ржи на второе место, а в девятисотых годах даже рост торгового движения овса обгоняет рожь, оттесняя ее на третье место. Рожь вытесняется частью и из производства, но еще более теряет свое прежнее торговое значение, становясь хлебом по преимуществу собственного потребления массового производителя-крестьянина, каковой она и была по существу с самого начала; как рыночный продукт со стороны этого производителя, она поступает теперь уже в значительно меньшей степени: таким является овес. Пшеница же, представляясь вообще преобладающим по размерам рыночным продуктом, отличается по своему положению на рынке лишь в том отношении, что, благодаря некоторым экономическим условиям отдельных, возделывающих ее хозяйств и целых районов с преобладанием ее культуры, хотя и производится специально в целях продажи, но находится вообще в более «крепких руках». Это обстоятельство и влияет на характер хлебного снабжения и поступлений на рынок тех и других хлебов.

Так, вследствие этой причины наибольшая часть всего народного производства поступает на рынок именно пшеницы: ее рыночные обороты обнимают вообще от половины до трех четвертей всего производства страны. Несколько меньше отношение поступающего на рынок количества ко всему производству для овса, и совсем ничтожно оно для ржи.

Вместе с тем различное положение в производстве и в обмене пшеницы, ржи и овса вносит разницу и в годовой ход снабжения этими хлебами. Пшеница, как хлеб торговый по преимуществу, возделываемый в хозяйствах и районах более высокого экономического благосостояния, хотя и поступает на рынок вообще прежде других хлебов, но до самого конца сельскохозяйственного года оставляет в стране сравнительно гораздо большие запасы в руках у производителей. Поэтому же и торговое движение ее, поскольку оно выражается в железнодорожных и водных перевозках, не так тесно связано со своим размером с урожаем текущего года, имея возможность несколько увеличиваться и при плохом урожае, за счет старых запасов. Совершенно иной вид представляет торговое движение ржи и овса. Овес, как хлеб торговый, но сбывающийся преимущественно массовым и наименее состоятельным производителем-крестьянином, в течение годового периода почти весь исчезает и из потребления и с внутреннего рынка: запасы овса, так же как другого торгового хлеба—ячменя, к концу года, как мы видели, достигают минимальных, по отношению к общим размерам производства, цифр. Поэтому же и размеры годового торгового движения, в его отражении—железнодорожных перевозках, оказываются вполне параллельными размерам текущего урожая, так как находятся в полной от этого урожая зависимости.

В связи с условиями реализации урожая и одновременным наплывом хлебов на рынок осенью, когда внутренний рынок не может вместить всю массу предлагаемого хлеба, весь хлебный рынок и все условия хлебного снабжения в осеннюю половину кампании попадают в тесную и прямую зависимость от внешнего экспортного рынка, и к удовлетворению именно этого экспортного рынка направляются ежегодно первые шаги вступающего в тор-

говый оборот хлеба. В зависимости, однако, от разного внутреннего продовольственного значения хлебов, и здесь для отдельных хлебов отмечается значительная разница. Раньше всего и быстрее всего на внешний рынок начинает поступать пшеница, а также ячмень: их запасы в портовых рынках начинают быстро расти немедленно за снятием урожая; однако, вместе с тем они и первые начинают убывать—международный торговый хлеб спешит занять место на международном рынке, быстро покидая свои отечественные порты. Поступление овса и особенно ржи на портовые рынки происходит уже гораздо позже, причем и убыль их идет несколько медленнее. Лишь после удовлетворения внешнего спроса начинается прилив хлеба к внутренним рынкам, причем особенно значительная разница в скорости поступлений отмечается именно для пшеницы. Весь ход снабжения даже и внутренних рынков зависит, таким образом, от удовлетворения внешнего экспортного рынка, несмотря на то, что по своим абсолютным размерам он значительно меньше первого.

Эта характерная черта в условиях хлебного снабжения—невозможность для внутреннего рынка вместить все количество предлагаемого осенью на продажу зерна—является причиной другого, весьма важного явления: местные цены в производительных районах устанавливаются в значительной мере не как равнодействующая спроса и предложения, а часто в зависимости от одного, всегда избыточного предложения. Поэтому-то местные цены производительных районов и отличаются такой неустойчивостью, такими громадными колебаниями, которых не знают потребительные районы; в случаях хорошего урожая цены в производительных районах всегда склонны падать гораздо ниже общего, среднего положения, в случаях же плохого урожая они имеют тенденцию повышаться до чрезмерно высокого уровня; это повышение доходит часто до того, что местные цены, т.-е. цены на местах производства, оказываются выше цен на крупных потребительных рынках.

В общем то же явление, хотя и в меньшей степени, и по тем же причинам наблюдается в колебаниях и в соотношении весенних и осенних цен. Завися осенью исключительно от предложения, местные осенние цены оказываются наименее устойчивыми, в урожайные годы вообще особенно усиленно стремясь к понижению; разница между местными осенними и рыночными осенними ценами в годы хорошего урожая бывает наивысшая. К осени, наоборот, местные цены, благодаря увеличению местного потребительного спроса, обнаруживают такую сильную тенденцию к возрастанию, что часто даже в благоприятные годы догоняют рыночные цены. Таким образом, разница между осенними и весенними местными ценами получается, вообще говоря, очень значительная, гораздо больше, чем разница между осенними и весенними ценами на потребительных рынках, и притом наивысшая в годы плохих урожаев в особенности для того хлеба, условия сбыта которого местным населением поставлены в наименее благоприятные условия, наприм. в центральных губерниях для овса.

Такой ход цен в производительных районах, в особенности в связи с конкуренцией восточных и южных районов с центральными из-за дешевизны поставляемого ими на рынок зерна, влечет за собой новое, весьма важное следствие, клонящееся, благодаря общему падению цен, к выгоде потребительных районов и к невыгоде производительных: цены потребительных районов падают вообще еще больше, чем в производительных. Население потребительных районов, прикупающее хлеб, заинтересовано скорее в низких, чем в высоких ценах; поэтому выгода от указанного понижительного изменения цен для потребительных районов оказывается, вообще говоря, несколько больше, чем соответствующие потери районов производительных.

Не более выгодно для местных осенних цен и соотношение их с портовыми. Вследствие общего неблагоприятного экономического положения сельского населения и массового избыточного предложения, экспорт и экспортные цены вовсе не получают того повышательного значения для внутренних цен, как это можно бы думать. Усиленное предложение осенью настолько понижает уровень местных цен, что они оказываются почти всегда ниже того «портового остатка», т.-е. тех нормальных цен, какие должны был бы платить производителю внутренний экспортер; менее всего неблагоприятно это проявляется на ценах ржи, как хлеба, менее других зависящего от условий сбыта. Таково положение цен осенью; только весной начинает часто отмечаться так называемая «независимость внутренних цен», т.-е. настолько высокие требования внутренних рынков, вследствие усиления потребительного спроса, что повышательное движение их оказывается часто совершенно противоположным понижательной тенденции международного хлебного рынка, находящегося в то время под влиянием иных, большею частью понижательных факторов. Но это повышательное движение внутренних рынков бывает уже запоздалым: остатки зерна внутри страны уже давно запроданы к портам (такова, как известно, зимняя посредническая деятельность Рыбинска между всем восточным и северо-восточным заготовочным районом и экспортными рынками—С.-Петербургом, Виндавой и др.); последние партии его из далеких заготовочных районов весной начинают усиленно поступать к портам. Поэтому вывоз русского хлеба усиленно продолжается и в весеннюю половину кампании: русский крестьянин, голодая сам и платя высокие цены за свой распроданный осенью хлеб, все же кормит дешевым хлебом Европу—или, по крайней мере, европейских и русских спекулянтов.

Итак, необходимость вынужденных и избыточных продаж, хотя бы ценною собственного голодания, продаж вопреки всяким рациональным хозяйственным расчетам и только ради доставления торговой прибыли торговому капиталу, хлебному скупщику—вот что характеризует отношение русского земледельческого крестьянского производства к рынку. Другими словами, для него являются характерными именно те явления, которые характеризуют так называемую «систему производства на скупщика».

Неорганизованность нашей торговли, нашего хлебного сбыта, на которую любят ссылаться, является лишь следствием противоречий самого хозяйственного строя. Неблагоприятные условия сбыта зависят от неблагоприятных условий хозяйственного склада, именно от того, что наше некапиталистически организованное земледельческое—в преобладающей массе крестьянское—производство встретилось с капиталистически организованным хлебным рынком. След., все противоречия и неблагоприятные явления нашего крестьянского земледельческого хозяйства суть не что иное, как противоречия, свойственные вообще той стадии хозяйственного строя, которая характеризуется в обрабатывающей промышленности, как система «домашней промышленности» с ее подчинением торговому капиталу, с ее производством на скупщика. Эти противоречия, след., суть не что иное, как противоречия системы хозяйства, переходной от некапиталистической к капиталистической.

Впрочем, до сих пор, вследствие ограниченности и характера цифровых данных, мы могли только в общих чертах рассмотреть эти соотношения некапиталистического производства и капиталистически организованного рынка. Уже и здесь наметились некоторые факты, свидетельствующие о такой эволюции в условиях производства, при которой производство известной части земледельческих хозяйств делается все более капиталистически организованным, тогда как другая, наиболее численная часть крестьянских хозяйств сохраняет попрежнему некапиталистический характер производства, зато всецело подчиняясь капиталу и завися от него в области обмена.

Квалификация крестьянского земледельческого хозяйства, как производства на скупщика, представляется тем более важной, что очень часто крестьянское хозяйство считается не только антитезой капиталистического, но и могущим самостоятельно эволюционировать, прогрессировать и перейти в высшие социальные формы. Между тем, если принять, что крестьянское хозяйство в общей массе своей — за исключением с одной стороны ремесленно-, с другой стороны капиталистически-организованных отдельных хозяйств — представляет именно «систему производства на скупщика», то необходимо заключить, что никакого другого пути для дальнейшего прогресса земледельческого народного хозяйства и для разрешения отмечающегося в нем противоречия между капиталом и трудом, кроме общего пути развития хозяйства в сторону его капитализации, и здесь не имеется.

Мы знаем, что «система производства на скупщика» эволюционировать может только в одну сторону: в сторону дальнейшей капитализации производства и в сторону полного лишения самостоятельности полу-самостоятельного производителя. Моментом, наиболее неблагоприятным для всего вообще народного хозяйства, здесь является то, что торговый капитал, эксплуатирующий производителя в процессе обмена и пользующийся торговой прибылью, мало заинтересован в развитии производительных сил хозяйства, почему переход этой системы к более прогрессивным происходит и очень медленно, и часто очень болезненно. Зависимость труда этого полухозяина от торгового капитала, зависимость всего некапиталистического производства от капиталистически-организованного обмена проявляется здесь в полной силе и должна приводить именно к тем неблагоприятным для всего народного хозяйства условиям, которые мы только-что отметили. В частности же для самого крестьянского хозяйства неблагоприятное положение его на рынке и зависимость его от торгового капитала должны вызывать особенно тяжелые последствия.

ГЛАВА X.

Крестьянское хозяйство и хлебный рынок.

Земские данные о соотношении крестьянского производства и потребления. — Покупки и продажи хлеба в крестьянских хозяйствах. — Размеры внутреннего рынка и его элементы. — Характер изменений в народном потреблении. — Увеличение вывозного потребления. — Отсутствию увеличения местного потребления.

I.

До сих пор мы рассматривали происходящие на рынке явления независимо от характера участвующих в обмене элементов. Очевидно, что положение на нем, например, капиталистического и некапиталистического хозяйства будет совершенно различно, а сталкивающиеся интересы часто даже противоположны. Для того, чтобы разграничить их, необходимо ближе рассмотреть положение на рынке каждого из них. В этом отношении на первое место не только по размерам своего влияния на рынок, но и по характерным чертам его, должно быть поставлено крестьянское хозяйство, являющееся в преобладающей массе своей типичной организацией «производства на скупщика».

К сожалению, как ни важно такое выяснение отношений крестьянского хозяйства к рынку и обратного влияния рынка на крестьянское хозяйство, каких-либо общих, исчерпывающих статистических данных здесь не имеется. Все, что можно дать здесь — это ряд описательных иллюстраций из богатой

и в этом отношении земской литературы, хотя, конечно, уже несколько устаревшей по этому живому вопросу. Проследив имеющийся материал в самых разнообразных по естественным, экономическим и общественным условиям местностях, можно убедиться, что характер отношений крестьянского хозяйства и рынка везде более или менее тождественен. Общие для всех районов и местностей причины и условия сбыта крестьянских продуктов на рынке позволят сделать и общие заключения о всем вообще отношении крестьянского хозяйства к рынку.

Обратимся к этому рассмотрению земской статистической литературы, выясняющей условия и отношения крестьянского хозяйства и рынка.

Возьмем сначала типичные крестьянские центрально-черноземные губернии. В Орловском уезде¹, несмотря на то, что производимого в крестьянском хозяйстве хлеба безусловно не может хватить на собственное продовольствие, на рынок поступает масса крестьянского хлеба. Общий продовольственный дефицит по уезду исчисляется в 326 тыс. пуд. ржи, заменяющейся в народном продовольствии постепенно все более дешевыми хлебами—картофелем, овсом, ячменем. Из общего числа крестьянских дворов, 84,6% имеют дефицит для собственного продовольствия и лишь 15,4% обладают действительными избытками. Казалось бы, что только эти 15% и могли бы выступать в качестве продавцов на рынке. «В действительности однако,—говорит составитель сборника,—число продающих и покупающих значительно больше, так как к продаже прибегают крестьяне, вовсе не имеющие избытка продовольственных средств... Потребность в деньгах сильно оказывает свое влияние на продажу сельско-хозяйственных продуктов... Записи местного исследования, относящиеся до продаж пищевых продуктов... почти всегда сопровождаются записями о следующей затем покупке их. Хлеб побывает сначала в городе и затем уже возвращается в деревню. Крестьянин, который сvez осенью свой хлеб в город, весной вновь покупает его, принимая на себя все накладные расходы и уплачивая разницу между осенними и весенними ценами»². А эта разница весенних и осенних цен достигает 24,6 коп. на пуд ржи и 39,4 коп. на пуд овса. Благодаря этим же избыточным продажам получается и то ненормальное явление, что уездные цены стоят выше городских, в особенности в годы неурожайные, когда деревня получает хлеб из города.

Те же явления наблюдаются и в других уездах Орловской губернии. Так, в Мценском у.³ только крестьяне бывшие государственные и полные собственники имеют хлеба в достаточном количестве 20—22 пуда на душу, остальные же разряды крестьян—меньше 15 пуд.; у большинства крестьян всегда недостает хлеба для продовольствия. В Болховском у.⁴ встречаются сплошь и рядом общины, которые должны покупать хлеб на полное продовольствие; в некоторых селах все крестьяне покупают хлеб из года в год на свое продовольствие, 6—7 дворам хватает до масленицы, до Рождества только 20%, большинство же покупает с 15 ноября. И, несмотря на это, все крестьяне—и лошадные, и безлошадные, и бедные, и богатые—продают хлеб в более или менее значительных количествах. В Кромском у.⁵ всего лишь 13,4% дворов обладают избытками хлеба на продажу и 62,4% имеют всего от 5 до 13 пуд. ржи на едока в год, а между тем в продажу идет хлеб почти из всех хозяйств. Поэтому и здесь везде наблюдается обычное несоответствие весенних и осенних цен, доходящее до особенной интен-

¹ Сборник стат. сведений по Орловской губ., т. VIII. Орел, 1895 г.

² Ibid., стр. 178 и след.

³ Сборник стат. сведений по Орловской губ., т. I. Мценский у. Ор. 1886.

⁴ Сборник стат. сведений по Орловской губ., т. VI. Болховской у. Ор. 1892.

⁵ Материалы по оценке земель Орловской губ., Кромской у. В. III. Ор. 1902.

сивности в годы неурожая; и притом для овса, продукта, который поступает на рынок со стороны крестьян в наиболее значительных количествах, это несоответствие особенно сильно—до 165—172%¹.

В соседней Тульской губ., в Тульском у.², хлеба в крестьянских хозяйствах не хватает для продовольствия даже в самых плодородных частях уезда; на 1 душу приходится всего 1,3 четв. ржи в год и столько же овса. При исследовании 7 волостей уезда крестьяне дали показания, что своего хлеба на весь год хватает только у 38,7% всех хозяев, у 24,3%—всего на 2—6 месяцев; безнадельные и сдающие наделы питаются исключительно покупным хлебом, а в исследованных 7 волостях таковых было 7,9% дворов.

В Рязанской губ., вывозящей за свои пределы значительные количества зерна, в крестьянском хозяйстве хлеба, получаемого со всей надельной и арендуемой земли, не хватает для продовольствия 950 т. четв. в год; несмотря на это, осенью в мало-мальски урожайные годы продают хлеб все крестьяне; зато в неурожайные годы уже с августа месяца до 1/4 всех дворов питается покупным хлебом, а в феврале уже 3/4³. Другое специальное обследование по тому же вопросу пяти волостей Михайловского уезда, Рязанской губернии, произведенное по случаю неурожая в 1897 и 1898 гг.⁴, показало, насколько неустойчиво крестьянское земледельческое хозяйство даже в смысле только удовлетворения продовольственных нужд населения: при первом же неурожее, не имея совершенно запасов от прежних лет, оно должно доходить до крайнего напряжения сил в поисках средств для удовлетворения своих потребительных нужд. Так, в 1897 году уже с августа месяца 16,1% хозяйств стали продовольствоваться чужим хлебом; в сентябре таких хозяйств было уже более четверти—25,1%, в декабре уже более половины—57,3%, а своим хлебом до нового урожая прокормилось лишь 13,8%. Но и эти сухие, голые цифры приподнимают только очень скромный угол завесы того, что разыгрывается в деревне перед страшным призраком голода и полного разорения хозяйства. 23% всех домохозяев продали скот, употребив вырученные деньги на нужды продовольствия, лишившись 35,3% принадлежащего им скота; «вслед за скотом взялись за постройки»: до 33,6% в среднем, а в иных селениях почти половина—46,4% строений было раскрыто для прокормления скота соломой; 3% всех построек было совершенно разрушено на отопление. Но и здесь, конечно, как и всегда, бедствие одних было выгодным для других: если одна половина продавала свой скот, то другая покупала его, увеличив количество скота у себя на 8,3%. «Вот местность,—заключает исследование,—не особенная, а самая заурядная, обыкновенная, пролетариат в которой уже готов. Он охватывает почти половину крестьянского населения, и целая четверть готова кроме того попасть в такое положение при первом удобном случае».

В земских исследованиях Воронежской губернии, которой, как известно, принадлежат лучшие бюджетные исследования, находим обширный материал по вопросу о характере и размерах хлебных продаж и покупок в крестьянском хозяйстве. По Острогжскому, наприм., уезду⁵ в среднем 58,1% хозяйств не обходились своим хлебом и прибегали к покупкам, при чем потреблено было покупного хлеба 16% всего потребленного хлеба. Конечно, недовольства хлеба довольно неровномерна в хозяйствах различного благосо-

¹ Сельско-хозяйственный обзор за десятилетие 1886—1895 гг. Оп. 1899.

² Борисов. Статистико-экономическое исследование 7 волостей Тульского уезда. Тула 1881.

³ Сборник стат. сведений по Рязанской губ., т. XI. Ряз. 1898.

⁴ Результаты обследования эконом. состояния 5 волостей Михайловского у., Рязанской губ., пострадавших от неурожая в 1897 и 1898 гг. Рязань 1899 г.

⁵ Сборник статист. сведений по Воронежской губернии. Т. II. Острогжский у. В. I—II, Вор. 1885.

стояния и, чем выше обеспеченность хозяйства скотом, землей и пр., тем меньше приходится прибегать к покупкам хлеба. Так, процент покупающих хлеб хозяйств и размеры покупок были в различных группах хозяйств:

Безземельные	63 ⁰ / ₁₀₀	хозяйств	по 6,7 пуд. на 1 душу об. п.				
Имеющие 1—5 дес.	64 ⁰ / ₁₀₀	»	» 3,5 »	»	»	»	»
» 5—15 дес.	61 ⁰ / ₁₀₀	»	» 2,9 »	»	»	»	»
» 15—25 дес.	48 ⁰ / ₁₀₀	»	» 1,7 »	»	»	»	»
» свыше 25 дес.	36 ⁰ / ₁₀₀	»	» 1,1 »	»	»	»	»

В среднем, по уезду и по всем группам на хозяйство покупного хлеба приходится 18 пуд. В Земляном у. ¹ недостаток хлеба у населения еще более значителен и доходит в среднем на хозяйство до 35 пуд., при чем из имеющих на двор до 15 дес. земли покупают хлеб более половины всех хозяйств, из имеющих свыше 25 дес.—20⁰/₁₀₀. В Задонском у. ² 40⁰/₁₀₀ безлошадных существуют весь год покупным хлебом. Таким образом, крестьянство даже такой губернии, как Воронежская, представляет громадный потребительный рынок, так как, например, среди даже хорошо обеспеченных земель хозяйств, в 15—25 дес. земли, почти половина их один-два месяца живет покупным хлебом, только благодаря избыточным продажам осенью.

Возьмем другую губернию, Калужскую; здесь даже в высокоурожайные годы, как, наприм., в 1901 году, по вычислениям земского обследования ³ у крестьянского населения не хватает на собственное продовольствие до 77 тыс. пуд. хлеба, т.-е. около $\frac{1}{2}$ всей продовольственной потребности покрывается собственным хлебом.

В то же время и продажи хлеба осенью весьма обычны в крестьянских хозяйствах, хотя бы ценой собственного недоедания: именно, благодаря этому у 50⁰/₁₀₀ крестьян бюджетное исследование нашло питание настолько значительно пониженным против норм, что, продав свой хлеб осенью, летом, в тяжелое время работ, приходится питаться «квасом с луком и тюрей из воды, льняного семени и муки» ⁴. Понятно, какой громадный потребительный рынок может представить из себя крестьянство Калужской губ. и насколько уменьшились бы вынужденные осенние продажи крестьянами хлеба при более благоприятных условиях, когда земледельческое хозяйство являлось бы действительно правильно и выгодно постановленным промыслом, а не приносило бы, как теперь, «значительный убыток, не обеспечивая самых необходимых средств существования для уплаты повинностей, лежащих на земле».

От центральных губерний перейдем к молодым и богатым губерниям востока и юга.

В Самарской губернии ⁵ в 1899 году, несмотря на то, что урожай в этом году был, в общем, выше среднего и много лучше предшествовавших лет, не хватало хлеба до начала полевых работ, по сообщению корреспондентов управы, в 62,3⁰/₁₀₀ всех показаний, а в некоторых значительно чаще: например, в Николаевском—в 86⁰/₁₀₀ случаев, в Бузулукском—94⁰/₁₀₀. Недостаток продовольственных средств во многих местах стал ощущаться уже с осени—в Бузулукском 11,7⁰/₁₀₀, в Новоузенском 9,4⁰/₁₀₀, и в значительной части населения почти вслед за сбором урожая приходилось прибегать для своих потребительных нужд к займу (около 25⁰/₁₀₀ всех показаний), к покупке (32⁰/₁₀₀ показаний), отработкам (до 28⁰/₁₀₀). Понятно, что на такой почве для одной части населения создаются в высшей степени выгодные условия для помещения своего хлеба, безразлично, происходит ли оно в виде займа, отработок или прямо продажи хлеба нуждающимся по повышенным, ко-

¹ Сборник стат. свед., т. III. Землянский у. В. 1886.

² Сборник стат. свед., т. IV. Задонский у. В. 1888.

³ Статист. обзор Калужской губ. за 1901 год. Кал. 1902.

⁴ Стат. описание Калужской губ. т. I. Кал. 1898, стр. 666 и след.

⁵ Сельско-хозяйственный обзор Самарской губ. за 1899—1900 гг. Сам. 1902.

нечно, ценам. А таких оказывается и в обычные годы достаточно: только 38,6% всех дворов имеют избытки, остальным же 61,4% приходится всегда балансировать между продажей того, что необходимо себе, вновь покупкой того же хлеба, отработкой его или тяжелым займом. Такого положение в относительно многоземельной и невыпаханной еще губернии, поставляющей в то же время громадные количества своих хлебных «избытков» на вывоз.

В Уфимской губернии ¹ в 1902 году, с урожаем несколько ниже среднего, следовавшем за неурожайным 1901 годом, 58% всех дворов оказалось недостаточно обеспеченными хлебом, тогда как у остальных 42% имелись избытки на продажу. Это отношение является, конечно, очень непостоянным по своим размерам, но в общем сохраняется всегда; так, в 1899 году, лучше по урожаю за последние 5 лет, не хватало хлеба на продовольствие у 34% всего сельского населения, в 1901 же году этот процент возвысился до 73. В некоторых уездах, например в Мензелинском, даже в 1902 году 95% дворов продовольствовалось покупным хлебом. Недостаток хлеба для полного продовольствия у недостаточной части населения исчисляется земством до 7,7 мил. пудов, у ненуждающейся же части населения избыток исчисляется в 11,6 мил. пуд.; за покрытием потребления неземледельческой части населения, на что потребно около 1,4 мил. пуд., крестьянское хозяйство может доставить на рынок до 2,5 мил. пуд. зерна. Если предположить, что весь владельческий урожай, около 4 мил. пуд., идет также на рынок, то общее количество зерна, вывозимого губернией на внешний рынок, определится всего в 6,5 мил. пуд., тогда как в действительности торговый оборот зерном в губернии исчисляется до 14,2 мил. пуд., т.-е. видимые продажи составляют лишь менее половины происходящих в действительности.

В Кунгурском у. Пермской губ. ² собственное производство дает на душу только 13 пуд. ржи и 4,7 пуд. остальных хлебов, и населению, конечно, приходится прикупать хлеб. В общем по уезду продается на рынок до 296 т. пуд., внутренний же, преимущественно крестьянский, спрос достигает 729 т. пуд., в среднем до 3,6 пуд. на душу. Насколько малую роль в крестьянских бюджетах играет земледелие и доход от продажи хлеба и, наоборот, какой крупный внутренний рынок для хлеба местных состоятельных хозяев и владельцев представляет потребительный спрос недостаточных крестьян, видно, например, из того, что денежные доходы от продажи хлеба и расходы на покупку его составляют в крестьянских хозяйствах:

	Денежные прих.:	Денежные расх.:
в богатых хозяйствах	36,3 руб. = 90%	264 руб. = 10,6%
в средних »	5,9 „ = 40%	168 „ = 16,6%
в бедных »	1,5 „ = 20%	150 „ = 21%

В других уездах Пермской губ., наприм. в Екатеринбургском, судя по размерам наделения землей, до 77,1% населения (имеющих менее 5 дес.) прикупает хлеб, лишь 8,1% (имеющих 5 дес.) может обходиться своим хлебом, и лишь 4,8% (свыше 5 дес. посева) могут продавать хлеб ³. То же самое отмечается и для Чердынского у., где переписью было зарегистрировано лишь около 13% продающих хлеб и более 40% прикупающих ⁴.

В Слободском уезде Вятской губ. крестьяне осенью «сбывают свой хлеб мелким скупщикам, которые не двигают дальше своих запасов, а ограничиваются хранением их до весны... запроданный осенью хлеб снова покупают у скупщиков по возвышенным ценам. Таким образом, хлебная торговля

¹ Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губ. за 1902 г. Уфа 1903.

² Материалы к оценке земель Пермской губ., т. II. Кунгурский у. Пермь 1900.

³ Сборник статистических сведений по Екатеринбургскому у. Пермской губ. 1881.

⁴ Сборник статистических сведений по Чердынскому у. Пермской губ. 1891.

носит характер краткосрочного кредита под залог хлеба, кредита, оплачиваемого довольно высокими процентами»¹. Эти проценты достигают, по разнице весенних и осенних цен, до 38% при покупках ржи и до 62% при покупках овса. То же мы видим и в других уездах Вятской губернии — в Котельничском и Глазовском².

Если мы перейдем к югу, то окажется, что даже в Херсонской губернии, обладающей в крестьянском хозяйстве большими хлебными избытками, доходящими до 90 милл. пудов³, далеко не во всех крестьянских хозяйствах имеются действительные излишки. Уже у имеющих 6—11 дес. получается дефицит ржи для продовольствия, а у имеющих до 6 дес. обнаруживается уже дефицит ржи, пшеницы и проса, так что недостаток этих хлебов должен пополняться покупкой их на рынке за счет продажи менее ценного, но более всего культивируемого ячменя. Таким образом, значительная часть крестьянства даже такой губернии, как Херсонская, представляет из себя крупный потребительный рынок, в скрытой впрочем и ускользающей от учета форме.

Еще более рельефно выступают отмеченные явления вынужденных чрезмерных продаж хлеба в губерниях нечерноземных, промышленных. Хотя губернии эти обладают абсолютным дефицитом хлеба для продовольствия, однако осенние продажи хлеба совершаются в крупных размерах, и не только теми хозяйствами, которые обладают большими запашками, но и теми, которым самим не хватает хлеба собственного производства.

Так, исследователь Костромской губернии⁴, принимая весьма скромную норму потребления хлеба в 19 пуд. на душу, находит, наприм., для Нерехтского у., что к покупкам хлеба должны прибегать из хозяйств без работников 46%, с одним работником 38%, с 2 работниками 27%, с 3 и более 35%, т.-е. в среднем около $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$ хозяйств должны покупать хлеб. В действительности число покупающих хлеб хозяйств значительно более, благодаря продажам хлеба осенью также и теми хозяйствами, которые фактически не имеют избытков хлеба, сверх нужного для собственного потребления количества.

Продовольственный дефицит сельского населения Московской губернии определяется специальным земским исследованием о состоянии продовольственного дела⁵ в 12.769 тыс. пуд. Принимая даже такую слишком умеренную норму, как 16 пуд. на душу, всего нужно для продовольствия населения до 20.324 тыс. пуд., обычный же сбор не превышает 7.555 тыс. пуд.; на человека в год не хватает, следовательно, 10 пуд., т.-е. население своим хлебом кормиться может лишь $4\frac{1}{2}$ месяца. Из всех уездов самыми обеспеченными хлебом являются: Звенигородский, Рузский, Дмитровский и Клинский, где около 40% населения прокармливаются весь год своим хлебом; в уездах же Серпуховском, Бронницком таких хозяйств насчитывается всего около $\frac{1}{4}$. Вообще, по ответам, полученным исследованием, рожь продают или «только более состоятельные», или, наоборот, «продают некоторые по нужде», «продавали осенью на оброк по 50—60 коп., весной покупали по 90 коп.». Продажи овса вообще более часты, так как им покрывается значительная часть дефицита в хозяйстве: не продают овса только 27%, остальные же продают осенью, хотя цены в это время ниже процентов на 39.

¹ Материалы по статистике Вятской губ., т. XI. Слободской у. В. 1897.

² Материалы по статистике Вятской губ., т. X. Котельнический у. В. 1894 и т. VIII. Глазовский у. В. 1893.

³ Материалы для исследования грунтовых дорог Херсонской губ. Херсон 1898.

⁴ Сборник статистич. сведений по Костромской губ. В. I. Нерехтский у. Кострома 1901.

⁵ Сборник стат. свед. по Московской губ., т. X. Продовольственное дело. В. III. М. 1892.

В Мышкинском у. Ярославской губ.¹ в среднем более четверти населения не продовольствуется своим хлебом; именно, хлеб приходится покупать из имеющих до 3 дес. на хозяйство—50,7%, т.-е. более, чем половине домохозяев; из имеющих 3—5 дес. 40%, 5—7 дес. 28,6%, 7—10 дес. 24%, 10—15 дес. 16% и даже из имеющих более 15 дес. 9,7% хозяев покупают хлеб на 1—3 месяца, а иногда и более.

В Нижегородской губ. крестьяне собирают с наделных земель на 1 душу только 19,8 п. всех хлебов в Макарьевском у., 19,7 в Васильевском и 17,2 п. в Горбатовском; следовательно, населению не хватает своего хлеба для собственного продовольствия, и хлеб приходится покупать. В частности в Горбатовском у.², в зависимости от распределения пахотных районов по обеспеченности населения земель, 5,8% населения имеет с своей земли до 29,1 пудов хлеба на душу, т.-е. имеет избытки и может сбывать хлеб без ущерба продовольствию до 6,1 п. на душу; 13,8% населения имеет с своей земли только 23 п., что считается исследователями нормой потребления; с помощью аренды, впрочем, население этой группы добывает еще 6,4 п. на душу, что и может идти на продажу. Третья группа районов, 19,3% всего населения, и четвертая—41,8% имеют уже дефицит на душу в 5,2 пуд. и 8,6 пудов; наконец, пятая группа—19% населения почти не имеет запашки и существует почти исключительно покупным хлебом. Общий же баланс народного производства и потребления дает дефицит в 557 тыс. пудов. Даже считая владельческую запашку, все же получаем дефицит в 400 тыс. пуд. Исследование других уездов обнаружило везде «недостаток в хлебе для народного продовольствия»; так, в Семеновском у. из 112 районов уезда в 99 не хватает ржи на прокормление населения³. И, несмотря на это, многие уезды принадлежат к отпускающим хлеб, хотя «домашние цены временами бывают выше базарных, вследствие внутреннего спроса»⁴.

II.

Мы прошли самые различные по своим экономическим и естественным условиям местности черноземной и нечерноземной России и везде видели, что среди массы крестьянства, благодаря дифференциации ее, созданся громадный потребительный сельско-хозяйственный вообще, и хлебный в частности, рынок. Учесть размеры этого рынка статистически представляется, конечно, совершенно невозможным, так как его обороты совершаются в большей части случаев невидимо, часто даже не в форме непосредственной купли-продажи, а в форме залога, займа, отработков и т. п.

Размеры этих хлебных отчуждений и покупок повышаются еще и потому, что в продажу поступает не только тот хлеб, который является излишним за покрытием собственного довольствия, но и тот, который отнимается от собственного продовольствия и продажу которого приходится восполнять обратной покупкой. Поэтому, наприм., годы хороших урожаев, следующие за неурожайными годами, отличаются особенной быстротой реализации урожая, неравномерностью поступления зерна на рынок, громадным наплывом его осенью и происходящим вместе с тем понижением цен. Наоборот, реализация следующих друг за другом урожайных годов растягивается при благоприятных условиях на более продолжительное время,

¹ Статистическое описание Ярославской губ. Т. I, в. I. Мышкинский у. Яросл. 1900.

² Материалы по оценке земель Нижегородской губ. В. VII. Горбатовский у. Нижн.-Нв. 1892.

³ Материалы по оценке земель. В. XI. Семеновский у.

⁴ Гацисский. Материалы для изучения хлебной производительности и торговли Нижегород. губ. Нижегородский сборник, т. V.

так как за эти годы экономическое положение производителей поправляется и в излишних продажах зерна осенью встречается меньше необходимости.

Из каких же элементов составляется и каких размеров достигает этот потребительный крестьянский рынок, и кто, с другой стороны, является поставщиком и производителем для этого рынка?

Говоря вообще, возможность и размеры продаж производимого в хозяйстве зерна обуславливаются, прежде всего, размерами общего зернового производства, а это последнее — размерами находящейся во владении хозяйства земли, так как при нормальных условиях продаваться должен только тот хлеб, который остается излишним за покрытием нужд потребления. В действительности, однако, размеры продаж значительно больше, благодаря тому, что излишние продажи осенью стали обычным явлением. Но все же группировка хозяйств по размерам землевладения и землепользования может дать некоторое указание на размеры и на соотношение производительной и потребительной части крестьянства. Правда, и такая группировка представляется затруднительной, благодаря чрезвычайной устарелости главного источника — «Статистики поземельной собственности» и благодаря только пообщинной группировке, дающейся в ней.

Маррес, в известном сборнике ¹, за неимением других, более точных данных, пользуясь пообщинной группировкой и считая количество хлеба в 19 пудов на душу в год не вполне обеспечивающим продовольствие населения, норму в 19—26,5 пуд. обеспечивающей только личное продовольствие, но не дающей избытков на продажу, и, наконец, свыше 26,5 пуд. — дающей для продажи более или менее значительные избытки, считает, что по распределению продовольственных средств население 46 губерний Европ. России может быть сгруппировано следующим образом:

Группа с недостатками	33.533 тыс. душ, или	52,30%
» только обеспеченная	20.428 » »	31,80%
» с избытками	10.176 » »	15,90%

Точность этих цифр, как показатель размеров потребляющей и производящей части крестьянства, т. е. размеров потребительного крестьянского, не учитываемого почти никакой статистикой, рынка, грешит в трех отношениях: во-первых, их устарелостью; во-вторых, указанным выше фактом продаж хлеба даже нуждающимися в нем, благодаря чему увеличиваются как размеры предложения, так, с другой стороны, и размеры потребительного спроса; наконец, условностью самой взятой нормы потребления ². Шаткость всех этих цифр делает и все строящиеся на них расчеты проблематичными.

¹ Маррес. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве, сборн. «Влияние урожая и хлебных цен» и т. д., т. I, стр. 35.

² Относительно последнего мы не приводим очень обширную, но и с довольно шаткими для установления норм потребления хлеба данными, бюджетную литературу; см. указанный сборник «Влияние урожая», т. I и II, а также «Материалы по оценке земель Нижегородской губ.», в. VII, примечание к стр. 67. Кроме чисто теоретических недостатков, эти данные отличаются большою частью и устарелостью. Для более нового времени приводим несколько бюджетных данных из наиболее точных исследований, с классификацией хозяйств по состоятельности. Именно, на одну душу семейного состава в семьях разной состоятельности потребляется в год всего хлеба, пудов:

	Бедные (ниже среднего).	Средней состоя- тельности.	Зажиточные и богатые.
Херсонская губ. на 1 хоз. земли	3,82 дес.	до 21 дес.	24—44 дес.
потребляется на 1 душу взрослых	22,0 пуд.	24,2 пуд.	30 пуд.
Херсонская губ. на 1 хоз. земли	—	5—25 дес.	св. 25 дес.
потребляется на 1 душу сем. состава	—	18 пуд.	22 пуд.
Воронежская губ. на 1 хоз. земли	до 5 дес.	5—25 дес.	св. 25 дес.
потребляется на 1 душу сем. состава	13,8 пуд.	19,3 пуд.	21 пуд.

Главным и исходным пунктом в установлении размеров как избытков хлеба, могущего поступать на рынок, так и размеров внутреннего потребительного спроса на него со стороны крестьянского населения, должно служить установление каких-либо потребительных норм, средних и т. п. признаков этого потребления. Но именно в этом-то отношении бюджетные данные наименее годны для каких-либо массовых статистических подсчетов и определений. Устанавливать какие-либо «нормы» или «средние» душевого потребления хлеба на душу населения является приемом, очень шатким в своих основах, благодаря чрезвычайной подвижности, неуловимости, сжимаемости и расширяемости этого потребления.

Но, кроме неучитываемого влияния этих переменных факторов, бюджетные данные показывают, что размеры потребления варьируют и в зависимости от постоянных факторов, подлежащих некоторому учету. Таким является прежде всего экономическое положение хозяйства, так как в бедных хозяйствах потребление является безусловно пониженным не только против «физиологической нормы», но и против «статистической средней». В богатых хозяйствах, наоборот, потребление повышено сравнительно со статистической средней и, вероятно, вполне удовлетворяет физиологической норме. С другой стороны, географическое положение отдельных местностей повидимому также имеет здесь большое значение, так как в нечерноземной полосе потребление зерновых хлебов, заменяемых картофелем и др. продуктами, вообще ниже, чем в губерниях хлебобордных и с избытком зерна. Притом эта разница особенно сильно сказывается именно на бедных хозяйствах, тогда как в хозяйствах богатых норма потребления во всех местностях все же более однородна.

Хотя можно предполагать, что это явление—общее для всех местностей и для всех хозяйств, однако на основании его нельзя строить никакой детализации в размерах потребления и в потребительных нормах. Самое большее, что здесь возможно, это некоторое различие размеров потребления и избытков на продажу, остающихся в отдельных, различных по благосостоянию группах крестьян, помня, однако, и здесь всю условность и непостоянство принятой нормы или «средней» потребления.

Другой стороной неправильности и шаткости данных, получаемых при исчислении соотношения производства и рынка, являются, повидимому, также и довольно далекие от точности абсолютные цифры сбора хлебов, даваемые Центральным Статистическим Комитетом. Как указано выше, благодаря улучшению методов собирания этих данных за последнее время, они, быть может, довольно верно передают относительные колебания урожаев за ряд лет, но едва ли настолько верны, чтобы на основании их можно было вывести более или менее точно баланс производства, потребления и рынка.

	Бедные (ниже среднего).	Средней состоя- тельности.	Зажиточные и богатые.
Полтавская губ. на 1 хоз. запашки	до 1 дес.	1—6 дес.	св. 6 дес.
потребляется на 1 душу сем. состава	15 ₉ пуд.	17 ₉ пуд.	20 ₅ пуд.
Калужская губ. на 1 хоз. земли	до 3 дес.	3—12 дес.	св. 12 дес.
потребляется на 1 душу сем. состава	12 ₁ пуд.	14 ₈ пуд.	16 ₅ пуд.
Тверская губ. в неурож. год на 1 душу сем. состава	10 ₀ пуд.	13 ₈ пуд.	14 ₈ пуд.

Цифры взяты: для Херсонской губ. первые у Арнольда «124 бюджета Херсонского у.» Сборн. Херс. зем. 1901, IV; вторые у Осадчего, «Щербановская волость»; для Воронежской г.—Шербина, «Крестьянские бюджеты», по подворной переписи 6 уездов и 17₈ тыс. хоз., приложение, стр. 280; для Полтавской—«5 бюджетов крестьянских хозяйств с. Демьяновки, Полт. г., Хорольского у.», Полт. 1903; для Калужской из «Статистич. описания Калужской губ.», т. I, Козловский у. 1898; для Тверской—«Статист. ежегодник Тверской губ.» 1898 г. См. также из новейших бюджетов: Македонов. «Хозяйственное положение станиц Кубанской обл.», Вор. 1901. «Село Малышево, Воронежского у.». Прил. к Саратов. зем. неделе, 1903 г.; «Обзор Уфимской губ.» за 1899—1903 г. и др.

По крайней мере, если принять не только средние нормы потребления, принимаемые Маррессом (в 19 пуд. на душу, как не вполне обеспечивающую личное потребление, и 19—26,5 пуд., как обеспечивающую только личное потребление и не дающую избытков на продажу), но даже и значительно более низкие нормы, то все же баланс потребления, экспорта и урожая будет сведен с дефицитом. Потому нормой потребления приходится брать цифры, значительно более низкие, чем принимавшиеся до сих пор.

Определим сначала часть рынка, наиболее и в общем довольно точно поддающуюся учету. Это будет внешний экспорт и потребление зерна на промышленные нужды.

Размеры экспорта за пятилетие 1901—1905 гг. по европейской границе и в торговле с Финляндией в среднем определялись в милл. пудов¹:

	По Европ- ской границе.	В торговле с Финляндией.	Итого.
Пшеница	216,8	0,0	216,8
Рожь	71,1	2,0	74,1
Ячмень	110,2	0,1	110,3
Всех продовольств. хлебов ¹ и муки	476,1	16,8	492,9
Овес	73,6	1,1	74,7
Всех хлебов ² и муки	549,7	17,9	567,6

Таким образом, общий экспорт продовольственных хлебов из Европейской России в среднем за пятилетие определяется в 492,9 милл. пудов. Но в это число вошел, во-первых, северно-кавказский хлеб, экспортируемый из трех областей Северного Кавказа или через Новороссийск, или по Владикавказской железной дороге через Ростов. Размеры экспорта продовольственных хлебов из Новороссийска в среднем за рассматриваемое пятилетие определяются в 34.123 тыс. пудов³; к Ростову, по Владикавказской железной дороге, за те же годы прибыло 6.071 тыс. пуд.⁴

Затем сюда же вошла та часть сибирского хлеба, которая поступает на рынки Европейской России или за границу путем через Челябинск или Пермь-Котлас. За последние годы количество этого хлеба, прошедшего через Челябинск, определяется приблизительно в 20 милл. пуд., а через Котлас в 3.307 тыс. пуд. Таким образом, за вычетом этих количеств, общие размеры хлебного экспорта непосредственно из производства 50 губерний Европейской России определяются приблизительно в 429,7 милл. пудов продовольственных хлебов (без овса и картофеля).

С другой стороны, к этому количеству необходимо прибавить те грузы хлеба, которыми эти губернии Европейской России питают 10 привислинских губерний с недостатком собственного зерна. По данным статистики Министерства Путей Сообщения⁵, в среднем за последние годы во внутреннем сообщении в привислинские губернии было отправлено из Европейской России более, чем прибыло, на 21,3 милл. пуд. всех продовольственных хлебов. В результате, таким образом, общие размеры хлебных отправок 50 губерний Европейской России на внешний и на внутренний привислинский рынок могут быть определены около 451 милл. пудов.

Другой, сравнительно также довольно точно учитываемый, потребительный рынок представляет промышленный спрос, главным образом для

¹ По «Обзорам внешней торговли» за соотв. годы, см. прил., табл. VII.

² Входящих в учет «Урожай» Центр. Стат. Комитета.

³ «Обзоры внешней торговли» соотв. годов.

⁴ «Сводная статистика» и «Стат. Сборн. Мин. Путей Сообщения»

⁵ См. приложения, табл. VI.

винокурения. В среднем за пятилетие 1899—1904 гг. по данным Департамента неокладных сборов перекуривалось около 36 милл. пудов зерна¹, включая сюда также и ячмень, перерабатываемый для винокурения на солод (которого употреблялось в среднем за те же годы на винокурение 14,1 милл. пуд.).

Наконец, также довольно точно учитываемый вид промышленного потребления зерновых хлебов составляет пивоваренное производство, которое в среднем за пятилетие для изготовления солода потребляло 7.963 тыс. пуд. ячменя². В общем, таким образом, эти две отрасли промышленности потребляют в год около 44 милл. пуд. зерновых хлебов. Некоторые другие виды промышленности также потребляют для своего производства зерновые хлеба (наприм. крахмалозаводская), но за неимением точных статистических учетов, а также и в виду того, что потребление ими зерновых хлебов все же не настолько значительно, чтобы существенно повлиять на цифру общего потребления, приходится не принимать их в рассмотрение.

Таким образом, промышленность и экспорт поглощают вместе до 495 милл. пуд. зерновых продовольственных хлебов (без овса и картофеля) из общего производства 50 губерний.

По данным Центр. Стат. Комитета в среднем за рассматриваемое пятилетие 1901—1905 гг. в 50 губ. Европейской России собиралось всего продовольственных хлебов (без овса и картофеля) на помещичьих и крестьянских землях 2.110.129 тыс. пуд. (пятилетие отличалось вообще богатыми урожаями)³. За вычетом отсюда промышленного и экспортного спроса, количество продовольственных хлебов, остающееся на внутреннее потребление 50 губ. Европейской России, определяется в 1.615 милл. пудов, или 15,2 пуда на душу городского и сельского населения⁴. Норма эта, следовательно, много ниже нормы, принимаемой в своих расчетах Марресом.

Для выделения из внутреннего потребления размеров городского и сельского спроса не имеется уже таких точных данных, как для экспортного и промышленного спроса, так как здесь все расчеты будут чрезвычайно шатки от взятой за «норму» цифры душевого потребления хлеба. Наиболее константно и менее сжимаемо, вероятно, потребление хлеба городским населением. Если взять за среднее в этом городском потреблении найденное среднее для всей вообще страны (около 15 пуд. на душу), то весь городской потребительный рынок определится приблизительно в 194 милл. пуд. Остальное количество в размере 1.421 милл. пуд. должно оставаться у крестьянского производительного населения, как на личное потребление, так и на продажу. Эти остатки на продажу, так же как и степень правильности удовлетворения или, наоборот, сжимаемости его весьма колеблются в зависимости от различной обеспеченности землею и вообще от различного экономического благосостояния групп сельского населения.

Комбинируя приведенные выше цифры бюджетных и земских исследований о средних размерах потребления, о продажах-покупках хлеба в крестьянских хозяйствах, с земскими и другими данными о хозяйственном обеспечении землею, скотом и т. п., можно принять следующий приблизительный расчет размеров крестьянского потребления в различных его экономических группах, т.-е. размеров крестьянского потребительного рынка.

¹ «Статистика производств, облагаемых акцизом» за 1904 г. В. II. Спб. 1907.

² «Статистика производств, облагаемых акцизом», вып. II за 1901—1905 годы.

³ См. прилож., табл. VIII.

⁴ Количество населения в 50 губ. Европейской России по первой переписи 1897 г. определялось в 82.384 тыс. сельского и 11.830 тыс. городского. По позднейшим текущим подсчетам оно определялось к 1 января 1905 г. в 94,8 милл. сельского и 13,2 милл. городского, а к 1 января 1903 г. в 92,7 милл. сельского и 12,9 милл. городского. См. «Первая всеобщая перепись населения Российской империи» под ред. Тройницкого. Спб. 1897—1901 гг. и «Ежегодники России», изд. Центр. Стат. Ком.

Группа безземельных и малоземельных дворов (с $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ надела на душу) с недостаточным производством хлеба для покрытия нужд собственного продовольствия составляет большею частью от 15% до 35% всего населения¹, так что в среднем можно принять, что в эту группу входят до 25% всего крестьянского населения, при чем собственного хлеба ей хватает не более, как на полугодие, остальные же полгода в потребление идет исключительно покупной хлеб. Среди этой группы бесхозяйные, бесскотные и бездомовые составляют до 10%², или всего около 9 милл. душ питающихся исключительно покупным хлебом, если ведут самостоятельное хозяйство. Так как потребление хлеба в малообеспеченных группах сельского населения, как видно из бюджетных данных, значительно понижено против нормы, заменяясь более дешевыми продуктами или их суррогатами, то размеры душевого потребления хлеба в этой группе едва ли можно считать выше 15 пуд., из которых до 7 пуд. прикупного.

Вторая, более многочисленная, группа составляет приблизительно несколько менее половины сельского населения: перебиваясь кое-как большую часть года своим хлебом, она, однако, часто прибегает и к покупкам и к займам; только в хорошие годы ей удается обойтись вполне своим хлебом, питаясь более полно и нормально. В этой группе фактическое владение надельной землей должно приближаться хотя бы к 1 наделу на душу, так что землевладение ее должно считаться нормально обеспечивающим семью. Однако, общие неблагоприятные экономические условия создают то, что большею частью и эта группа под конец года истощает свои продовольственные запасы и должна или понижать питание, или покупать хлеб. Таким образом 2—3 месяца эта группа предъявляет довольно интенсивный потребительный спрос на зерно, в общем около 2 пуд. на душу.

Наконец, над обеими этими группами выделяются многоземельные, многоскотные дворы, сосредоточившие в своих руках по несколько наделов, арендующие не только у своих односельчан, но и большую часть владельческой земли, имеющие купчую землю и производящие зерно в количествах, достаточных не только для собственного продовольствия, но и для продажи. Благосостояние этой группы, конечно, варьирует не менее сильно, и даже может быть более значительно, чем остальных; однако, если принять за признак принадлежности к ней обладание хотя бы не слишком значительными, но постоянными избытками хлеба для продажи, то численность этой группы можно принять приблизительно до четверти всего сельского населения.

Принимая для этого населения приведенную выше цифру Центр. Статист. Комитета в середине рассматриваемого пятилетия, можно считать, что потребительный спрос малоземельной группы крестьянства приблизительно определяется (считая по 15 пуд. на душу) в 349 милл. пуд., средней группы (считая по 15 пуд. на душу) в 699 милл. пуд. и обеспеченной группы (считая по 16 пуд. на душу) в 373 милл. пуд. Таким образом, все потребление зерновых хлебов сельским населением достигает 1.421 милл. пуд., из которых прикупного хлеба малоземельная группа потребляет 173 милл. пуд., средняя группа 140 милл. пуд. Значительная часть этого потребительного крестьянского рынка не может быть учтена торговой статистикой, так как представляет из себя совершенно «невидимый» рынок, так как движение в этих покупках-продажах происходит на небольших расстояниях, в пределах одной и той же деревни, и часто в скрытых и видоизмененных формах. Однако, обычные влияния повышения и понижения цен и пр. эти покупки все же производят.

¹ См. «Статистику поземельной собственности», а также Благовещенский. «Сводный статистический сборник хозяйственных сведений». М. 1893.

² См. Благовещенский. «Сводный сборник».

Принимая во внимание, что общий чистый сбор с крестьянских наделных земель всех продовольственных зерновых хлебов определяется за рассматриваемое пятилетие в среднем в 1.308 милл. пуд., можно видеть, что этот сбор с наделных земель не может покрыть без дефицита количеств, необходимых для продовольствия населения даже при взятых очень низких нормах потребления.

Но известно, что, кроме наделных земель, у крестьянского населения имеется еще в личной собственности: в частной 13,2 милл. дес., в общественной 3,7 милл. дес. и товарищеской 7,6 милл. десятин; всего, следов., сверх своих наделных земель крестьянское население имеет 25,5 милл. дес. земли из всей частной земельной собственности 101,7 милл. дес.¹, т.-е. почти ровно 25% всего частного землевладения. Если предположить, что из всего количества урожая с частновладельческих земель доля крестьянского урожая пропорциональна количеству землевладения, то, следовательно, из всего сбора с владельческих земель в 802 милл. пуд. продовольственных зерновых хлебов на долю крестьянских хлебов придется около 200 милл. пудов. Но в действительности это количество должно быть, конечно, уменьшено, так как урожай на частных крестьянских землях хотя и выше, чем на наделных, однако все же ниже помещичьих земель. Едва ли будет большой ошибкой принять, что собственные крестьянские земли доставляют крестьянскому населению около 175 милл. пуд. зерновых продовольственных хлебов.

Еще более трудно исчислить другой, чрезвычайно важный источник крестьянского земельного и зернового обеспечения—аренду частновладельческих земель. Не только каких-либо исчерпывающих данных относительно этих размеров вненаделных аренд, но и вообще новых данных по этому вопросу существует очень мало. Если брать цифры Марреса², выведенные главным образом на основании данных о размерах аренд Карышева³, несколько увеличивая эти цифры сообразно с вероятностью увеличения аренд, распахек земли и наконец повышения урожая с них, то размеры сбора крестьянских хлебов с арендуемых вненаделных земель можно считать приблизительно в 150 милл. пудов зерновых продовольственных хлебов.

В общем, таким образом, получается, что крестьянское население имеет от своего земледельческого производства 1.633 милл. пуд. зерновых хлебов, т.-е. около 17,6 пуд. на душу, тогда как требует по взятому выше расчету всего 1.421 милл. пуд. Остающиеся 212 милл. пуд. и поступают на рынок со стороны крестьянского производства.

Подведем, таким образом, баланс годового зернового производства продовольственных хлебов и рынка их.

Всего производится

Крестьянская наделная земля	1.308 милл. пуд.
» собственная земля	175 » »
Помещичья, арендуемая крестьянами	150 » »
Собственное помещичье хозяйство	477 » »
Итого	2.110 милл. пуд.

¹ Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губ. Европейской России. Изд. Центр. Стат. Комитета. Спб. 1806.

² Маррес. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве, в сборнике «Влияние урожая» и пр., т. I, стр. 54.

³ Карышев. Крестьянские вненаделные аренды. Итоги экономич. исследования России. Т. II. Дерп. 1892, а также П. Лященко. Мобилизация землевладения в России и его статистика. Русск. Мысль 1905 г., кн. II, стр. 17.

Следовательно, крестьянское хозяйство, не считая арендуемых земель, собирает до 377 милл. пудов, на помещичье же хозяйство остается до 237 милл. пуд. пшеницы (считая в том числе и аренду). Если считать городской спрос до 95 милл. пуд. и экспорт 217 милл. пудов, то окажется, что сбор с помещичьих земель, даже не вычитая крестьянскую аренду, ни в коем случае не может один покрыть эти 312 милл. пуд., потребных для рынка. Значительная доля его должна удовлетворяться крестьянским производством, которое, имея всего до 377 милл. пудов, т.-е. около 4 пудов на душу, потребляет, однако, пшеничного хлеба гораздо менее, а большую часть зерна продает, покупая обратно уже не пшеницу, а рожь.

Подобное же отношение отмечается и для овса. При 3 миллионах голов лошадей во владельческих хозяйствах¹ овса владельческого производства, за исключением сбора с арендуемых земель, было бы далеко недостаточно для покрытия собственных потребительских нужд городского и экспортного спроса: на прокорм владельческого скота потребовалось бы до 120 милл. пудов, экспорт же за рассматриваемые годы исчисляется до 75 милл. пудов, тогда как со всех владельческих земель собиралось овса (за вычетом сбора с собственных крестьянских земель в 35 милл. пуд.) не более 155 милл. пудов. Следовательно, крупную роль в деле удовлетворения овсом экспорта и городов должно играть крестьянское хозяйство, продающее значительную часть производимого в нем овса, несмотря на то, что всей массы зерна было бы недостаточно для более или менее правильного прокормления собственного скота: при 16,9 милл. голов лошадей, с крестьянских земель собирается всего до 352 милл. пудов овса, т.-е. всего около 20 пудов овса на голову.

Указанные соотношения в народном потреблении и хлеботорговом обмене отмечались исследователями уже давно. В начале 80-х годов Ник. — он, исследуя процесс развития денежного хозяйства, отметил, что «процессу ухудшения качества народного потребления при развитии денежного хозяйства подчиняется... самый хлеб, т.-е. лучшие роды его все более и более изъеются из народного потребления;... денежное хозяйство сократило деревенское потребление пшеницы до нуля»².

Другой автор, отмечая эту же особенность положения крестьянского хлеба на рынке — вынужденную продажу необходимого для собственного продовольствия зерна, говорит: «Крестьянин всю свою пшеницу продает, несмотря на то, что по сбору ржи у него громадный дефицит в собственном продовольствии. Продав пшеницу, он покупает... (оставшуюся за вывозом, винокурением и городским потреблением) у помещиков рожь... Для крестьянина хлебная торговля, собственно говоря, есть не что иное, как залог хлеба под тяжелые кулацкие проценты»³.

Наконец, Маррес, более подробно разбирая вопрос об условиях продаж крестьянского хлеба, приходит к выводу, что «все потребности рынка покрывает одно только частновладельческое хозяйство, да хозяйство небольшой, наиболее зажиточной группы крестьян. Хлеб же массы крестьянского населения на рынок не поступает; осенью он продается, но не уходит далеко от мест его сдачи крестьянами; сгруппировавшись в нескольких пунктах, он ждет здесь того же самого крестьянина, который и действительно приходит за ним зимою и весной. Само собой разумеется, что эта операция купли-продажи хлеба является очень разорительной для крестьян. В операции есть еще одна важная сторона, на которую приходится обратить внимание. Пшеницы поступает на рынок около 84%, почти вся пшеница, следовательно,

¹ Военноконские переписи 1899—1901 гг. и 1903—1904 гг. Спб. 1902 и 1904.

² Николай — о н. «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». Спб. 1893.

³ Голубев. «К вопросу о причинах экономического упадка сельского населения». Юрид. Вестн. 1892, X.

уходит из рук производителей. Проданная крестьянами, она не остается на месте, а вывозится за границу или в город. Вместо пшеницы крестьянин покупает весной себе другой, более дешевый хлеб. Этим путем лучшие сорта хлеба с течением времени все более и более изъеются из народного потребления»¹.

Повидимому, факт все растущих продаж хлеба вообще, и в особенности пшеницы, при относительно слабом росте производства, позволяет действительно говорить об изъятии из «народного» потребления этого наиболее питательного хлеба. Однако, мы уже знаем, что вкладывать какое-либо конкретное содержание в такие слова, как «народное» потребление, «народное» производство, значит всегда обобщать и сглаживать часто совершенно противоположные явления. То же самое имеется и в данном случае: характер процесса обращения на рынке пшеницы и ржи более сложен, чем простое «изъятие лучших сортов хлеба из народного потребления».

Так, прежде всего, увеличение размеров продаж и движения пшеничных грузов зависит главным образом от отмеченного уже выше роста культуры этого хлеба на востоке, где культура ее имеет основную целью именно сбыт, а не натуральное потребление. Пшеница, поступающая на рынок с полей востока, вовсе не «отнимается» от народного потребления, так как самая первоначальная причина расширения культуры ее уже заключалась в сбыте на рынке. Денежное хозяйство всегда разрушает натуральное потребление и заставляет приспособляться к требованиям рынка. Рост городов и промышленного населения, развитие экспорта—все это пред'являет спрос именно на пшеничные продукты, и развитие денежного хозяйства заставляет подчинять этому спросу само производство, обращающееся, в особенности в некоторых районах, все более на этот рыночный товар.

Это особенно ясно видно, если сравнить рост культуры в различных районах таких противоположных по хозяйственному значению продуктов, как продукт натурального потребления—рожь и продукт сбыта—пшеница. Если принять общий сбор за пятилетие 1886—90 гг. за 100, то движение сбора в следующие пятилетия выразится такими цифрами²:

Районы губерний:	Р о ж ь.			П ш е н и ц а.		
	1891— 1895	1896— 1900	1901— 1905	1891— 1895	1896— 1900	1901— 1905
Центрально-земледельч.	87,2	96,7	104,1	105,9	110,5	154,2
Средне-волжские	87,8	116,4	115,2	132,2	177,3	197,6
Нижне-волжские	104,9	117,2	118,7	125,6	195,6	267,3
Новороссийские	108,3	86,8	192,3	151,6	142,9	227,9
Юго-западные	119,2	139,1	178,9	135,1	214,4	334,5
Всего 50 губерний	102,6	112,1	120,9	137,2	158,1	232,2

Следовательно, отмеченное выше увеличение поступлений на рынок пшеницы нельзя приписать лишь изъятию ее из народного потребления и замене ее в этом потреблении рожью. Увеличение пшеничных поступлений обусловлено наибольшим ростом ее производства, притом именно в тех районах, которые специально работают на рынок. При всем том, конечно, остается открытым вопрос: идет ли этот рост торгового земледелия главным образом для удовлетворения внешнего или внутреннего рынка, т.-е. идет ли вместе с тем расширение внутреннего спроса и каких именно частей его: местного ли потребительного спроса земледельческого населения или спроса промышленного и городского населения?

¹ Маррес. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве, в сборн. «Влияние урожаев и хлебных цен» т. I, стр. 54.

² Вычислено по «Своду статистических данных» и по «Урожаям» Центр. Статист. Комитета.

Отсутствие точных статистических данных опять не позволяет привести исчерпывающего на этот счет ответа, а лишь статистическую иллюстрацию отмечающейся здесь тенденции. Так, прежде всего, остановимся на соотношении размеров внешнего и внутреннего спроса. Если сравнить цифры производства и экспорта середины 80-х годов и середины девяностых годов, когда экспорт достиг максимальных цифр, мы все же обнаружим, что внутренний рынок вообще развивается более интенсивно, чем внешний.

Действительно, размеры производства, экспорта и внутреннего потребления за период с девяностых годов до девяностых изменились следующим образом ¹:

Сельско-хоз. годы.	Средний сбор.	Средний вы- воз.	Среднее по- требление.	Душевое потребление пудов.
	Т ы с я ч п у д о в			
Пшеница.				
189 ⁴ / ₅ —189 ⁸ / ₉	505.671	208 309	297.362	2,73
1899 ₉₀₀ —190 ³ / ₄	630.330	174.207	156.122	3,92
Более + менее —	+ 124.659	— 34.102	+158.760	+1,17
Рожь.				
189 ⁴ / ₅ —189 ⁸ / ₉	940.094	82.705	857.389	7,165
1899 ₉₀₀ —190 ³ / ₄	1.094.281	90.108	1.004.173	8,166
Более + менее —	+ 154.187	+ 7.403	+ 146.784	+ 0,71
Овес.				
189 ⁴ / ₅ —189 ⁸ / ₉	456.596	50.769	405.827	3,78
1899 ₉₀₀ —190 ³ / ₄	526.471	63.399	463.075	4,00
Более + менее —	+ 69.878	+12.630	+57.248	+0,24
Ячмень.				
189 ⁴ / ₅ —189 ⁸ / ₉	286.856	103.598	183.258	1,69
1899 ₉₀₀ —190 ³ / ₄	301.356	94.477	206.889	1,78
Более + менее —	+ 14.510	— 91.121	+ 23.631	+0,09

Следовательно, если, говоря о «народном потреблении», понимать под этим внутреннее потребление зерна в общем во всей стране, то оно увеличилось более всего именно для пшеницы — на 1,7 пуд. или на 42,5%. При том, это увеличение шло частью за счет сокращения вывоза, частью за счет увеличения производства; также значительно увеличилось душевое потребление ржи, на 0,71 пуда или 8,9%, но это увеличение идет лишь за счет увеличения производства, так как в то же время возрос и вывоз; наконец, увеличение потребления овса еще менее значительно — 0,24 пуда или 6,4%, при чем так же, как для ржи, увеличение внутреннего потребления шло вместе с увеличением экспорта, за счет расширения культуры и увеличения урожаев.

Таким образом, полученный новый вывод общего увеличения «народного» потребления всех хлебов, повидимому, стоит в противоречии с прежним наблюдением об изъятии из народного потребления лучших сортов хлеба. В действительности, однако, этого противоречия не будет, если только расчленим это общее «народное потребление» на входящие в него элементы, хотя бы в общих чертах, поскольку это можно сделать по характеру имеющих цифровых данных.

В общей величине размеров душевого потребления заключается как увеличение потребления собственно городского и промышленного населения неземледельческих или земледельческих районов, так и собственно местное, т.е. потребление самого земледельческого населения на местах. Разделить

¹ Составлена на основании «Урожаев» Центр. Стат. Ком. и «Внешней торговли» соотв. годов.

эти две величины можно только в общих чертах, на основании следующих соображений.

Потребление хлеба в нечерноземной полосе промышленным и городским населением покрывается в громадной мере привозным хлебом и, следовательно, увеличение этого потребительного рынка должно отражаться на увеличении железнодорожных перевозок, тогда как увеличение местного потребления на этих перевозках не отражается. Это обстоятельство и позволяет сравнить относительный рост того и другого рынка.

Сравним только-что приведенные цифры увеличения производства за период со середины 90-х годов до середины девятисотых с увеличением перевозок за тот же период.

	Производство увеличилось.	Перевозки увеличились.
Пшеница	158,7	90,1
Рожь	146,7	39,7
Овес	57,2	42,9
Ячмень	23,6	11,6

Таким образом, остаток для местного потребления увеличился, поскольку это учитывается железнодорожными перевозками, на:

Пшеница	68,3	мл. пуд.
Рожь	107,0	» »
Овес	14,3	» »
Ячмень	23,0	» »

Сравнивая увеличение общего душевого потребления за период со середины 90-х до середины девятисотых годов с увеличением местного потребления за те же годы, получаем следующие цифры:

	Общее потребление на душу пудов.			Местное потребление на душу пудов.		
	1894 ¹ / ₅ — 1898 ³ / ₉	1899— 1903 ³ / ₄	Увеличе- ние.	1894 ¹ / ₅ — 1898 ³ / ₉	1899— 1903 ³ / ₄	Увеличе- ние.
Пшеница	2,75	3,92	1,17	1,11	1,93	0,82
Рожь	7,93	8,62	0,71	7,13	7,76	0,63
Овес	3,76	4,00	0,24	2,86	2,87	0,01
Ячмень	1,65	1,78	0,09	1,23	1,26	0,03
Итого	16,15	18,36	2,21	12,33	13,62	1,49

Таким образом, местное потребление четырех главных хлебов увеличилось всего на 1,49 пуда, тогда как общее потребление внутри страны, без различия местного и привозного хлеба, увеличилось на 2,21 пуда. Следовательно, наибольшая часть увеличения внутреннего потребления и внутреннего рынка обуславливается ростом городского и промышленного населения, в особенности в районах с недостаточным собственным производством, нуждающихся в привозном хлебе; среди же собственно сельского производительного населения увеличение потребления наблюдается в таком небольшом размере, что приписать его можно или вообще приблизительно вычислений, или тому, что среди первого пятилетия встречаются неурожайные годы, тогда как второе было высокоурожайное.

Итак, некоторое увеличение душевого зернового потребления отмечается лишь для городского и промышленного населения; в местном же потреблении самим сельским производительным населением не заметно почти никакого увеличения. Но, конечно, и среди этого последнего уменьшение потребления имеется в действительности лишь для наименее обеспеченных экономических групп; для них и отмечается указанное выше «изъятие лучших сортов хлеба» и замена их худшими или даже суррогатами. Благодаря

тому, что большая часть увеличения народного производства идет не на местное потребление, а отчуждается на рынок, из-за необходимости удовлетворения возрастающих денежных нужд хозяйства, страдает не только личное потребление, но и хозяйственное потребление с производительными целями. Не только простое недоедание, но и недостаток семян на посев являются результатами таких избыточных продаж. Попадая в зависимость от рынка, земледельческий производитель не только ограничивается в условиях личного своего существования, но не может развивать и производительных сил своего хозяйства.

Таким образом, подчинение торговому капиталу, с одной стороны, обеспечивает мелкому производителю его формальную независимость, оставляя процесс производства не затронутым капиталистическими отношениями; с другой стороны, благодаря сохранению хозяйством этой формальной самостоятельности, не допускает возможности возникновения на месте его новых капиталистических организаций. Торговый капитал, победивший и разрушивший прежнее самостоятельное и замкнутое хозяйство, теперь является победителем и капиталистической организацией производства.

Эти черты в положении хозяйства, как было указано, и характерны для той стадии производства, которая, сообразно господству в ней скупщика, торговца, торгового капитала, и характеризуется, как «производство на скупщика». Все те черты, которые присущи этой системе по отношению к обрабатывающей промышленности, имеют место и в земледельческой промышленности.

При отсутствии в этой системе капиталистических элементов и всегда заложенного в капиталистической организации производства стремления к дальнейшему развитию производительных сил—эта стадия производства несет для мелкого «самостоятельного» производителя лишь необходимость высшей трудовой энергии, ради доставления торговой прибыли капиталу, высшую степень эксплуатации производителя этим капиталом. Для всего же народного хозяйства вообще она означает борьбу торгового капитала с производителем, борьбу, при известных условиях оканчивающуюся далеко не всегда в пользу последнего или требующую для этого по крайней мере продолжительного времени. Возможность сохранения формальной самостоятельности мелкого производителя при работе его на рынок и при полном подчинении его на этом рынке торговому капиталу ведет лишь к задержке развития капитализации производительного процесса, к задержке развития производительных сил.

И по отношению к развитию и условиям существования русского земледелия отмеченное выше преобладание в нем мелкого самостоятельного крестьянского производства играет именно эту роль, задерживающую развитие производительного капитализма в земледелии, совершенно не устраняя, однако, необходимости служения и подчинения торговому капиталу.

Из рассмотрения исторического хода развития этого подчинения земледельческого производителя торговому капиталу и постепенного усиления эксплуатации земледельческого населения торговым капиталом было видно, что эта эксплуатация и это подчинение вовсе не являются продуктом новейшего времени; продуктом новейших условий земледельческого производства. Зависимость земледельческого производителя от торгового капитала существовала всегда, когда только существовал торговый капитал, так как самое возникновение торгового капитала обуславливалось именно этой эксплуатацией земледельческого населения, присвоением создаваемого им прибавочного продукта в виде рент, накоплением их и превращением их в торговый капитал.

С тех пор, как в разработке различных областей русской экономической истории одно за другим постепенно разрушались насажденные народническими течениями воззрения о господстве в русском прошлом «народных»

форм хозяйства, жидущихся на самостоятельности производителя, на всеобщем экономическом равенстве, на самобытности исторического развития народного хозяйства—для этих воззрений оставалась, повидимому, одна область, где господство народного хозяйства считалось непоколебимым.

Это—сельское хозяйство.

Сельский производитель-крестьянин, и по преимуществу крестьянин-общинник, должен был олицетворять этот тип самостоятельного, независимого от капиталистических отношений производителя, хранителя экономического равенства. Как весь его земледельческий быт, так и его сельско-хозяйственное производство представлялись носителями этой идеи независимости производства и правильности распределения произведенного продукта, в смысле отсутствия присвоения прибавочного продукта кем-либо, вовне этих народных условий производства находящимся.

Было уже указано на совершенную, с исторической точки зрения, неправильность такого представления о прошлом русского сельско-хозяйственного строя и вообще аграрного быта. Действительно, даже в самой глубочайшей древности мы не находим этого самостоятельного народного производителя, мелкого собственника земли, независимого ни от крупного землевладельца, ни от торгового капитала. Правда, пока хозяйство оставалось вполне замкнутым само в себе, оно могло до некоторой степени сохранять свою самостоятельность.

Но дело в том, что такой полной замкнутости нельзя встретить нигде на всем историческом поле зрения: везде, как только мы можем обозреть его, мы встречаемся с более или менее развитым и оживленным хозяйственным меновым общением между собою отдельных хозяйственных единиц. А раз только хозяйство вынуждено было вступать в сношения с другими хозяйственными единицами, с потребителем ли, или с такими же производителями хозяйствами—оно тотчас же более или менее полно подпадало под влияние внешних ему воздействий, и, если эти внешние факторы оказывались экономически сильнее его, оно становилось в полную от них зависимость.

Уже одно то обстоятельство, что древний крестьянин, мелкий производитель, большею частью не обладал земельной собственностью, в смысле ли высшего развития этого понятия в современном значении, или даже просто в смысле самостоятельного владения землею, а пользовался ею на правах аренды, выплачивая ренту землевладельцу, должно было иметь громадные последствия. Конечно, вначале как потребности мелкого производителя, так и крупного рентьера-землевладельца почти не отличались друг от друга. Поэтому существование докапиталистических арендных отношений и необходимость выплаты ренты, по крайней мере в отношении направления производства, не вносили ничего особенно нового.

Земледельческое хозяйство мелкого производителя существовало все же ради удовлетворения своих собственных потребностей, имело целью, главным образом, эти потребности, ради удовлетворения их брало землю, шло в земельную кабалу, уплачивало ренту. Оно являлось, следовательно, чистым семейным, «домашним производством» этого сельского населения совершенно точно так же, как в ту же форму «домашнего производства» вылились и первые зачатки обрабатывающей промышленности. Та доля прибавочного труда и продукта, которую приходилось уделять из этого домашнего производства и от личного удовлетворения потребностей в пользу собственника земли, была, в общем, невелика и не нарушала этого характера самостоятельности земледельческого домашнего производства. Но все же именно в этой необходимости отчуждения некоторой доли прибавочного продукта в руки одного привилегированного класса лежал зачаток разрушения самостоятельности натурального строя и всей дальнейшей аграрной и вообще экономической эволюции.

Как ни мала была степень эксплуатации не владевшего землей населения, как ни была относительно мала доля прибавочного продукта, присвоенного землевладельцами, все же общая масса этого прибавочного продукта, валовой доход землевладельцев были, по тогдашнему времени, велики. Сила же впечатления и влияния этого накопления была еще более значительна сообразно характеру общих экономических условий того времени, общему невысокому уровню экономического развития.

Сосредоточение в руках одного класса больших количеств прибавочного продукта являлось фактором, громадным по важности и значению даже не только в экономическом, но и в политическом отношении. Конечно, оно не могло бы иметь большого значения, пока этот продукт накаплился только в натуральной форме и пока междухозяйственный обмен вообще отсутствовал. Но именно само это накопление и постоянное увеличение количества прибавочного продукта в руках одного класса явилось требованием и побудительным мотивом как к развитию обмена, так и к развитию вообще денежного хозяйства. А с тех пор, как в хозяйстве стали развиваться денежные отношения и прибавочный продукт стал получаться в денежной форме, препятствия к накоплению его исчезли. Превратившись сам в капитал, он превратил прежнего привилегированного землевладельца из рентьера, получавшего от своих земель лишь обеспечение своего существования, из «собирателя земли» — в собирателя капитала.

С этих пор должно было исчезнуть и то единство потребностей мелкого земледельческого предпринимателя и крупного землевладельца, которое защищало первого от необходимости сношений с рынком ради реализации прибавочного продукта, уплачиваемого землевладельцу. При расширении личных потребностей владельческих классов и при расхождении их с потребностями мелкого земледельческого производителя, с сохранением в то же время тех отношений зависимости последнего от первых, которые выливались в форму арендных отношений, должно было постепенно изменяться и самое направление земледельческого производства. Земледельческое хозяйство мелкого производителя-крестьянина должно было постепенно все более работать на рынок, чтобы на нем реализовать свой продукт в форму всеобщего эквивалента, денег, для уплаты их землевладельцу. Конечно, для возможности такой реализации на рынке и для самого возникновения рынка для земледельческих продуктов необходимы были общие соответствующие условия; но ход экономического развития и создает именно такие условия.

Первые шаги накопления капитала и эксплуатации им земледельческого населения проявились, как мы видели, и в России точно так же, как повидимому и в других странах — в форме накопления земледельческого рента, превращения их в торговый капитал и в форме торговой эксплуатации земледельческого хозяйства, сохранявшего еще долго многие черты натурального строя. По условиям народной жизни, по преобладанию в ней земледельческого населения и производства, торговый капитал для своего оборота и роста мог воспользоваться продуктами только именно этого земледельческого производства. Земледельческое крестьянское производство, которое раньше всегда носило характер «домашнего производства», т.-е. служило на первом месте удовлетворению личных потребностей крестьянской семьи, под воздействием торгового капитала начинает модифицироваться гораздо более усиленно, чем прежде. Пока крестьянин стоял только в отношениях арендатора к землевладельцу, его хозяйство могло почти всецело сохранять свой самодовлеющий характер. Теперь же, под влиянием рынка и подчинения торговому капиталу, разложение его натуральных основ пошло гораздо быстрее.

Как и всякая вообще мелкая промышленность, так и крестьянская земледельческая промышленность могла лишь до тех пор сохранять свой самостоятельный характер «народного производства», пока она работала на близкий, местный и небольшой рынок, пока сохранялась возможность

непосредственного и самостоятельного общения производителя с этим рынком, наподобие отношения к рынку ремесленного производителя. Но, как только появилась необходимость работать не для собственного потребления, а массовый продукт для обширного рынка, то сферой обращения должен был завладеть капиталист-посредник, торговый капитал, и все земледельческое хозяйство подпало под его влияние.

Правда, этот торговый капитал вначале должен был оставлять совершенно нетронутым самый производительный процесс. С одной стороны, для самого земледельческого хозяйства необходима была реализации на рынке своего продукта и подчинения торговому капиталу ограничивалась лишь той небольшою долею, которая, как прибавочный продукт, шла в руки землевладельческих классов, в виде рент, или государству, в виде податей. С другой стороны, сам торговый капитал интересовался лишь торговой прибылью и не стремился преобразовать производство в смысле расширения области прибавочного труда и прибавочного продукта. Поэтому крестьянское земледельческое хозяйство, уже подчиненное в части своей воздействию торгового капитала и рынка, сохраняло в то же время в преобладающей степени свой прежний характер «домашнего производства»; оно стало лишь особой формой эксплуатации земледельческого производителя торговым капиталом, зачаточной и наименее развитой формой капиталистического земледельческого производства. Этот характер «домашнего производства» с подчинением его торговому капиталу, торговцу, как представителю капиталистического рынка, крестьянское земледельческое хозяйство в известной своей части сохранило и до сих пор.

Конечно, вместе с ходом экономического развития, в особенности в некоторой части наиболее крупных и экономически сильных хозяйств, должно было обнаружиться стремление и возможность иной организации производительного процесса. В крупном земледельческом хозяйстве, получавшем ренту со своих докапиталистических фермеров, уже одно возникновение рынка должно было породить это стремление к новой организации производства. У земледельческих классов, не бывших до сих пор, в сущности, самостоятельными производителями, появляется теперь стремление к самостоятельному земледельческому предпринимательству. А это стремление ведет, в свою очередь, к необходимости повышения производительности земледельческого труда, к прикреплению ради этого свободных до тех пор земледельцев-арендаторов к земле, к возникновению крепостного права с целью достижения наивысшей производительности и наивысшей эксплуатации этого крепостного труда. Все это являлось лишь последовательными звеньями той непрерывной цепи, начало которой лежало в открывшейся, благодаря хозяйственной дифференциации и возникновению рынка, возможности накопления.

Мы видели, что первые шаги завоевания земледельческой промышленности капиталистическим предпринимательством были сделаны даже еще задолго до разрушения общих некапиталистических условий, до падения, напим., крепостного труда. Поэтому-то они и были обречены на неудачу. Но, конечно, с изменением этих общих условий, с возникновением более благоприятной к тому общей обстановки, и в земледельческом хозяйстве начинает отмечаться тот же процесс капитализации, как и в других областях промышленной жизни. Это развитие капиталистического предпринимательства, капиталистический процесс в земледельческом хозяйстве, проходит здесь, быть может, даже в более сложных формах и ведет к более глубоким переменам всего хозяйственного и общественного строя, чем капитализация других отраслей народного хозяйства, так как затрагивает и разрушает более глубокие и исторически более прочные основы современного хозяйственного строя. С другой стороны, этот земледельческий производительный капитализм, раз возникнув, но встречая на своем пути некапиталистическое

«домашнее» земледельческое производство, с подчинением его торговому капиталу, по необходимости вступает с ним в экономическое состязание.

Этой борьбой капиталистического земледельческого хозяйства с некапиталистическим домашним крестьянским производством, борьбой «земледельческой фабрики» с «земледельческим кустарем» и характеризуется настоящее положение русской земледельческой промышленности. Как процесс возникновения и развития производительного капитализма в земледелии, так и эта борьба капиталистического и некапиталистического хозяйства происходит в таких сложных формах и с такими сложными результатами и последствиями, что требует особого рассмотрения. Здесь нашей целью было пока другое: наметить лишь первоначальную и подготовительную стадию развития земледельческого капитализма, ту стадию, которая после разрушения натуральных основ земледельческого хозяйства и с возникновением работы на рынок выражается в подчинении некапиталистического земледельческого хозяйства, в его отношениях к рынку, торговому капиталу.

По аналогии с системами обрабатывающей промышленности, эту стадию можно назвать домашней системой производства, системой производства на скупщика. Эта система производства и в обрабатывающей промышленности России, как известно, имеет крупное распространение и значение. Для русского же сельского хозяйства она имеет не преобладающее даже, а решающее значение, именно благодаря тому, что в сельском хозяйстве, в громадной части его мелких крестьянских предприятий, еще далеко не созрели условия для развития производительного капитализма.

Если русская форма «системы производства на скупщика», наша кустарная промышленность, долгое время, почти до сих пор, успешно боролась с капиталистической системой производства, с фабрикой, то еще более продолжительной и упорной должна быть борьба некапиталистического земледельческого производства с капиталистическим. По сложившимся историческим условиям землевладения, в русском земледельческом хозяйстве преобладает мелкое крестьянское хозяйство. Сохраняя, благодаря сложному ряду экономических, общественных и социальных причин, свой несколько обособленный семейный характер, это крестьянское домашнее производство в сельском хозяйстве имеет еще более важное значение и влияние, чем кустарное производство в обрабатывающей промышленности. Всецело подчиненное рынку, работая исключительно на рынок, оно дает тон всему сельскохозяйственному рынку. Все те благоприятные условия, которые наблюдаются на рынке, зависят от преобладания на нем именно продукта мелкого крестьянского хозяйства с его некапиталистической организацией производства и с его полным подчинением капиталистическим условиям обращения. А так как на этом капиталистическом рынке обыкновенно происходит учет результатов и успешности всех вообще хозяйств, то преобладание некапиталистических форм крестьянской домашней земледельческой промышленности сказывается неблагоприятно не только на рынке, но и на самом производстве.

Современная экономика земледелия, так же как и экономика обрабатывающей промышленности, не знает так называемого мелкого самостоятельного народного производителя, если понимать под этою «самостоятельностью» как отсутствие какой бы то ни было эксплуатации этого производителя капиталом, так и отсутствие эксплуатации чужого труда этим производителем. Крестьянское земледельческое хозяйство, совершенно независимо от своих размеров, может обладать или капиталистической организацией производства, по крайней мере в зачатках ее, или должно представлять ту первоначальную форму и стадию развития капиталистического производства, которая характеризуется, как система домашней промышленности, как система производства на скупщика.

Выше было отмечено, какие экономические условия являются особенно благоприятствующими развитию этой системы земледельческой промышлен-

ности. В русском земледельческом хозяйстве, с его массой исторических пережитков и с недостаточным развитием вообще производительного капитализма, эта система является и по количеству и по значению своему преобладающей. Но, конечно, в той же народной жизни назревают и условия капитализации земледельческой промышленности, так же как и обрабатывающей; все более успешно развивается капиталистический процесс, идущий на смену прежним формам некапиталистического и домашнего производства.

Таблица I.

Годовой ход запасов хлебов на главных рынках и в элеваторах железных дорог в среднем за 1900—1906 гг.

по сведениям корреспондентов «Вестника Финансов».

В ТЫСЯЧАХ ПУДОВ.

	Январь.	Февраль.	Март.	Апрель.	Май.	Июнь.	Июль.	Август.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.
Портовые рынки.												
Пшеница	25557	18409	15861	12436	11030	8986	6789	6751	15258	22976	25051	23141
Рожь	6157	5084	4881	4352	3910	3058	3004	2916	4148	4983	5346	5253
Овес	6942	5823	5076	4749	3801	3121	2544	1742	2769	4973	5049	4934
Ячмень	8019	6449	5553	3772	3909	3134	2129	3402	6122	8077	8369	7537
Внутренние рынки.												
Пшеница	12516	10907	8879	6689	6763	9153	8525	6863	7671	11244	17486	14833
Рожь	2762	2509	2431	2479	2069	6419	2952	2126	1786	2128	3033	2817
Овес	2954	3150	3394	3608	4326	9731	2731	1711	1880	2065	2508	2442
Ячмень	132	113	94	97	87	84	67	71	79	110	126	130
Элеваторы и зернохранилища.												
Пшеница	1352	1335	1300	1179	1079	949	803	726	1029	1410	1411	1384
Рожь	1475	1354	1370	1425	1020	860	714	891	1324	1621	1760	1694
Овес	3014	3201	3121	3016	1799	1271	939	777	1724	2734	2796	3240
Ячмень	126	136	115	90	64	42	15	10	81	153	164	165
Итого:												
Пшеница	39445	30651	26040	20304	18872	19088	16117	14340	23958	35630	43949	39358
Рожь	10394	9047	8682	8256	6999	10337	6670	5933	7258	8732	10142	9764
Овес	12910	12174	11391	11373	9926	14126	6214	4230	6373	9172	10353	10616
Ячмень	8278	6698	5762	3959	4060	3260	2211	3483	6282	8310	8659	7832

Рынки: С.-Петербург, Ревель, Рига, Либава, Варшава, Воронеж, Киев, Елец, Львов, Москва, Рыбинск, Н.-Новгород, Казань, Чистополь, Верхнеднепровск, Саратов, Царицын, Оренбург, Таганрог, Геническ, Новоросси́йск, Ростов-на-Дону, Мариуполь, Бердянск, Феодосия, Одесса, Николаев. Железнодорожные элеваторы: Харьков-Николаевской, Рязанско-Уральской, Юго-Восточных, Московско-Казанской, Сызрано-Вяземской ж. д. Крупные городские элеваторы причисляются к городам.

Таблица II.

Перевозки хлебных грузов по всем (европейским и азиатским) железным дорогам по данным «Сводной статистики» (за исключением передач).

В ТЫСЯЧАХ ПУДОВ.

Г О Д Ы.	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овес.	М У К А.	
					Пшеничн.	Ржаная.
1890	131394	58596	28855	83235	47876	31583
1891	159881	82044	35479	78774	47195	27995
1892	113246	60345	35419	62789	49190	27390
1893	142474	55887	69343	95813	59844	37593
1894	166663	71388	83190	118238	72269	38544
1895	183100	94347	51792	103249	79481	47991
1896	194329	78847	40631	108945	81688	47264
1897	174773	65886	40564	82663	76488	40141
1898	188496	93262	52958	85132	83347	43070
1899	146422	89151	44134	104789	95746	47917
1900	161240	111542	31293	136449	111470	58388
1901	185827	100481	48401	126020	116505	55715
1902	237272	121297	69160	133814	127921	58230
1903 ¹	289646	110709	86073	122837	140335	68967
1904 ¹	291524	82600	75552	134527	143633	77977
1905 ¹	265898	99321	73829	163865	143315	68824

¹ По данным Министерства Путей Сообщения.

Таблица III.

**Перевозка хлебных грузов по водным путям Европейской России
по данным Министерства Путей Сообщения.**

В ТЫСЯЧАХ ПУДОВ.

Г О Д Ы.	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овес.	М У К А.	
					Пшеничн.	Ржаная.
1890.	48904	23204	6500	27369	8378	23974
1891.	51523	23962	8104	17091	7253	14062
1892.	37241	12413	10258	12281	7703	6693
1893.	54799	20566	18877	21846	11131	20711
1894.	70917	44953	26111	35075	14746	28801
1895.	80671	50111	23403	29400	16578	27599
1896.	79856	47179	16515	28812	17102	34578
1897.	87644	44426	20466	30051	22058	28028
1898.	82958	53862	23086	37501	18315	19576
1899.	60256	34225	16631	17156	22874	12874
1900.	65036	55448	11384	47391	21841	23246
1901.	75278	53259	14169	55270	29790	31737
1902.	67355	51180	19946	25127	31654	27786
1903.	104653	52242	34409	30510	36688	31711
1904.	124661	59124	37269	21579	42948	33593
1905.	127447	62998	26276	72955	38176	38594

Таблица IV.

Соотношение урожаев хлебов, железнодорожных и водных перевозок хлебных грузов в 63 губерниях Европейской России.

По «Урожайам» Центр. Стат. Комитета, «Сводной статистике» и данным Министерства Путей Сообщения.

В МИЛЛИОНАХ ПУДОВ.

Г О Д Ы.	Чистый сбор хлебов в 63 губерниях Европейской России.				Перевозки по железным дорогам и водным путям в 63 губерниях Европейской России.			
	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овес.	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овес.
1890 ¹	265,9	817,2	181,6	386,2	183,3	78,9	39,5	109,0
1891 ¹	201,1	556,9	151,3	276,8	191,9	95,9	41,9	94,0
1892 ¹	331,9	738,7	202,0	305,4	136,2	65,3	46,3	71,0
1893	627,1	938,7	396,2	526,2	189,3	74,1	85,5	115,7
1894	590,3	1126,1	310,9	529,7	222,3	113,6	106,6	151,1
1895	520,8	991,6	273,5	492,3	251,1	139,7	75,1	125,3
1896	493,8	961,6	263,3	494,8	254,7	123,4	56,0	134,5
1897	360,6	741,7	248,8	367,2	214,2	63,7	56,7	109,4
1898	562,9	879,9	337,6	398,9	220,6	125,6	68,3	110,5
1899	529,9	1132,8	229,9	639,9	184,7	115,6	55,5	115,7
1900	525,9	1162,0	248,1	549,2	199,2	144,1	41,1	175,3
1901	531,3	907,5	251,0	354,1	224,2	144,0	60,7	165,9
1902	792,8	1147,6	379,0	615,7	279,4	162,7	87,2	150,0
1903	771,7	1121,4	398,7	473,4	359,2	153,3	115,3	146,5
1904	882,6	1276,3	380,1	771,0	375,4	134,8	111,6	149,3

¹ Урожай хлебов только по 60 губерниям.

Годовой ход поступлений хлебов к 24 главным рынкам Европейской России в среднем за 1897—1904 гг.

по сведениям корреспондентов «Вестника Финансов».

В М И Л Л И О Н А Х П У Д О В.

	Январь.	Февраль.	Март.	Апрель.	Май.	Июнь.	Июль.	Август.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.
Портовые рынки.												
Пшеница	5,1	4,8	5,4	8,8	9,4	4,8	4,7	15,4	18,9	17,3	11,3	6,5
Рожь	2,1	1,9	2,8	4,4	4,6	3,5	3,3	5,2	5,9	6,3	3,6	2,3
Овес	4,6	3,6	3,6	3,0	3,8	2,6	1,5	2,4	4,0	4,7	4,7	4,9
Внутренние рынки.												
Пшеница	1,2	1,1	0,8	0,4	0,5	0,4	0,4	0,9	1,6	1,9	1,1	1,2
Рожь	1,4	1,4	1,4	0,5	0,9	0,6	0,7	1,3	1,8	1,2	1,1	1,1
Овес	3,6	3,4	3,1	1,9	2,1	1,6	1,4	2,7	3,5	3,1	2,9	3,1
Итого:												
Пшеница	6,3	5,9	6,2	9,2	9,9	5,2	5,1	16,3	20,5	19,2	12,4	7,7
Рожь	3,5	3,3	4,2	4,9	5,5	4,1	4,0	6,5	7,7	7,4	4,7	3,4
Овес	8,2	7,0	6,7	4,9	5,9	4,2	2,9	5,1	7,5	7,8	7,6	8,0

Портовые рынки: С.-Петербург, Ревель, Либава, Таганрог, Новороссийск, Ростов-на-Дону, Мариуполь, Бердянск, Феодосия, Николаев, Одесса. Внутренние рынки: Воронеж, Курск, Ливны, Моршанск, Москва, Варшава, Чистополь, Царицын, Верхнеднепровск, Мелитополь, Пенза, Щигры, Оренбург.

Таблица VI.

Отправления и прибытия хлеб
в среднем за
По данным «Сводной статистики»
в тысячах

ГУБЕРНИИ.	ОТПРАВЛЕНО.							П Р И Б Ы Л О.						
	Пшеница	Рожь.	Овес.	Ячмень.	Мука пше- ничная.	Мука ржа- ная.	Итого.	Пшеница.	Рожь.	Овес.	Ячмень.	Мука пше- ничная.	Мука ржа- ная.	Итого.
Бессарабская .	8132	2520	662	3386	1551	22	16273	1396	334	112	231	377	5	
Херсонская . .	25828	7839	1064	8938	4043	85	47797	31218	13518	3832	7857	1693	197	
Таврическая . .	5519	257	419	1404	1315	136	9051	7028	1109	1238	2641	1453	305	
Екатеринослав.	9320	2681	384	5426	5381	178	23371	5573	1298	1065	3438	2506	114	
Обл. Войска Дон.	14883	4011	317	4173	4374	103	27862	17756	7020	1612	4941	2189	115	
Кубанская . . .	13956	2048	970	6567	2615	27	26183	10046	2432	2011	8073	730	81	
Ставропольская	950	79	889	1877	66	1	3862	3	5	—	1	6	1	
Терская	1127	78	331	1617	999	23	4175	1816	91	75	131	362	21	
Подольская . .	6783	1825	794	941	3635	100	14078	562	35	271	125	38	6	
Киевская	9421	4157	1916	1295	4399	238	21426	2667	821	1138	406	1586	150	
Волынская . . .	1739	1888	239	183	2875	188	7112	1270	494	438	90	216	51	
Полтавская . .	6252	5644	4341	978	7599	258	25072	4702	238	148	103	453	12	
Харьковская . .	6380	1822	2388	1879	2967	200	15636	2425	303	583	281	1868	247	
Черниговская .	335	1889	6202	59	177	134	8796	398	464	52	23	1644	204	
Курская	2270	3647	8120	56	1920	810	16823	1540	294	187	94	577	84	
Орловская . . .	897	2884	7592	3	2169	860	14405	2615	1909	1215	75	1193	881	
Воронежская . .	5616	3719	2156	1186	3478	664	16818	3392	794	330	108	676	36	
Пензенская . . .	96	2247	3212	1	220	2882	8659	22	907	239	21	1189	70	
Тамбовская . . .	1241	15838	14166	69	481	7752	43247	3897	2190	1662	160	2060	255	
Тульская	306	3233	12895	10	1569	1598	19610	1953	705	790	32	1363	566	
Рязанская . . .	192	3691	8077	5	312	2850	15128	68	946	1749	20	1999	1085	
Симбирская . . .	782	1634	2151	3	1572	478	6619	1515	515	787	12	428	60	
Самарская . . .	17551	4663	1620	38	5362	545	29779	15821	2238	1127	68	2370	274	
Саратовская . .	11594	12895	7751	257	9590	6457	48545	8344	4380	2151	332	3156	325	
Казанская . . .	4	1	1	1025	27	95	81	1392	15	209	326	50	164	78

ных грузов по губерниям
1898—1902 гг.
Департамента железнодорожных дел.
пудов.

	Б О Л Е Е													
	ОТПРАВЛЕНО.							П Р И Б Ы Л О.						
Итого.	Пшеница.	Рожь.	Овес.	Ячмень.	Мука пше- ничная.	Мука ржа- ная.	Итого.	Пшеница.	Рожь.	Овес.	Ячмень.	Мука пше- ничная.	Мука ржа- ная.	Итого.
2455	6737	2186	549	3135	1173	18	13819	—	—	—	—	—	1	1
58316	4218	951	—	2218	2350	—	9738	9607	6631	2768	1138	—	112	20256
13773	55	—	—	—	39	—	94	1563	851	819	1237	177	169	4816
13994	4092	1659	32	2044	2876	85	10787	345	274	713	57	—	22	1410
33634	541	172	—	58	2185	33	2989	3414	3181	1295	826	—	45	8761
23373	4121	21	—	123	1885	—	6151	211	405	1041	1630	—	55	3343
16	947	74	889	1876	60	1	3846	—	—	—	—	—	—	—
2496	—	40	256	1485	687	10	2428	689	53	—	—	—	8	750
1038	6221	1790	590	816	3597	94	13107	—	—	66	—	—	—	66
6768	6754	3336	808	889	2815	88	14689	—	—	31	—	—	—	31
2559	469	1394	66	128	2659	137	4853	—	—	266	34	—	—	300
5656	1978	5405	4195	875	7146	246	19843	427	—	—	—	—	—	427
5706	3956	1519	1805	1598	1099	22	9999	—	—	—	—	—	69	69
2785	28	1425	6150	41	—	4	7648	90	—	—	5	1468	74	1637
2777	730	3353	7933	16	1342	728	14102	—	—	—	53	—	3	56
7888	—	1377	6378	—	976	188	8918	1718	402	—	72	—	209	2401
5337	2224	2925	1826	1078	2802	627	11481	—	—	—	—	—	—	—
2449	73	1873	2973	—	—	2812	7231	—	32	—	20	969	—	1021
10225	—	18648	12505	—	2120	7497	35768	2656	—	—	91	—	—	2747
5410	—	2755	12105	—	206	1032	16098	1627	228	—	23	—	—	1877
5868	127	2745	6355	—	—	1765	10992	3	—	27	15	1687	—	1731
3318	527	1122	1481	1	1143	418	4693	1260	3	117	10	—	—	1391
21898	2355	2426	759	7	2992	270	8809	625	—	265	37	—	—	927
18689	3417	8515	5600	36	6434	6132	30134	167	—	—	111	—	—	278
844	3	21	816	7	—	31	886	15	59	118	30	87	28	336

ГУБЕРНИИ.	О Т П Р А В Л Е Н О .							П Р И Б Ы Л О .						
	Пшеница.	Рожь.	Овес.	Ячмень.	Мука пше- ничная.	Мука ржа- ная.	Итого.	Пшеница.	Рожь.	Овес.	Ячмень.	Мука пше- ничная.	Мука ржа- ная.	Итого.
Нижегородская	2076	271	503	18	5287	251	8406	2109	78	358	20	648	41	
Астраханская	328	24	10	—	38	11	411	—	—	—	—	23	2	
Московская	27	93	869	16	822	516	2343	1545	189	18230	971	9056	7061	
Тверская	4	72	1018	3	1278	79	2451	2225	63	161	86	11634	450	
Калужская	21	15	21	1	30	13	100	16	761	550	28	1306	687	
Владимирская	—	116	777	—	110	133	1136	389	1178	1887	7	3319	1419	
Ярославская	1277	1915	6027	53	5892	2580	17744	987	131	262	77	973	136	
Костромская	56	345	342	54	839	348	1984	105	97	113	77	392	216	
Витебская	8	90	276	43	96	40	552	25	448	164	606	2287	850	
Виленская	9	197	195	40	49	155	646	244	1804	585	473	1196	156	
Смоленская	8	44	479	91	68	56	747	10	603	103	241	1752	509	
Ковенская	120	323	879	184	458	47	2008	568	723	151	160	343	79	
Гродненская	49	414	99	316	115	276	1270	260	730	962	261	1831	431	
Минская	92	743	302	724	105	133	2098	20	563	350	163	1383	203	
Могилевская	9	371	498	44	181	133	1236	4	158	25	93	680	90	
Лифляндская	159	274	147	1261	208	126	2175	2217	5689	2877	1996	2000	341	
Курляндская	267	226	1168	411	381	61	2515	1405	7023	17811	433	614	165	
Эстляндская	30	121	74	69	47	17	359	2581	4554	4449	305	464	125	
Псковская	—	25	187	5	36	37	290	3	474	166	65	866	532	
Новгородская	—	11	1081	1	225	77	1397	256	450	270	34	1709	1910	
Олонецкая	—	—	1	—	1	4	7	—	9	25	1	29	51	
С.-Петербургск.	3	140	584	17	378	297	1451	2634	6338	19232	1666	9146	8510	
Вологодская	22	9	82	2	51	59	225	417	185	149	34	1416	1131	
Архангельская	—	1	—	—	1	4	6	487	78	417	15	168	210	
Уфимская	1165	916	514	1	99	124	2820	534	438	519	30	1580	44	
Вятская	—	48	906	84	13	343	1393	4	310	54	22	422	5	
Пермская	536	466	2322	48	4752	403	8527	6562	590	4472	121	4668	619	
Оренбургская	13106	485	1590	67	3315	60	18623	603	101	256	32	24	8	
Привислинские губернии	1780	1651	1638	2120	2233	860	10281	4112	12028	8130	1991	9209	2280	

	Б О Л Е Е													
	О Т П Р А В Л Е Н О .							П Р И Б Ы Л О .						
Итого.	Пшеница.	Рожь.	Овес.	Ячмень.	Мука пше- ничная.	Мука ржа- ная.	Итого.	Пшеница.	Рожь.	Овес.	Ячмень.	Мука пше- ничная.	Мука ржа- ная.	Итого.
3254	325	204	211	6	463	215	5596	35	11	66	9	—	2	446
25	328	24	10	—	3	—	40	—	—	—	—	16	—	17
38757	—	—	—	—	—	—	—	1518	1891	17361	955	8234	6545	36418
5216	—	—	857	—	7	—	931	2221	567	—	83	430	374	3675
3347	17	—	—	—	—	—	17	12	746	530	27	1277	674	3264
8200	—	—	30	—	—	—	30	389	1062	1141	6	3209	1287	7094
2616	456	1783	5765	16	491	240	15342	166	—	—	41	—	8	315
1001	10	248	229	25	44	15	1090	59	—	—	48	—	1	108
4381	—	6	158	—	—	—	164	17	364	46	563	2191	811	3992
4458	—	—	—	—	—	2	23	235	1607	390	433	1146	23	3835
3218	6	—	377	—	—	—	383	8	559	—	150	1683	453	2854
2025	—	109	728	70	120	—	1028	450	510	—	46	5	32	1044
4476	—	83	—	126	—	—	209	212	398	86	72	1716	155	3416
2681	72	256	52	561	—	12	952	—	7	100	—	1278	81	1535
1050	6	214	473	—	—	61	753	1	—	—	50	499	18	567
15120	—	—	—	—	—	—	—	2058	5415	2730	735	1792	214	12945
27450	18	—	—	63	—	—	80	1155	6796	16642	85	233	101	25013
12480	—	—	—	—	—	—	—	2553	4433	4374	236	417	168	12122
2106	—	—	89	—	—	—	89	3	450	66	60	830	495	1903
4630	—	—	810	—	—	—	810	256	437	—	34	1484	1833	4043
115	—	—	—	—	—	—	—	—	9	25	—	28	46	109
47526	—	—	—	—	—	—	—	2598	6198	18648	1648	8769	8213	46075
3332	22	—	19	—	—	—	40	416	176	54	32	1365	1072	3115
1374	—	—	—	—	—	—	—	487	77	417	15	167	206	1368
3152	630	683	331	—	—	90	1735	—	205	335	35	1480	10	2065
818	—	27	851	63	—	339	1279	4	289	—	—	409	2	704
17030	—	171	—	—	297	—	468	6025	294	150	73	213	216	8972
1024	12503	394	1333	39	3291	52	17612	—	9	—	4	—	—	14
37751	—	—	—	363	—	—	363	2332	10378	6492	235	6976	1420	27833

**Вывоз хлебов по европейской границе и в торговле с Финляндией
за 1901—1905 гг.**

по «Обзорам внешней торговли».

В ТЫСЯЧАХ ПУДОВ.

	1901	1902	1903	1904	1905	В среднем за 1901—1905 гг.
По европейской границе.						
Пшеница	127960	175740	240773	261531	277840	216769
Рожь	77555	90075	77824	54618	55457	71106
Ячмень	66161	91025	133078	135964	125189	110283
Овес	76227	60756	55382	50453	124790	73622
Всех хлебов и муки	415623	521869	591753	576548	642612	549681
В торговле с Финляндией.						
Пшеница	12	2	0	3	9	5
Рожь	2376	3670	3324	3293	2035	2937
Ячмень	163	142	283	162	70	144
Овес	801	813	1825	928	976	1068
Всех хлебов и муки	15469	18112	20009	21849	14376	17963

Таблица VIII.

Чистый (за вычетом на посев) сбор хлебов в 50 губерниях Европейской России

на частновладельческих и крестьянских наделных землях.

По «Урожай» Центральной. Стат. Комитета. 1

В Т Ы С Я Ч А Х П У Д О В.

	1901		1902		1903		1904		1905	
	Крест. над.	Владел.	Крест. над.	Владел.	Крест. над.	Владел.	Крест. над.	Владел.	Крест. на т.	Владел.
Озимая рожь	574284	259105	704626	330179	696781	322512	812911	347892	510947	246008
» пшеница	560235	120264	65165	151434	58884	125678	54455	125123	60065	129011
Яровая рожь	3354	2010	4084	1544	4527	2178	5110	1366	4367	1532
» пшеница	131658	111068	261500	177890	269907	182373	333622	226737	242101	188178
Ячмень	122589	76085	202652	109277	199876	128676	211731	114775	182793	119636
Полба	2041	376	8743	1205	4124	805	21172	3313	12558	2176
Гречиха	20369	7513	46251	15810	23000	9501	30217	10938	23791	10782
Просо	53744	23143	108472	43347	64075	28650	45677	22875	46705	25891
Кукуруза	46825	45496	33150	27403	33247	27467	12953	14469	16088	17012
Горох	8670	5302	17476	11067	12023	9763	19143	15761	13191	8509
Чечевица	4614	1628	9392	3412	4742	2102	9652	3007	4226	1357
Бобы	930	1687	880	2385	788	2019	724	2070	570	1323
Итого продовольственных хлебов	1025103	653617	1462391	874453	1371994	841724	1557367	889186	1123402	751428
Овес	186474	119624	346984	211071	244787	172534	466977	264783	332944	182555

В среднем за пятилетие 1901—1905 гг.:

	Крестьянские наделные.		Владельческие.		Всего.	
Пшеница	306676	307601	614277	614277	614277	614277
Рожь	664198	302979	967177	967177	967177	967177
Всего продовольственных хлебов	1208047	802082	2110129	2110129	2110129	2110129
Овес	315633	190113	505746	505746	505746	505746

¹ Вследствие ошибок в сводных таблицах «Урожай», сравнительно с полуберскими общими итогами исправлены: для ячменя в 1902 г. на —104 т. п., для чечевицы в 1902 г. на +124 т. п., и для озимой пшеницы в 1904 г. на —34 т. п. Общий итог всех хлебов в среднем за пятилетие менее на 6 тыс. пуд.



Диаграмма I. Годовой ход запасовъ хлебовъ в милл. пудов. К таблиц I.

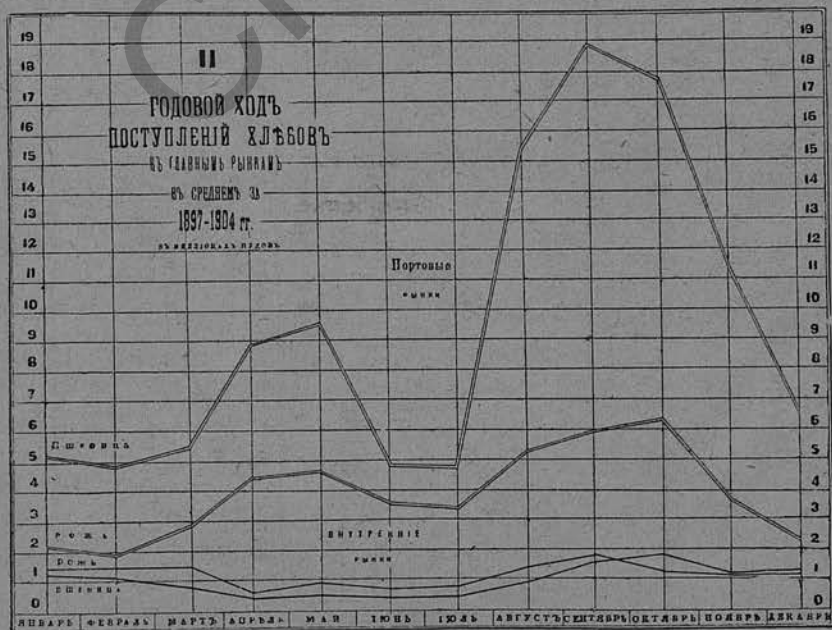


Диаграмма II. Годовой ход поступленийъ хлебовъ, в милл. пуд К таблиц V.

Главнейшая литература по экономической истории сельского крепостного хозяйства.

1. Экономический сельско-хозяйственный быт в древний период (до XIX века).

- Антонович. «Введение к актам о крестьянах». Арх. Ю.-З. России, ч. VI.
- Аристов, Н. Промышленность древней Руси. Спб. 1866.
- Багалей, Д. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М. 1887.
- Барсуков, А. «Докладная выпись 1613 г. о вотчинах и поместьях». Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1859, I.
- Беляев, И. «Законы и акты, устанавливавшие в древней Руси крепостное состояние». Архив истор. и практ. свед., кн. II. 1859.
- Беляев, И. Крестьяне на Руси. Изд. I. М. 1860, изд. II 1879, изд. III 1891.
- Беляев, И. «Несколько слов о земледелии в древней Руси». Врем. Общ. Истор. и древн. Росс., XXII.
- Бережков. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. Спб. 1879.
- Блюменфельд, Г. О формах землевладения в древней России. Одесса 1884.
- Богоявленский, С. «Некоторые статистические данные по истории русского города XVII в.». Труды Археогр. Ком. Моск. Арх. Об., I.
- Болотов, И. Наказ управителю или приказчику, каким образом ему править деревнями в небытность своего господина. Спб. 1770.
- Болтин, И. Примечание на истории древние и нынешние России г. Леклерка. Спб. 1788.
- Готье. Замосковский край в XVII в. М. 1906.
- Горчаков, М. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. синода. Спб. 1871.
- Дьяконов, М. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. В. I—II. Юр. 1895—97.
- Дьяконов, М. «К истории крестьянского прикрепления». Журн. Мин. Нар. Просв. 1893, VI.
- Дьяконов, М. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве. (XVI—XVII вв.). Спб. 1898.
- Забелин, И. «Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве». Вестн. Европы 1871, XI—XII.
- Кильбургер. Краткое известие о русской торговле, каким образом она производилась через всю Россию в 1774 г. Спб. 1820.
- Кириллов, И. Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий и пр. М. 1831.
- Ключевский. Боярская Дума древней Руси. М. 1883.
- Ключевский. «Подушная подать и отмена холопства в России». Рус. М. 1886, IX—X.
- Ключевский. «Происхождение крепостного права в России». Рус. М. 1885, VIII—X.
- Ключевский. Русский рубль XVI—XVIII в. в его отношении к нынешнему. М. 1894.
- Ключевский. «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае». Моск. Унив. Изв. 1866—67.
- Корсак, А. О формах промышленности. М. 1861.
- Костомаров. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII ст. и старинные земские соборы. Монограф., т. XIX.
- Костомаров. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII ст. Монограф., т. XX. Спб. 1889.
- Котошигин, Г. О России в царствование Алексея Михайловича. Спб. 1840.
- Лаппо, И. Тверской уезд в XVI веке. Его население и виды земельного владения. М. 1894.
- Лаппо-Данилевский. Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения России. Сборник «Крестьянский строй», в. I. Спб. 1905.

- Лаппо-Данилевский*. Организация прямого обложения в Московском государстве со времени смуты до эпохи преобразований. Спб. 1890.
- Лаппо-Данилевский*. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII ст. Спб. 1899.
- Лешков*. «Продовольствие древней Руси». Москвитянин, 1854, II—V.
- Михаиловский, И.* К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. I. Заселение и сельское хозяйство южной окраины в XVII в. М. 1894.
- Милоков, П.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великого. Изд. 2. Спб. 1905.
- Никитский, А.* «История экономического быта Великого Новгорода». Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1892.
- Огановский*. Закономерность аграрной эволюции, ч. I—II, 1909—11.
- Перетяткович*. Поволжье в XVI и XVII веках. М. 1877.
- Перетяткович*. Поволжье в XVII и начале XVIII в. Одесса 1882.
- Платонов*. «К истории городов и путей на южной окраине Москов. гос.». Журн. М. Нар. Пр. 1898, III.
- Победоносцев*. Исторические исследования и статьи. Спб. 1876.
- Посошков*. Сочинения. М. 1842.
- Родес-де*. «Размышления о русской торговле в 1653 году». Магаз. землед. и путеш., т. V. М. 1858.
- Рождественский, С.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. Спб. 1897.
- Рожков, Н.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М. 1899.
- Семевский, В.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. I. 2 изд. Спб. 1903, т. II. Спб. 1901.
- Семевский, В.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. 2 т. Спб. 1888.
- Семенов*. Библиотека иностранных писателей о России. Спб. 1836.
- Сергеевич, В.* Русские юридические древности, т. I—III. Спб. 1902—1903.
- Середонин*. «Известия англичан о России». Чтения Общ. Ист. и Древн. Росс. 1884, IV.
- Соколовский*. Очерк истории сельской общины на севере России. Спб. 1877.
- Соколовский*. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом. Спб. 1878.
- Устрялов*. Именитые люди Строгоновы. Спб. 1842.
- Флетчер*. О государстве русском. Спб. 1906.
- Хлебников*. Общество и государство в домонгольский период русской истории. Спб. 1872.
- Чечулин*. Города Московского государства в XVI в. Спб. 1889.
- Storch, H.* Historisch statistische Gemälde des Russischen Reiches am Ende des 18 Jahrhunderts. 8 Th. und Supp. Riga-Leipzig 1797—803 (часть вторая).
- Щербатов, М., князь*. Сочинения, т. I. (Статистика в рассуждении России. Рассуждение о нынешнем в 1787 г. почти повсеместном голоде в России. Состояние России в рассуждении денег и хлеба в начале 1788 г.). Спб. 1896.

2. Крепостная экономика и статистика XIX века.

- Аксентьев*. Очерк сельско-хозяйственной промышленности Новороссийского края. М. 1850.
- Андросов*. Хозяйственная статистика России. М. 1827.
- Арсеньев, Е.* Начертание статистики Российского государства, ч. I—II. Спб. 1819.
- Арсеньев, К.* Обзорение физического состояния России и выгод, оттого происходящих для народных промыслов, ныне существующих. Спб. 1818.
- Арсеньев, К.* Статистические очерки России. Спб. 1848.
- Афросимов*. «Опыт оценки работ в дворянских поместьях». Земл. Журн. 1834. XX.
- Бажаев*. Крестьянское травопольное хозяйство в нечерноземной полосе Европейской России. М. 1900.
- Б. И. П.* Записки дилетанта в земледелии, промышленности и торговле. Спб. 1861.
- Бланк*. «Русский помещичий крестьянин». Тр. В. Э. О. 1845.
- Бунин, Н.* Мысли о русском хозяйстве и о некоторых причинах дешевизны сельских произведений нашего земледелия, с учетом земледельческих работ при возделывании разных хлебов на черноземной почве. М. 1832.
- Бутковский, А.* Опыт о народном богатстве. Спб. 1847.
- Веселовский, К.* Обзорение успехов науки сельского хозяйства в России за последнее трехлетие. Спб. 1842.
- Веселовский, К.* «О ценах на хлеб в России». Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1845. XV.
- Веневский уезд в географическом, земледельческом и вообще промышленном отношениях. М. 1852.

- Вешняков, В. Крестьяне-собственники в России. Историко-статистический очерк. Спб. 1858.
- Вилькинс. Мысли и наблюдения о положении земледельческой промышленности. М. 1843.
- Вилькинс. Что нужно помещику издельному крестьянину для безбедного содержания себя в нечерноземных губерниях? М. 1832.
- Вирст, Ф. Рассуждение о некоторых предметах законодательства и управления финансами и коммерцией Российской империи. Спб. 1807.
- Волконский. «Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве». Труды Ряз. Учен. Арх. Ком. 1897 г., т. XII, в. II—III.
- Вольский. Очерк истории хлебной торговли Новороссийского края с древнейших времен до 1852 г. Одесса 1854.
- Вольф. «Наказ управляющему». Тр. В. Э. О., VII.
- Вонлярарский. Руководство по управлению имениями. Спб. 1840.
- Harthausen, A. Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ändlichen Einrichtungen Russlands. 3 Th Hann. 1847—52. Рус. сокр. перев., т. I. М. 1870.
- Горизонтов. Хозяйственно-статистическое описание Пензенского у. Спб. 1859.
- Горлов. Обзорение экономической статистики России. Спб. 1849.
- Горайнов, А. Взгляд на естественные и нравственные производительные силы России. Спб. 1858.
- Грузинов. «Быт крестьян Тамбовской губ.». Журн. Землевд., 1858, II.
- Гулишамбаров. Итоги торговли и промышленности России в царствование императора Николая I. Спб. 1896.
- Демчинский, П. Не даром жил. Записки многих наблюдений, с присовокуплением сведений из некоторых журналов, составляющих общий интерес как для сельских хозяев, так равно промышленников, торговли нашей и всех классов и сословий по интересам всех нововведений и по постройке железных дорог. Спб. 1858.
- Дубасов. Очерки из истории тамбовского края. Тамбов 1897.
- Егунов. «О средних ценах на главные жизненные потребности в России за последнее пятилетие». Отеч. Зап. 1852, X—XII.
- Егунов. О ценах на хлеб в России. М. 1855.
- Елагин, И. Д. с. с. и член дворцовой канцелярии. «Проект об определении в неотъемлемое владение дворцовым крестьянам земли и о раздаче казенных деревень за известную плату на временное владение вольным содержателям». Журн. Землевд. 1859, XXI—XXII.
- Ефименко, А. Исследование народной жизни. В. I. М. 1884.
- Желтухин. «Попытка к соглашению». Журн. Землевд. 1859, II.
- Жуков. Руководство отчетливо, успешно и выгодно заниматься русским сельским хозяйством. М. 1848.
- Заблоцкий, А. «Причины колебания цен на хлеб в России». Отеч. Зап. 1847, LI.
- Заблоцкий, А. «Сравнительное обозрение внешней торговли России за последние 25 лет». Сборн. стат. свед. о России, кн. I. Спб. 1851.
- Заблоцкий-Десятковский, А. Граф П. Д. Киселев и его время. 4 т. (т. II, приложение, записка «О крепостном состоянии в России»). Спб. 1882.
- Зябловский, Е. Российская статистика, ч. I—II. Спб. 1832.
- Зябловский, Е. Статистическое описание Российской империи. Спб. 1808.
- Иванов, И. Падение крепостного права в России. Спб. 1903.
- Игнатович, И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Спб. 1902.
- «Инструкция титулярному советнику Андрею Шестакову, каким образом поступать в собственной ее императ. величества вотчине, в селе Бобрниках с деревнями». Журн. Землевд., 1859, XXIII.
- Карзин. Опыт сельского устава для помещичьего имения, состоящего на оброке. Спб. 1819.
- Карпович. Хозяйственные опыты тридцатилетней практики, или наставление для управления имениями. Спб. 1837.
- Keussler, I. Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland. Th. I, Riga 1876. Th. II—III, S.-Pt. 1882—87.
- Кисловский. «Очерк доходности сельского хозяйства при свободном труде». Сельск. Хоз., 1858.
- Кишкин, М. «Данные и предположения об улучшении быта крестьян в Кирсановском у., Тамбовской губ.». Сельск. Благоустр. 1858, IV.
- Кишкин, М. О земледелии, скотоводстве и сельских промыслах в Кирсановском уезде. М. 1860.
- Леопольдов, А. Статистическое описание Саратовской губ. Спб. 1839.
- Лоде, Э. Хозяйственное обозрение Вологодской губ. Спб. 1843.
- Лодыженский, Е. Русский помещик. Спб. 1856.
- Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства Госуд. Имущ. В. I—VI. Спб. 1858—71.
- Материалы для хозяйственной статистики России, издаваемые И. В. Э. О. Кн. I. Спб. 1853.

- Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами главного штаба. По отдельным губерниям. Спб. 1861—68.
- Материалы по вопросу об обеспечении народного продовольствия. Часть I—II. Спб. 1859—60.
- Материалы редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Первое издание. Ч. I—XVIII. Спб. 1859—60. Второе издание, т. I—III. Спб. 1859—60.
- Материалы хозяйственно-статистические, собираемые комиссиями и отрядами по уравниванию денежных сборов с государственных крестьян. В. I—II. Спб. 1857.
- Милуков, П. Очерки из истории русской культуры. В. I, изд. 4. Спб. 1900.
- М. М. «Приложение наемного труда к хозяйствам северной полосы России». Журн. Землевл. 1859, XXI.
- Мысли об усовершенствовании быта поселян-хлебопашцев. Спб. 1837 (анон.).
- Начальные основания русского сельского хозяйства, соответствующие настоящему положению недвижимых имений. М. 1837. (анон.).
- Небольсин, Г. Статистическое обозрение внешней торговли России. 2 т. Спб. 1850.
- Никольский. Хозяйственное описание Балаховского у., Саратовской губ. Спб. 1855.
- Новиков. Материалы для земледельческой статистики Оренбургской губ. (1859?).
- Новый опытный сельский управитель, приказчик и эконо, или самонужнейшие и обстоятельные наставления об управлении деревнями, крестьянами, земледелием, пчеловодством, скотоводством, птицеводством и огородными работами. М. 1825.
- Н. П. «О торговле хлебом во внутренних губерниях России». Отеч. Зап. 1840, VIII.
- Обзор действий Департамента сельск. хозяйства с 1844-45 гг. Спб. 1850.
- Обозрение сельского хозяйства удельных имений в 1832 и 1833 гг. Спб. 1836.
- Оболенский. Исторический сборник. Спб. 1859. Собрание инструкций по сельскому устройству и администрации.
- Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европ. России, изд. Деп. сельск. хоз. Изд. I, Спб. 1851. Изд. II, Спб. 1854. Изд. III, Спб. 1857. Изд. IV, сост. И. Вильсон. Спб. 1869.
- «О задолженности землевладения в связи с статистическими данными о притоке капиталов к помещному землевладению со времени освобождения крестьян». Вр. Центр. Стат. Ком. № 2. Спб. 1888.
- Оржицкий. «Об устройстве оброчного имения». Журн. Землевл. 1858, I.
- Островский, П. Сельско-хозяйственное, статистическое описание Ростовского, Угличского и Романовоборисоглебского у., Ярославской губ. Спб. 1860.
- Ответ русского гражданина на вопрос: полезно ли заводить в России и распространять мануфактуры или лучше предоставить пространному сему государству обогащать себя земледелием, то-есть первыми произведениями земли, хлебом, пенькою, льном и прочее. М. 1815 (анон.).
- Павлов, П. Очерк сравнительной хозяйственной статистики России. Спб. 1869.
- П-в, П. «Хлебные избытки и народное продовольствие». Отеч. Зап. 1879, III.
- Пелликовский, В. О состоянии промышленных сил России до 1832 г. Спб. 1833.
- Пензенский помещик. «Письма пензенского помещика». Журн. Землевл. 1858, т. II.
- Плуг и соха, писанное степным дворянином. Отцы наши не глупей нас были. М. 1806.
- Повалишин. Рязанские помещики и их крепостные. Рязань 1903.
- Поздунин. Об оброчных работниках или совершенно новом образе взимания помещичьих повинностей. М. 1845.
- Протопопов. «О хлебной торговле в России». Журн. Минист. Госуд. Имущ. Спб. 1842, V.
- Reden. Das Kaiserthum Russland. Berlin 1843.
- Русский земледелец. Крестьянская правда о мелкой поземельной собственности. Спб. 1860.
- Сабуров. «Влияние земледелия на государственное богатство с русской точки зрения». Журн. Землевл. 1858, IX.
- Сабуров. «Записки пензенского помещика о теории и практике сельского хозяйства». Отеч. Зап. 1842—43 гг., XXI—XXVI.
- Сабуров, И. Хозяйственно-статистическая программа для описания состава, производительной силы и различных принадлежностей русских дворянских имений. М. 1858.
- Сабуров, Я. «Промышленный быт помещиков сельских хозяев в многоземельных губерниях». Отеч. Зап. 1841.
- Самарин, Ю. Сочинения, т. I—II. М. 1877—78. (Т. II. Записка о крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе).
- Семенов, А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия до 1858 г. 3 т. Спб. 1856.
- Семенов, Н. Освобождение крестьян в царствование Александра II. 3 т. Спб. 1889—93.

Сердобский помещик. «Об улучшении быта помещичьих крестьян в Сердобском уезде». Архив. истор. и практ. свед., кн. I. Спб. 1859.

Скалковский, А. Опыт статистического описания Новороссийского края. 2 т. Одесса 1850—53.

Скребицкий. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Материалы для истории освобождения крестьян. По официальным источникам. 4 тома в 5 ч. Бонн на Рейне. 1862—63.

Смирнов, Ф. «К вопросу об улучшении быта помещичьих крестьян». Отеч. Зап. 1858, VI.

Снегневский. «Крепостные крестьяне Нижегородской губернии накануне реформы 19 февраля». Действ. Нижегород. Уч. Арх. Ком., т. 3. Н.-Н. 1898.

Соловьев. Сельско-хозяйственная статистика Саратовской губ. М. 1855.

Сравнение поселения о пользе фабрик и заводов с пользою земледелия в России. Спб. 1816 (анон.).

Стремоухов. «Описание хозяйственного распорядка, основанного на общественном или соединенном хозяйстве». Землед. Журн. 1829, XXV.

Струве, П. Крепостная статистика. Спб. 1901 (Научн. Обзор. 1901).

Струве, П. «Основные моменты в развитии крепостного хозяйства в России XIX в.». Мир Божий, 1899, X—XII и отдельно «Крепостное хозяйство». М. 1913.

Струве, П. «Попытки артельной организации крепостных крестьян». Нач. 1899, I—II.

Сумароков, П. «Несколько мыслей об улучшении быта крестьян». Русск. Вестн. 1858, VI.

Тарасенко-Отрешков, Н. Беседы с землевладельцами и торговцами. Спб. 1858.

Теплоборский, П. О производительных силах России. Часть I. М. 1855—57. Часть II. Спб. 1858.

Тройницкий, А. Крепостное население России по 10-ой народной переписи. Спб. 1861.

Туган-Барановский, М. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т. I. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. Спб. 1898.

Турчинович, О. История сельского хозяйства России. Спб. 1854.

Тэер, А. Основания рационального сельского хозяйства, перевод С. А. Маслова, с предисловием и примечаниями Н. Н. Муравьева и Е. Крюда. 3 т. М. 1830.

Фомин, А. О понижении цен на земледельческие произведения в России, сочинение в ответ на опубликованную императорской академией наук 29 декабря 1826 года задачу по политической экономии. Спб. 1829.

Фундуклей, И. Статистическое описание Киевской губ. 3 т. Киев 1852.

Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. Спб. 1809.

Хозяйственное описание Пермской губ. Ч. I—II. Пермь 1804.

Черемисинова, помещика Ковровской волости, дер. Елохова, приказ старосте Егору Васильеву и всему миру. Арх. истор. и практ. свед., изд. *Калачовым*, кн. III. 1859.

Черемшанский, В. Описание Оренбургской губ. в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа 1859.

Чернов, С. Статистическое описание Московской губ. М. 1811.

Чичерин. «О настоящем и будущем положении помещичьих крестьян». Атеней. 1858, VIII.

Чугунов. Исторический обзор мероприятий правительства к развитию земледелия в России. Казань 1858.

Шатилов. «Несколько слов о годовом заработке крестьянского тягла». Русск. Вестн. 1858, VI.

Шевитков. «О двух главных способах к лучшему деревеням управлению». Тр. Вольн. Эк. Общ. LXII.

Шелехов, Д. «О вольнонаемном труде». Библи. для чтения, 1838, VII.

Шелехов, Д. О настоящем положении сельского хозяйства в России и о причинах прошлых годовных неурожаев. Спб. 1841.

Шелехов, Д. «О пользе и средствах улучшения в русском сельском хозяйстве». Библи. для чтения, 1838, IV.

Шишков. «Оброк и барщина». Зап. Лебедянск. Общ. сельск. хоз. 1857, I.

Schnitzler. Essai d'une statistique générale de l'empire de Russie. Paris. 1829.

Щеглов. О пользе соединения с земледелием мануфактурной и заводской промышленности. Спб. 1829.

Энгельман. История крепостного права в России. М. 1900.

ТОГО ЖЕ АВТОРА

Отдельные издания.

Мобилизация землевладения в России и его статистика. М. 1905. 48 стр.

Мукомольная промышленность России и иностранные потребительные рынки. 2-е изд. Птг. 1910. 131 стр.

Кооперативный кредит и его значение в реализации урожая. Птг. 1910.

Хлебные тарифы и жел.-дор. перевозки. Птг. 1910. 25 стр.

Последний секретный комитет по крестьянскому делу. По док. Арх. Гос. Сов. Птг. 1911. 56 стр.

Хлебная торговля на внутренних рынках Европ. России. Птг. 1912. XI + 656 стр.

Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика. Ч. I. Птг. 1913. 724 стр.

Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии. Птг. 1915. 293.

Экономические причины и условия современной войны. Томск 1915.

Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика. Ч. II. Томск. 1917. 146 стр.

Юго-Восточный статист. сборник. Рост. 1918. 94 стр.

Экономические районы Юго-Востока. Рост. 1918. 103 стр.

Кредитные кооперативы Ю.-В. Рост. 1920. 30 стр.

Промышленные предприятия Ю.-В. Рост. 1920. 28 стр.

Экономическое районирование Ю.-В. Сборник статей в трудах Ю.-В. плановой комиссии. Рост. 1922.

А. Смит. Сокращ. перевод со вступительной статьей. Птг. 1923. Изд. «Прибой».

История эконом. учений (печатается). Изд. «Прибой».

Оставшиеся в продаже экземпляры имеются на складе издательства «Прибой»
